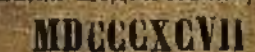
И. Н. Божеряновъ

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦЕВИЧЪ КАНКРИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ и ДВАДЦАТИЛѢТНЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ ФИНАНСОВЪ

Изданіе графа И. В. Канкрина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза"
Большая Подъяческая, № 39

MDCCCXCVII

ГРАФЪ

ЕГОРЪ ФРАНЦЕВИЧЪ КАНКРИНЪ

1774—1845

Техническая сторона печатанія настоящаго изданія произведена подъ непосредственнымъ руководствомъ, директора типографіи «Общественная Польза» В. И. ВИШНЯКОВА.

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦЕВИЧЪ КАНКРИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ И ДВАДЦАТИЛѢТНЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ ФИНАНСОВЪ

СОСТАВИЛЪ
И. Н. Божеряновъ

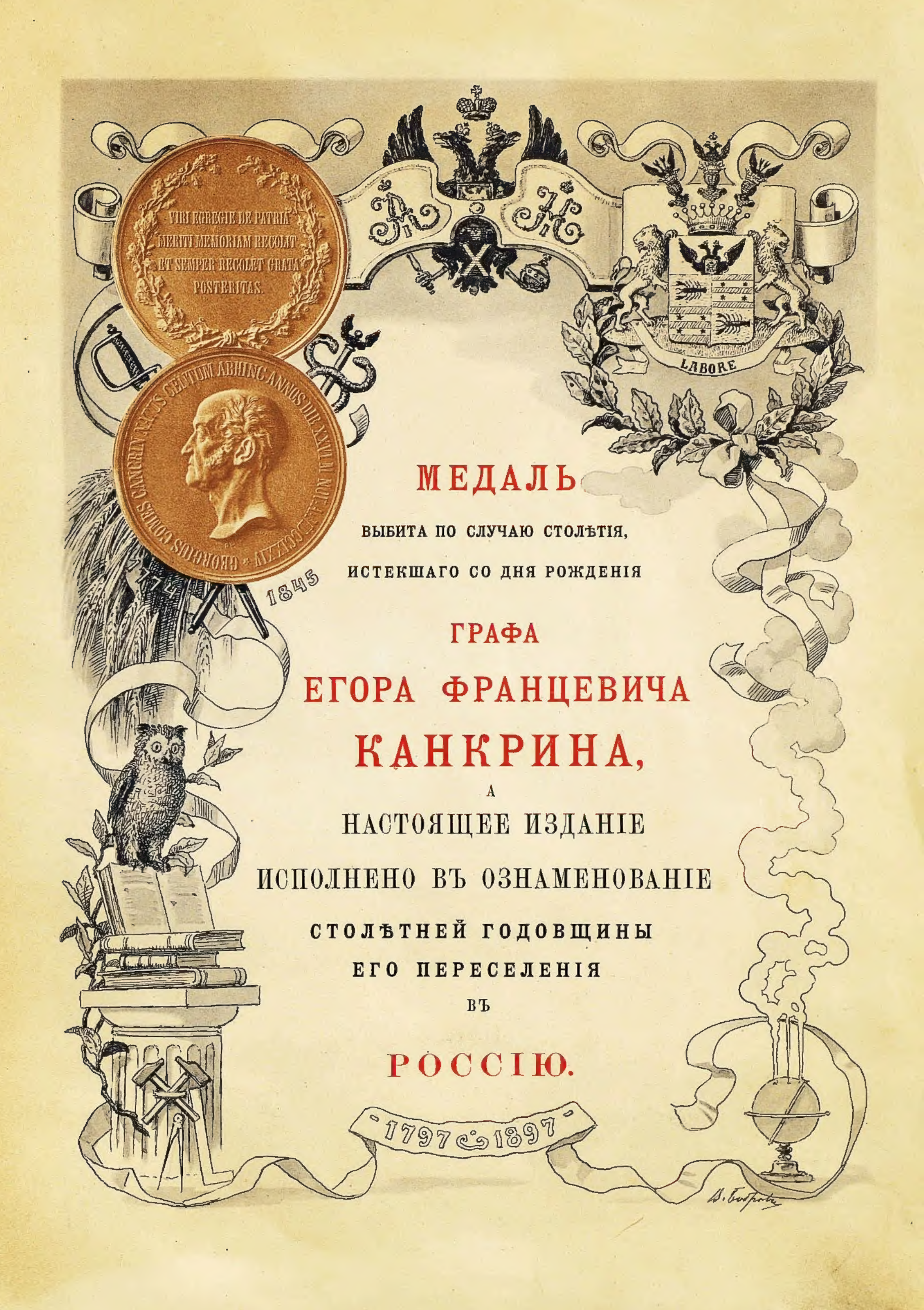
Изданіе графа И. В. Канкрина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

MDCCCXCVII

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1897 года.

МЕДАЛЬ

выбита по случаю столѣтія,

истекшаго со дня рожденія

ГРАФА

ЕГОРА ФРАНЦЕВИЧА

КАНКРИНА,

а

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНІЕ

ИСПОЛНЕНО ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ

столѣтней годовщины

его переселенія

въ

РОССІЮ.

„Нельзя не любить корней прошлаго въ цвѣтѣ настоящаго“.

М. Н. Катковъ.

ОНЪ.

(Стихотвореніе В. Г. Бенедиктова).

Я помню: былъ старикъ — высокій, худощавый;
Ликъ блѣдный; сводъ чела разумно-величавый,
Весь лысый; на вискахъ сѣдыхъ волосъ клочки;
Глаза подъ зонтикомъ и темныя очки.
Правительственный санъ! Огромныя заботы!
Согбенъ подъ колесомъ полезной всѣмъ работы,
Угодничества чуждъ — онъ былъ во весь свой вѣкъ
Совѣтный мужъ вездѣ и всюду — человѣкъ; —
Всегда доступенъ всѣмъ для нуждъ, и просьбъ и жалобъ,
Выслушиваетъ всѣхъ, очки подниметъ на лобъ,
И видится, какъ мысль бьетъ въ видѣ двухъ лучей
Изъ синихъ наискось приподнятыхъ очей: —
Инаго ободритъ улыбкою привѣта,
Другому, ждущему на свой вопросъ отвѣта,
На иностранный ладъ слова произнося,
Спокойно говоритъ: «нѣтъ, батушка, нельзя»
Народнымъ голосомъ и милостью престольной,
Увѣнчанный старикъ, подъ шляпой треугольной,
Въ шинели сѣренькой, надѣтой въ рукава,
Въ прогулкѣ утренней протащится сперва —
И, возвращается въ свой кабинетъ рабочій,
Гдѣ трудъ его кипитъ съ утра до поздней ночи.
Угодно-ль заглянуть вамъ въ этотъ кабинетъ?
Здѣсь нѣту роскоши, удобствъ излишнихъ нѣтъ;
Все дышетъ простотой студентской кельи скромной;
Чтобъ слабыхъ глазъ его свѣтъ лишній не терзалъ,
Большой картонный листъ бичевкой привязалъ;
Тутъ — груды книгъ, бумагъ, а тутъ запасъ дешевыхъ
Неслидовскихъ сигаръ и трубокъ тростниковыхъ
Линейки, циркули; а дальше—на полу

Различныхъ свертковъ рядъ, уставленный въ углу:
Тамъ планы, чертежи, таблицы, счеты, смѣты;
Здѣсь — письменный приборъ. Вотъ всѣ почти предметы!
И посреди всего — онъ самъ, едва живой,
Онъ — пара тощихъ ногъ съ могучей головой!
Крестъ-на-крестъ двѣ руки, двухъ мѣткихъ глазъ оглядка —
Да тонко — сжатыхъ губъ изогнутая складка —
Вотъ все! — Но онъ — тутъ — вождь; онъ тутъ душа всего,
А тамъ орудія и армія его:
Вокругъ него кишатъ и движутся, какъ тѣни,
Директора, главы различныхъ отдѣленій,
Вице-начальники, свѣтила разныхъ мѣстъ,
Навыйные кресты и сотни лентъ и звѣздъ;
Тѣ въ дѣлѣ ужъ подъ нимъ, а тѣ на изготовкѣ;
Тѣ перьями скрипятъ и пишутъ по диктовкѣ;
А онъ, по комнатѣ печатая свой шагъ,
Проходитъ, несмотря на бренный складъ бумагъ,
Съ сигарою въ зубахъ, въ исканьи цѣлей важныхъ,
Думъ нечернильныхъ полнъ и мыслей небумажныхъ.—
Вдругъ — «боленъ» говорятъ, «подагрой пораженъ» —
И подчиненный міръ въ унынье погруженъ;
Собрались по-утру въ пріемной: словно рокотъ
Смягченныхъ волнъ морскихъ — вопросы, шопотъ:
«Что-какъ? — Не лучше-ли? — Недоспанныхъ ночей
«Послѣдствіе! — Упрямъ! Не слушаетъ врачей.
«Онъ всѣмъ необходимъ; самъ Царь его такъ цѣнитъ!
«Что если онъ... того!... ну кто его замѣнитъ?

Настоящее стихотвореніе помѣщено въ III-мъ томѣ «Полнаго собранія стихотвореній В. Г. Бенедиктова», изданныхъ, въ 1865 году, подъ редакціею Я. П. Полонскаго. Бенедиктовъ, какъ поэтъ, пользовался большою извѣстностію; онъ служилъ въ секретной канцеляріи министра финансовъ и одно время исполнялъ обязанности личнаго секретаря графа Е. Ф. Канкрина. Его предмѣстникъ— Ѳ. А. Рейнботъ («Русск. Стар.» 1883 г., т. 39), свидѣтельствуетъ, что Бенедиктовъ подъ диктовку графа Канкрина писалъ лекціи, которыя послѣдній читалъ Наслѣднику Цесаревичу, въ Бозѣ почивающему Императору Александру II. Записки этихъ лекцій сохранились въ архивѣ министерства, и бывшій министръ финансовъ С. А. Грейгъ представилъ ихъ въ «Императорское Русское Историческое Общество», которое и отвело имъ цѣлый XXXI томъ «Сборника» своего изданія.

Предисловіе.

Къ составленію настоящей монографіи приступлено было 10 октября 1896 года.

Исторія финансовъ, торговли и промышленности Россіи давно вписала имя—Егора Францевича Канкрина на свои скрижали. Мало этого— «Исторія Отечественной войны 1812 года» упоминаетъ имя его вмѣстѣ съ именами: Барклай-де Толли и Голенищева-Кутузова, монументы которымъ красуются въ Петербургѣ, на площади предъ Казанскимъ соборомъ. Въ честь графа Е. Ф. Канкрина, правда, нѣтъ монумента, кромѣ очень скромнаго надгробнаго памятника, украшающаго его могилу на Смоленскомъ кладбищѣ, такъ какъ онъ былъ врагъ всякаго рода непроизводительныхъ расходовъ и изъ принципа не одобрялъ никакихъ монументовъ, что высказалъ даже въ своихъ «Очеркахъ политической экономіи».

Будучи глубоко образованнымъ человѣкомъ, графъ Канкринъ хорошо зналъ, что страсть къ монументамъ, дошедшая въ древнемъ Римѣ до «taedium monumentorum», была потомъ оставлена и что Тацитъ не поставилъ своему знаменитому тестю Агриколѣ монумента, но постарался сохранить

для потомства его духовный обликъ, написавъ книгу: «Vita Agricolae». Подобнымъ образомъ сама судьба поступаетъ и съ именемъ графа Канкрина: ему, повторяемъ, нѣтъ памятника, тѣмъ не менѣе его духовный обликъ продолжаетъ сохраняться въ потомствѣ; его проницательная и своеобразная личность не перестаетъ жить среди насъ и теперь—чему доказательствомъ служатъ неперестающія являться, со дня кончины графа, статьи въ журналахъ, написанныя учеными, (въ томъ числѣ покойнымъ профессоромъ и министромъ финансовъ Н. Х. Бунге), разбирающими его дѣятельность; воспоминанія о немъ современниковъ, а также въ періодической исторической печати появленіе документовъ, относящихся ко времени управленія графа Канкрина министерствомъ финансовъ. Какъ, напримѣръ, сообщеніе графа И. Д. Делянова въ «Русской Старинѣ», въ 1873 г., о перепискѣ графа Канкрина съ Сперанскимъ, а въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (Т. 98-ой, 1896 г.) записки М. А. Корфа. Не смотря на истекшіе полвѣка со дня смерти графа Канкрина, его сочиненія издаются и въ настоящее время; такъ посмертное его изданіе «Очерковъ политической экономіи и финансіи» напечатано въ 1894 году, и приходится лишь пожалѣть о томъ, что нѣтъ до сихъ поръ изданія «Полнаго собранія сочиненій графа Е. Ф. Канкрина».

Цѣль настоящаго изданія заключается, по возможности, сосредоточить, какъ въ фокусѣ зеркала, все сказанное о графѣ Е. Ф. Канкринѣ и въ безпристрастномъ сопоставленіи всѣхъ отзывовъ о немъ и фактовъ его жизни, нарисовать свѣтлый, чрезвычайно симпатичный, образъ личности графа Е. Ф. Канкрина, ознаменовавъ тѣмъ столѣтіе со времени переселенія его изъ Германіи въ Россію, ставшею для него новымъ отечествомъ, которому онъ всецѣло отдался, сдѣлавшись русскимъ и душою... Это не фраз[illegible]лна, на которую указывалъ послѣ смерти графа Канкрина, извѣстный профессоръ политической экономіи И. Горловъ, говоря о посмертномъ изданіи его сочиненія: «Хотя сочиненіе графа Канкрина вышло на нѣмецкомъ языкѣ, но авторъ принадлежитъ Россіи, и книга его, не по формѣ, а по сущности и содержанію, должна также принадлежать нашей литературѣ.—Книга написана нашимъ политикомъ и должна составлять нашу собственность. Не полагаясь вполнѣ на свои заключенія о нѣмецкомъ слогѣ, мы спрашивали мнѣнія знатоковъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя, казалось намъ, носили отпечатокъ руссицизмовъ и получили отъ нихъ утвердительный отвѣтъ. Какъ мы обрадовались этимъ руссицизмамъ—внѣшнимъ знакамъ русской мысли («Отеч. записки» 1846 г. т. XI; VI. отдѣлъ «Критики»).

Поразительно также тяготѣніе графа Канкрина, ставшаго русскимъ душою къ Франціи. Незадолго передъ своею кончиною онъ ѣздилъ отдыхать не въ Берлинъ, а въ Парижъ, гдѣ написалъ свои «Очерки политической экономіи и финансіи». Въ высшей степени скромный и мало о себѣ думавшій, онъ не могъ преодолѣть своего желанія, побывать въ Парижской Академіи Наукъ и просилъ разрѣшенія посѣтить какое-либо ея засѣданіе. Удивленію его не было границъ, когда въ назначенный день, при его появленіи въ засѣданіи Академіи, президентъ и всѣ члены ея поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы привѣтствовать «*знаменитаго графа Канкрина*» поднося ему дипломъ на званіе почетнаго члена Академіи Наукъ Франціи.—«Ну, а Берлинъ? спрашиваетъ издатель его «Очерковъ политической экономіи». Что же Берлинъ? Онъ заботился только о затрудненіи доступа въ Россію напечатаннаго на нѣмецкомъ языкѣ посмертнаго сочиненія графа Канкрина! Sapientibus sat!»

Дѣйствительно, управленіе министерствомъ финансовъ гр. Канкрина представляетъ собою цѣлую эпоху, имѣвшую важное значеніе въ судьбахъ государственнаго хозяйства, а самое время его управленія, съ 1823 по 1844 гг., является періодомъ, когда недостаточно обоснованное государственное хозяйство Россіи окончательно устроилось, т. е. было приведено въ систему, получа прочную основу и единство направленія. Имъ организованъ былъ у насъ бюджетъ; кромѣ того, управленіе нашими финансами гр. Канкрина поучительно еще тѣмъ, что ему предстояла такая же трудная задача, какъ и теперь, поддерживать курсъ бумажныхъ денегъ, установить прочную монетную единицу и избавить народъ отъ тѣхъ неудобствъ, которыя неразлучны со всякимъ кризисомъ.

«Графъ Канкринъ, пишетъ И. Бліохъ (см. соч. его «Финансы Россіи XIX [illegible] I, стр. 158), возымѣлъ смѣлость посмотрѣть злу прямо въ глаза и признать финансовую несостоятельность государства; но, несмотря на это, онъ постоянно пользовался довѣріемъ ко всѣмъ своимъ мѣропріятіямъ не только Государя, но и публики. Гр. Канкринъ въ значительной степени укрѣпилъ пошатнувшійся кредитъ Россіи и, энергическими трудами своими, устранилъ многія неудобства и затрудненія, тормозившія правильное развитіе рессурсовъ. Практическая дѣятельность гр. Канкрина, весьма разнообразная и требовавшая постояннаго напряженія и неутомимой энергіи, отнюдь не мѣшала ему въ занятіяхъ политико-экономическими науками, дававшими твердую опору и научную почву для всѣхъ его преобразованій по финансовому хозяйству. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ то время гр. Канкринъ былъ почти единственнымъ государственнымъ человѣкомъ, у котораго практическая дѣятель-

ность была суммой теоретическихъ выводовъ и результатомъ научныхъ изслѣдованій,— именно въ то время, когда «фельдфебели въ Вольтеры назначались».

Графъ Е. Ф. Канкринъ былъ почетнымъ членомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. По кончинѣ его ректоръ университета П. А. Плетневъ, въ годичномъ, торжественномъ, публичномъ актѣ, бывшемъ 3-го февраля 1846 г., почтилъ память гр. Канкрина рѣчью, изъ которой приводимъ слѣдующія строки:

«Пріѣхавши къ отцу въ Россію послѣ гимназическаго курса, молодой Канкринъ чувствовалъ потребность въ университетскомъ образованіи — и вновь отпросился въ Германію, гдѣ слушалъ лекціи въ Гессенскомъ и Магдебургскомъ университетахъ. По возвращеніи въ Россію, онъ въ 1800 г. былъ назначенъ въ помощники къ отцу, бывшему начальникомъ Старорусскихъ соляныхъ промысловъ. Это скромное начало его жизни, воспитанія и службы проливало на него какой-то особенный, пріятный свѣтъ въ тѣ годы, въ которые мы видѣли его между первыми лицами государства. Много объемлющій и вѣрный умъ открылъ предъ нимъ обширное поприще дѣятельности и славы, а сердце его и вкусъ навсегда остались преданными простотѣ, тишинѣ и искренности. Не посторонняя помощь и не случайная прихоть положили первую ступень къ его возвышенію: онъ ею обязанъ тому же орудію мысли и науки, которое, въ нашу эпоху, многихъ возвело на верхъ могущества и почестей. Послѣ министра финансовъ графа Гурьева, онъ былъ Высочайше назначенъ къ заступленію его мѣста. Назначеніе послѣдовало 23-го апрѣля 1823 года. Чрезъ шесть послѣ того лѣтъ Государь Николай Павловичъ возвелъ его съ потомствомъ въ графское достоинство. Онъ посвятилъ слишкомъ двадцать лѣтъ обязанностямъ министра финансовъ—важнѣйшей должности въ государствѣ, и тѣмъ болѣе тогда многосложной, что отъ министерства не было еще отдѣлено, какъ нынѣ, завѣдываніе государственными имуществами. До какой степени благотворна была Россіи геніальная его дѣятельность, о томъ свидѣтельствуетъ все, къ чему только относились его распоряженія. Открыто множество новыхъ источниковъ доходовъ; повсюду проявилось движеніе; промышленность и торговля достигли цвѣтущаго состоянія, ожило земледѣліе, лѣсоводство и горнозаводство. Столица и ея окрестности изумляютъ насъ памятниками, созданными заботливостію, умомъ и силою воли министра финансовъ. Подлѣ С.-Петербурга, гдѣ нынѣ такъ пышно и роскошно разведены парки Лѣсного Института, а за нимъ выросъ новый городъ, еще всѣ помнятъ обширное пространство полей, поросшее верескомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, графъ

Е. Ф. Канкринъ, въ лѣтніе мѣсяцы, обыкновенно переѣзжалъ туда жить—и кто въ краю томъ не видѣлъ, какъ онъ ежедневно пробирался по этимъ невоздѣланнымъ, глухимъ мѣстамъ, чтобы планировать ихъ, и осушать для населенности, гдѣ для каждой дорожки собственною его рукою помѣчено направленіе? Здѣсь онъ возвращался къ той природѣ, къ тѣмъ удовольствіямъ, доставляемымъ ею, и возобновлялъ въ сердцѣ тѣ ощущенія, съ которыми такъ дружно провелъ юношескіе годы свои. И природа, казалось, лелѣяла его. Награждая его труды и заботы, она окружила его всѣмъ, въ чемъ искалъ онъ прямого своего счастія. Здѣсь онъ дѣлилъ время съ маленькимъ обществомъ искреннихъ друзей своихъ. Здѣсь выросли дѣти его, которыми такъ украсилась и и оживотворилась его старость. Въ «Коммерческой» и «Земледѣльческой» газетахъ, ему обязанныхъ своимъ полезнымъ направленіемъ, печаталъ онъ небольшія статьи. Изъ нихъ: «О раздѣленіи Россіи на полосы по ея климату и произведеніямъ», напечатанная въ послѣдней, съ уваженіемъ принята была знатоками. Сочиненія его: о политической экономіи, о лѣсоводствѣ и архитектурѣ заслужили въ ученомъ свѣтѣ полное одобреніе. Во время пребыванія за границею, гдѣ въ послѣдніе годы искалъ онъ облегченія отъ глазной болѣзни и недуговъ старости, въ 1843 г. написалъ нѣсколько повѣстей, а въ 1844 г. книгу, подъ названіемъ: «Экономія человѣческаго общества и финансовая часть». Такимъ образомъ, соединивши въ лицѣ своемъ великаго министра и отличнаго писателя, онъ повсюду встрѣчалъ общее уваженіе. Очевидцы разсказываютъ, что, при появленіи его въ Парижской Академіи Наукъ, когда секретарь объявилъ о томъ собранію, всѣ члены почтительно обратились къ нему и пригласили его занять мѣсто между ними. Хотя графъ Е. Ф. Канкринъ всѣ свои сочиненія писалъ на нѣмецкомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе слава его принадлежитъ нашему отечеству, которое открыло такое блистательное поприще его генію».

Независимо отъ этой рѣчи, П. А. Плетневъ свои воспоминанія о графѣ Канкринѣ напечаталъ, въ издаваемомъ имъ, въ то время, журналѣ «Современникѣ» (см. 1846 г.). Насколько цѣнны эти для насъ строки, воскресимъ отзывъ о Плетневѣ—Ив. Сергѣевича Тургенева, который говорилъ: «Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ:

«Души прекрасной
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты».

Такъ характеризовалъ своего друга А. С. Пушкинъ въ посвященіи ему «Онѣгина» («Рус. Арх.», 1869 г. «Литер. вечеръ у Плетнева»).

«Изъ Петербургскихъ жителей, пишетъ Плетневъ, многіе, конечно, встрѣчались на прогулкахъ по Невскому проспекту, около 4-хъ часовъ, съ высокимъ мужчиною пожилыхъ лѣтъ, ходившимъ въ теплую погоду въ форменномъ сюртукѣ, а когда бывало холодно—въ сѣрой шинели, которую онъ обыкновенно надѣвалъ въ оба рукава. Худощавое, блѣдное лицо его свидѣтельствовало объ изнурительныхъ трудахъ, ежедневно его обременявшихъ, а проницательные голубые глаза заставляли каждаго догадываться о необыкновенномъ умѣ его. Не останавливаясь почти ни съ кѣмъ, онъ прогуливался медленно, одинъ, мало заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производила наружность его на проходящихъ. Нельзя было не замѣтить по лицу его, что онъ и во время прогулокъ любилъ обдумывать то, что занимало его въ кабинетѣ. Въ его походкѣ, въ его костюмѣ и во всей фигурѣ, рѣзко отдѣлявшейся въ толпѣ, было что-то особое отъ прочихъ, нельзя сказать—странное, но тѣмъ не менѣе оригинальное. Форменное военное платье не охотно гармонировало съ положеніемъ тѣла, поступью и всѣми движеніями особы, никогда не заботившейся о наружности. Привычка къ жизни простой, самобытной и посвящаемой только дѣятельности умственной, накладывала на эту внѣшность обманчивые признаки излишней бережливости, тогда какъ все это было только слѣдствіемъ сосредоточенности мыслей на предметахъ высшей занимательности. Такимъ представлялся намъ графъ Е. Ф. Канкринъ».

Графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, любимецъ предшественника Канкрина—графа Гурьева, бывшій директоръ Коммерческаго банка, въ своихъ «Запискахъ» («Рус. Арх.», 1877 г.) говоритъ: «я не могъ служить съ Канкринымъ и просилъ объ отставкѣ», тѣмъ не менѣе по его словамъ: «Канкринъ былъ уменъ, таланты его были несомнѣнны, теоретическія познанія велики;—но онъ не любилъ Россіи и всѣхъ русскихъ презиралъ».

Такое свидѣтельство, какъ оказывается, было распространено въ тогдашнемъ обществѣ, что увидитъ читатель ниже, но оно было совершенно несправедливо. Такъ, тотъ же Плетневъ говоритъ: «Никогда не слышно было, чтобы жаловались на него, какъ на начальника чрезмѣрно-строгаго, не входящаго въ положеніе и нужды подчиненныхъ и только обременяющаго ихъ работою, хотя въ его вѣдомствѣ одно законное соблюденіе порядка могло уже многимъ казаться чѣмъ-то отяготительнымъ. Напротивъ: въ обширномъ кругѣ лицъ, отъ него зависѣвшихъ по должности, онъ какимъ-то неизъяснимымъ образомъ

умѣлъ всѣхъ помнить, знать, цѣнить и соображать по этому свои назначенія. Истинное достоинство человѣка, на какой бы ступени судьба ни поставила его, было для него дорого: онъ всѣ способы употреблялъ на то, чтобы замѣченный имъ человѣкъ какъ-нибудь не подпалъ подъ искушеніе жалѣть о судьбѣ своей, или жаловаться на нее. Графъ Е. Ф. Канкринъ, правда, устранялся отъ обыкновенныхъ пріятностей свѣтскаго общества, но не потому, чтобы по сердцу онъ неспособенъ былъ къ общимъ удовольствіямъ. Онъ предпочиталъ имъ маленькую дружескую бесѣду, въ которой прекрасная душа его и острый умъ чувствовали себя на всей свободѣ. Не отношенія къ свѣту опредѣляли его выборъ пріятелей. Онъ оцѣнивалъ ихъ собственнымъ масштабомъ. Умъ, обогащенный знаніями; опыты, умудряющіе наблюдательныхъ людей; счастливое расположеніе духа, спасающее насъ отъ желчныхъ жалобъ и мизантропіи; игривая острота мыслей и словъ, придающая бесѣдѣ оживленіе; равнодушіе ко всѣмъ успѣхамъ внѣшнимъ, такъ соблазняющимъ существа мелкія и пустыя—вотъ особенности, которыми онъ увлекался къ людямъ въ избранномъ кругу своемъ. Таковъ и самъ онъ былъ между ними,—постоянно ровный, по временамъ молчаливый, чаще остроумный, всегда открытый и искренній. Еще было въ немъ качество, выражавшее гибкій умъ его и умѣнье сообщать всякой бесѣдѣ наипріятнѣйшій характеръ. Изучая людей со всѣми оттѣнками хорошихъ сторонъ и ихъ слабостей, онъ не затруднялся ни въ какомъ положеніи. Ему ничего не стоило завлечь, кого бы то ни было, въ такой разговоръ и тотъ самый тонъ, который нравился другому. Множество счастливыхъ остротъ, брошенныхъ имъ съ полнымъ успѣхомъ въ бесѣдахъ самыхъ блестящихъ, частехонько разносилось по городу».

Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ статсъ-секретарь баронъ М. А. Корфъ (см. «Сборникъ Импер. Истор. Общ.», т. 98, стр. 139), говоря: «Въ рѣчахъ его, несмотря на странный нѣмецкій ихъ складъ и еще болѣе странный выговоръ, всегда было что-то пластическое, осязательное для умовъ и понятій всѣхъ степеней. Когда ему не удавалось взять разсужденіями, онъ призывалъ на помощь иронію, даже площадную шутку, которая только ему одному и шла къ лицу. Помню, что разъ, когда разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ докладъ Сената о томъ, могутъ ли быть членами протестантскихъ консисторій лица другихъ исповѣданій: «Я думаю,—сказалъ Канкринъ въ общее услышаніе, въ присутствіи Великихъ Князей,—что скоро спросятъ Государственный Совѣтъ, могутъ ли мужчины быть кормилицами!»

Великій Князь Михаилъ Павловичъ очень уважалъ гр. Канкрина и говорилъ. «Что его Поль-де-коковщина никогда не мѣшаетъ ему быть государствен-

нымъ и геніальнымъ человѣкомъ» (Cependant le Paul de Kock n'exclut jamais en lui l'homme d'état et de genie).

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о гр. Е. Ф. Канкринѣ», Н. И. Гречъ (см. «Сѣверную Пчелу», 1846 г., № 15 и 16) также пишетъ: «Онъ старался узнавать чиновниковъ своего вѣдомства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, выслушивалъ со вниманіемъ мнѣнія каждаго, и хотя не всегда любилъ противорѣчія, но всегда отдавалъ справедливость усердію и благонамѣренности. Онъ не любилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ по личнымъ отношеніямъ, и не скрывалъ этого, но по службѣ не давалъ имъ чувствовать этой не-любви. Однажды сказали ему о комъ-то: «Какъ вы можете его терпѣть! Онъ человѣкъ несносный».—Правда, отвѣчалъ графъ:—онъ непріятенъ въ обращеніи и манерахъ, упрямъ и своенравенъ, но онъ человѣкъ честный и трудолюбивый; онъ служитъ не мнѣ, а Государю, и я не смѣю давать воли моимъ собственнымъ чувствованіямъ [1]). Онъ искалъ людей съ дарованіями и познаніями, и охотно отличалъ и повышалъ ихъ. Одинъ изъ чиновниковъ Министерства Финансовъ получилъ призъ Академіи Наукъ [2]), за рѣшеніе задачи Политической Экономіи. Графъ, узнавъ объ этомъ, пригласилъ его къ себѣ, похвалилъ его за благородныя занятія, поощрилъ къ дальнѣйшимъ трудамъ, и чрезъ нѣсколько времени опредѣлилъ его на открывшееся тогда почетное и выгодное для него мѣсто. Въ 1833 г., помнится, когда я еще не состоялъ подъ его начальствомъ, онъ просилъ меня найти знающаго и дѣльнаго редактора для предполагавшейся тогда къ изданію «Земледѣльческой Газеты». Я, не колеблясь въ выборѣ, пригласилъ къ себѣ Степана Мих. Усова, и въ тотъ-же день вечеромъ повезъ его къ министру. Графъ принялъ насъ очень ласково, распрашивалъ г. Усова о его прежнихъ занятіяхъ и назначилъ ему день формальной

---

[1]) «Князь П. А. Вяземскій (см. Полн. собр. его сочиненій, изд. гр. С. Д. Шереметева, т. VIII, стр. 298) приводитъ слѣдующую выдержку изъ министерскаго разговора:

Графъ Канкринъ:—«А по какимъ причинамъ хотите вы уволить отъ должности чиновника?

Директоръ департамента:—«Да стоитъ, ваше сіятельство, только посмотрѣть на него, чтобы получить къ нему отвращеніе: длинный, сухой, неуклюжій нѣмецъ, физіономія суровая...

Гр. Канкринъ:—«Ахъ, батюшка, да вы это мой портретъ рисуете! Пожалуй, вы и меня захотите отрѣшить отъ должности»

[2]) Фамилія этого чиновника—г. Фоминъ, Императорская Академія Наукъ присудила ему награду за его сочиненіе: «О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи» (см. книгу Ѳ. Булгарина «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ», часть 2-я, стр. 43).

явки. Кончивъ дѣло, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Былъ ли я вчера въ театрѣ?» — Не былъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я. — «Жаль, сказалъ Канкринъ, мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе о новой піесѣ. Александръ Максимовичъ (Княжевичъ) видѣлъ ее, и говоритъ, что она очень хороша. Жена моя также была въ театрѣ, и восхищалась ею. (Это была драма Н. В. Кукольника «*Рука Всевышняго отечество спасла*»). Не знаю, когда удосужусь самъ посмотрѣть ее. Меня она интересуетъ тѣмъ, что молодой авторъ ея служитъ у меня въ канцеляріи. Вообразите бѣдственное положеніе поэта: съ головою, наполненною свѣтлыми мечтами и громкими стихами, сидѣть за канцелярскимъ столомъ, и выставлять цифры на входящихъ бумагахъ!» Потомъ заговорилъ онъ о необходимости всякому ходить въ вицъ-мундирѣ, и до того распустился въ своихъ сатирическихъ замѣчаніяхъ на чиновниковъ, что Степанъ Мих. Усовъ, вышедши со мною на крыльцо, спросилъ у меня съ изумленіемъ: «Да куда вы завели меня, Николай Ивановичъ! Неужели этотъ острый, любезный человѣкъ — дѣйствительно министръ финансовъ!»

«И онъ, заключаетъ свои воспоминанія Гречъ, какъ всякій человѣкъ, поставленный своими заслугами на высокомъ мѣстѣ, подвергался завистливымъ толкамъ и клеветѣ низкой. Онъ зналъ это, и утѣшался сознаніемъ своей совѣсти. «Какъ не бранить, не поносить меня людямъ!» сказалъ онъ мнѣ однажды: «Министръ финансовъ не можетъ быть любимъ ими — это такой человѣкъ, который долженъ какъ можно болѣе *взять*, и какъ можно менѣе *дать*».

Точно также когда Сабуровъ опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ банкъ, князь П. А. Вяземскій пишетъ (см. «Рус. Арх.», 1874 г., стр. 1351), «Мятлевъ сказалъ:

«Канкринъ нашъ, право, молодецъ!
Онъ не министръ, родной отецъ;
Сабурова онъ держитъ въ банкѣ
Ich danke, батушка, ich danke».

Н. В. Сушковъ также отмѣчаетъ (см. «Чтенія въ Общ. Исторіи и Древ-Россійскихъ», 1868, № 4), что гр. Канкринъ опредѣлилъ его брата Петра Вас. начальникомъ Оренбургскаго Таможеннаго округа. Но когда явилась первая, холера, то оренбургскій начальникъ округа вооружился противъ карантиновъ, вопреки мнѣнію начальника края графа П. К. Эссена. Графъ Канкринъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ своего подчиненнаго.

«Все это, батушка, очень хорошо», сказалъ мнѣ Канкринъ, замѣчаетъ Сушковъ, покуривая кнастеръ или вакштафъ изъ пѣнковой трубки, на коротенькомъ чубукѣ, и поплевывая въ горящій каминъ. «Вашъ братъ совершенно

правъ, да, вѣдь, нельзя же ему тягаться съ Петромъ Кирилловичемъ (Эссеномъ). Пожалуй напишетъ Государю, отвезутъ дальше Урала. А тамъ послѣ оправдывайся!.. Я просилъ Дм. Гавр. Бибикова (директора департамента) вызвать вашего брата сюда по дѣламъ службы».

«Графъ угадалъ. Отъ Эссена была получена бумага въ такомъ смыслѣ, чтобъ или его, довѣренное лицо Императора, или Сушкова, прочь изъ Оренбурга. Къ счастью, эта бумага была у меня, говоритъ Сушковъ, въ рукахъ, такъ какъ я управлялъ I-мъ отдѣленіемъ Медицинскаго департамента М. В. Д. и министръ, графъ А. А. Закревскій, не далъ ей хода, а только успокоилъ Эссена сообщеніемъ, что Сушкову предписано явиться въ Петербургъ и что въ Оренбургъ онъ не возвратится. И онъ былъ причисленъ къ Министерству Финансовъ».

Н. Н. Муравьевъ-Карскій въ своихъ «Запискахъ» (см. «Рус. Арх.», 1894 г., т. III, стр. 48) записалъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 г., что, прощаясь, засталъ онъ только Клейнмихеля и Канкрина. «Первый показывалъ большія расположенія къ угодливости совершенно лицемѣрныя; послѣдній же—много искренности и занялъ меня поучительнымъ и безпристрастнымъ разговоромъ своимъ о дѣлахъ. Человѣкъ сей вѣрно полезнѣе и занимательнѣе если не всѣхъ, то многихъ здѣсь служащихъ вблизи Государя».

А графъ П. Х. Граббе въ своей «Записной Книжкѣ», 13 ноября 1847 г., помѣтилъ: «Странныя у насъ понятія о государственномъ кредитѣ. Канкринъ умѣлъ бы ихъ опредѣлить вѣрнѣе и, вѣроятно, удержать если не самыя мѣры, то ошибочное о нихъ объявленіе, основанное на ложныхъ началахъ» («Рус. Арх.», 1888 г., т. II, стр. 208). Объявленіе это было сдѣлано для поддержанія оборотовъ по хлѣбной торговлѣ и для сохраненія упадавшаго кредита; въ августѣ 1847 г., былъ разрѣшенъ, въ видѣ временной мѣры, пріемъ въ залогъ коммерческаго банка, находящагося въ С.-Петербургѣ, на складахъ застрахованнаго хлѣба, а въ ноябрѣ эта же льгота была распространена и на Архангельскъ. Кромѣ того, 4 марта того же года, Министерство Финансовъ заключило конвенцію съ французскимъ банкомъ по покупкѣ, на 50 милл. франковъ, облигацій этого банка, по среднему биржевому курсу, бывшему 27 февраля, именно по 115 сантимовъ. Изъ одного письма Императора Николая I, къ фельдмаршалу Паскевичу видно, что мы «спасали» французскій банкъ не изъ любезности и не для того, чтобы обезпечить себѣ возвратъ довѣренныхъ частному банкиру денегъ, но единственно, чтобы дать выходъ тогдашнему обильному урожаю нашему на французскій рынокъ, гдѣ ощущался сильный недостатокъ въ хлѣбныхъ запасахъ для продовольствія населенія. Французскія облигаціи упали

въ 1848 г. до 78, и лишь въ 1849 г. удалось ихъ помѣстить по 100. Точно также, предпринятая въ 1847 г. Министерствомъ Финансовъ покупка публичныхъ фондовъ, на 30 милл. руб., изъ размѣннаго фонда, дала печальные результаты. Очевидно, что преемники Канкрина не только не могли идти по стопамъ его и стремиться къ постепенному улучшенію и развитію финансовыхъ силъ и средствъ Россіи, но они даже не считали нужнымъ поддержать и сохранять тѣ начала, которыя были созданы многолѣтнимъ трудомъ графа Канкрина.

Приведенныхъ отзывовъ и фактовъ, кажется, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы убѣдится въ справедливости словъ Плетнева о графѣ Канкринѣ, который работалъ неустанно, но не былъ вовсе педантомъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его собственныя слова:

«Порицаютъ такого-то, говорилъ гр. Канкринъ, что встрѣчаешь его на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ, такъ что мало времени ему остается заниматься дѣлами. А я скажу: слава Богу. Другого хвалятъ: вотъ, настоящій государственный человѣкъ, нигдѣ не встрѣтите его, цѣлый день сидитъ онъ въ кабинетѣ, занимается бумагами. А я скажу: избави Боже»! («Рус. Арх.», 1873 г., стр. 2160)

И дѣйствительно, графъ Е. Ф. Канкринъ былъ художникомъ не только въ душѣ, но и на дѣлѣ: «Безъ сомнѣнія, пріятнѣйшимъ временемъ для него, пишетъ Плетневъ, были годы, въ которые лѣтомъ жилъ онъ близь столицы въ Лѣсномъ Институтѣ. Не только это столь полезное заведеніе ему обязано устройствомъ своимъ, но и всѣ тамошнія окрестности процвѣли отъ его попечительности. Онъ распланировалъ эту дикую пустыню, провелъ по ней дороги, указалъ, гдѣ для осушки топкихъ мѣстъ нужно было вырывать пруды и небольшіе каналы, словомъ: тамъ онъ приготовилъ новую часть для городскаго населенія, на возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ парками, куда просторъ, здоровый воздухъ и выгодныя условія поземельной платы привлекли во множествѣ новыхъ поселенцевъ. Проводившіе тамъ лѣто въ прежнюю пору всѣ, конечно, еще помнятъ, съ какою заботливостью, съ какою любовію министръ всегда самъ занимался устроеніемъ этого, можно сказать, *Канкринополя*».

Читая эти строки, покойный вице-президентъ Академіи Наукъ, Я. К Гротъ писалъ Плетневу: «Какъ ты выразительно умѣлъ немногими чертами представить всю физіономію и характеристику Канкрина—Канкринополь очень мило» (см. II томъ «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, стр. 717).

Говоря о Лѣсномъ корпусѣ кстати будетъ привести еще чрезвычайно удачное и остроумное словцо гр. Канкрина. А. М. Фадѣевъ вспоминаетъ, какъ «на одномъ изъ экзаменовъ въ Лѣсномъ корпусѣ, преподаватель спросилъ ученика:

— Какіе водятся въ лѣсахъ истребители, самые вредные для лѣса?

— Хоботоносецъ и древоѣдъ,—отвѣтилъ ученикъ.

— Нѣтъ,—замѣтилъ гр. Канкринъ,—совсѣмъ не такъ: самые вредные истребители лѣса вовсе не хоботоносецъ и не древоѣдъ, а топороносецъ и хлѣбоѣдъ».

Возвратимся еще разъ къ очерку П. А. Плетнева, въ которомъ читаемъ:

«Въ садоводствѣ и архитектурѣ гр. Канкринъ оставался вѣренъ простотѣ, удобству, прочности и нѣкоторымъ правиламъ собственнаго вкуса. Паркъ, окружающій Лѣсной Институтъ, болѣе въ англійскомъ родѣ, нежели прямолинейный. Но въ прочихъ мѣстахъ, онъ, смотря по мѣстности и другимъ соображеніямъ общежитія, не чуждался и послѣдняго рода. Ему нравилась смѣсь прозябаній дикихъ съ садовыми. Въ уединенныхъ тѣнистыхъ алеяхъ вы встрѣчаете вмѣсто скамеекъ, обтесанные камни, которые, по его приказанію, перевезены, за ненадобностію тамъ, изъ-подъ Смольнаго манастыря, гдѣ, подъ его надзоромъ, приводился къ окончанію знаменитый Растрелліевскій Соборъ. Есть что-то восточное и вмѣстѣ романическое въ отдѣлкѣ бьющихъ изъ-подъ земли ключей, въ постановкѣ и убранствѣ урнъ, вазъ и прочихъ украшеній сада. На всемъ чувствуешь оригинальность, мысль и поэзію. Планы новыхъ зданій, построенныхъ гр. Канкринымъ, составлены были имъ самимъ. Онъ не любилъ громадныхъ, сплошныхъ строеній, предпочитая имъ дома разъединенные, которыхъ всѣ стороны обнимаетъ глазъ, обвѣваетъ свободный воздухъ. Зданія въ Лѣсномъ Институтѣ, у Смольнаго монастыря, на Биржѣ, въ Технологическомъ Институтѣ, вездѣ, гдѣ только ему предоставлено было распоряжаться свободно, отличаются однимъ и тѣмъ-же характеромъ. Смотря на эти памятники его соображеній, можно видѣть, какъ онъ заботился и о безопасности строеній отъ пожаровъ и о доставленіи здороваго воздуха живущимъ въ нихъ. Кто засталъ въ Петербургѣ прежній домъ Таможни и все, окружавшее его со стороны Биржи, тотъ помнитъ, какой жалкій видъ представляли мѣста и предметы, теперь поражающіе насъ роскошью, всѣми признаками порядка, изобилія и удивительной дѣятельности. Это преобразованіе начато и совершено гр. Канкринымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ и нужды производительности и торговли. Человѣкъ съ разносторонними и основательными знаніями, онъ въ своемъ министерствѣ не усомнился основать разсадники спеціальныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ возникли: Технологическій Институтъ, Училище торговаго мореплаванія, Высшій коммерческій пансіонъ и множество другихъ училищъ по разнымъ предметамъ, которыхъ успѣхамъ надобно было положить основаніе прочное и неизмѣнное. Первое изъ этихъ

заведеній было любимымъ его дѣтищемъ. Самъ онъ, по уничтоженіи такъ называвшагося Волынскаго двора, выбралъ тамъ мѣсто для института, приготовилъ планы всѣхъ въ немъ строеній и — почти ежедневно, пріѣзжалъ свидѣтельствовать производившіяся работы, принужденъ былъ, наконецъ, подыматься на зданія, когда ихъ уже подводили подъ крыши. Эти мелкія черты жизни, представляясь наблюдательному и опытному глазу, много зараждаютъ въ умѣ думъ, когда предметомъ ихъ — министръ финансовъ».

Графъ Е. Ф. Канкринъ, какъ всѣ талантливые люди, имѣлъ массу недоброжелателей и хулителей; такъ читатель, конечно, остановитъ свое вниманіе на борьбѣ Канкрина съ гр. П. Д. Киселевымъ, министромъ государственныхъ имуществъ, каковая началась при самомъ началѣ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое ранѣе составляло одинъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ.

Враги гр. Канкрина еще болѣе питали къ нему злобы, когда до нихъ доходили его отзывы о нихъ, полные сарказма.

Напримѣръ, о П. Д. Киселевѣ гр. Канкринъ говорилъ, что «онъ не реалистъ, а формалистъ и что первыхъ въ Россіи очень мало, а вторыхъ очень много» (см. «Рус. Арх.», 1891 г., т. I, стр. 485).

Когда же Киселевъ отнялъ у Канкрина Лѣсной Институтъ и дачу, которую онъ тамъ для себя устроилъ, Канкринъ сказалъ: «Это министерство не только имуществъ, но и преимуществъ» (см. «Полн. собр. соч. князя Вяземскаго», т. IX, стр. 209).

Впрочемъ, иногда въ защиту гр. Канкрина являлась даже тогдашняя печать; такъ извѣстно, что по его настоянію Императоръ Николай Павловичъ приказалъ пригласить въ Россію Гумбольдта для изученія естественныхъ богатствъ Урала и Сибири. Переписка по этому поводу издана въ Лейпцигѣ, въ 1869 г. («Von Ural und Altai Briefwechsel zwischen A. von Humboldt und Graf Kancrin aus den Jahren 1827 – 1832») Объ обѣдѣ, данномъ въ честь Гумбольдта, въ журналѣ «Галатея», было между прочимъ сказано слѣдующее: «Нѣкоторые злонамѣренные люди разглашали прежде, что наши вельможи не примутъ участія въ этомъ праздникѣ, какъ дѣлѣ, для нихъ неприличномъ; напротивъ тамъ явились многіе изъ нихъ, повинуясь благородному влеченію и вовсе забывая о томъ, что Гумбольдтъ — баронъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ».

Конечно, не мало ходило среди тогдашняго общества разсказовъ и стиховъ на гр. Канкрина, которые попасть въ печать не могли. По поводу

первой промышленной выставки въ Москвѣ было написано слѣдующее шуточное стихотвореніе:

«Весомый парой, а не паромъ
Москву изъѣздилъ Годендорфъ
И доказалъ князьямъ, боярамъ,
Что есть и уголь, есть и торфъ.
Что послѣ долгихъ умозрѣній
Открыли въ салѣ стеаринъ;
Что на Руси есть дивный геній
И этотъ геній графъ Канкринъ» и т. д.

Не менѣе строгіе отзывы о дѣятельности гр. Канкрина, какъ министра финансовъ, расточали его современники и одинъ изъ нихъ, именно графъ А. И. Рибопьеръ писалъ: «Когда Канкринъ былъ назначенъ министромъ, въ 1823 г., государство платило ежегодно 30 милл. процентовъ за долги, считая погашеніе; онъ-же оставилъ послѣ себя 102 милл. ежегоднаго платежа процентовъ и отмѣнилъ погашеніе. Графъ Гурьевъ никогда бы не согласился ни произвести, ни объявить банкротство; Канкринъ же сдѣлалъ и то и другое, объявивъ, что серебряный рубль стоитъ 350 копѣекъ, тогда какъ рубль стоялъ альпари. Графъ Гурьевъ оставилъ на 600 милл. бумажныхъ рублей въ оборотѣ; бумаги эти отчасти выкупались 70 милл. серебромъ, лежавшими въ казначействѣ и представлявшими по тогдашнему курсу 245 милл. руб. Такимъ образомъ ассигнаціями оставалось 355 милл. Гурьевъ, вполнѣ былъ русскій человѣкъ, страстно преданный Императору Александру Павловичу, боролся и благородно палъ въ неравной борьбѣ» («Рус. Арх.», 1877 г.).

Опровергать такой отзывъ нѣтъ надобности, достаточно указать на монографію профессора Иконникова «Графъ Мордвиновъ», изъ которой видно насколько было возбуждено общественное мнѣніе противъ гр. Гурьева и какимъ нападкамъ подвергалъ его дѣйствія въ Государственномъ Совѣтѣ гр. Мордвиновъ.

Впослѣдствіи еще болѣе сильную критику встрѣтила денежная реформа гр. Канкрина въ книгахъ Н. И. Тургенева, изданныхъ въ Парижѣ: «Quelques observations sur la reforme du systeme monetaire en Russie» и «Sur les Russes et la Russie», въ которыхъ авторъ указываетъ на вредъ выпуска депозитныхъ билетовъ мелкихъ достоинствъ и ссылается на примѣръ Франціи, гдѣ банкноты выпускаются достоинствомъ въ 250 и 500 франковъ и, кромѣ того, совѣтуетъ, что было бы лучше перейти къ мелкой денежной единицѣ.

О новой денежной системѣ профессоръ Никитенко въ своемъ дневникѣ писалъ, что «она сводитъ всѣхъ съ ума; но никто не понимаетъ этихъ слож-

ныхъ разсчетовъ Неоспоримо только то, что всѣ сословія болѣе или менѣе теряютъ, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ кризисѣ и потому все-таки недовольны, всѣ ропщутъ... между тѣмъ, какъ курсъ на монету понизился,— съѣстные припасы остаются въ прежней цѣнѣ».

Профессоръ В. Т. Судейкинъ въ своемъ очеркѣ «Возстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія»[1]) (М., 1891 г.) то-же говоритъ, что «господство неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ еще болѣе усилило зло и ввело большой произволъ въ опредѣленіи цѣнъ на товары и трудъ».

Результатомъ подобнаго устройства явилось повышеніе цѣнъ: «напр., за границею чашка кофе въ лучшемъ ресторанѣ стоитъ 20—25 пфениговъ— у насъ столько-же копѣекъ, значитъ въ три раза дороже и т. д.». Поэтому г. Судейкинъ находитъ, что гр. Канкринъ упустилъ удобный моментъ для введенія мелкой денежной единицы вмѣсто цѣлковаго, но далѣе, на стр. 68, замѣчаетъ, что въ письмѣ къ Вроченко, отъ 1 марта 1839 г., Е. Ф. Канкринъ упоминалъ: «*жаль, что наша единица—рубль, такъ велика, франкъ гораздо лучше*». Онъ не только упоминалъ объ этомъ мимоходомъ, вскользь, но при разработкѣ проекта возстановленія металлическаго обращенія ему приходилось «*предварить, что такъ какъ единица цѣлковаго имѣетъ нѣкоторыя неудобства въ томъ, что она нѣсколько велика, то отъ сего и отъ самой перемѣны (денежной) системы снова могутъ возникать въ цѣнахъ вещей нѣкоторыя несоразмѣрности, которыя теперь въ подробности предугадать нельзя*».

Затѣмъ, приводимъ еще отзывъ А. О. Дюгамеля изъ его «Автобіографіи» («Рус. Арх.», 1885 г., т. 2, стр. 252—3). «Графа Канкрина, пишетъ онъ, можно упрекать только въ томъ, что онъ замѣнилъ старыя ассигнаціи кредитными билетами и принялъ серебряный рубль за основную монетную единицу; но и эта ошибка не имѣла бы важныхъ послѣдствій, если-бы Государственный Совѣтъ не настоялъ, по предложенію князя Любецкаго, на выпускѣ рублевыхъ билетовъ и не принудилъ графа Канкрина дѣйствовать въ нѣкоторой мѣрѣ наперекоръ его собственнымъ убѣжденіямъ, такъ какъ гр. Канкринъ постоянно противился этой мѣрѣ, утверждая, что рублевые билеты вытѣсняютъ изъ обращенія звонкую монету. Къ тому же гр. Канкринъ всегда настаивалъ на бережливости, какъ на самомъ дѣйствительномъ способѣ ввести порядокъ въ финан-

---

[1]) Этотъ очеркъ, по словамъ автора, долженъ былъ составить лишь часть работы объ экономической и финансовой дѣятельности гр. Е. Ф. Канкрина, но, увы, дальнѣйшей работы до сихъ поръ въ печати нѣтъ.

сахъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на чрезмѣрныя траты, которыя дѣлались Императоромъ Николаемъ для военныхъ силъ Имперіи».

Такимъ образомъ, первый упрекъ отпадаетъ самъ собою, что же касается до военныхъ издержекъ, то съ 1827 г. по 1837 г. включительно, послѣднія простирались до 529.223.868 руб. (см. «Сбор. Импер. Истор. Общ.», т. XXXI, стр. 72—73); наконецъ замѣтимъ, что кредитные билеты, были личнымъ созданіемъ Императора Николая I, какъ о томъ говоритъ самъ гр. Канкринъ въ «Отчетѣ за 20 лѣтнее управленіе», и что подтверждаетъ баронъ М. А. Корфъ въ своей запискѣ: «Императоръ Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ» (въ 98 т. «Сбор. Истор. Общ.»).

Обращаясь къ вышесказанному отзыву Корфа, читаемъ въ немъ: «Въ свое время Канкринъ, сдѣлалъ многое и во многомъ способствовалъ великому кормчему Россіи провести ее невредиму чрезъ тѣ грозныя бѣдствія и испытанія, о которыя сокрушился бы умъ обыкновенный. Если избранныя имъ средства были иногда погрѣшительны, если вообще финансовая его система находила многихъ и сильныхъ порицателей, если сдѣлавъ—какъ я сказалъ—*многое,* онъ не сдѣлалъ всего, даже и того, что *могъ,* по своимъ силамъ, сдѣлать: то причину сему должно искать, конечно, болѣе въ порокахъ его характера, нежели въ заблужденіяхъ его ума. При сердцѣ, вообще расположенномъ къ добру, онъ не умѣлъ и никогда не искалъ привязать къ себѣ ни равныхъ, ни толпы, а грубость внѣшнихъ формъ увеличивала еще то, что было отталкивающаго въ малоскрываемомъ его самолюбіи. — Сверхъ того, худо объяснимое упрямство въ нѣкоторыхъ предметахъ и какъ бы преднамѣренное бездѣйствіе въ другихъ, возбуждали нерѣдко между людьми благонамѣренными сомнѣніе въ самой привязанности его къ Россіи и даже въ добросовѣстности его правилъ, а злой, никого не щадившій языкъ возстановилъ противъ него множество личныхъ мщеній и ему отвѣчали оружіемъ столь же страшнымъ у насъ, какъ и во Франціи—оружіемъ насмѣшки, которая такъ часто сама собою вызывалась его странностями». (Стр. 140).

Такой отзывъ барона Корфа [1]) о гр. Канкринѣ, опровергаетъ зять послѣдняго, графъ Кейзерлингъ (см. «Изъ записной книжки издателя «Рус. Арх». («Рус. Арх.», 1892 г., т. II, стр. 396), который разсказывалъ П. И. Бартеневу, что: «Льстецы и преимущественно поляки съумѣли убѣдить Николая Павло-

[1]) Баронъ М. А. Корфъ, надо помнить однако, всегда отзывался о гр. Канкринѣ зло и каррикатурно, объ этомъ говоритъ Плетневъ въ письмѣ своемъ къ Я. К. Гроту, (см. «Переписку Грота съ Плетневымъ». Т. I. стр. 197).

вича, что онъ самъ можетъ управлять финансами[1]). Послѣдніе годы своей жизни графъ Канкринъ почти не имѣлъ личныхъ докладовъ. Онъ просился въ отставку; но зная, что въ Европѣ заговорятъ о томъ, его готовы были окружить всякимъ почетомъ и дать всякія милости, лишь бы онъ не покидалъ министерства».

Не мало мѣшало Канкрину и то обстоятельство, какъ замѣчаетъ Лисицкій, авторъ монографіи: «Le Marquis Wielepolski, sa vie et son temps 1803—1877», что Николай Павловичъ говорилъ: «Имперіи, обладающей золотыми рудниками Урала, нечего опасаться за свои финансы» (см. «Древняя и Новая Россія», 1879 г., т. 2, стр. 171).

Строгую характеристику гр. Канкрина, сдѣланную барономъ Корфомъ, видоизмѣняетъ еще и слѣдующій отзывъ П. С. Усова (см. «Историч. Вѣст.», 1885 г., т. XX, стр. 530), который говоритъ: «Разсматривая причину почему гр. Канкринъ ничего не могъ сдѣлать для кореннаго улучшенія въ положеніи финансовъ, И. Бліохъ, авторъ книги «Финансы въ Россіи XIX ст.», приписываетъ его неудачи всемогуществу бюрократіи и фаворитизму, при сосѣдствѣ которыхъ о дѣйствительномъ контролѣ не могло быть и рѣчи, между тѣмъ, какъ властолюбіе и корыстолюбіе вліятельныхъ лицъ дѣлали невозможнымъ какія-либо улучшенія. Безусловная реакція противъ преобразовательныхъ стремленій, въ послѣдніе годы царствованія Николая I, еще болѣе содѣйствовала всемогуществу, бюрократіи. При такомъ направленіи даже и подобная свѣтлая личность, каковую представлялъ собою гр. Канкринъ, при всемъ личномъ довѣріи, какимъ его удостоивалъ Николай Павловичъ, при всемъ, казалось-бы, ничѣмъ не ограниченномъ могуществѣ, какое предоставлялось довѣренному лицу въ управленіи абсолютномъ, ничего не могла сдѣлать. Наоборотъ, даже такой умный и благонамѣренный человѣкъ, какъ гр. Канкринъ, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, принужденный отказываться отъ своихъ цѣлей и изыскивать все новыя и новыя средства для достиженія именно тѣхъ цѣлей, которымъ онъ сочувствовать не могъ, самъ, наконецъ, долженъ былъ извратиться».

Самъ гр. Канкринъ отлично зналъ, что его упрекаютъ за бездѣятельность, чему служатъ доказательствомъ заключительныя строки его отчета[2]) за двадцати-

---

[1]) Корфъ приводитъ слова, сказанныя въ засѣданіи 25-го января 1843 г., императоромъ Николаемъ I: «Въ прежнее время я долженъ былъ слѣпо и безусловно утверждать все представленное мнѣ по финансовой части, о которой не имѣлъ никакого понятія, но теперь, послѣ 17-ти-лѣтнихъ занятій, мнѣ стыдно и совѣстно было бы продолжать вѣрить, какъ прежде, на-слово». (Томъ 98 «Собр. Истор. Импер. Общ.», стр. 176).

[2]) См. «Сбор. свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ», 1865 г., т. I, кн. 2-я.

лѣтнее управленіе Министерствомъ Финансовъ (1823—1843), который имъ представленъ Государю Императору 12 марта 1843 года. Вотъ они: «Вышеизложенный обзоръ безпристрастному читателю можетъ служить матеріалами къ сужденію, можно ли упрекать министра финансовъ, какъ то дѣлали нѣкоторые, что будто-бы онъ въ теченіе 20-ти лѣтъ ничего не дѣлалъ и дѣйствовалъ безъ системы. Напротивъ того, обращая мысленные взоры свои назадъ,—на столь значительный періодъ своей жизни, министръ финансовъ спокоенъ своею совѣстію и осмѣливается думать, что между необъятнымъ множествомъ безполезныхъ, лишнихъ или маловажныхъ дѣлъ и формальностей, въ нашемъ управленіи чаще, нежели гдѣ-либо, встрѣчающихся, онъ не упустилъ сдѣлать сколько могъ существенно-полезнаго, лаская себя надеждою, что разныя дѣйствія министра финансовъ имѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не одно только временное вліяніе на направленіе дѣлъ и умовъ въ отечествѣ. Объ участіи его въ дѣлахъ государства и особомъ вліяніи на нѣкоторыя, но собственно къ Министерству Финансовъ непринадлежащія, здѣсь было-бы не умѣстно распространяться».

О заслугахъ гр. Канкрина говоритъ также слово кн. Петра Андреевича Вяземскаго, сказанное имъ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея его служенія:

«Мы встрѣчались съ вами, говорилъ кн. Вяземскій, въ кабинетѣ общаго начальника нашего, незабвеннаго намъ и Россіи, графа Канкрина. Съ нами здѣсь преемникъ его, также нашъ современникъ и сослуживецъ (А. М. Княжевичъ). Тѣмъ охотнѣе заявляю при немъ доброе слово въ память государственныхъ заслугъ общаго нашего начальника, что и онъ, убѣжденъ я, отзовется на голосъ мой и подкрѣпитъ его», и далѣе продолжалъ: «Графъ Канкринъ, говоря мнѣ однажды о своихъ трудахъ и болѣзняхъ, сказалъ, что онъ уже 15 лѣтъ сидитъ «на огненномъ стулѣ» Министра Финансовъ; я полагаю, что и стулъ министра просвѣщенія набитъ не одними лаврами» («Полн. собр. соч. П. А. Вяземскаго», т. 7, стр. 62).

Такой отзывъ кн. Вяземскаго, какъ извѣстнаго поэта, знаменателенъ, такъ какъ П. А. Плетневъ, оканчивая свой очеркъ о гр. Е. Ф. Канкринѣ, писалъ: «Потомство должно сохранить въ памяти, что гр. Е. Ф. Канкринъ какъ друга любилъ подлѣ себя видѣть И. А. Крылова, и съ такимъ же удовольствіемъ встрѣчалъ въ своемъ домѣ В. А. Жуковскаго».

Эти слова говорятъ сами за себя. Впрочемъ и баронъ Корфъ, сдѣлавъ мастерскую характеристику врага гр. Канкрина—князя Ксаверія Францевича Друцкаго-Любецкаго, писалъ: «Представивъ характеристику Любецкаго, я дол-

женъ бы былъ изобразить здѣсь также портретъ того лица, противъ котораго постоянно устремлены были его нападки. Но это превосходитъ мои силы. Для полнаго портрета графа Канкрина надлежало бы соединить въ одно и примѣчательную его біографію, и исторію двадцатилѣтняго его управленія Министерствомъ Финансовъ, а въ такомъ объемѣ потребовалась бы и цѣлая отдѣльная картина и кисть, искуснѣйшая моей».

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не было подробнаго жизнеописанія гр. Е. Ф. Канкрина, за исключеніемъ краткаго біографическаго очерка, изданнаго Павленковымъ, который обстоятельно составленъ Р. И. Сементковскимъ. Между тѣмъ вопросъ о біографіи графа Е. Ф. Канкрина не разъ возникалъ. Такъ Ѳ. А. Рейнботъ въ своемъ очеркѣ «Графъ Е. Ф. Канкринъ» (см. «Рус. Стар.», т. XXXIX, стр. 179) говоритъ:

«Въ началѣ 1870-хъ годовъ посѣтилъ меня извѣстный московскій суконный фабрикантъ, коммерціи совѣтникъ А. А. Алексѣевъ (отецъ убитаго московскаго головы Н. А. Алексѣева). Цѣль его пріѣзда въ С.-Петербургъ, по порученію товарищей по мануфактурной и торговой промышленности, состояла въ прiисканіи или вызовѣ лица, которое бы приняло на себя составленіе біографіи графа Канкрина; за трудъ предполагалась значительная премія. Но, къ сожалѣнію, дѣло не состоялось; по какимъ причинамъ — не знаю.

Въ ноябрѣ 1878 г. назначено было празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея существованія Технологическаго Института, созданнаго гр. Канкринымъ. Вспомнивъ о цѣли, съ которою пріѣзжалъ А. А. Алексѣевъ въ С.-Петербургъ, я немедленно отправился въ Москву. Въ день моего пріѣзда видѣлся я съ Алексѣевымъ; на другой день сообщили мнѣ, онъ и N N [1]), членъ биржеваго комитета, что въ бывшемъ наканунѣ засѣданіи назначено почтить память гр. Канкрина, по случаю юбилея, открытіемъ подписки:

1) На конкурсную премію за составленіе біографіи гр. Канкрина.

2) На капиталъ для 5-ти стипендіатовъ, его имени, въ Технологическомъ Институтѣ.

3) На капиталъ для выдачи, ежегодно, двухъ золотыхъ медалей имени гр. Канкрина, двумъ воспитанникамъ (химику и механику) Технологическаго Института, окончившимъ съ отличіемъ курсъ наукъ.

Открытая, въ то же засѣданіе комитета, подписка составила, какъ сообщалъ А. А. Алексѣевъ, сумму до 30 тысячъ руб. Вотъ какимъ успѣхомъ, какъ-бы казалось, увѣнчивалась моя поѣздка, о чемъ я немедленно

---

[1]) Фамилія этого лица, принявшаго самое искреннее участіе въ этомъ дѣлѣ, должна оставаться, по его желанію, не названною. *Ѳ. Р.*

сообщилъ директору Технологическаго Института. Но увы! Примѣнилась и оправдалась поговорка: «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

На другой же день послѣ засѣданія предсѣдатель долженъ былъ отправиться, по вызову министра финансовъ, въ С.-Петербургъ. — И второй блинъ, какъ говорится, упалъ комомъ. По возвращеніи предсѣдателя въ Москву уже было поздно, день празднованія юбилея уже миновалъ!»

Нашъ настоящій трудъ есть не болѣе какъ историко-біографическое изслѣдованіе, заключающее въ себѣ обстоятельныя и безпристрастныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности графа Егора Францевича Канкрина, собираніе которыхъ стоило не мало трудовъ, такъ какъ никакихъ памятныхъ записокъ гр. Е. Ф. Канкринъ не велъ, хотя ему часто говорили о томъ. — «Я слишкомъ люблю правду и слишкомъ правдивъ для того, чтобы услаждаться чувствомъ ея», — былъ его отвѣтъ; вотъ почему собранныя данныя въ настоящей книгѣ цѣнны для будущаго его біографа. Въ свою очередь приносимъ искреннюю, душевную признательность: Владиміру Петровичу Ламбину, Ивану Афанасьевичу Бычкову и Павлу Яковлевичу Дашкову, оказавшимъ не малое содѣйствіе въ нашей работѣ и заключимъ настоящее предисловіе указаніемъ на то обстоятельство, что графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, вмѣстѣ съ Вас. Андр. Жуковскимъ и Мих. Мих. Сперанскимъ, былъ преподавателемъ Царя-Освободителя—Императора Александра II, въ бытность послѣдняго Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.
Съ барельефа гравированнаго по способу Колласа.

СЛУЖБА ВЪ РОССІИ

Франца, Людвига Канкрина

и

ЗАСЛУГИ ЕГО СЫНА,

Егора Францевича,

во время войнъ 1812—15 годовъ,

ВЕДЕННЫХЪ

Императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Апоѳеозъ Императора Александра I

съ современной гравюры Авриля, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

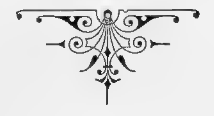
Шмуцъ-титулъ, титулъ и заглавные листы набраны по указанію фактора типографіи А. I. БУТЫЛЬНИКОВА

Глава первая.

СОДЕРЖАНІЕ

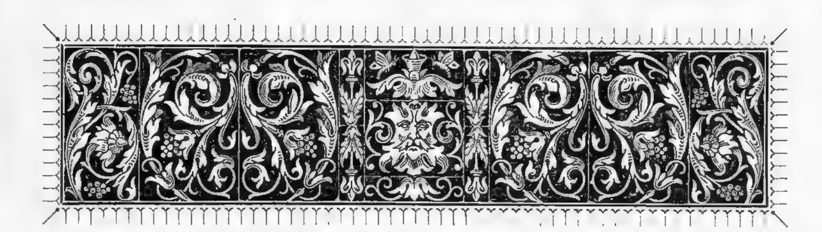
ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

Служба отца въ Россіи. — Воспитаніе сына за границей и пріѣздъ его въ Петербургъ. — Первое впечатлѣніе отъ столицы. — Исканіе мѣста и поступленіе на службу. — Изученіе Россіи въ разъѣздахъ по ней. Изданіе брошюры и знакомство съ Барклай-де Толли. — Написаніе для Барклая проекта: О средствахъ продовольствія большихъ армій. — Переходъ въ Военное вѣдомство и полученіе мѣста генералъ интенданта.—Сношенія съ фельдмаршаломъ кн. Голенищевымъ-Кутузовымъ и его отзывы. — Дѣятельность во время отечественной войны 1812 г. и переименованіе въ генералъ-маіоры.—Отчетъ о войнѣ 1812—15 г г.—Составленіе новаго положенія о полевомъ провіантскомъ управленіи и замѣчанія на него Императора Александра I.— Осмотръ Интендантства въ Шкловѣ в. к. Николаемъ Павловичемъ и приглашеніе Его Высочествомъ къ себѣ вечеромъ.—Женитьба.—Дѣти и кумъ графъ Аракчеевъ. — Новое сочиненіе: О хозяйствѣ во время мира и войны. — Записка объ освобожденіи крестьянъ.—Замѣчанія о войнахъ съ Турціею. — Назначеніе членомъ Военнаго Совѣта. — Вызовъ Императоромъ Александромъ I въ Лайбахъ.

Franz Ludwig von Cancrin.
Ihro Russ. kais. Majestät Collegienrath u. Director der staraja-
rusischen Salzwerke, der kais. freien oecon. Gesellsch. zu
St. Petersburg, der fürstl. hessisch. Acad. der Wissensch. zu
Giesen, u. der naturforschenden Gesellsch. zu Berlin
Mitglied: Geb. d. 21. Febr: 1738.

I.

Отецъ графа Егора Францовича Канкрина — Францъ, Людвигъ, родился 21 февраля 1738 года, въ Брейтенбахѣ (Дармштатѣ); находился сперва на службѣ Гессенъ-Кассельскаго ландграфа, въ званіи оберъ-каммеръ-рата; завѣдывалъ горными и соляными промыслами, монетнымъ дѣломъ и водяными сообщеніями; построилъ Вильгемсбадъ и пріобрѣлъ славу опытнаго инженера [1]).

Въ тоже время, изданное имъ въ 1773 году сочиненіе о горной и соляной промышленности, (въ IX томахъ), доставило Канкрину еще большую извѣстность. Насколько вообще уважались труды Канкрина и были цѣнны для своего времени, можно судить по тому, что главный горный инженеръ Короля Франціи Блавье (M. Blavier) перевелъ въ 1825 году сочиненіе его на французскій языкъ; «Jurisprudence générale des Mines en Allemagne» [2]).

Въ 1782 году Канкринъ былъ назначенъ маркграфомъ Аншпахскимъ Правителемъ графства Сайнъ, а въ слѣдующемъ году, графъ П. А. Румянцевъ Задунайскій вызвалъ въ Россію Канкрина, по рекомендаціи его родственника, генералъ-инженера Бадера.

Францъ Ивановичъ Канкринъ вступилъ въ русскую службу 3 мая 1784 г. съ чиномъ коллежскаго совѣтника и былъ опредѣленъ членомъ Бергъ-Коллегіи; затѣмъ вскорѣ онъ получилъ въ управ-

---

[1]) Dr. Arthur Kleinschmidt: «Russland's geschichte und Politic».

[2]) Въ 3-хъ томахъ, экземпляръ этого перевода имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

леніе Старорусскій соляной заводъ, на которомъ улучшилъ сдобриваніе разсоловъ плетнями. По повелѣнію императрицы Екатерины II, сочиненіе Канкрина было переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: [1])

ПЕРЬВЫЯ ОСНОВАНІЯ

ИСКУСТВА

ГОРНЫХЪ и СОЛЯНЫХЪ

ПРОИЗВОДСТВЪ

СОЧИНЕННЫЯ

КОЛЛЕЖСКИМЪ СОВѢТНИКОМЪ

ФРАНЦЕМЪ ЛЮДВИГОМЪ КАНКРИНЫМЪ

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ

РУДОСЛОВІЕ

ПЕРЕВЕДЕНА

Капитаномъ Никитою Рожешниковымъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1785 года.

[1]) При изданіи 6-й части сочиненія Канкрина, онъ названъ — Высококняжескимъ Гессенъ, Ганавскимъ Камеральнымъ Совѣтникомъ. Всѣхъ частей перевода вышло 10-ть, съ 1785—1791 г.; по росписи книгъ Сопикова оно стоило 100 р. ассигн.

Интересно въ немъ слѣдующее посвященіе автора Императрицѣ Екатеринѣ II.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Императрица!

Всемилостивѣйшая Государыня! Дерзновеніе посвѣтить всеподданнѣйше, сіи первыя основанія искуства горныхъ и соляныхъ производствъ Вашему Императорскому Величеству превышаетъ безконечно всѣ тѣ преимущества, которыхъ когда либо возмогъ я ожидать отъ сихъ малыхъ трудовъ моихъ.

Сіе небольшое сочиненіе, разсуждая всю обширность онаго, есть можетъ быть первое въ своемъ родѣ, являющееся въ свѣтъ, и ради сей причины имѣетъ нужду въ весьма сильномъ покровительствѣ.

Но кое преимущество могло быть для онаго славнѣе, и одобрѣніе дѣйствительнѣе той дерзости, которую пріемлю я поставить въ заглавіи онаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества, славнѣйшей и премудрѣйшей Монархини?

Благоволите Ваше Императорское Величество удостоить оное Всемилостивѣйшаго возрѣнія, которымъ и доселѣ Ваше Величество насаждая науки и художества пріобрѣли славу отъ всей Европы.

Благоволите Ваше Императорское Величество всемилостивѣйшс принять оное, аки, достопамятность того глубочайшаго благоговѣнія, къ возбужденію котораго великое, и высокое свойство достохвальнѣйшія Монархиня распространяетъ лучи и въ странахъ отдаленнѣйшихъ и позвольте съ проистекаемою оттуда чувствительностью подвергнуть себя всеподданнѣйше къ стопамъ вашего Императорскаго Величества исполнена удивленія и ревности къ священной Особѣ Вашей.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Императрица!

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій рабъ,

Францъ Людвигъ Канкринъ.

Приведенное посвященіе представляетъ точный переводъ съ нѣмецкаго изданія сочиненія Ф. И. Канкрина: — «Erste gründe der Berg und Salzverkskunde», напечатаннаго во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1773 г. Замѣчательно однако, что и другое его сочиненіе, изданное ранѣе—именно въ 1767 году, также во Франкфуртѣ, тоже посвящено Императрицѣ Екатеринѣ II. Вотъ его заглавіе: «Beschreibung der vorzüglichsten Bergverke in Hessen»; оба названные труда Ф. И. Канкрина можно найти въ иностранномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ, а въ Публичной Библіотекѣ есть еще третье сочиненіе Канкрина:—«Vermischte meist ökonomische Schriften», печатано уже въ Ригѣ, въ 1786 году, съ посвященіемъ опять таки Императрицѣ Екатеринѣ II, при чемъ фамилія автора напечатана Franz Ludwig Cancrin, а не «Cancrinus», какъ на предъидущихъ его двухъ монографіяхъ. Это обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что при возведеніи Канкрина въ дворянство Императоромъ Іосифомъ II [1]) было измѣнено писаніе его фамиліи. Въ указанной книгѣ приведенъ и титулъ Канкрина: Jhro Russisch Kaiserlichen Majestät. Collegienrathes, und Directors des starajarussischen Salzverke der Kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg der Fürstl gesichen Akademie der Wissenschaften zu Giesen, und der naturforchenden Gesellschaft zu Berlin Mitgliedes». Совершенно подобная же подпись повторена подъ портретомъ Ф. И. Канкрина, работы Fritzch'a, описанномъ въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго [2]).

Кромѣ того Канкринъ исполнялъ и другія порученія Государыни; такъ, напримѣръ, 21 декабря 1784 г. Екатерина писала своему статсъ-секретарю А. В. Храповицкому [3]):

«Канкрейну показать лѣсной заготовительный уставъ».

А графъ Безбородко приказывалъ начальнику Канкрина—Новгородскому намѣстнику Архарову: *«дабы мнѣнія и представленія его, какъ человѣка, исполненнаго обширныхъ по соляной части знаній, уважаемы были».*

Вскорѣ затѣмъ Канкринъ былъ отпущенъ въ чужіе края для поправленія своего здоровья и, чтобы тамъ онъ могъ окончить свое

[1]) «Справочный Энциклоп. Словарь» Старчевскаго см. Ф. И. Канкринъ.

[2]) Т. I стр. 1157.

[3]) «Рус. Арх.» 1872 г., стр. 2064.

сочиненіе о горной и соляной наукѣ, ему было сохранено содержаніе, назначенное, согласно условію, при пріемѣ его на службу — 2000 рублей.

Возвратился Канкринъ въ Россію въ 1796 г., по кончинѣ Екатерины II и снова былъ опредѣленъ членомъ Бергъ - Коллегіи.

Императоръ Павелъ I очевидно благоволилъ къ Канкрину, который, какъ можно думать, вѣроятно принималъ участіе въ улучшеніи монетной системы, начатой Павломъ Петровичемъ съ 1797 года, такъ какъ монетное дѣло практически было знакомо Францу Ивановичу изъ прежней его дѣятельности у Гессенъ-Кассельскаго ландграфа. Въ 1798 году, 17 марта, Канкринъ былъ пожалованъ Государемъ чиномъ Статскаго Совѣтника, а восемь мѣсяцевъ спустя—получилъ въ подарокъ домъ [1]) въ С.-Петербургѣ, о чемъ сохранился слѣдующій указъ:

Императоръ Павелъ I.

«Господинъ генералъ отъ кавалеріи и С.-Петербургскій Губернаторъ, баронъ фонъ-деръ-Паленъ. Всемилостивѣйше пожаловавъ Статскому Совѣтнику и Бергъ-Коллегіи первому члену Канкрину, состоящій въ С.-Петербургѣ, въ четвертой Адмиралтейской части, подъ № 29 домъ, бывшій купца Клипина, повелѣваемъ, оный отдать помянутому Канкрину въ собственность.

ПАВЕЛЪ.

Данъ въ Гатчинѣ, числа 23 сентября 1798 года» [2]).

Въ 1800 году Ф. И. Канкринъ получилъ вторично въ «дирекцію» Старорусскій солевареный заводъ, при чемъ помощникомъ къ

---

[1]) Домъ этотъ находился на Гагаринской набережной и былъ въ 1840-хъ годахъ графомъ Канкринымъ проданъ барону Фитингофу; на мѣстѣ его теперь сооруженъ палаццо графа А. Д. Шереметева.

[2]) «Рус. Стар.» 1872 г., Т. V, стр. 243—44.

себѣ взялъ своего сына Егора Францовича, пріѣхавшаго въ Россію еще въ 1797 году. Заботы и хлопоты объ улучшеніи состоянія завода не покидали Канкрина-отца, чему доказательствомъ служатъ слѣдующія его представленія и ходатайства: [1])

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, 16 октября 1808 г., въ Комитетѣ Министровъ читалъ записку, въ которой изъяснялъ, что Управляющій Старорусскимъ солеваренным заводомъ, д. ст. сов. Канкринъ, испрашиваетъ 13,612 р. 5 коп. на поправку поврежденій, сдѣланныхъ въ заводскихъ зданіяхъ необыкновенною водою, бывшею весною сего года, и на произведеніе новыхъ построекъ для предупрежденія дальнѣйшаго вреда, впредь въ случаѣ наводненія быть могущаго, и что онъ, съ своей стороны, по повѣркѣ въ Строительномъ Комитетѣ присланныхъ отъ Канкрина плана и смѣтъ, находитъ необходимымъ, чтобы сіи деньги были особо ассигнованы, независимо отъ той суммы, которая обыкновенно на выварку соли отпускается и которая совершенно уже истощена на произведенныя прежде въ заводѣ строенія и поправки, къ чему присовокупляетъ онъ также, что нужно, чтобы оные отпущены были безъ замедленія, дабы можно было благовременно заготовить потребные матеріалы и при первой удобности приступить къ произведенію построекъ. Комитетъ, согласно съ этимъ представленіемъ, назначилъ оные 13,612 р. 5 к. отпустить изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

Въ слѣдующемъ, 1809 году, 30 іюня, въ Комитетѣ Министровъ [2]) была читана другая записка Канкрина, въ которой онъ доносилъ, что: «по возвысившимся нынѣ на всѣ матеріалы и жизненные припасы цѣнамъ, не находя возможности производить съ успѣхомъ выварку соли и поддерживать самый заводъ, требующій, по описанію его, многихъ починокъ и произведенія вновь нѣкоторыхъ строеній, въ томъ числѣ каменнаго дома для управляющаго, проситъ къ настоящей за выварку соли по 35 коп. за пудъ цѣнѣ прибавить еще по меньшей мѣрѣ 15 коп. на пудъ, начавъ прибавку сію съ нынѣшняго года. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, разсмо-

---

[1]) «Журналы Комитета Министровъ царствованія Императора Александра I». Т. I, стр. 213, столбецъ I.

[2]) Тамъ же стр. 311, столбецъ I.

трѣвъ представленіе сіе и соображая расходы на выварку соли, годъ отъ году въ томъ заводѣ по возвышенію цѣнъ на всѣ вещи увеличивающіеся, находитъ, что заводу дѣйствительно нельзя нынѣ изворотиться отпускаемою ему за выварку соли суммою и что для поддерживанія онаго и для произведенія построекъ потребно или увеличить цѣну за выварку, или отпустить каковую либо сумму единовременно. Комитетъ положилъ [1]) къ нынѣшней за выварку соли цѣнѣ прибавить по 10 к. на пудъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ нужныя по заводскому строенію исправленія сдѣланы были изъ сей суммы и домъ для управляющаго не прежде былъ начатъ, какъ по приведеніи уже въ надлежащую исправность всѣхъ тѣхъ частей, которыя собственно принадлежатъ къ заводскому производству».

Въ 1812 г. изъявлено было согласіе Министра Финансовъ на увольненіе д. ст. сов. фонъ-Канкрина отъ управленія Старорусскимъ солянымъ заводомъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, и объ опредѣленіи на его мѣсто Версилина [2]). Содержаніе же д. ст. сов. Канкрина равнялось 3,465 руб., какъ то видно изъ «Росписи о доходахъ и расходахъ по государству на 1814 годъ» [3]).

Причиною отставки Канкрина была мучительная болѣзнь, неоставлявшая его почти во все время службы: она настолько истощила его силы, что принудила оставить Старорусскій заводъ; несмотря на это онъ остался въ званіи члена Горнаго Совѣта при Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и умеръ въ С.-Петербургѣ 29 марта 1816 года, на 78 году жизни, въ чинѣ д. ст. сов., имѣя орденъ св. Владиміра 3-ей степени.

Кромѣ названныхъ сочиненій Ф. И. Канкринъ писалъ много по Технологіи, а по юридической части цѣнилась его книга «Abhandlung vom Wasserrecht» (права землевладѣльцевъ на водныя пространства), точно также какъ и по архитектурѣ руководство «Häng und Sprengwerk».

«Въ разсужденіи нравственнаго характера Франца Ивановича Канкрина, говоритъ его біографъ А. В—въ, въ «Сѣверной Пче-

---

[1]) Пол. Собр. Зак., № 23,794.

[2]) Жур. Ком. Мин., Т. II, стр. 693, столбецъ II.

[3]) Сбор. историч. матеріаловъ изъ архива Соб. Его Импер. Велич. Канцеляріи, Т. III, стр. 408.

лѣ», [1]) — скажу, что онъ, при небольшомъ достаткѣ дѣлился и послѣднимъ съ ближнимъ, и вообще охотно помогалъ всякому; прощалъ отъ всего сердца слабости другихъ, въ вѣрѣ былъ постоянный христіанинъ, къ дѣтямъ нѣжный и попечительный отецъ».

Вотъ эта-то доброта, кажется, и была причиною «бѣдственнаго положенія родителей» Егора Францовича Канкрина, о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ [2]).

Въ свой вторичный пріѣздъ въ Россію, въ 1797 г., Францъ Ив. Канкринъ уговорилъ пріѣхать сюда и младшаго сына своего Егора (родился въ Ганау, въ Гессенскомъ курфиршествѣ, 16 Ноября 1774 г.). Образованіе онъ получилъ сперва въ Гессенскомъ университетѣ, изъ котораго потомъ перешелъ въ Магдебургскій, гдѣ изучалъ преимущественно правовѣдѣніе и политическую экономію. Окончивъ курсъ наукъ въ 1794 г. Канкринъ блистательно защитилъ свою диссертацію и поступилъ на службу герцога Ангальта Бранденбургскаго, получивъ званіе совѣтника правленія.

Будучи еще студентомъ въ Гессенѣ Канкринъ учреждалъ «идеальное дружеское общество», потомъ написалъ и издалъ романъ, подъ названіемъ «Дагоберъ» [3]), занимался поэзіею и философіею, а по пріѣздѣ въ Россію писалъ статьи о нѣмецкомъ театрѣ [4]). Впослѣдствіи Канкринъ говорилъ про себя, что нѣмецъ похожъ на капусту: чтобы она вышла хороша, непремѣнно нужно ее пересадить.

Издатель «Русскаго Архива» [5]) П. И. Бартеневъ, говоря о дневникѣ Канкрина, пишетъ: «Въ русскую службу онъ поступилъ прямо надворнымъ совѣтникомъ, и это отличіе доставили ему служебныя связи его отца. Дѣло въ томъ, что Канкринъ-отецъ переселился изъ Германіи вмѣстѣ съ другомъ своимъ, барономъ Пирхомъ, артиллеристомъ и наставникомъ Аракчеева. Послѣдній всегда оказывалъ покровительство молодому Канкрину и немало содѣйствовалъ его

---

[1]) За 1825 годъ № 5.

[2]) Aus den Reisetagebüchern des Grafen Kankrin. 1865 г. Брауншвейгъ. О дневникѣ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

[3]) «Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Freiheits Kriege» въ 2-хъ частяхъ. Altona 1797—98 гг. (Дагоберъ, романъ изъ настоящей войны за освобожденіе).

[4]) См. «Энциклопедическій Словарь» изданія Старчевскаго, статью «Графъ Е. Ф. Канкринъ».

[5]) См. 1866 г., стр. 113.

позднѣйшему возвышенію. Разсказываютъ, что однажды Аракчеевъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева [1]), чтобы тотъ далъ ему чиновника, свѣдущаго въ лѣсной части и умѣющаго разводить парки [2]). Козодавлевъ прислалъ Канкрина, но Аракчеевъ сталъ ему говорить *ты*. Тотъ обидѣлся и раскланялся. Тогда Аракчеевъ перевелъ его уже оффиціально къ себѣ на службу. «Смотри же,— сказалъ онъ ему,—ты теперь злишься, но мы напередъ пообѣдаемъ вмѣстѣ, а потомъ поѣдемъ въ деревню (вѣроятно, Грузино) работать». Твердость Канкрина понравилась всевластному графу, и съ тѣхъ поръ онъ отличалъ его своимъ довѣріемъ. Нѣсколько времени будучи уже коллежскимъ совѣтникомъ, Канкринъ никакъ не могъ получить штатнаго мѣста. Большаго ему не давали, такъ какъ онъ не зналъ по-русски, а принять незначительное—значило уронить чинъ. Но ему хотѣлось дѣятельности, и сохранились письма его къ академику Николаю Фуссу, съ убѣдительными просьбами о мѣстѣ учителя въ гимназіи. Мѣсто было нужно: молодой Канкринъ самъ чинилъ себѣ сапоги, платье и долженъ былъ отказаться отъ куренія табаку. Канкринъ не только пробовалъ учительствовать, но былъ комиссіонеромъ, бухгалтеромъ въ конторѣ откупщика, вообще занимался чѣмъ приходилось. Этихъ обстоятельствъ никогда не скрывалъ Канкринъ, и разъ, когда одинъ сановникъ, выслушивая его замѣчанія на неправильность переложенія ассигнаціонныхъ рублей въ серебряные, въ смѣтѣ, позволилъ себѣ рѣзко отвѣтить министру:—Я никогда бухгалтеромъ не былъ! «А я, возразилъ Канкринъ, былъ въ жизни всѣмъ: писцомъ, комиссіонеромъ, казначеемъ и бухгалтеромъ, но простакомъ никогда не бывалъ». Отсюда его привычки къ лишеніямъ, и въ позднѣйшіе годы крайняя простота и умѣренность въ образѣ жизни. Уже министромъ видали его дома почти постоянно въ солдатской шинели, съ сигарой россійскаго производства. Онъ даже не держалъ стакана въ кабинетѣ, а пилъ воду какъ попало. Старомодные серебряные часы свои онъ завѣщалъ, какъ драгоцѣнность, пастору Муральту. Конверты бумагъ и писемъ, къ нему прихо-

---

[1]) По происхожденію нѣмецъ, фамилія его передѣлана въ русскую изъ словъ Koss-von Dahlen. Смотри о немъ нашу замѣтку въ № 186. Приложенія къ «Новому Времени» 1894 г.

[2]) Александровскій паркъ въ С.-Петербургѣ, близъ Петропавловской крѣпости, разведенъ заботами гр. Канкрина.

дившихъ, всегда распечатывалъ тщательно и сберегалъ. «Они на что-нибудь пригодятся», — говаривалъ Канкринъ, — «Бѣдность пріучила меня съ неохотою выдавать деньги, и потому теперь я нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностью. Въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту необходимо помнить, что разориться можно не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣднія не обращаешь вниманія, между тѣмъ копейки растутъ въ рубли». При всемъ этомъ нельзя было назвать Канкрина скрягой. Когда домашніе просили у него денегъ на настоящія нужды, онъ выдавалъ щедро и безъ малѣйшей воркотни. Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ увѣдомилъ его, что Государь, по его просьбѣ, не только дозволилъ двумъ его старшимъ сыновьямъ ѣздить на уроки въ Пажескій корпусъ, но и приказалъ выдавать по 1.000 руб. пенсіи профессору Шульгину, подъ надзоромъ котораго они состояли. Поблагодаривъ за монаршую милость, гр. Канкринъ прибавилъ: «По милости Государя, я въ состояніи самъ расходоваться на дѣтей моихъ, и потому всеподданнѣйше прошу обратить назначаемую сумму въ пользу когда-либо, болѣе нуждающагося».

Тоже самое подтверждаетъ и П. А. Плетневъ [1]), въ своей статьѣ «Графъ Е. Ф. Канкринъ», говоря: «Родившись почти въ бѣдномъ состояніи, Канкринъ, по отбытіи отца его въ Россію, оставался въ Германіи, сперва въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ, занимаясь только науками и не получая привычекъ къ свѣтской разсѣянности и общественнымъ удовольствіямъ. Даже и въ Россіи до 1811 года, онъ проводилъ время, болѣе какъ нѣмецкій ученый, а не такъ, какъ искатель чиновъ и возвышенія. Рано въ немъ обнаружилась охота къ изложенію перомъ бродящихъ въ головѣ его мыслей. Онъ самъ объ этомъ упоминаетъ въ книжкѣ «Картины воображенія слѣпца» (Phantasie-Bilder eines Blinden) напечатанной въ Берлинѣ въ 1845 году. Въ предисловіи къ ней графъ Канкринъ замѣчаетъ:

«Когда я былъ молодъ, а теперь мнѣ 69 лѣтъ, гулялъ я въ областяхъ поэзіи. Но жизнь удалила меня въ пустыни и на горные спуски дѣлъ».

---

[1]) См. «Современникъ» 1846 г. статью «Е. Ф. Канкринъ».

По словамъ Канкрина при въѣздѣ его въ Петербургъ изъ Кронштадта рѣкою, видъ города произвелъ на него тягостно-удручающее впечатлѣніе, особенно грустно выглядѣли тогда довольно пустынные берега красавицы Невы. Вотъ почему, быть можетъ, Е. Ф. Канкринъ съ такою любовію старался украсить величественными зданіями Неву, каковы: Горный Корпусъ и Таможня, съ пакгаузами, окружающими зданіе Биржи. На открытіе Таможни были изданы М. Поднебеснымъ, отдѣльною брошюрою, стихи, посвященныя гр. Е. Ф. Канкрину, начинавшіяся словами:

Торговли новый храмъ открылся!
Тобой, великій патріотъ!
Сей новый фениксъ возродился,
Смотрясь въ зерцалѣ Невскихъ водъ,
Любуется, гордясь собою,
И украшаетъ градъ Петровъ
Великолѣпіемъ, красою.
Сей памятникъ твоихъ трудовъ,
Сей храмъ въ зиждителѣ являетъ
Высокій умъ, изящный вкусъ, и т. д.

Опредѣленный въ 1803 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ [1]) совѣтникомъ при Экспедиціи Государственной экономіи, Канкринъ скоро нашелъ въ новомъ своемъ званіи случай отличиться отчетливымъ исполненіемъ разныхъ возлагавшихся на него значительныхъ порученій внутри Имперіи, причемъ онъ вполнѣ изучилъ Россію.

Такъ въ 1804 г. Канкринъ ѣздилъ въ Оренбургскій край, что видно изъ «Росписи Государ. расходовъ» за 1804 годъ, въ которой показано: «На подъемъ и проѣздъ колл. сов. Канкрина, отправившагося въ Оренбургскую губ. на изслѣдованіе ломки Илецкой соли выдано 700 руб. [2]).

Результатомъ всѣхъ этихъ трудовъ по исполненію порученій было пожалованіе Канкрина въ статскіе совѣтники (въ 1805 г.), награжденіе орденами и прочими изъявленіями Монаршей милости.

---

[1]) Мѣсто это получилъ Канкринъ, благодаря покровительству вице-канцлера Остермана, которому онъ представлялъ записку объ улучшеніи овцеводства въ Россіи; ранѣе Канкринъ (съ 1800 г.) былъ помощникомъ своего отца (Вигель. «Рус. Вѣст.» 1864 г.).

[2]) Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ. Т. 45, стр. 380.

Здѣсь умѣстно привести слѣдующія строки изъ «Воспоминаній» графини А. Д. Блудовой [1]): — «А. В. Поликарповъ, впослѣдствіи сенаторъ, по случаю голода былъ посланъ въ разныя губерніи для продовольствія народа. Ему дали въ помощники молодаго человѣка мало извѣстнаго, но даровитаго и честнаго (что бы ни говорили о немъ послѣ, когда клевета по обыкновенію стала преслѣдовать высокопоставленнаго государственнаго дѣятеля). Этотъ молодой человѣкъ былъ Канкринъ, и я съ удовольствіемъ записываю хорошую черту изъ его жизни. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Канкринъ пошелъ въ гору и получилъ видное мѣсто по министерству финансовъ, онъ пріѣхалъ къ вдовѣ Поликарпова, напомнилъ ей, что онъ при ея мужѣ началъ первую дѣятельную службу и пользовался его честнымъ примѣромъ и опытностію. Я его ученикъ, говорилъ Канкринъ. Въ сущности вѣроятно соображенія и несомнѣнная даровитость Канкрина въ денежныхъ дѣлахъ много способствовали успѣху командировки Поликарпова».

Въ 1809 году по Высочайшему повелѣнію Канкринъ былъ назначенъ инспекторомъ иностранныхъ колоній С.-Петербургской губерніи и жилъ лѣтомъ въ Стрѣльнѣ, гдѣ въ часы досуга написалъ, какъ онъ самъ говорилъ въ изданномъ дневникѣ, брошюру: «Fragmente über die Krigskunst» [2]), которая имѣла очень большое вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ, потому что *она дала мнѣ мысль* къ кунктаторскому походу (т. е. къ отступленію) въ 1812 г., причинившему освобожденіе Европы. Брошюра эта убѣдила меня и, безъ сомнѣнія, многихъ другихъ, въ томъ, что одержать верхъ надъ французами можно только системою войны Фабія Кунктатора. Книжечка эта попала въ руки прусскаго генерала Пфулля (Phull), перешедшаго въ русскую службу, который со мною и познакомился Онъ имѣлъ такой же взглядъ на войну 1812 года, какъ и я, и по примѣру англичанъ въ Испаніи, при Терресъ-Ведра, хотѣлъ устроить такой же укрѣпленный лагерь при Дриссѣ. Взглядовъ его придержались съ небольшими измѣненіями; я полагаю, что самъ имѣлъ

---

[1]) «Рус. Ар.» 1889 г. т. I, стр. 85.

[2]) Полное заглавіе этой брошюры: «Fragmente über die Kriegskunst nach gesichtspunkten der Militärischen Philosophie», St. Petersbourg. 1809 (Отрывки касающіеся военнаго искусства съ точки зрѣнія военной философіи).

во многомъ на него вліяніе и разные его взгляды на кунктаторскій походъ».

Эту брошюру конечно Канкринъ показывалъ тогдашнему военному министру Барклаю-де-Толли, которому «одолжена Россія тѣмъ», пишетъ неизвѣстный переводчикъ и издатель сочиненія гр. Канкрина «Очерки политической экономіи и финансіи» [1]) (Спб. 1894 г. см. предисловіе), — «что таланты Канкрина нашли въ ней свойственное имъ приложеніе? Кто былъ въ этомъ случаѣ явнымъ орудіемъ Провидѣнія? Это былъ тотъ, кто самъ служилъ орудіемъ Провидѣнія въ дѣлѣ спасенія Россіи, — тотъ полководецъ котораго, — какъ выразился Пушкинъ [2]) — «великій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и изумленіе» — это былъ знаменитый Барклай-де-Толли. При первомъ же появленіи Канкрина въ Петербургѣ, Барклай-де-Толли оцѣнилъ пылкаго, талантливаго и образованнаго юношу, полнаго благородной рѣшимости отплатить новой родинѣ за данный пріютъ самопожертвованіемъ, — рѣшимости, замѣтимъ, не чуждой и Барклаю-де-Толли: онъ дружески сошелся съ Канкринымъ и былъ руководителемъ къ достиженію высокой цѣли».

Въ 1810 г. Канкринъ написалъ для Барклая-де-Толли проектъ «О средствахъ продовольствія большихъ армій», который былъ представленъ Императору Александру I, а благопріятное мнѣніе Государя объ этомъ сочиненіи быстро повело Канкрина по ступенямъ возвышенія [3]). Въ февралѣ 1811 года Канкринъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйст. ст. совѣтника и назначенъ помощникомъ генералъ-провіантмейстера военнаго министерства. Въ 1812 г. онъ явился уже генералъ-интендантомъ сначала 1-ой Западной арміи. О назначеніе Канкрина говоритъ Аракчеевъ въ письмѣ къ брату своему, писанномъ наканунѣ войны 1812 г. [4]),

> «Война не избежна, и уже все войска наши на границахъ, и главнокомандующіе на своихъ местахъ, а и госу-

---

[1]) Нѣмецкое заглавіе этого труда такое: «Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen von einem ehemaligen Finanzminister».

[2]) Въ стихотвореніи его «Полководецъ»:

«У русскаго царя въ хоромахъ есть палата».

[3]) М. Богдановичъ соч. «Императоръ Александръ I». Т. VI, стр. 397.

[4]) «Рус. Стар.» 1874. Т. X, стр. 190.

дарь изъ С.-Петербурха выезжаетъ завтрѣ; место Его, а слѣдовательно и всехъ съ нимъ находящихся, предположено въ Вильнѣ; война предполагается самая жестокая, усильная, продолжительная и со всеми возможными строгостями, о которыхъ выдано конфермованное изъ четырехъ частей положеніе, коего одинъ екземпларъ въ вамъ при семъ посылаю. Если вы поедетѣ въ армию, то возьмитѣ его съ собой, ибо оные книжки еще редки, то и надобны тамъ будутъ вы найдетѣ въ сихъ положеніяхъ почти товарищей главнокомандующими но оные зделаны въ арміяхъ у барклая, гдѣ и государь предполагаетъ свое пребываніе. Ген.-лейт. паулучи, а во второй западной арміи, т. е. у князя багратіона Г. адъютантъ С. Прістъ, вы увидитѣ въ сихъ положеніяхъ важную должность Генералъ-Интенданта въ оные помещены въ армияхъ у барклая, канкринъ; который досего селилъ колонистовъ, и отецъ его пріятель еще Тишину, въ старой русѣ на соляныхъ заводахъ, и у багратіона сенаторъ Ланской, которой былъ въ 1809 году губернаторомъ въ Москвѣ».

АРАКЧЕЕВЪ.

Въ апрѣлѣ 1813 г. Канкринъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ всей дѣйствующей арміи и сопровождалъ побѣдоносное войско въ Парижъ, а оттуда обратно въ отечество и, въ теченіе этого продолжительнаго похода, умѣлъ всюду, при самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, обезпечить продовольствіе войскъ.

На покрытіе военныхъ расходовъ въ 1812 году было выпущено 64.500,000 руб. ассигнацій, но и этого выпуска было недостаточно, почему указомъ 15 іюля того-же года (См. Полн. Собр. Зак. № 25186) повелѣно было: 1) остановить всѣ по Имперіи гражданскія строенія какого бы онѣ вѣдомства ни были, не исключая цивильныхъ строеній по департаментамъ военнымъ, ниже работъ, предположенныхъ по вѣдомству путей сообщенія, 2) остановить всѣ выдачи ссудъ частнымъ людямъ изъ мѣстъ казенныхъ, обращая въ Государственное Казначейство всѣ тѣ суммы, кои отъ должниковъ по ихъ займамъ въ уплату капиталовъ вступать будутъ. А поелику таковыя же выдачи производятся и отъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, то и оные включить въ настоящее предположеніе.

Суммы же, вслѣдствіе сего распоряженія, вносимыя въ Государственное Казначейство, поступать въ оное должны на томъ точно основаніи и съ платежемъ толикихъ же процентовъ, какъ то и въ отношеніи выдачи частнымъ людямъ установлено. 3) Всѣ капиталы и суммы, городамъ принадлежащія, кои за удовлетвореніемъ однихъ токмо необходимыхъ расходовъ остаться могутъ, обратить на таковомъ же основаніи въ Государственное Казначейство, вслѣдствіе чего и по городамъ остановить время терпящіе расходы, какъ-то строенія и другія разныя заведенія».

Эрмитажъ, библіотеки, ученые кабинеты и дѣла всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, говоритъ В. Р. Марченко [1]), были вывезены водою на сѣверъ, чѣмъ воспользовались и служащіе, присоединивъ свои ящики къ казеннымъ, такъ что у гр. Аракчеева, напр., было въ домѣ не болѣе трехъ ложекъ. Закрытіе банка и ломбарда, съ пресѣченіемъ присылки доходовъ изъ деревень, сдѣлало то, что монетный дворъ не успѣвалъ перечеканивать въ монету приносимыхъ сервизовъ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ для усиленія средствъ, заслуживаетъ вниманіе указъ, отъ 9 апрѣля 1812 г., которымъ было повелѣно: «уваживъ затрудненія Государственнаго Казначейства изготовить потребное число облигацій Государственнаго Казначейства на 6 или 10 мил. руб. Сіи облигаціи писать отъ 200 до 500 руб. каждую. Чрезъ годъ времени отъ выдачи оныхъ, по предъявленіи оныхъ въ Казначейство, означенныя въ тѣхъ облигаціяхъ суммы немедленно платить государственными банковыми ассигнаціями съ процентами по 6 на 100». Подробное назначеніе этихъ облигацій было опредѣлено въ указѣ 24 апрѣля того же года, данномъ на имя главнокомандующихъ первою и второю западными арміями, въ которомъ разъяснено было, что облигаціи эти выдаются ими только за хлѣбъ, фуражъ и другіе предметы продовольствія, взимаемые военными требованіями и что слѣдовало «ввести сіи облигаціи въ употребленіе съ состоянія только сего указа, не обращая ихъ на заплату за прошедшее время». (П. С. З. № 25096).

Очень можетъ быть, что идея созданія такихъ облигацій была внушена Канкринымъ. Замѣчательно также, что спустя 66 лѣтъ,—

---

[1]) «Рус. Стар.», мартъ 1896, стр. 500.

въ 1878 г., Правительство наше прибѣгло къ такой же формѣ текучаго долга, именно выпустивъ «Обязательства Государственнаго Казначейства».

Графъ Армфельдъ [1]) говоритъ, что «Канкринъ плачевнымъ образомъ заботился о провіантѣ для войска. Когда отступленіе было рѣшено къ Вильнѣ, тогда было собрано много фуража и организованы магазины, покинутые впослѣдствіи и послужившіе только на пользу французамъ». Участникъ составленія плана Пфуля-Вольцогенъ, по рекомендаціи котораго былъ назначенъ Канкринъ, также отмѣчаетъ неудовольствіе императора Александра I къ генералъ-интенданту [2]). По этому поводу Армфельдъ составилъ предложеніе Государю, который нашелъ его подходящимъ «trés utile», но совѣты гр. Армфельда по этому вопросу не были приняты, хотя, по собственнымъ словамъ Армфельда: «возникъ вопросъ о томъ, чтобы я взялъ на себя завѣдываніе Интендантствомъ, но я боялся что мнѣ придется начать дѣло очень крупными непріятностями». Толь въ своемъ «Denkwürdigkeit» говоритъ объ Армфельдѣ слѣдующимъ образомъ: «Война, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была ему незнакома; онъ быть можетъ, не искалъ опредѣленной должности, но не хотѣлъ остаться безъ вліянія».

Но есть и другое, совершенно противоположное свидѣтельство именно М. М. Муромцева [3]), который пишетъ: «Барклай-де-Толли своимъ хладнокровіемъ и удивительной распорядительностью сохранилъ армію. Не было во всю кампанію потери ни одного вагона, армія была сыта. Этимъ мы обязаны генералъ-интенданту Канкрину, показавшему свое искусство расположеніемъ магазиновъ».

«Вообще всѣ наши начальныя заготовленія, говоритъ М. И. Богдановичъ [4]), принесли мало пользы при открытіи военныхъ дѣйствій, именно потому, что были собраны на немногихъ пунктахъ, въ слишкомъ большомъ количествѣ. Къ счастію, значительная часть запасовъ израсходовалась на войска еще до начала войны;

---

[1]) «Рус. Старина», май, 1896, стр. 594—95.

[2]) Канкринъ въ своемъ отчетѣ за войну 1812—1815 гг., о которомъ будетъ сказано ниже, на стр. 185 пишетъ «Надобно замѣтить, что отступленіе наше не предполагалось далѣе Двины».

[3]) «Рус. Арх.» 1890 г. Т. I, стр. 367.

[4]) «Исторія войны 1812 г.,» т. I, стр. 65 и слѣдующія.

нѣкоторые магазины были вывезены при отступленіи, остальные же сожжены. Чувствительна была потеря одного лишь магазина, заложеннаго въ Холтынякахъ [1]). Со времени отступленія отъ Дриссы, войска наши довольствовались сперва взятыми изъ тамошнихъ магазиновъ запасами, а потомъ провіантомъ, принадлежавшимъ подрядчикамъ, на непріятельской сторонѣ Двины. Но когда армія двинулась далѣе вверхъ по Двинѣ для загражденія дороги на Москву, тогда наступилъ на нѣкоторое время довольно чувствительный недостатокъ, потому что на этомъ пути не находилось магазиновъ, а для собиранія запасовъ изъ страны не было никакой возможности. Должно было прибѣгнуть ко всевозможнымъ случайнымъ средствамъ, и страна весьма пострадала, хотя со стороны главнокомандующаго и не предполагалось добровольно опустошать ее.

Между тѣмъ приступили къ другому, въ высшей степени дѣйствительному средству, которое можно назвать общимъ налогомъ продовольственныхъ припасовъ. Каждому обывателю за Смоленскомъ поставлено было въ обязанность выставить опредѣленное количество сухарей, крупы и отчасти овса: все это перевозилось къ арміи на мѣстныхъ повозкахъ, собиравшихся въ большіе обозы, которые, отъ времени до времени, получали ближайшія указанія — куда слѣдовало имъ направляться. Такое чрезвычайное вспомогательное средство приносило ощутительную пользу со времени Бородинскаго сраженія и доставляло арміи возможность оставаться столь долго подъ Тарутинымъ, не терпя недостатка, потому что тогда подвозы шли весьма успѣшно. По мнѣнію Канкрина, если бы наша армія была сосредоточена подъ Тарутинымъ не лѣтомъ и не осенью, когда можно было добывать траву, а запасы крестьянъ еще не истощились, то мы не могли бы оставаться такъ долго на семъ стратегическомъ пунктѣ. Впослѣдствіи посылали, впередъ и въ стороны, приказанія поселянамъ держать въ каждомъ домѣ въ готовности извѣстное число пудовъ хлѣба, что̀ принесло большую пользу. Наконецъ, когда армія отстала отъ непріятеля и разошлась по сторонамъ, тогда отправляемы были впередъ чиновники съ командами для заготовленія средствами обывателей печенаго хлѣба, что̀ также было успѣшно.

---

[1]) Въ 15 верстахъ къ с.-з. отъ Свенцянъ.

Захваченные въ Вильнѣ непріятельскіе магазины и размѣщеніе войскъ на квартирахъ въ окрестной странѣ, прекратили это въ высшей степени затруднительное положеніе» [1]).

Инспекторъ медицинской части Вилліе писалъ гр. Аракчееву, отъ 12-го сентября 1812 г. изъ Красной Пахры:

> «Тяжело раненые, не имѣя достаточнаго числа подводъ, должны были изъ Витебска тащи́ться въ палящій зной, безъ пищи, безъ питья, задушаемые пылью, по большой дорогѣ къ Порѣчью, гдѣ, отыскавъ съ трудомъ генералъ-интенданта арміи Канкрина, побудилъ я его доставить имъ продовольствіе пищею; прислать мнѣ нѣсколько ведеръ вина и уксуса и нѣкоторое количество холста, для второй перевязки» [2]).

«Благоразумны были распоряженія генералъ-интенданта Канкрина, говоритъ А. П. Ермоловъ въ своихъ «Запискахъ» [3]), который, во время пребыванія арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, заготовилъ большое весьма количество печенаго хлѣба, но много изъ него принужденъ былъ оставить, потому что время отступленія арміи не было опредѣлено, и не возможно было собрать средствъ, перевозкѣ соразмѣрныхъ. Въ продолженіи четырехъ дней, въ каждый день 3.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ, при полковникѣ и офицерахъ, наряжаемы были для хлѣбопеченія; причемъ соблюдался строгій порядокъ. — Канкринъ, человѣкъ отлично умный, далекъ, однако же, той расторопности, которую люди ловкіе въ изворотахъ провіантской промышленности находятъ необходимою для искуснаго прикрытія казеннаго ущерба. Не рѣшаюсь, однако же, предположить,

---

[1]) Соч. Канкрина «Über die Militair-öeconomie». I. стр. 84—87.

[2]) Н. Дубровинъ: «Отечественная война, въ письмахъ современниковъ». Стр. 132.

[3]) «Записки А. П. Ермолова» М. 1865. Т. I, стр. 134. Въ приложеніи къ I тому напечатаны слѣдующія бумаги за подписью Е. Ф. Канкрина:

1) Примѣрное исчисленіе суммъ для фуражнаго продовольствія 1-ой западной арміи Стр. 84.

2) Вѣдомость, гдѣ запасные пункты вновь учреждены. Стр. 95.

3) Краткая вѣдомость о росписаніи военнаго требованія по губ.: Виленской и Гродненской. Стр 99—109.

4) Вѣдомость о наличномъ провіантѣ по магазинамъ. Стр. 113.

5) Регистръ о сборныхъ пунктахъ магазиновъ. Стр. 118.

6) Донесеніе генералъ интенданта о закупкѣ провіанта. Стр. 123.

чтобы могло укрыться отъ него, если кто другой отличается знаніемъ сего ремесла, какъ и предузнать трудно, всегда ли онъ будетъ упрекомъ для другихъ».

Вообще Канкринъ проявилъ изумительную распорядительность, и Кутузовъ постоянно совѣщался съ нимъ. Такъ, до перехода русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, Канкринъ представилъ въ Меречѣ Кутузову разработанный во всѣхъ подробностяхъ планъ дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ и ихъ продовольствія. Не задолго до смерти Кутузовъ говорилъ съ нимъ о планѣ кампаніи и потребовалъ, чтобы онъ письменно изложилъ свое мнѣніе, потому что оно вполнѣ совпадаетъ съ его собственнымъ планомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сказалъ Канкрину: «Я показывалъ твою бумагу Императору, и онъ удивился твоимъ глубокимъ знаніямъ въ военномъ дѣлѣ». Послѣ битвы при Ватерло Канкринъ составилъ планъ движенія 200,000 арміи въ Парижъ и его планъ легъ въ основаніе тогдашнихъ военныхъ операцій.

Читая дневникъ Канкрина, мы видимъ, что подъ Москвою онъ удерживалъ Ростопчина отъ сжиганія окрестныхъ селъ и деревень, а въ Калишѣ онъ чуть было не вышелъ въ отставку, вслѣдствіе столкновенія съ в. к. Константиномъ Павловичемъ. Дѣло уладилось благодаря лишь вмѣшательству Кутузова, который сказалъ Его Высочеству: «Если вы будете устранять людей, мнѣ крайне нужныхъ, которыхъ нельзя пріобрѣсти и за милліоны, то я самъ не могу оставаться въ должности».

Подтвержденіемъ справедливости всего сказаннаго служатъ указы, помѣщенные въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ Собственной Его Величества Канцеляріи», издающихся подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина; вотъ они:

I.

Генералъ-фельдмаршалу князю Голеницеву-Кутузову-Смоленскому 27 декабря 1812 г., за № 191.

«Докладная записка Вашей Свѣтлости, отъ 22-го декабря, о награжденіи чиновниковъ интендантскаго вѣдомства Высочайше утверждена съ тою только отмѣною, что

генералъ-интенданту Канкрину пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. [1]).

II.

Управляющему военнымъ министерствомъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову, 17 января 1813 г., за № 32 г. Вимбергъ.

«По засвидѣтельствованію генералъ-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, о ревностной службѣ генералъ-интенданта дѣйств. ст. совѣтника Канкрина, *повелѣваю* переименовать его въ генералъ-маіоры съ старшинствомъ съ 1-го декабря 1812 года, — поставя онаго въ спискѣ генералитета состоящимъ по департаменту военнаго министерства, и оному носить мундиръ, установленный для генералитета военнаго департамента» [2]).

Какъ генералъ-интенданту, Канкрину много было хлопотъ, а особенно затрудняло его полученіе денежныхъ суммъ.

«Для продовольствованія русскихъ войскъ, говорилъ М Богдановичъ [3]), на пространствѣ между Одеромъ и Эльбою, были учреждены, въ февралѣ 1813 г., въ Ландсбергѣ, магазины, долженствовавшіе наполняться провіантомъ посредствомъ воднаго сообщенія по Вислѣ и Бромбергскому каналу.—При отступленіи союзниковъ отъ Люцина, предписано было приготовить продовольствіе для арміи не на лѣвой сторонѣ Одера (какъ предполагалось при наступленіи въ Саксонію), а на правой сторонѣ, въ Лейбусѣ, на 10 дней; по отступленіи-же отъ Бауцена, приказано перевести изъ Лейбуса часть запасовъ, на встрѣчу арміи, въ Лигницъ, а другую въ Швейдницъ, гдѣ были учреждены вновь магазины. Корпусъ Винцингероде, высланный на правую сторону Одера, продовольствовался изъ познанскихъ складовъ; въ Калишѣ оставлены были запасы только для больныхъ, а весь прочій провіантъ перевезенъ на новую военную дорогу, въ Видау, въ герцогствѣ Варшавскомъ» (сообщеніе генералъ интенданту Канкрину отъ 12-го мая)

---

[1]) Томъ II стр. 328.
[2]) Томъ III стр. 19.
[3]) «Исторія войны 1813 г.» М. Богдановича т. I, стр. 149—151.

При описаніи военныхъ событій, замѣчаетъ М. И. Богдановичъ, всего труднѣе изложеніе хозяйственныхъ распоряженій по части продовольствованія арміи и вообще снабженія войскъ всѣмъ нужнымъ [1]) — «для доставки провіанта служили—подвижные магазины: одинъ изъ нихъ, составленный изъ трехъ тысячъ крестьянскихъ подводъ, первоначально назначенный для бывшей Молдавской арміи, прибылъ на Вислу въ весьма плохомъ видѣ, но, перезимовавъ въ Варшавскомъ герцогствѣ, отправился и пришелъ въ Силезію съ 25.000 центнеровъ (болѣе 60 000 пудовъ) сухарей, которые, будучи сохраняемы, служили для продовольствія войскъ не только въ 1813 г., но и въ слѣдующемъ походѣ. [2]) Еще до выступленія изъ Силезіи въ Богемію, въ послѣдней было закуплено для русской арміи значительное количество фуража, скота и вина [3]). — По прибытіи въ Богемію, на лѣвую сторону Эльбы, русская армія имѣла при себѣ въ подвижномъ магазинѣ сухарей на 24 дня (которые—говоритъ Барклай—я взялъ съ собою какъ бы украдкою), не считая десяти-дневнаго провіанта въ ранцахъ и полковыхъ фурахъ. Часть этихъ запасовъ была издержана въ продолженіе пребыванія въ окрестностяхъ Теплица, потому что австрійское интендантство, хотя и обязалось доставить все нужное своимъ союзникамъ, однако-же, несмотря на сдѣланныя имъ огромныя заготовленія, не могло удовлетворить потребностямъ главной арміи, и къ тому-же страхъ, наведенный отступленіемъ союзниковъ послѣ Дрезденскаго сраженія, заставилъ Австрійцевъ пріостановить подвозы. Это время было чрезвычайно затруднительно въ отношеніи продовольствованія войскъ. Фуражъ доставали въ Рудныхъ горахъ и по сѣверную сторону ихъ въ Саксоніи. «Оставаясь на мѣстѣ, пишетъ Канкринъ, должно дѣлать какъ можно бо́льшія заготовленія, потому что мѣры, принимаемыя впослѣдствіи для пополненія запасовъ, иногда оказываются несвоевременными». Австрійское интендантство весьма благоразумно озаботилось о доставкѣ запасовъ изъ отдаленныхъ областей Имперіи. Перепеченіе муки въ хлѣбъ

---

[1]) Тамъ-же, т. II, глава XXI.

[2]) Канкринъ. «Über die Militair-ökonomie» т. 1, стр. 87—88.

[3]) Отчетъ о дѣйствіяхъ интендантскаго управленія, въ войнѣ противъ французовъ, въ 1812 и 1814-мъ годахъ, представлен. Императора Александру I генераломъ Барклай-де-Толи (рукопись).

и сухари производилось частью въ походныхъ печахъ, на-скоро устроенныхъ при войскахъ, частью по городамъ жителями. Главнѣйшее-же затрудненіе заключалось въ устройствѣ подвижныхъ магазиновъ» [1]).

Въ 1813 г. военные расходы потребовали новаго выпуска ассигнацій, а именно: отпущено изъ ассигнаціоннаго Банка въ Государственное Казначейство—100.940,000 руб. и изъ заграничныхъ конторъ, учрежденныхъ при Главной Квартирѣ—въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Варшавѣ—2.500,000 руб.

Хотя Англія, по договору отъ 3 іюня 1813 г., заключенному въ Рейхенбахѣ, [2]) обязалась предоставить въ распоряжен-Императора Александра I 1.333,334 фунта стерлинговъ, а для облегченія недостатка въ звонкой монетѣ выпустить денежныхъ знаковъ на предъявителя, подъ наименованіемъ федеративной бумаги, на 5.000,000 ф. стер., изъ которыхъ брала на себя $^3/_6$, а Россія должна была уплатить $^2/_6$ и Пруссія $^1/_6$.

Несмотря на субсидіи, полученныя отъ Англіи, ассигнаціи понизились съ 16 до 12 пенсовъ, т. е. фунтъ стерл. съ 15 руб. асс. возвысился до 20 руб., причиною тому было то обстоятельство, что изъ 70.000,000 р. асс. употребленныхъ на расходы по содержанію войска за границею; черезъ промѣнныя конторы переведено было обратно въ Россію въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ до 20 мил. руб. Въ 1814 г. выпущено было еще ассигнацій на 49.791,500 рублей [3]).

Вотъ почему императоръ Александръ I писалъ, отъ 10 марта 1814 года, министру финансовъ Гурьеву:

> «Дмитрій Александровичъ! Главнокомандующій большою арміею генералъ, графъ Барклай-де-Толли представилъ мнѣ вѣдомость о суммахъ, потребныхъ на январскую сего года треть, кои, по исчисленію генералъ-интенданта

---

[1]) Канкринъ «Über die Militair-öeconomie» т. I, стр. 88—89.

[2]) «Собраніе Трактатовъ и Конвенцій», сост. Ф. Мартенсомъ т. XI стр. 169. Въ 1815 г. изъ всего долга Россіи 101.486,600 гульденовъ, Англія и Голландія приняли на себя лишь 50 милліоновъ, а остальную часть императоръ Александръ I оставилъ великодушнымъ образомъ за Россіею, но имѣя въ виду вынужденную обстоятельствами уступчивость Лондонскаго кабинета, можно думать, что послѣдній согласился бы принять на себя и весь долгъ (тамъ же стр. 220).

[3]) «Государственные долги Россіи» Н. Бржескаго. стр. 96.

Канкрина составляютъ 40.283,395 руб., но главнокомандующій, убавляя изъ того числа 10.000,000 р., проситъ остальные 30.283,393 руб. выслать сколь можно безъ промедленія и что бы по крайней мѣрѣ та часть, которая слѣдуетъ на жалованье войскамъ, доставлена была въ армію не позже исхода трети» [1]).

По окончаніи раззорительной войны Канкринъ представилъ Императору Александру I сбереженіе въ 26 мил. руб., объ этомъ говоритъ секретарь Императрицы Елизаветы Алексѣевны—Ник. Мих. Лонгиновъ, въ своемъ письмѣ къ князю Воронцову: «Au sortir de la guerre la plus ruineuse, il a fait une surprise à l'Empereur en presentant 26.000,000 du restant qu on ne supposait guères trouver dans les caisses militaires» [2]).

По возвращеніи войскъ, Канкринъ отдалъ отчетъ за войну 1813 — 1815 г. [3]), который былъ напечатанъ въ Варшавѣ, [4]) въ мартѣ 1815 г., въ немъ 190 стр. и онъ находится въ Импер. Публичной Библіотекѣ. Приводимъ изъ него слѣдующую выпись:

Главныя статьи расходовъ по отчету.

На жалованье	71 мил.
На покупку верховыхъ лошадей	7 »
На обмундированіе офицеровъ	1½ »
На перевозку и покупку Коммисаріатскихъ вещей	4½ »
Госпитали	2½ »
Ремонты и за убитыхъ лошадей	3½ »
Раціоны	8 »
Казакамъ за вьючныхъ лошадей	6 »
Передано во внутренній провіантскій Департаментъ	5 »

---

[1]) «Сбор. матер. Соб. Е. И. В Канцеляріи» т. 4 стр. 22.

[2]) «Архивъ кн. Воронцова» Т. 23, стр. 480.

[3]) Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1857 г. (см. № 67 и 68) помѣщена статья Ф. Затлера: «Краткій очеркъ по продовольствіи войскъ по отчету Канкрина за 1812—15 гг.».

[4]) Гдѣ жилъ въ то время самъ Канкринъ, что видно изъ письма кн. М. С. Воронцова къ Орурку (отъ 8 января 1815 г.), въ которомъ князь, между прочимъ писалъ: «Былъ у Канкрина который далъ мнѣ для васъ 332 червонца при бумагѣ, кою я здѣсь прилагаю».—Арх кн. Воронцова Т. 37-й стр. 358.

Продовольствіе	12 мил.
Артиллерія	$2^1/_2$ »
Чрезвычайные расходы	$5^1/_2$ »
Награжденій	6 »
Австріи и Пруссіи заплачено	16 »
Графу Сиверсу и другимъ лицамъ.	$3^1/_2$ »
На счетъ другихъ мѣстъ употреблено. . . .	1 »
Всего	157 450,710 р. 59 к. [1]

Въ отчетѣ Канкринъ, между прочимъ говоритъ· «Раздѣленіе канцеляріи было сдѣлано сначала противъ постановленія полеваго учрежденія, но по видамъ возрастающей обширности дѣлъ, наконецъ надобно было дѣлать особыя: исполнительную, ликвидаціонную, для экстраординарныхъ расходовъ, нѣмецкую и французскую экспедиціи, архивъ и наконецъ, сверхъ текущей бухгалтеріи, устроить счетную экспедицію для составленія отчета».

Далѣе читаемъ:

«Обыкновенно въ годъ выходило 12.000 исходящихъ нумеровъ и хотя на мѣстѣ обработаніе ихъ не могло бы затруднять, но въ походѣ оно было не легко. Въ Парижѣ въ два мѣсяца вышло 4 тысячи нумеровъ. Вести исходящимъ особыя книги, въ коихъ бы они записывались подробно, было вовсе не возможно, почему все осталось на самыхъ дѣлахъ и черновыхъ отчетахъ. Дѣлъ въ кампаніи не потеряли и при большихъ даже маршахъ, никакихъ большихъ не было имъ поврежденій. Подчиненныя мѣста также были весьма заняты, хотя по связи съ земскою частію и по крутости обстоятельствъ, вся тягость исполнительныхъ дѣлъ, для избѣжанія круговой переписки, наиболѣе обратилась на одно интендантское управленіе.

Коммисіи, вообще, были однѣ счетныя мѣста для денежныхъ выдачъ и о распоряженіяхъ весьма мало знали тѣмъ болѣе, что рѣдко были при самой арміи; Гг. Полевые генералъ-провіантмейстеръ и генералъ-кригсъ-коммисаръ, хотя съ своей стороны онъ

[1]) Таже самая сумма показана въ «Рус. Арх.» (см. 1874 г Т. II стр. 735), которая взята изъ черновыхъ бумагъ Канкрина, найденныхъ послѣ кончины генералъ-лейтенанта Е. Ф. Невѣровскаго, женатаго на племянницѣ гр. Канкрина.

лично содѣйствовалъ къ успѣхамъ управленія, но нерѣдко генералъ-интендантъ былъ принужденъ производить дѣла самъ».

Не обошлось, конечно, безъ нареканій на Канкрина за нѣкоторыя невольныя упущенія, что видно изъ письма гр. С. Р. Воронцова къ сыну его графу (позднѣе князю) М. С. Воронцову, отъ 10 января 1815 года, въ которомъ читаемъ:

«Je suis persuadé que dans ces sortes de choses, Pozzo di Bordo suivra l'exemple de Gapo d'Istria et non celui de deux Allemands—Anstedt et Gancrine qui auraient dû être bien punis pour la negligence et la légèreté aves lesquelles ils ont traité les arangements pour la subsistance de nos troupes» [1]).

Не легко, однако, было Канкрину управлять интендантствомъ такъ, чтобы всѣмъ угодить: жалобы на него продолжали и позже являться, такъ Ив. Вас. Сабанѣевъ въ письмѣ изъ Нанси, отъ 20 іюля 1815 г., къ Арс. Андр. Закревскому писалъ: «Сукно, которое здѣсь сбиралось по лоскутамъ, Канкринъ велѣлъ отправить въ Парижъ. Слѣдовательно я еще ни лоскута не получилъ, а голыхъ много» [2]).

По прибытіи союзныхъ армій на Рейнъ, русскія войска продовольствовались на основаніи, такъ называемаго, ашафенбургскаго тарифа, изданнаго по распоряженію гр. Барклая-де-Толли. Этотъ же самый тарифъ впослѣдствіи былъ введенъ во всѣхъ союзныхъ арміяхъ. По ашафенбургскому тарифу назначена была для нижнихъ чиновъ слѣдующая дневная дача:

Ржаного, либо бѣлаго хлѣба	2 фунта [3]).
Крупъ, либо сарачинскаго пшена, фасоли, гороха, чечевицы.	$^1/_4$ фунта [4]).
Говядяны	$^1/_2$ » [5]).
Водки порція.	$^{11}/_{16}$ маасса.
Соли въ мѣсяцъ	1 фунтъ.

---

[1]) «Архивъ кн. Воронцова». Т. XVII, стр. 356.

[2]) «Сбор. Импер. Рус. Историч. Общ.». Т. 73, стр. 564.

[3]) Или сухарей $1^1/_6$ фунта, либо муки 1 ф.; при недостаткѣ же хлѣба, 1 ф. его замѣняетъ $^1/_4$ говядины.

[4]) Либо картофеля и другихъ сырыхъ овощей 1 ф.

[5]) Водки около $^8/_{100}$ русскаго ведра, либо пива $^6/_{10}$ рус. ведра.

Офицеры получали ежедневно:

Хлѣба	2	фунта
Говядины	2	»
Сарачинскаго пшена или крупъ	1/4	»

Одну порцію водки, пива либо вина.

Фуражъ отпускался австрійскими раціонами, въ количествѣ 1/8 метца (Metze) овса [1]) и 10 фунтовъ сѣна. Кирасирскія, верховыя офицерскія и артиллерійскія лошади получали полуторную дачу овса, 10 фунтовъ сѣна и 2 фунта соломы.

По части обмундированія войскъ, какъ только главная квартира перешла въ Франкфуртъ, были сдѣланы важныя заготовленія. Во-первыхъ, для парковъ учреждено депо готовыхъ вещей въ Нюренбергѣ; во-вторыхъ, по требованію генерала графа Витгенштейна, была отпущена интенданту V-го класса Жуковскому сумма для покупки суконъ и проч., въ Швабіи. Но, по случаю похода во Францію, купленные матеріалы поступили въ полки такъ поздно, что ихъ успѣли перешить уже по заключеніи мира, а нѣкоторые были доставлены къ войскамъ на обратномъ ихъ походѣ въ Торнѣ. Полушубки, присланные въ Прагу, также не могли догнать армію ранѣе наступленія весны, т. е. такого времени года, когда они уже были не нужны, и потому было разрѣшено продать ихъ въ Богеміи за 500 тысячъ гульденовъ съ довольно значительнымъ убыткомъ. По прибытіи на Рейнъ, госпитали содержались частью на счетъ облигацій, частью реквизиціоннымъ способомъ отъ жителей страны, которыхъ усердіе къ общему дѣлу и состраданіе къ больнымъ и раненымъ принесли большую пользу [2]).

По вступленіи въ Парижъ, союзныя войска воспользовались небольшими складами французской гвардіи, остававшимися въ городѣ Впослѣдствіи, при раздѣлѣ прочихъ непріятельскихъ запасовъ, на долю русскихъ войскъ досталось до 2.550 ружей и до 12.000 киверовъ, которыхъ часть, по волѣ Императора Александра I, была

---

[1]) Около $2^{10}/_{30}$ русскихъ гарнцевъ. Четыре доли овса замѣнялись тремя долями ячменя, либо ржи. Половина раціона овса 5 фунтами сѣна Пять фунтовъ сѣна - 5 фунтами соломы съ однимъ фунтомъ муки.

[2]) Всѣ эти подробности взяты изъ «Исторіи войны 1813—за независимость Германіи» М. Богдановича. Т. II. Глава XLIV.

возвращена французскому правительству. Въ Парижѣ войска наши получили часть сапожнаго товара, заготовленнаго въ числѣ 100.000 паръ въ Лейпцигѣ и 23.000 сапогъ отличнаго качества, купленныхъ на мѣстѣ по 7¼ франковъ (около 2 рублей) каждая; кромѣ того отпущены были деньги на покупку лѣтнихъ панталонъ. Благодаря этимъ распоряженіямъ армія наша была приведена въ такое состояніе, что возбуждала удивленіе парижанъ [1]).

Въ 1815 г. Канкринъ принималъ самое дѣятельное участіе въ переговорахъ съ французскимъ правительствомъ относительно уплаты издержекъ на русскую армію. «Контрибуція вещами, наложенная на Францію отъ одной нашей арміи, писалъ Марченко графу Аракчееву, отъ 4 августа 1815 г., составляетъ 17 мил. франковъ, въ томъ числѣ милліонъ на обмундированіе офицеровъ. Канкринъ условился съ министерствомъ здѣшнимъ взять деньгами за все то, чего черезъ двѣ недѣли не будетъ поставлено натурою» [2]). Кампанія 1812—15 г.г. хорошо ознакомила Канкрина съ дипломатами, о которыхъ онъ впослѣдствіи говаривалъ что они «должны быть болѣе или менѣе пустыми людьми, по привычкѣ и по обязанности придавать часто важность пустякамъ» [3]).

За успѣшное окончаніе переговоровъ Канкринъ получилъ лестный рескриптъ и пожалованъ былъ чиномъ генералъ-лейтенанта, въ 1816 году.

При разсчетахъ съ союзными правительствами по продовольствію нашихъ войскъ за границею, Канкринъ уплатилъ всего 1/6 часть предъявленныхъ претензій, но и эта шестая часть равнялась 60 мил. руб. Сколько нужно было энергіи, знанія и работы, которую онъ долженъ часто былъ «производить самъ», начиная отъ многомилліонныхъ расходовъ включительно до пайка солдата. «Наши всѣ конвои, писалъ, отъ 9 іюля 1815 г., изъ Парижа Арс. Андр. Закревскій князю М. С. Воронцову, стоятъ по квартирамъ; часть оныхъ приходитъ сюда изъ деревень для караула, которыя получаютъ продовольствіе по изданному тарифу отъ Канкрина, а

---

[1]) Его же «Исторія войны 1814 г. во Франціи». Т. I, стр. 50.

[2]) Н. Дубровинъ: «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I» (съ 1807- 1829 года) стр. 165.

[3]) «Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго». Т. X стр. 88.

именно: хлѣба 2 фунта, крупъ $^1/_4$, мяса $^1/_2$, фунта, водки $^1/_{11}$ литра и соли $^1/_{30}$ ливра, а болѣе ничего не получаютъ [1]).

А годъ спустя, 13 іюля 1816 г., тотъ-же. А. А. Закревскій восклицалъ: «Скажите, гдѣ нѣтъ безпорядковъ и злоупотребленій по департаментамъ комисаріатскому и провіантскому? Сіе не скоро въ оныхъ искоренить можно, слѣдовательно и не удивляйтесь злоупотребленіямъ по управленію Канкрина» [2]).

Зная изъ опыта, насколько неудовлетворительно было положеніе полеваго провіантскаго управленія, [3]) Канкринъ составилъ новый для него штатъ, увеличивая содержаніе; по поводу его Императоръ Александръ I писалъ Барклаю-де-Толли, отъ 10 марта 1816 г., за № 33 [4]), слѣдующее:

> «Князь Михайло Богдановичъ! Я получилъ вашъ рапортъ съ замѣчаніями на счетъ новаго положенія о полевомъ провіантскомъ управленіи. Согласны будучи во всѣхъ основаніяхъ онаго, вы, по нѣкоторымъ только статьямъ, считали нужнымъ поясненія. Изъ прилагаемой здѣсь записки [5]), увидите, что они довольно хорошо объясняются или сами по себѣ, или по предъидущимъ статьямъ того же положенія. Слѣдовательно, положеніе въ существѣ своемъ не требуетъ, кажется, никакихъ перемѣнъ, я предпишу оное къ исполненію, какъ скоро готовы будутъ окончательныя для того распоряженія. Но, разсматривая статьи, составленные генералъ-интендантомъ арміи Канкринымъ, нельзя не признать однихъ изъ нихъ слишкомъ обширными, другихъ совсѣмъ излишними; оклады жалованья вообще увеличенными въ сравненіи всѣхъ извѣстныхъ штатовъ даже министерскихъ департаментовъ, какъ сіе вы съ нѣкоторою подробностію усмотрите изъ особыхъ замѣ-

---

[1]) «Арх. кн. Воронцова». Т. 37, стр. 252.

[2]) Тамъ-же, стр. 264.

[3]) «Провіантскіе чиновники, писалъ Канкринъ въ своемъ отчетѣ (стр. 187), пріобрѣли въ сей войнѣ нѣсколько болѣе уваженія. Странно впрочемъ что занимающихся армейскимъ хозяйствомъ вездѣ презираютъ и нигдѣ болѣе какъ у насъ гдѣ впрочемъ полки, болѣе нежели у другихъ, пекутся о своей экономіи».

[4]) «Сбор. матеріал. архива Соб. Е. И. В. канцеляріи». Т. IV стр. 137.

[5]) Записки при дѣлѣ не оказалось.

чаній, при семъ рилагаемыхъ [1]). Дать каждому приличноэ содержаніе всегда было и есть предметомъ моихъ желаній. Но ежели при всемъ томъ даже армейскіе офицеры, заслужившіе въ полѣ кровію право на прибавку имъ жалованья, донынѣ остаются при тѣхъ недостаточныхъ окладахъ, кои опредѣлены штатами 1802 г., то несправедливо было бы, чтобы въ сіе время одни чиновники интендантскаго управленія пользовались тѣмъ огромнымъ жалованьемъ, какое по штатамъ Канкрина назначается. Вы сами согласитесь въ сей истинѣ. И такъ, возвращая штаты Канкрина, я поручаю вамъ войти въ ближайшее по сему предмету разсмотрѣніе и, составя новые свои штаты, представить на утвержденіе Мнѣ. Желательно, чтобъ въ нихъ не имѣла мѣста неопредѣлительность, которую Канкринъ допустилъ въ штатѣ полеваго генералъ-провіантмейстера, и чтобы число всѣхъ вообще чиновниковь ограничено было мѣрою существенной по вашему усмотрѣнію надобности. О жалованьѣ Я самъ дѣлалъ разныя соображенія. Канцеляріямъ генералъ-интенданта и полеваго генералъ-провіантмейстера можно положить оное, примѣняясь къ штату инспекторскаго главнаго штаба Моего департамента, а въ разсужденіи главной провіантской коммисіи, корпусныхъ коммисіонерствъ большаго и меньшаго состава и дивизіонныхъ провіантмейстеровъ должно держаться общаго о провіантскихъ коммисіяхъ и коммисіонерствахъ положенія. Строгая бережливость, отличающая всѣ ваши распоряженія, и извѣстное ваше усердіе къ службѣ и пользамъ оной, оставляютъ Меня въ пріятномъ ожиданіи, что вы не оставите содѣйствовать сокращенію издержекъ по сей части, между тѣмъ какъ самъ Я занимаюсь ограниченіемъ расходовъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

Пребываю всегда вамъ благосклонный

«АЛЕКСАНДРЪ».

Позже Канкринъ написалъ книгу «О военной экономіи во время войны и мира», цѣль которой заключалась въ приготовленіи

[1]) Замѣчаній также нѣтъ.

людей для интендантской части; о ней сказано будетъ ниже, а насколько былъ правъ и дальновиденъ Канкринъ въ своемъ проектѣ преобразованія провіантскаго управленія, показываетъ свидѣтельство статсъ-секретаря В. Р. Марченки, который пишетъ въ своей автобіографіи [1]), что въ 1826 году, «зимою учрежденъ былъ секретный комитетъ по доносамъ на коммисаріатскіе извороты, продолжавшійся до августа 1827 г. Самый предметъ былъ довольно щекотливый: все показывало, что коммиссаріатъ запутанъ и безъ запасовъ, что великія въ немъ злоупотребленія; но могло ли сіе быть при геніи графа Дибича».

Будь живъ императоръ Александръ I, онъ конечно вспомнилъ бы Канкрина и его проектъ увеличенія жалованья коммиссаріатскимъ чиновникамъ. Канкринъ совершенно справедливо считалъ хорошее жалованье лучшимъ тормазомъ противъ взяточничества и воровства, и, управляя Министерствомъ Финансовъ, увеличилъ въ немъ оклады чиновниковъ на 60%.

Въ томъ же 1816 г. лѣтомъ Великій Князь Николай Павловичъ объѣзжалъ нѣкоторыя внутреннія губерніи (съ 9 мая по августъ), въ сопровожденіи графа Павла Вас. Голенищева-Кутузова, генералъ-адъютанта императора Александра I, который привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Парижа, а потомъ былъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

При проѣздѣ чрезъ Шкловъ Великій Князь Николай Павловичъ осматривалъ интендантское вѣдомство, причемъ Канкринъ вмѣстѣ съ провіантмейстеромъ Абакумовымъ, говоритъ Г. А Глинка [2]) были приглашены на чай и вечеръ, и, конечно, генералъ-интендантъ произвелъ на Великаго Князя прекрасное впечатлѣніе, такъ какъ по словамъ Плетнева — «Канкрину ничего не стоило завлечь, кого-бы то ни было, въ такой разговоръ и тотъ самый тонъ, который нравился другому». Недаромъ замѣчаетъ принцъ Евгеній Виртембергскій, [3]) что мать Николая Павловича, Императрица Марія Ѳеодоровна, говорила «что стоитъ только произнести имена Дибича и Канкрина, чтобы у принца явилась пріятная улыбка».

---

[1]) См. «Рус. Стар.» 1896 г. май, стр. 300.

[2]) «Рус. Арх.» 1877 г т. 2 стр. 185.

[3]) Воспоминанія принца Ев. Виртембергскаго. «Рус. Арх.» 1877 г.

Графъ
Егоръ Францевичъ
КАНКРИНЪ.

Графиня
Екатерина Захаровна
КАНКРИНА.

Канкринъ вступилъ въ бракъ, 24 августа 1816 г. съ Екатериною Захаровною Муравьевой (15 октября 1796 † 22 іюня 1848 г.), племянницею извѣстнаго Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола (кавалера юности Императора Александра I), бывшаго въ то время товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія графа Завадовскаго. Она приходилась также родственницею женѣ [1]) Барклая-де-Толли, въ домѣ котораго (въ Могилевѣ) и жила. Въ запискахъ своихъ Ю. Н. Бартеневъ [2]) пишетъ, что въ Гапсалѣ онъ нашелъ (въ 1839 г. лѣтомъ) полустарика барона Штакельберга, бывшаго гусара, «Мать графини Канкриной была родная сестра его матери, и онъ самъ воспитывался вмѣстѣ съ графинею; странно, добавляетъ Бартеневъ, что они другъ на друга даже и похожи, потому что оба толсты и оба нездоровы».

Аракчеевъ былъ кумомъ Е. З. Канкриной, что видно изъ нижеприведеннаго его [3]) письма:

«Милостивая Государыня графиня,
почтенная кума
Екатерина Захаровна!

Наканунѣ великаго праздника, я получилъ отъ вашего сіятельства прекрасный подарокъ; коверъ вашей работы, за который приношу вамъ, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность, что вы такъ добры и любите деревенскаго больного старика, за что да наградитъ Господь Богъ все ваше почтенное семейство Божіею благодатію.

Приказаніе вашего сіятельства я не исполнилъ: труды ваши не могутъ лежать подъ моими креслами, а я оный коверъ употребилъ въ спальнѣ нашего общаго благодѣтеля покойнаго императора Александра Благословеннаго, у того стола подъ его стулъ, гдѣ онъ изволилъ всегда въ Грузинѣ 10-ть лѣтъ работать дѣла отечества нашего со свойственною его милостію.

---

[1]) На другой родственницѣ жены Барклая, баронессѣ фонъ-Торгау, говоритъ Вигель, женился въ Могилевѣ и Дибичъ, который тамъ былъ первымъ лицемъ послѣ фельдмаршала. Но Барклай говаривалъ: «Нельзя лучше Дибича найти начальника штаба, но горе ему и арміи, если онъ будетъ главнокомандующимъ».

[2]) «Рус. Ар». 1886 г., т. III, стр. 164.

[3]) «Рус. Арх.», 1868 г., стр. 282.

Да пребудетъ сей вашъ подарокъ у меня, между прочими для моего воспоминанія пріятными вещами. Поздравляю ваше сіятельство съ наступающимъ великимъ праздникомъ, съ коимъ прошу принять трудъ поздравить отъ меня и почтеннаго графа Егора Францевича.

Обѣщаніе ваше посѣтить наступающимъ лѣтомъ меня старика въ моемъ монастырѣ, я пріемлю съ благодарностію и буду ожидать вашего объ этомъ увѣдомленія».

АРАКЧЕЕВЪ.

По свидѣтельству М. М. Муромцева [1]) графиня Канкрина любила составить партію въ вистъ, а И. П. Мятлевъ [2]) (1796—1844) Гомеръ Одиссеи M-me Курдюковой, служившій одно время по министерству финансовъ, прозвалъ одного изъ директоровъ департамента (Врончѣнко, впослѣдствіи занявшаго мѣсто Канкрина) *цѣловальникомъ*, такъ какъ, что графиня, бывало, не скажетъ, онъ сейчасъ: «Ахъ какъ это мило, графиня! Позвольте за то поцѣловать вашу ручку». Канкринъ говорилъ, какъ уже знаетъ читатель, очень худо по-русски и свою жену Екатерину Захаровну, величалъ «Екатериною Сахаровною», какъ пишетъ Бурнашевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ петербургскаго сторожила» [3]).

У Канкрина было четыре сына и двѣ дочери, которыхъ или которую изъ нихъ крестилъ графъ Аракчеевъ сказать трудно.

Вскорѣ послѣ своей женитьбы Егоръ Францевичъ получилъ въ награду заслугъ аренду, о чемъ увѣдомлялъ И. В. Сабанѣевъ въ письмѣ, изъ Бендеръ, отъ 19 февраля 1817 года, князя М. С. Воронцова: «Канкринъ получилъ аренду въ 7 тысячъ рублей серебромъ, Сухозанетъ, Гартингъ, Ольдекопъ, Эртель, словомъ всѣ награждены арендами; вся главная квартира первой арміи разбогатѣла. Дибичу дано 250.000 руб. на двадцать лѣтъ безъ всякихъ процентовъ, съ чѣмъ ихъ и поздравляю» [4]).

Находясь при главной квартирѣ, въ Могилевской губ., Канкринъ жилъ попеременно: въ Шкловѣ, Оршѣ и Могилевѣ. Новое, болѣе

---

1) «Рус. Арх.», 1890 г., Т. I, стр. 393
2) Тамъ же, 1894 г., стр. 1351.
3) «Рус. Вѣст.», 1872 г. октябрь.
4) «Арх. кн. Воронцова». Т. 39, стр. 442.

спокойное положеніе не ослабило энергіи Е. Ф. Канкрина, напротивъ онъ приступилъ немедленно къ работѣ, плодомъ которой явилось обширное сочиненіе въ 3-хъ томахъ.

«О военной экономіи во время войны и мира и ея отношеніяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ» («Uber die Militär-Oekonomie im Frieden und Krieg und ihr Wechselvergältnis zu den Operationen»), вышло въ 1820—23 г.г. безъ подписи автора и сдѣлало имя Канкрина почетнымъ въ Европѣ [1]).

Препровождая это сочиненіе графу Аракчееву, авторъ его писалъ, 18 января 1821 г., такъ:

> «Долгомъ почитаю поднести вашему сіятельству экземпляръ сочиненія «*О армейскомъ хозяйствѣ во время мира и войны и въ отношеніи къ военнымъ операціямъ*». Книга сія вышла съ личнаго дозволенія Его Императорскаго Величества. Цѣль оной есть та, чтобы приготовить людей для интендантской части и обратить вниманіе самихъ военныхъ на связи хозяйственныхъ распоряженій съ самыми военными предпріятіями» [2]).

Кромѣ этого труда, Егоръ Францевичъ, по повелѣнію Императора Александра I-го, написалъ записку объ освобожденіи крестьянъ; изъ приведенныхъ въ ней мыслей, высказанныхъ Канкрину Государемъ, видно, что новыя положенія предполагалось составить въ духѣ эстляндскихъ постановленій, на основаніи которыхъ 23 мая 1816 года [3]), всѣ крѣпостные люди Эстляндской губерніи переходили въ свободное состояніе, въ теченіе 14 лѣтъ.

---

[1]) См. «Encyclopedie des gens du monde». IV v.; 2-me partie.

[2]) «Письма дѣятелей царствованія импер. Александра I». Н. Дубровина, стр. 281.

[3]) Богдановичъ въ своей «Исторіи царствованія Александра I», передаетъ такой фактъ:

«Въ 1816 г., многіе изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ С.-Петербургской губ., зная душевное стремленіе Государя къ улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ, согласились между собою обратить ихъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленій. Составленный о томъ актъ подписанъ былъ 65-ю помѣщиками, оставалось поднести его на утвержденіе Государя, и это было предоставлено удостоенному Монаршимъ благоволеніемъ одному изъ героевъ Отечественной войны Иллар. Вас. Васильчикову. Какъ Васильчиковъ, такъ и прочіе участники въ подписаніи сказаннаго акта, полагали,

Эту записку Канкринъ препроводилъ изъ города Орши къ графу Нессельроде, при письмѣ, отъ 24 февраля 1818 г., въ которомъ писалъ: «Прилагаемое странное (singulier) разсужденіе я хотѣлъ подать Государю, но не имѣлъ къ этому случая, по кратковременности его пребыванія здѣсь. Принимаю на себя смѣлость просить Ваше Сіятельство о представленіи онаго Его Величеству; въ противномъ случаѣ благоволите возвратить».

Самый подлинникъ записки имѣлъ такое заглавіе: «Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalité des cultivateurs, surtout en Russie» (Розысканіе о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостнаго права или зависимости земледѣльцевъ, въ особенности въ Россіи). Записка эта напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 года и о ней подробно говорится въ монографіи профессора Иконникова: «Графъ Н. С. Мордвиновъ» [1]), поэтому мы скажемъ лишь, что Канкринъ представлялъ рядъ мѣръ, которыя постепенно вели бы къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе прочному положенію крестьянъ. Эти мѣры шли у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Въ 1819 г. учреждается секретный комитетъ, для точнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ. 2) 1820 г. объявляется, что крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать землю и что дома и движимость ихъ составляютъ неотъемлемую принадлежность. 3) Въ 1822 г. вся земля государственныхъ крестьянъ раздѣляется по общинно, и каждая общинная земля на участки по дворамъ, съ воспрещеніемъ новаго передѣла;

что Государь ничего не зналъ о происходившихъ по сему поводу собраніяхъ; но были убѣждены, что онъ благосклонно приметъ предложеніе, согласное съ его образомъ мыслей. Но императору Александру было извѣстно рѣшеніе дворянъ, и едва лишь Васильчиковъ, испросивъ Высочайшее соизволеніе представиться Государю, сталъ говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ Александръ, прервавъ его рѣчь, спросилъ у него: кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи? и когда Васильчиковъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія Вашему Императорскому Величеству, какъ самодержцу Имперіи»,—тогда Государь, возвысивъ голосъ, сказалъ: «такъ предоставьте мнѣ издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ» (Т. I, стр. 123). Очевидно, на императора Александра повліяло противодѣйствіе лучшихъ людей того времени, въ числѣ которыхъ былъ и Карамзинъ, доказывавшій въ своей извѣстной запискѣ «О древней и новой Россіи», что дворяне имѣютъ исключительное право на землю, и выставлялъ всѣ ужасы послѣдствій, какія можетъ имѣть освобожденіе крестьянъ.

[1]) См. стр. 220—226 названной книги.

излишекъ оставляется для новыхъ дворовъ. Затѣмъ этотъ указъ примѣняется и къ помѣщичьимъ землямъ, а подушная подать замѣняется подворною. 4) Въ 1825 г. опредѣляются и уменьшаются повинности крестьянъ, а они сами становятся подъ покровительство лицъ, назначенныхъ отъ правительства. 5) Въ 1827 г. опредѣляется право наслѣдованія дворами, а вотчинный судъ ввѣряется отвѣтственнымъ чиновникамъ. 6) Въ 1830 г. учреждается право первородства для наслѣдованія имѣніями, отъ 250 душъ и ниже, во избѣжаніе дробленія земли, вреднаго во многихъ отношеніяхъ. 7) Въ 1835 г. устроивается бытъ дворовыхъ людей. 8) Въ 1840 г. назначается такса на выкупъ крестьянъ съ землею и безъ нея, съ учрежденіемъ для этого заемнаго банка. При этомъ замѣчено Канкринымъ, что «эта мѣра не имѣетъ цѣлью лишить дворянство, какъ опору престола, его собственности». 9) Въ 1845 г. совершается перестройка повинностей крестьянъ и вотчиннаго суда, примѣнительно къ новымъ положеніямъ. 10) Въ періодѣ отъ 1850—1880 года земля объявляется собственностью каждаго семейства, съ несеніемъ извѣстныхъ повинностей, даруется право перехода; судъ ввѣряется исключительно правительству; всѣ повинности личныя могутъ быть выкупаемы. Но Канкринъ заключаетъ, что 30-тилѣтній срокъ для совершенія дѣла, и эпохи, имъ назначенныя, вообще слишкомъ близки одна отъ другой, «но настоящее положеніе противно *божескимъ и человѣческимъ законамъ*».

Для насъ, современниковъ освобожденія крестьянъ, видна вся глубина идеи освобожденія крестьянъ, вырыженная Канкринымъ въ его запискѣ.

Не менѣе интересно и письмо Канкрина къ генералъ-адъютанту П. Д Киселеву (впослѣдствіи графу), который, состоя начальникомъ штаба 2-ой арміи, въ 1816 г., желая доставить занятіе квартирмейстерамъ офицерамъ, (какъ тогда назывались офицеры генеральнаго штаба), состоявшимъ при арміи, предпринялъ составленіе «Полнаго историческаго начертанія всѣхъ съ Турецкою державою военныхъ дѣйствій; отъ временъ Петра Великаго, до послѣдняго мира», т. е. Бухарестскаго, въ 1812 году.

Вотъ это письмо [1]), помѣченное 21 августа 1819 года.

---

[1]) Военный Сборникъ 1874 г. № 11, въ приложеніи къ статьѣ Д. Глиноецкаго «Исторія русскаго генеральнаго штаба».

6

«Предполагаемое Вашимъ Превосходительствомъ описаніе всѣхъ прошедшихъ походовъ противъ Турокъ есть наиполезнѣйшее и необходимое предпріятіе. Всякую новую войну должно бы начать, основываясь на опытахъ прошедшихъ, чтобы не каждый разъ начать испытанія, какъ молодой человѣкъ въ жизни. Каждое государство должно было бы имѣть точное описаніе силы и слабости своихъ границъ, что̀ противъ онаго сосѣди могутъ предпринимать и что̀ оно себѣ можетъ поставить цѣлью. Но кто этимъ занимается кромѣ французовъ и то прежнихъ.—Въ нынѣшнее время *фрунтъ* начинаетъ себѣ воображать, что онъ побѣдилъ въ послѣдней войнѣ, далеко отбрасывая отъ себя *школьничество наукъ.*—Къ статьѣ «описаніе военнаго театра» надобно бы прибавить разсужденія о характерѣ онаго въ разныя времена, что̀ имѣло неминуемое вліяніе на характеръ самой войны. До Петра I театръ войны былъ степной, сражалась милиція противъ милиціи и много тутъ было азіятическаго. Съ Петра I театръ войны былъ тоже степной, но сражались солдаты противъ милицій, отчего весьма перемѣнился образъ войны. Прутъ есть эпизода, которая имѣла побочныя причины, особливо ту, что Петръ I въ существѣ не былъ большой воинъ и слишкомъ спылчивъ для полководца. Походы Миниха весьма любопытны, но онъ тоже сражался болѣе съ затрудненіями театра войны, нежели съ Турками. Мало по мало театръ войны послѣ того перемѣнился, а нынѣ война съ Турками водится въ полуобразованномъ краю. О вліяніи всѣхъ таковыхъ обстоятельствъ я подробно объясняюсь въ извѣстномъ моемъ сочиненіи [1]).

Нужно бы знать составъ нашихъ армій, устройство (organisation) оной; духъ, какъ главнокомандующій былъ поддержанъ или шиканированъ при Дворѣ. Но кто сіе напишетъ? Дѣлать собраніе диспозицій. Простакъ Плото писалъ наиполезнѣйшую книгу въ семъ отношеніи. Необходимо нужно описаніе о составѣ, качествѣ, духѣ турецкой милиціи; стоячей (постоянной) части ихъ армій, яничаръ и топчи—поселенныхъ войскъ, тиморіотовъ—вербованныхъ арнаутовъ—союзныхъ—прежде татаръ, курдовъ и проч., настоящей милиціи (ban), привозимой воинскими головами (пашами) наиболѣе изъ Азіи и проч. Изъяснить положеніе Турецкаго государства въ

[1]) «Fragmente über die Kriegskunst.»

то время и царствовавшій духъ; во время Екатерины духъ ихъ очень было упалъ; послѣ того нѣсколько поднялся.

Крѣпости надобно описывать по эпохамъ; положеніе ихъ было весьма неровное. По части продовольствія, нужно различать каждый разъ принятую систему и было-ли все готово. Минихъ выступилъ съ 80,000 повозокъ, укрѣпилъ свою операціонную линію редутами и проч. При Екатеринѣ сначала съ малыми арміями бились кое-какъ.

Послѣ того одѣвали всегда кафтанъ прежде, нежели былъ сшитъ, думали о томъ, что должно было быть готово до войны, по начатіи оной и затѣмъ, по недостатку твердаго плана и по глупой системѣ неприготовленныхъ штурмовъ, съ большими силами ничего соразмѣрнаго не дѣлали. И боюсь, чтобы впредь не случилось подобное. Для турецкой войны требуются ужасныя приготовленія, для коихъ нужны годы, а бить турокъ не трудно, если войскамъ хоть нѣсколько сохранится ржавчина войны и не будутъ представлять себѣ Балканъ плацпарадомъ...

Богъ знаетъ, были ли прежде твердые планы кампаніи. Но въ самомъ существѣ войны были и есть степени, кои сами собою указали операціи—Крымъ, Днѣстръ, Бугъ, Дунай, Балканы, Царьградъ. Еще можно примѣтить, какъ всякая ошибочно начатая и веденная война мало образуетъ, то сколько я ни говорилъ съ воинами въ Молдавіи бывшими, не такъ-то много нашелъ у нихъ здравыхъ видовъ, о турецкой войнѣ и едва-ли у кого предчувствіе настоящей мѣры возможности. Вотъ нѣкоторыя мысли. Они остаются между нами, впрочемъ, писавъ прямо на бѣло, прошу извиненіе штилу. Кромѣ того, всегда сражаюся съ русскимъ языкомъ, не зная оный фундаментально».

И въ этомъ письмѣ виденъ не только компетентный человѣкъ въ военномъ дѣлѣ, но и предсказатель будущихъ нашихъ войнъ съ Турціею, включительно до кампаніи 1877—78 гг., когда мы собирались съ нѣсколькими дивизіями пройти церемоніальнымъ маршемъ по Турціи.

Это письмо Канкрина къ Киселееву было не единственное, такъ какъ послѣдній въ письмѣ къ Арс. Андр. Закревскому изъ Тульчина, отъ 13 іюля 1819 года, говоритъ:

*

«Я въ большой перепискѣ съ Дибичемъ и Канкринымъ— оба даютъ мнѣ разныя свѣдѣнія, каждый по своей части. Я имѣю въ предметѣ примирить двѣ арміи (которыя поставили правиломъ ссориться за всякій вздоръ) и партикулярнымъ исполненіемъ удалить непріятности, отъ того произойти могущія»[1]).

При такомъ положеніи вещей Канкрину приходилось испытывать по службѣ не мало непріятностей, почему есть указаніе нѣкоторыхъ біографовъ, что онъ собирался оставить службу, а также, что именно въ это время австрійское правительство дѣлало ему самыя блестящія предложенія, но Канкринъ ихъ рѣшительно отклонилъ, желая жить и трудиться лишь въ Россіи и для Россіи.

14 апрѣля 1820 г., Е. Ф. Канкринъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и вызванъ Императоромъ Александромъ I, вмѣстѣ съ А. П. Ермоловымъ и Бибиковымъ въ Лайбахъ, гдѣ происходилъ конгрессъ; случилось это вотъ по какому поводу:

«Извѣстія о событіяхъ въ Александріи и Туринѣ произвели въ Лайбахѣ, говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ [1]), такое же громовое впечатлѣніе, какое въ 1815 г., было произведено въ Вѣнѣ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона на берега Франціи; смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ ужасѣ. Боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и въ другихъ частяхъ полуострова, что, народныя массы, поддержанныя войсками Неаполя и Сардиніи, подавятъ ненавистную итальянцамъ австрійскую армію; опасались, что движеніе отзовется во Франціи, въ Германіи, въ Польшѣ. Страхъ овладѣлъ Меттернихомъ, который вовсе не отличался твердостью духа въ опасностяхъ, Но какъ въ 1815 г. въ Вѣнѣ, такъ и теперь въ Лайбахѣ, Императоръ Александръ положилъ конецъ этому всеобщему ужасу; онъ сказалъ Императору Францу: «мои войска въ распоряженіи Вашего Величества если вы считаете ихъ содѣйствіе полезнымъ для себя». Австрійскій Императоръ принялъ это предложеніе съ благодарностью, и стотысячная русская армія получила приказъ вступить въ Галицію; прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ, она должна была явиться въ Италіи. Да кромѣ этихъ ста тысячъ, русскій Императоръ приказалъ готовить еще двѣ другія арміи».

---

[1]) «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.» т. 72, стр. 21.

[2]) «Императоръ Александръ I. Политика и Дипломатія», Спб. стр. 1877 г. 465.

«Государь, говоритъ М. Н. Похвисневъ [1]), вызвалъ Ермолова въ Лайбахъ, для назначенія его главнокомандующимъ арміей, которая вмѣстѣ съ австрійскими войсками должна была двинутся для подавленія возстанія. Въ проѣздъ его чрезъ Петербургъ въ Лайбахъ, гр. Аракчеевъ по порученію Государя, вручилъ ему Владимірскую ленту. Пріѣхавъ въ Петербургъ Алексѣй Петровичъ заболѣлъ или сказался больнымъ, но только всесильный тогда графъ Алексѣй Андреевичъ долженъ былъ первый пріѣхать къ нему для передачи, по приказанію Государя, царской награды и другихъ словесныхъ порученій. Въ то же время Ермоловъ проѣзжалъ чрезъ Варшаву, гдѣ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, имѣвшій особую къ нему пріязнь, приготовилъ ему почетную встрѣчу. Ермоловъ, врагъ всякихъ церемоній, отдѣлался отъ этой встрѣчи весьма оригинальнымъ образомъ. На послѣдней предъ Варшавой станціи его ожидалъ экипажъ Великаго князя. На ту пору у проѣзжавшаго въ Варшаву генералъ-интенданта Канкрина сломался экипажъ. Ермоловъ уговорилъ Канкрина отправиться въ приготовленной для него коляскѣ а самъ поѣхалъ вслѣдъ ему, въ тележкѣ. Канкринъ, ничего не подозрѣвавшій, при въѣздѣ въ Варшаву былъ принятъ съ почестями, которыя предназначались для Ермолова».

Этотъ разсказъ подтверждается отчасти письмомъ самаго А. П. Ермолова изъ Бреста, отъ 15 апрѣля 1821 г., къ Арс. Андр. Закревскому [2]), въ которомъ читаемъ:

> «Здѣсь отъ В. К Константина Павловича было повелѣніе принять меня съ величайшими почестями, но я, въѣхавъ въ городъ и увидавъ приготовленія, выскочилъ изъ коляски и скрылся въ жидовскіе переулки, едва меня отыскали и я тогда возвратился въ квартиру, когда уже ни одного не было часоваго. Великому князю пошелъ эстафетъ о законопротивныхъ моихъ поступкахъ. Ту же встрѣчу приказано мнѣ сдѣлать въ Люблинѣ и также спасусь я бѣгствомъ. Чрезвычайно странно, что во всѣхъ уже газетахъ названъ я главнокомандующимъ. Великій князь встрѣчалъ

---

[1]) «Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 481, а письмо императора Александра къ Ермолову см. т. II его «Записокъ» стр. 137 приложенія.

[2]) «Сбор Импер. Рус Истор. Общ». т. 72, стр. 364.

Канкрина, думая, что я ѣду, и я одинъ о томъ не долженъ ничего знать. Эта шутка презабавная, но я отшутить надѣюсь порядкомъ».

Ермолова, Канкрина и Бибикова ждали въ Лайбахѣ съ нетерпѣніемъ, что видно изъ письма князя Петра Мих. Волконскаго, отъ 15 апрѣля 1821 г., къ Закревскому, изъ Лайбаха въ которомъ говорится:

«Ермоловъ, Канкринъ и даже Бибиковъ еще по сіе время не пріѣхали» [1]). Но вся эта скачка нашихъ генераловъ была напрасною тратою времени, ибо неаполитанцы остались вѣрны своей исторіи, вѣрны преданію—не биться съ чужими войсками, благодаря чему 24 марта австрійцы вступили въ Неаполь при кликахъ народа: «да здравствуетъ король!».

Одновременно съ событіями обсуждавшимися въ Лайбахѣ возстала Греція. Турки въ день Пасхи схватили во время обѣдни патріарха константинопольскаго, бывшаго въ полномъ облаченіи, и повѣсили, послѣ чего тѣло его волокли по улицамъ; за этимъ послѣдовали казни, разрушеніе церквей, грабежъ и насиліе. Провинціи слѣдовали примѣру столицы, а извѣстія объ этихъ ужасахъ возбудили во всей западной Европѣ умы, склонные сочувствовать христіанамъ. Но къ вѣчному стыду священнаго союза, возстаніе въ Греціи предоставлено было своимъ силамъ.

Одинъ лишь тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Каподистрія, сочувствовалъ Греціи, но когда Александръ I увидалъ, что привязанность его къ интересамъ Греціи сильнѣе, чѣмъ къ Россіи, то въ такомъ стремленіи къ защитѣ народнаго движенія, усмотрѣлъ умаленіе желанія защищать права Государей и это было причиною отъѣзда гр. Каподистрія изъ Россіи. Такая потеря была важнѣе проиграннаго сраженія. Государь отправился на Веронскій конгрессъ уже безъ него. Тамъ-то сильнѣе прежняго сцѣпились узы священнаго союза, которыя долго и сильно тѣснили насъ.

Только Меттернихъ видѣлъ и тутъ якобинство и революцію, въ иной лишь формѣ. Пруссія не была прямо заинтересована событіями на юго-востокѣ. Франція занята была дѣлами своими и испан-

---

[1]) Тамъ-же стр. 324.

скими. Англія выжидала. Возстаніе грозило вызвать войну Россіи съ Портою. И дѣйствительно по словамъ военнаго историка Лукьяновича [1]): «русскія войска собирались въ Бессарабіи, на берегахъ Прута, готовыя по первому слову Монарха устремиться въ нѣдра турецкой имперіи. Стеченіе столь многихъ неблагопріятныхъ и гибельныхъ оттоманамъ обстоятельствъ ручалось за вѣрный успѣхъ и могло привести русскихъ къ стѣнамъ Царьграда. Но человѣколюбіе Александра руководило его, благословляемою народами Европы, политикою. Составляя священный союзъ, онъ положилъ въ основаніе его священное правило: «христіанскій Монархъ долженъ имѣть одну только цѣль—сохраненіе мира и защиту собственности и правъ каждаго Государя и подданнаго». Союзныя съ Россіею державы, побуждаемыя одинаковымъ желаніемъ обезпечить всеобщій миръ, старались отвратить своимъ посредничествомъ опасности, грозившія Турціи. Ничто не могло побѣдить упрямства оттомановъ. Стремясь къ истребленію подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ, Турція не только производила войну въ Мореѣ, день ото дня кровопролитнѣе и ужаснѣе, но угрожала Сербіи, спокойной и вѣрной исполнененію всѣхъ своихъ обязанностей Султану. Военное занятіе Молдавіи и Валахіи, вопреки всѣхъ договоровъ и обѣщаній, продолжалось».

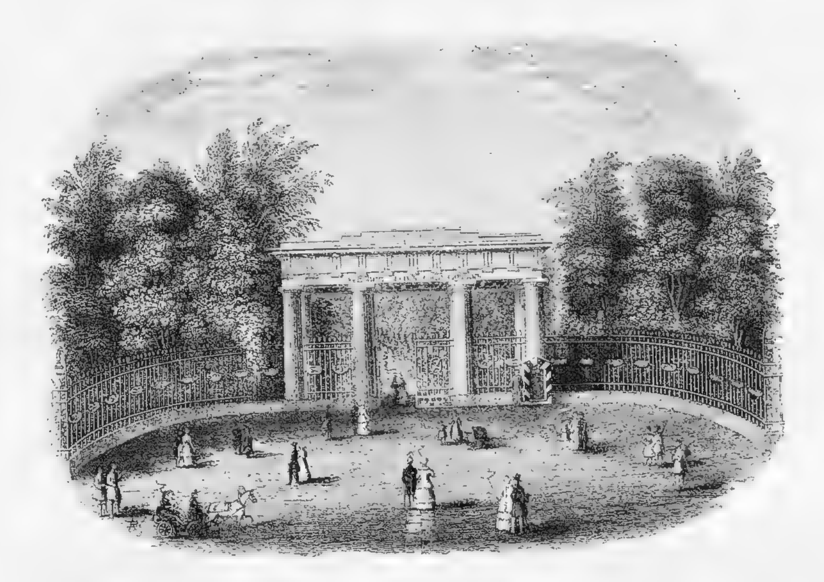
Имѣя все это въ виду, Ив. Вас. Сабанѣевъ писалъ къ Арс. Андр. Закревскому [2]), отъ 10 августа 1821 г., слѣдуюшее:

> «Въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ могли бы мы быть на Дунаѣ и безъ труда овладѣть крѣпостями и устьемъ Сулинскимъ, необходимымъ для флотиліи. Тогда, остановясь по Дунаю до Черноводъ, а оттуда до Кюстенджи по Троянову валу, можно бы заставить турокъ говорить по-русски. Теперь! теперь! Какая разница! Тогда всѣ выгоды были на нашей сторонѣ, теперь всѣ неудобства и чѣмъ позже, тѣмъ хуже.
>
> Говорятъ Канкринъ полководецъ. Не спорю, мундиръ военный, да къ тому же Deutschmann, чего же болѣе».

---

[1]) Соч. его «Описаніе турецкой войны 1828—29 годовъ». т. I, стр. 6.
[2]) «Сброн. Импер. Рус. Истор. Общ.», т 73, стр. 564.

Опасенія однако Сабанѣева были напрасны, Е. Ф. Канкринъ не только не сдѣлался полководцемъ, но даже совсѣмъ оставилъ военное министерство, такъ какъ 21 октября 1821 г. былъ назначенъ Государемъ, членомъ Государственнаго Совѣта.

Ворота въ Царскомъ Селѣ въ память 1812 г., сооруженныя Императоромъ Александромъ I, съ надписью: «Любезнымъ моимъ сослуживцамъ».

БАЛАНСЪ

по всѣмъ окончательно обревизованнымъ въ Государственномъ Контролѣ книгамъ и отчетамъ полеваго Интендантскаго Управленія.

съ

1812 по 1817 годъ.

Прилагаемый балансъ взятъ изъ рукописнаго «Генеральнаго Счета составленнаго по произведенной въ Государственномъ Контролѣ окончательной ревизіи книгъ и отчетовъ полевого Интендантскаго Управленія съ 1812 по 1817 годъ, о суммахъ на послѣднюю кампанію употребленныхъ», который сохранился у внуковъ графа Канкрина. Названный отчетъ заключаетъ въ себѣ 66 страницъ, писаныхъ искуснымъ калиграфомъ; переплетенъ въ красный сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ и такимъ же обрѣзомъ, что заставляетъ думать, что онъ былъ поднесенъ Государю Императору. На заглавномъ листѣ рукою графа Канкрина сдѣлана надпись: «Наиболѣе по моему управленію Генералъ Интендантомъ. Декабрь 1826»; Этотъ важный документъ имѣетъ огромный историческій интересъ, такъ какъ изъ него впервые становится извѣстнымъ во что дѣйствительно обошлась компанія 1812—15 гг., кромѣ того видимъ, что графъ Канкринъ сберегъ сумму, въ 23.867,208 руб. 88 к. оставшуюся отъ разныхъ употребленій и уменьшилъ сумму требованій Иностранныхъ державъ, при расчетахъ съ ними на 81.631,771 р. 67 коп. Такимъ образомъ, благодаря ему, Россія сберегла въ тяжелую эпоху испытаній, свыше 100 милліоновъ рублей.

Дебетъ

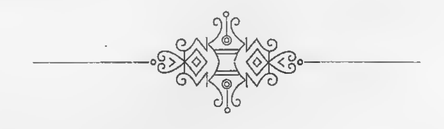
	По курсу на ассигнаціи.	
Общія воинскія издержки. 18.536,057 р. $27\frac{1}{2}$ к.	Руб.	Коп.
Расходы:		
По полевому комисаріатск. управленію . . . 126.576,354 р. $18\frac{11}{12}$ к.		
По полевому Провіантскому управленію . . . 48.843,122 р. $24\frac{1}{6}$ к.		
По Полевому Артиллерійск. управленію . . . 2.772,909 р. $3\frac{1}{2}$ к.		
По полевому Инженерному управленію . . . 56,245 р. 51 к.		
Суммы, отпущенныя Иностраннымъ правительствамъ . . . . . 23.358,458 р. $28\frac{1}{4}$ к.	220.143,146	$53\frac{4}{12}$
Суммы, вошедшія въ счеты разныхъ вѣдомствъ.		
Интендантскаго Управленія, бывшаго при отдѣльномъ корпусѣ въ Франціи . 250,048 р. $41\frac{2}{3}$ к.		
Министерства Морскаго. 363,997 р. 72 к.		
Министерства Финансовъ 11.866,822 р. $2\frac{1}{2}$ к.	12.480,868	$16\frac{2}{12}$
Суммы открытыхъ взысканій	1.025,867	$8\frac{1}{2}$
» о которыхъ производятся переписки полевымъ Интендантскимъ управл. 1-ой Арміи	929,081	$15\frac{3}{4}$
Остатки, вошедшіе въ счеты полеваго Интендантскаго управленія 1-ой арміи съ 1817 г.	3.074,573	$29\frac{3}{4}$
ОБЩАЯ СУММА .	237.653,536	$23\frac{1}{2}$
Суммы, размѣненныя одними монетами на другія. 15.858,275 р. 84 к.		
Суммы, переданныя по счетамъ отъ однихъ лицъ другимъ . . . . . 241.232 811 р. 74 к.		
Общая сумма оборотныхъ расходовъ. .	257.091,087	58
ВСЕГО . . .	494.744,623	$81\frac{1}{2}$

Кредитъ

	По курсу на ассигнаціи.	
	Руб.	Коп.
Отъ Министра Финансовъ	166.091,397	66
Изъ Военнаго вѣдомства.	36.441,813	82 1/2
Отъ Иностранныхъ правительствъ	6.520,300	64 1/4
Контрибуціонные, Реквизиціонные и собранные съ земель занятыхъ нашими войсками	2.800,018	84 1/4
Передержанные разными лицами сверхъ сдѣланныхъ отпусковъ	16,506	76 7/8
Вырученные при продажѣ вещей, припасовъ и проч.	1.916,289	60 3/4
Оставшіеся отъ разныхъ употребленій вычтенные, удержанные, взысканные и поступившіе по разнымъ случаямъ	23.867,208	88 7/8
ОБЩАЯ СУММА .	237.653,536	23 1/2
Суммы, вымѣненныя одними монетами на другія . . . . 15.858,275 р. 84 к.		
Суммы, полученныя по счетамъ одними лицами отъ другихъ . 241.232,811 р. 74 к.		
Общая сумма оборотныхъ приходовъ . . .	257.091,087	58
ВСЕГО . . .	494 744,623	81 1/2

ОБОЗРѢНІЕ
ликвидацій съ Иностранными Державами.

	Требовано		Исключено.		Уплачено	
Червонцевъ .	599,117	—	187,117	—	412,000	—
Гульденовъ австрійскихъ .	126,636	—	126,636	—	—	—
Марокъ . . .	12.899,188	3½	11.362,188	3½	1.530,000	—
Франковъ . .	22.816,638	14	12.261,530	60	10.555,107	54
Гульденовъ голландскихъ .	98,465	—	59.927	—	38,538	—
Гульденовъ баварскихъ . .	5.286,842	38⅜	2.473,551	35¾	2.813,291	2⅝
Марокъ гамбургскихъ .	145,262	—	—	—	145,262	—
Дукатовъ неаполитанскихъ.	1.233,243	77	98,080	82	1.135,162	95
Талеровъ прусскихъ . . .	24.002,965	8 9½ фен.	10,589,100	21 10¾ фен.	13.413,864	10 10¾ фен.
Общая сумма по курсу на ассигнаціи . .	160224213	87	81.631,771	67	78.592,442	20

1821—1825

ДАЛЬНѢЙШАЯ СЛУЖБА Е. Ф. КАНКРИНА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ Императора Александра I.

РОДОМЫСЛЪ XIX ВѢКА

МЕДАЛІОНЪ РАБОТЫ ГРАФА Ѳ. П. ТОЛСТАГО

Верстку набора текста производилъ метранпажъ
А. П. ЕФИМОВЪ.

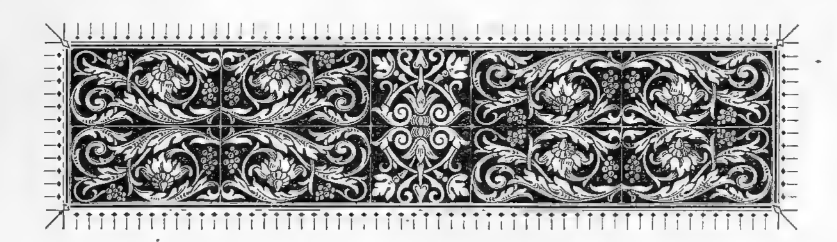
Глава вторая.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ГЛАВЫ.

Назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта.—Выходъ въ свѣтъ новаго сочиненія: Всемірное богатство, національное богатство и государственное хозяйство.—Нѣсколько выдержекъ изъ этого труда и отзывъ о немъ Н. Х. Бунге.—Участіе въ составленіи тарифа 1822 года.—Статья князя П. А. Вяземскаго о значеніи этого тарифа.—Общій взглядъ на тогдашнее положеніе нашихъ финансовъ.—Увольненіе отъ должности графа Д. А. Гурьева и назначеніе министромъ финансовъ Е. Ф. Канкрина.—Причины паденія гр. Гурьева по разсказамъ современниковъ и отзывы послѣднихъ о новомъ министрѣ.—Засѣданія въ особыхъ комитетахъ.—Приглашенія на службу въ министерство финансовъ талантливыхъ людей.—Преобразованіе и перестройка Горнаго Корпуса.—Устройство библіотеки ученаго Комитета м-ва финансовъ.—Доступность новаго министра и воспоминаніе о немъ историка Устрялова.—Нѣсколько резолюцій и бумагъ Е. Ф. Канкрина изъ числа хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ.—Указы Е. Ф. Канкрину Императора Александра I.—Обзоръ мѣропріятій въ первые годы управленія министерствомъ, до кончины Императора Александра I.

II.

Одновременно съ Канкринымъ, 31 октября 1821 г., были назначены членами Государственнаго Совѣта: генералъ отъ инфантеріи гр. Ламздорфъ (воспитатель Николая Павловича); московскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи князь Голицынъ [1]); оберъ-егермейстеръ Пашковъ и генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Васильчиковъ. Изъ нихъ Канкрину и Пашкову повелѣно было присутствовать въ Департаментѣ Государственной Экономіи [2]).

Назначеніе Пашкова и Канкрина состоялось, какъ оказывается, по слѣдующему поводу: «лѣто и осень 1821 года, пишетъ В. Р. Марченко въ своей автобіографіи [3]), Мордвиновъ, будучи предсѣдателемъ экономическаго департамента Государственнаго Совѣта завелъ такую ссору на бумагѣ съ министромъ графомъ Гурьевымъ что Государь, по возвращеніи въ Петербургъ, перевелъ Мордвинова и Саблукова въ гражданскій департаментъ, а въ экономическій назначилъ предсѣдателемъ князя Куракина, а меня сдѣлалъ статсъ-секретаремъ этого департамента, 27 ноября 1821 года».

---

[1]) Родная сестра котораго была замужемъ за графомъ П. А. Строгановымъ, любимцемъ Александра I и другомъ его дѣтства.

[2]) «Сбор. матер. Соб. его И. В. канцеляріи» Т. VI стр. 67 и 68 Указы № 34 и 36.

[3]) «Рус. Стар.» 1896 г., май, стр. 298.

Въ томъ же 1821 г. явилось новое соч. Канкрина «Всемірное богатство, національное богатство и государственное хозяйство» [1]) («Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft»), въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на народное хозяйство и финансы. Такъ какъ это сочиненіе предшествовало вступленію его въ управленіе министерствомъ финансовъ, стало-быть, оно даетъ понятіе о степени его подготовленности къ этой дѣятельности, а независимо того онъ какъ-будто нарочно касается тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые ему предстояло разрѣшить; и кромѣ того все сказанное имъ о бумажныхъ деньгахъ тутъ какъ-будто относится къ Россіи, (говоря о которой онъ вездѣ пишетъ: «*въ одномъ большомъ государствѣ*»), и къ будущей его дѣятельности.

Вотъ какъ онъ опредѣлялъ свой взглядъ на народное хозяйство:

«При разсмотрѣніи податей (съ цѣлью ихъ улучшенія) нашли мы тысячу препятствій; очень ограничили источники государственнаго дохода; бумажныя деньги, какъ и слѣдуетъ, совершенно отвергли. Вообще изобрѣтеніе нашего времени, кредитную систему, попрали ногами и такъ же безцеремонно обошлись съ лучшими учрежденіями, введеніемъ которыхъ не одинъ себя прославилъ— съ банками. Какъ же послѣ этого государство должно обходиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ?

«Такъ же, какъ и всякій благоразумный частный человѣкъ, воздерживаясь отъ четырехъ апокалипсическихъ животныхъ въ денежномъ дѣлѣ: отъ порчи монеты, отъ бумажныхъ денегъ, системы займовъ, а также отъ чрезмѣрнаго искусственнаго торговаго капитала (т. е. общественныхъ банковъ), пусть приведетъ въ равновѣсіе свои расходы съ доходами и старается увеличить ихъ посредствомъ частнаго прилежанія, въ государствѣ посредствомъ порядка и хорошаго управленія; въ случаѣ же нужды, пусть заключаетъ займы, съ тѣмъ, однако, чтобы уплачивать ихъ въ благопріятное время».

Сочиненіе графа Канкрина любопытно также потому, что онъ въ немъ вѣрно и мѣтко анализируетъ нѣкоторыя явленія, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ. Это именно отдѣлъ о бумажныхъ деньгахъ.

---

[1]) Первая часть этого сочиненія издана на русскомъ языкѣ, въ 1868 г., въ прибавленіяхъ къ №№ 10 и 11 газеты «Дѣятельность».

«Съ высокою культурою,—пишетъ онъ,—появляются кредитныя деньги; тогда вмѣсто дѣйствительныхъ знаковъ цѣнности довольствуются документнымъ заявленіемъ, что эти знаки можно получить во всякое время, или въ опредѣленный срокъ. Эти кредитныя деньги получили свое начало, частію вслѣдствіе недостатка денегъ, частію вслѣдствіе дороговизны и опасности при ихъ перевозѣ, которая обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе міровыя связи государства».

Канкринъ раздѣляетъ кредитныя деньги на: цессіонныя (Cessionsgeld), или облигаціонныя, собственно кредитныя деньги и бумажныя.

Цессіонными или облигаціонными деньгами называетъ онъ долговыя обязательства, заемныя письма, ипотечные документы, арендные контракты, банковыя облигаціи на долгіе сроки, билеты казначейства, различныя акціи и т. п. — однимъ словомъ, частныя и государственныя, привилегированныя и непривилегированныя обязательства. Они замѣняютъ деньги для тѣхъ, которые собираютъ ихъ для составленія капитала, и кромѣ того, они уменьшаютъ во всякомъ случаѣ потребность въ деньгахъ, потому что могутъ быть употреблены при куплѣ и продажѣ. Собственно кредитныя деньги состоятъ изъ векселей, тратъ, банковыхъ облигацій на предъявителя, а также билетовъ, обращающихся по довѣрію къ нарочно для того устроенному размѣнному фонду или даже и безъ него; они современемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ свойство денегъ. Настоящія бумажныя деньги непосредственно замѣняютъ звонкую монету и умственно (мысленно) совершенно уподобляются ей.

«Рекомендовать государству употребленіе кредитныхъ знаковъ,—говоритъ Канкринъ,—все равно, что совѣтовать юношѣ посѣщеніе игорныхъ домовъ». Несмотря, однако, на это, онъ признаетъ нѣкоторыя выгоды отъ нихъ:

1) «Они искусственно увеличиваютъ свободный капиталъ. Такъ какъ на вновь созданные, повсюду признаваемые цѣнными знаки (бумажныя деньги) можно покупать всѣ продукты и силы — то значительная часть прежняго наличнаго капитала можетъ быть употребляема на новыя предпріятія: для улучшенія пахатныхъ полей, для новыхъ горныхъ заводовъ, рыбныхъ ловель, фабрикъ, торговыхъ спекуляцій и т. д.

2) Посредствомъ нихъ, нація сберегаетъ издержки, требующіяся на ремонтъ металлическаго капитала, который значительно уменьшается, вслѣдствіе тренія и потерь въ большомъ видѣ; постоянное пополненіе бумажныхъ денегъ какъ правительству, такъ и народу стоитъ гораздо меньше. Нація даже можетъ весь свой наличный денежный капиталъ замѣнить бумагами и помѣстить его очень высоко.

3) Денежныя сношенія значительно облегчаются посредствомъ нихъ внутри государства и даже болѣе, нежели насколько это могло быть достигнуто посредствомъ векселей».

Затѣмъ неудобства бумажныхъ денегъ Канкринъ опредѣляетъ очень точно и основательно. Они заключаются по его мнѣнію въ слѣдующемъ:

1) «Нельзя практически опредѣлить, сколько ихъ можно выпустить въ извѣстное время. Теоретически же можно принять, что онѣ безвредны, когда ихъ выпускаютъ въ количетвѣ: а) соотвѣтствующемъ числу ежегодно вновь прибывающихъ свободныхъ капиталовъ. Этого количества, впрочемъ, никакъ нельзя выразить въ цифрахъ; б) въ количествѣ, равномъ той суммѣ звонкой монеты, которая безъ ущерба можетъ быть изъята изъ обращенія. Это тоже, по мнѣнію Канкрина, очень неопредѣленное отношеніе. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что количество ихъ можетъ быть доведено до полноты всей суммы денегъ, обращающихся въ звонкой монетѣ.

2) Трудно поддерживать кредитъ бумажныхъ денегъ. Сначала онъ основывается на: а) предположеніи, что государство всегда въ состояніи размѣнять на звонкую монету столько бумаги, сколько потребуется; б) что вся сумма выпущенныхъ бумажныхъ денегъ не превышаетъ потребнаго количества. Но первое сомнѣніе относительно этихъ условій производитъ паденіе ихъ курса.

3) Что въ самой ихъ натурѣ заключается стремленіе къ чрезвычайному умноженію ихъ. При легкости дѣлать бумажныя деньги являются великолѣпные проекты, развиваются потребности; создаются небывалыя затрудненія въ управленіи; составляются блестящіе планы для увеличенія власти. Все это бываетъ, даже при лучшихъ правительствахъ.

4) При излишнемъ выпускѣ бумажныхъ денегъ, быстро наростаютъ мнимые капиталы; роскошь увеличивается и нравственность націи портится.

5) Является потребность сбывать наличныя деньги иностранцамъ, потому что звонкая монета становится излишнею.

6) Когда начинаютъ принимать искусственныя и неудачныя административныя мѣры для поддержанія курса бумажныхъ денегъ, тогда является еще новое зло: цѣнность ихъ начинаетъ колебаться; тогда и цѣны вещей становятся колеблющимися къ ущербу торговли и нравственности, и часто дѣлаются ни съ чѣмъ несообразными.

7) Ремесло ростовщиковъ въ эти времена обыкновенно процвѣтаетъ и становится бичемъ страны; оно отвлекаетъ капиталы отъ лучшихъ занятій, а колебаніе лажа и вексельнаго курса облегчаетъ спекуляціи. Послѣдняя звонкая монета, какъ она ни необходима, извлекается изъ страны и дѣлается простымъ товаромъ».

Осуждая мѣры своихъ предшественниковъ, графъ Канкринъ писалъ: «Долго результаты сихъ мѣръ были колеблющимися и сами собою разрушались. Причины продолжительныхъ неудачъ заключались въ слѣдующемъ: въ невѣрно разсчитанныхъ средствахъ; въ недостаточномъ вниманіи къ нравственнымъ и вспомогательнымъ условіямъ для этого, и, наконецъ, къ голосу народа; потомъ въ ложномъ основаніи стараться объ умноженіи бумажныхъ денегъ, вмѣсто того, чтобы упрочить ихъ курсъ».

«При окончательномъ приведеніи въ порядокъ бумажной системы,—говоритъ Канкринъ,—нужно было бы имѣть въ виду три главныхъ предмета: преобразовать самую бумагу; привести въ порядокъ остатки старыхъ долговъ, чтобы быть сколько-нибудь справедливымъ, и найти новые вспомогательные источники для государственныхъ потребностей».

Далѣе, разбирая нѣкоторыя мѣропріятія, Канкринъ характеризуетъ ихъ очень практично: «Сюда принадлежатъ также жалкія финансовыя мѣры, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на вексельный и денежный курсъ. Покупка и продажа векселей, разсылка звонкой монеты во внутренность страны, мѣры для ограниченія ажіотажа и т. д.». Но всѣ эти мѣры, по совершенно справедливому замѣчанію Канкрина—«ничего не могутъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не измѣнено самое основаніе прежней системы,

и возбуждаютъ только еще болѣе сомнѣнія, и причиняютъ лишнія и значительныя издержки, и составляютъ ненужные окольные пути, по которымъ проходятъ туда, откуда вышли. Купецъ рѣдко можетъ быть полезнымъ совѣтникомъ относительно бумажныхъ денегъ, потому что онъ придаетъ много значенія числамъ и считаетъ дѣйствительными мелкія купеческія хитрости даже въ большихъ дѣлахъ».

Не лишено основанія и слѣдующее разсужденіе Канкрина о мѣрахъ, которыя были предприняты къ поддержанію курса бумажныхъ денегъ: «Нѣсколько прежде думали поддержать бумажныя деньги или довести ихъ до al pari посредствомъ промѣна бумагъ на серебро, или посредствомъ займовъ бумажными деньгами на выгодныхъ условіяхъ, съ обязательствомъ уплаты на серебро; но послѣдствія этихъ мѣръ извѣстны. Средства, которыми располагало государство, были недостаточны для этой цѣли и скоро истощились; посредствомъ одной капли вина нельзя воду уподобить вину».

«Самое раціональное основаніе бумажной денежной системы, по мнѣнію Канкрина, это—размѣнный фондъ, состоящій не изъ государственныхъ имуществъ, не изъ бумагъ, а изъ монеты». Впрочемъ говоритъ Н. Х. Бунге, ученый, а также министръ впослѣдствіи финансовъ, въ статьѣ: «Мысли гр. Канкрина о бумажныхъ деньгахъ» [1]. «Гр. Канкринъ полагалъ полезнымъ фундировать ассигнаціи государственными имуществами. Онъ видѣлъ въ этомъ средство для ограниченія выпусковъ ассигнацій, замѣчая, что возрастаніе суммы бумажныхъ денегъ возвышаетъ цѣнность недвижимыхъ имуществъ, и вызываетъ новые выпуски». Далѣе Бунге писалъ: «графъ Канкринъ былъ человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, яснымъ и положительнымъ, съ замѣчательной силой воли, и по трудолюбію достойный всякаго уваженія. Въ молодости онъ прошелъ хорошую школу въ Гессенѣ и Марбургѣ; но, поступивъ на службу въ Россію, увидѣлъ себя въ средѣ, которая, по степени гражданскаго и экономическаго развитія, стояла гораздо ниже Западной Европы. Вслѣдствіе этого, быть можетъ, образовался оригинальный взглядъ графа Канкрина на изученіе экономическихъ явленій и на открывшееся ему поприще практической дѣятельности. Графъ Канкринъ черпалъ свои свѣдѣнія, по оставленіи университета, изъ своего ограниченнаго опыта

---

[1]) «Рус. Вѣст.» 1864 г. ноябрьская книга.

и пренебрегалъ такъ называемою школьною ученостью, какъ негодною для практика, а вмѣстѣ съ нею и тѣмъ, что вырабатывалось жизнью и наукой въ Западной Европѣ. Научныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ молодости, не пополнялись новыми фактами, кромѣ тѣхъ, которые представляло ему собственное непосредственное наблюденіе, и можно полагать не безъ основанія, что графъ Канкринъ имѣлъ очень неопредѣленныя понятія не только о кредитныхъ учрежденіяхъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, но о финансовомъ устройствѣ первостепенныхъ державъ».

Но стоитъ прочесть «Очерки политико-экономической литературы»» (Спб. 1895 г.), покойнаго Н. Х. Бунге и въ нихъ статью «Шмоллеръ о Менгерѣ», чтобы видѣть, что Шмоллеръ поколебалъ въ Бунге вѣру въ гипотезы классиковъ политико-экономической науки, и онъ въ молодости, упрекавшій Канкрина, на склонѣ жизни своей, могъ сказать лишь подобно Сократу: «я знаю только то, что ничего не знаю».

Независимо отъ сказанныхъ мѣръ обратились къ увеличенію дохода съ питейнаго сбора. Прежніе откупа и дворянское право винокуренія въ девяносто ведерныхъ кубикахъ были уничтожены, а питейные сборы поступили въ казенное управленіе. Цѣна вина была возвышена, но въ то же время число мѣстъ продажи было чрезвычайно увеличено. Уничтоженіе права винокуренія, которымъ пользовалось повсемѣстно дворянство, выкуривая, безъ всякаго платежа акциза, болѣе дозволеннаго количества и позволяя себѣ злоупотребленія при продажѣ — возвышеніе цѣны на вино и, особенно, размноженіе мѣстъ продажи его, — всѣ эти средства, вмѣстѣ взятыя, естественно должны были много возвысить доходъ правительства отъ питейнаго сбора, но эта мѣра вредно подѣйствовала, какъ неожиданный переломъ, на хозяйство помѣщиковъ, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ удобреніе необходимо для земледѣлія; она вредно подѣйствовала также на нравственность чиновниковъ министерства, которые вдались въ тонкія неуловимыя злоупотребленія. Распространеніе мѣстъ продажи еще вреднѣе подѣйствовало на нравственность народа, предавшагося пьянству. Увеличившійся доходъ не долго удержался: въ 1823 и 1824 годахъ онъ упалъ болѣе чѣмъ на 40 процентовъ. Это-то обстоятельство, какъ увидимъ, и заставило Канкрина обратиться къ откупамъ.

По мнѣнію Канкрина, благосостояніе каждаго гражданина въ отдѣльности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть главной задачей финансоваго управленія. Его идеалъ— это умѣренный достатокъ массы народа, а не огромный итогъ доходовъ, за которымъ скрывается обыкновенно обнищаніе большей половины населенія; но богатство въ частной жизни обыкновенно пріобрѣтается на счетъ другихъ, тоже самое существуетъ и въ сферѣ иностранной торговли. Народы обогащаются и возвышаются надъ своими сосѣдями или хитростью, или силою, слѣдовательно, богатыя торговыя страны опасны во всѣхъ отношеніяхъ.

Эти воззрѣнія Канкрина и создали его опасенія на счетъ Англіи. Дѣйствительно Россія, во время континетальной системы, увидѣла необходимость эмансипироваться, по мѣрѣ возможности, отъ иностранцевъ посредствомъ развитія собственной промышленности. Развитіе промышленной дѣятельности, возбужденной, покровительствуемой въ этихъ видахъ правительствомъ, потерпѣло сильный ударъ, когда, по возстановленіи мира, русская торговая политика попробовала послѣдовать началамъ свободной торговли. Россія сдѣлала такой же опытъ, какъ и Сѣвероамериканскіе Штаты, гдѣ каждый періодъ свободной торговли оканчивался денежнымъ кризисомъ и всеобщимъ банкротствомъ. Англія ограничила привозъ хлѣба въ угоду своей аристократіи и ввозъ лѣса въ интересахъ Канады, и наводнила въ то же время Россію своими фабрикатами. Въ циркулярѣ 1821 года графъ Нессельроде объявлялъ, что «Россія вынуждена основать систему *независимой торговли*, что продукты Имперіи не находятъ болѣе рынковъ за границей, что мануфактуры ея крайне подавлены, что монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, что солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности и что сельское хозяйство и торговля, равно какъ и фабричная промышленность, не только ослаблены, но стоятъ на краю банкротства».

Ультра—протекціонная торговая политика Англіи, имѣвшая слѣдствіемъ подобное же направленіе другихъ западно-европейскихъ государствъ, принудила и Россію къ перемѣнѣ системы.

Канкринъ, принимая участіе въ дѣлахъ коммисіи, составлявшей тарифъ 1822 года, доказалъ необходимость направить промышленность, торговлю и сельское хозяйство на тотъ путь, который бы велъ Россію, ея собственнымъ, напряженнымъ трудомъ, къ неза-

висимости отъ иностранцевъ и поставилъ бы ея возрастающее производство въ равновѣсіе съ народнымъ потребленіемъ. Если прежняя система заставляла русскій народъ обращаться исключительно къ промышленной дѣятельности иностранцевъ, то Канкринъ увидѣлъ въ побужденіи къ *самостоятельному труду* высшее условіе къ экономическому прогрессу Россіи, и тарифъ 1822 года основалъ не на «строжайшей запретительной системѣ», но на болѣе подходящей къ обстоятельствамъ и счастливо организовалъ охранительную систему.

Сотни тысячъ работниковъ нашли на фабрикахъ выгодное занятіе, и земледѣліе не только не упало, но подтвердило и здѣсь опытъ западно-европейскихъ государствъ, что раціональное сельское хозяйство неразлучно съ разнообразно развивающейся промышленностью и безъ ея содѣйствія едва-ли возможно. Именно въ промышленныхъ губерніяхъ земледѣліе сдѣлало самые значительные успѣхи, а вывозъ изъ Россіи съ каждымъ годомъ увеличивался въ быстрой прогрессіи, какъ видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ цифръ:

1822 г.		50.427.900 р. с.
1832 »		66.381.700 » »
1842 »		82.225.400 » »

Въ той же пропорціи увеличивался привозъ:

1822 г.		41.637.500 р. с.
1832 »		51.422.600 » »
1842 »		82.975.600 » »

покровительство туземной промышленности не имѣло такимъ образомъ невыгоднаго вліянія на торговлю; напротивъ, съ развитіемъ туземнаго производства и внутренней торговли значительно возрастала и способность Россіи къ международной торговлѣ.

Видя все это, извѣстный экономистъ, Фридрихъ Листъ [1]), въ 1841 году, писалъ: «Достаточно просмотрѣть послѣдніе отчеты русскаго департамента внѣшній торговли, чтобы убѣдиться, что Россія, благодаря принятой сю системѣ Канкрина, достигла благоденствія и

[1]) См. предисловіе къ соч. гр. Е. Ф. Канкрина «Очерки Политической Экономіи и финансіи». Спб. 1894 г.

что она гигантскими шагами подвигается какъ по пути богатства, такъ и могущества. Безразсудно со стороны Германіи желать уменьшенія этихъ успѣховъ и расточать жалобы на ущербъ, который система Россіи нанесла сѣвернымъ германскимъ провинціямъ. Нація, какъ и человѣкъ, не имѣетъ болѣе дорогихъ интересовъ, какъ свои собственные. На Россіи не лежитъ обязанности хлопотать о благоденствіи Германіи. Пусть Германія занимается Германіей, а Россія — Россіей. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, вмѣсто того, чтобы ждать Мессію будущей свободы торговли, было-бы лучше бросить космополитическую систему въ огонь и воспользоваться примѣромъ Россіи».

Князь П. А. Вяземскій написалъ въ 1834 г. статью [1]) «Тарифъ 1822 года», изъ которой приводимъ нѣсколько строкъ:

«Европа праздновала свое примиреніе и свободу. Тарифъ 1819 г. былъ памятникомъ торжества сего и плодомъ трактатовъ, вслѣдствіе того возникшихъ. Онъ былъ родъ жертвоприношенія на алтарь мира, дѣйствіе великодушнаго самоотверженія со стороны Россіи. Она не только не требовала возмездія за подвигъ общаго спасенія, но даже отказывалась отъ принадлежащей ей доли въ дѣлежѣ общихъ выгодъ, на которую событія и рѣшительное участіе ея въ оныхъ давали ей неоспоримое право. Но празднующимъ днямъ нужно было постановить предѣлъ. Иначе Россія слишкомъ дорого заплатила бы за торжество свое, и пришлось бы ей жалѣть о времени континентальной системы. Сіи соображенія дали жизнь тарифу 1822 года. Умы, порабощенные еще свѣжимъ впечатлѣніемъ, затвердившіе со слуха извѣстное правило поборниковъ свободной торговли: дайте волю и дайте дорогу (laissez faire et laissez passer), завопили громогласно... . . . .

Тарифъ однако выдержалъ 12-ти лѣтнее испытаніе, хотя годы эти не всѣ были годами мира и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ 1824 г. было наводненіе и купцамъ, въ виду понесенныхъ потерь при этомъ бѣдствіи, уступлено было однихъ пошлинъ около 4 милліоновъ рублей.

Въ 1826 и 27 гг. война съ Персіею прекратила торговлю на Каспійскомъ морѣ и во всемъ Закавказскомъ краѣ.

---

[1]) См. «Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго», изд. гр. С. Д. Шереметева. Томъ II, стр. 186—210.

Въ 1828 и 29 гг. война съ Турціею имѣла то-же дѣйствіе на торговлю по морямъ Черному и Азовскому и въ Бессарабіи.

Въ 1831 и 32 гг. возстаніе Польши, война съ нею и безпокойства въ западныхъ губерніяхъ задержали въ тѣхъ мѣстахъ всѣ торговыя дѣла. Наконецъ въ 1833 г. неурожай [1]) во многихъ губерніяхъ Россіи прекратилъ отпускъ хлѣба за границу.

Несмотря на то Россія, пораженная въ разныхъ концахъ своихъ бѣдствіями, ее постигшими, Россія воюющая, Россія опустошаемая заразами, Россія, расторгнутая въ исполинскомъ единодержавіи своемъ временнымъ отъ общаго порядка отпаденіемъ многихъ областей своихъ, подвигалась безостановочно въ возрастающемъ стремленіи своемъ на стезѣ государственнаго благосостоянія».

Слова свои кн. П. А. Вяземскій подкрѣпляетъ цифрами:

Съ 1824 по 1834 г. привезено иностранныхъ товаровъ на . . .	1.951.844.619 руб.
Съ 1814 по 1824 на	1.646.901.710 »
Болѣе на . .	304.939.309 руб.
Съ 1824 по 1834 г. отпущено за границу товаровъ на	2.307.399.005 руб.
Съ 1814 по 1824 г. на	2.181.694.424 »
Болѣе на . .	125.504.581 руб.

---

[1]) Весны въ 1833 г. въ южныхъ губерніяхъ почти не было, тамъ господствовала стужа, а затѣмъ наступила засуха, вслѣдствіе чего всѣ южныя губерніи отъ 52° сѣверной широты, на пространствѣ 50,000 географ. миль, съ населеніемъ въ 14.500.000 душъ, были поражены неурожаемъ. Особенно пострадали губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Полтавская и Воронежская. Кромѣ южныхъ губерній недостатокъ хлѣба обнаружился: въ Витебской, Могилевской, Смоленской, Калужской, Владимірской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской, Тверской и Новгородской, и во всѣхъ губерніяхъ цѣна на хлѣбъ страшно возросла. Въ мѣстахъ, болѣе плодородныхъ, многіе замѣняли хлѣбъ дубовыми желудями и древесной корой, пытались даже смѣшивать муку съ глиной; домашній и рабочій скотъ продавали за ничто. Неурожай 1833 года стоилъ государству и народу до 100.000.000 руб. ассигн. Одни денежныя пособія правительства составляли 30.000.000 рублей.

Чтобы окончательно обрисовать нужду въ продовольствіи 1833 г., слѣдуетъ упомянуть, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, согласно заключенію Медицинскаго Совѣта, разсылало ко всѣмъ губернаторамъ наставленіе о приготовленіи хлѣба изъ винной барды, изъ соломы и другихъ веществъ. (См. Исторію М. В. Д. ч. III, кн. I).

За тѣмъ даетъ таблицу о поступленіи пошлинъ:

Всѣхъ таможенныхъ сборовъ поступило:

Съ 1824 по 1834 г.	673.339.401 р. 52½ к.
Съ 1814 по 1824 г.	396.126.285 » 92 »
Болѣе на . .	277.213.115 р. 60½ к.

Всякія объясненія излишни Таковы были результаты взглядовъ и мѣръ Канкрина относительно торговли, мануфактуръ и земледѣлія.

Касательно тарифа 1822 г., Канкринъ въ своихъ «Очеркахъ политической экономіи» говоритъ:

«Этотъ самый тарифъ и засталъ сочинитель этой книги въ 1823 году, когда назначенъ былъ на постъ Министра Финансовъ. Онъ послѣдовательно улучшалъ его и усовершенствовалъ, уничтожилъ многіе запреты ввоза товаровъ, понизилъ иныя таможенныя пошлины, многія изъ нихъ, въ видахъ увеличенія таможеннаго дохода или же недостаточности охраненія отечественнаго производства, возвысилъ, измѣнилъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ таможенные законы и проч. Такимъ образомъ ясно, что собственно не онъ— творецъ покровительственно-запретительной таможенной системы въ Россіи!

Не слишкомъ чрезмѣрная обременительность таможенныхъ пошлинъ по новому исправленному тарифу для торговли очевидно свидѣтельствуется цифрою значительныхъ, съ 1823 г. утроившихся годовыхъ доходовъ таможеннаго сбора, въ составѣ котораго значительная часть состоитъ изъ пошлинъ съ иностранныхъ фабрикатовъ. Такъ откуда же слѣдовательно эти жалобы? До 1823 года такъ слабо боролись съ контрабандою, что провинціи, сосѣднія съ западною границею, извлекли чрезвычайно значительныя выгоды изъ такого положенія дѣлъ. Не только на таможенной линіи, но и въ самыхъ даже таможняхъ, не исключая и пристаней, велась торговля потаенная нерѣдко въ огромныхъ размѣрахъ. Практиковались двойныя бумаги, дѣлали стачки съ таможенною стражею. При помощи всего этого не только, въ весьма многихъ случаяхъ, ускользали отъ дѣйствій покровительственной системы, но купецъ честный не могъ даже вовсе держаться на правовомъ грунтѣ и былъ, впослѣдствіи, весьма признательнымъ правительству, когда ему стало это наконецъ

возможно. Сочинитель этой книги перемѣнилъ чуть ли не весь персоналъ таможенныхъ чиновниковъ, такъ какъ хорошее мѣсто въ таможнѣ считалось тогда какъ бы синонимомъ «улыбки фортуны». Таможенная стража поставлена была по всей пограничной линіи на надлежащую, законную почву и доведена была численностью до 9,000 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ (во Франціи—20,000), хорошо оплаченнаго, отборнаго войска по европейской границѣ. Досмотрщики при таможняхъ взяты изъ заслуженныхъ отставныхъ солдатъ. Въ отвращеніе дѣйствительности бумагъ, введена была штемпельная бумага. Введенъ былъ также ускоренный контроль. На внутренній надзоръ за контрабандою обращено было особенное вниманіе и съ этою цѣлью безпрестанно посылались довѣренные чиновники для наблюденія, вмѣстѣ съ тѣмъ даны облегчительныя правила для пассажировъ и сдѣлано многое другое, что должны мы оставить безъ упоминанія.

Всѣми этими мѣрами удалось намъ довести до возможнаго минимума дефравдаціи (обманы), особенно же дефравдаціи въ самихъ таможняхъ, а отнюдь не путемъ стѣсненія,—какъ выставляютъ наши недоброжелатели, въѣзда въ Россію; туристы, конечно, могутъ засвидѣтельствовать, что едва ли гдѣ либо обращаются внимательнѣе и учтивѣе съ путешественниками, чѣмъ на русской границѣ. Только для разъѣзжающихъ туда и сюда контрабандистовъ установлены на пограничной линіи препоны по пути; однако же въ послѣднее время очень облегчено вообще движеніе и по пограничной линіи.

Вслѣдствіи всего этого потаенная торговля стала опаснѣе, страховыя преміи поднялись, съ громоздкими товарами нельзя было ничего болѣе дѣлать, захваты были сначала очень значительны, но мало-по-малу уменьшились. И вотъ.—

hinc illae lacrimae!
(отсюда-то эти слезы!)

Извѣстные классы жителей сосѣднихъ пограничныхъ провинцій потеряли много. Отъ нихъ исходятъ жалобы въ цѣлыхъ брошюрахъ и газетахъ. Имъ угодно утверждать, будто бы вся фабричная дѣятельность въ Россіи держится только искусственнымъ образомъ. Либералы—заинтересованныя лица находятъ *въ высшей степени*

несправедливымъ, что Россія имѣетъ въ виду, и преслѣдуетъ собственные свои интересы, а не чужіе!.... Ну, да пусть же они плачутся на запретительную систему, которой собственно вовсе и не существуетъ.

Листъ высказался по этому случаю очень вѣрно!...»

Отзывъ Листа приведенъ, какъ помнитъ читатель, выше.

Относительно положенія нашихъ тогдашнихъ финансовъ, Канкринъ находилъ, что мѣра, предпринятая графомъ Д. А. Гурьевымъ [1]), была непригодна потому, что погашеніе ассигнацій, производимое «и не рѣдко весьма огромными массами, доселѣ не было увѣнчано желаннымъ успѣхомъ, ибо не имѣло никакого ощутительнаго вліянія на промѣнъ серебра», а между тѣмъ, обременяло государственное казначейство долгами, требующими «знатныхъ суммъ» на погашеніе процентовъ. Поэтому необходимо его прекратить: оно безполезно; если продолжать ихъ выкупъ и жечь, то на народъ производитъ невыгодное впечатлѣніе, «которое истребленіе ассигнацій производило въономъ въ прошедшие годы»; иностранные же капиталисты нисколько этимъ не интересуются, для нихъ важно непрерывное полученіе процентовъ по займамъ и увѣренность, что количество ассигнацій не будетъ увеличено.

Чтобы лучше оцѣнить вѣрность и справедливость такого воззрѣнія Канкрина, бросимъ бѣглый историческій взглядъ на тогдашнее положеніе нашихъ финансовъ.

Русская денежная система, всегда страдала различными недостатками. У насъ были различныя монеты и деньги: золото, серебро мѣдь и, наконецъ, ассигнаціи; но золото и серебро только номинально, а въ дѣйствительности только мѣдь и ассигнаціи, сильно колебавшіяся въ курсѣ, на которыя поневолѣ приходилось производить всѣ разсчеты и обороты, что̀ имѣло различныя неудобства. До начала царствованія Екатерины II, производился выпускъ мѣдной монеты съ принудительнымъ и номинальнымъ курсомъ. Мѣдь въ 1768 году и въ началѣ нынѣшняго столѣтія стоила въ продажѣ не болѣе 16 руб. сер. за пудъ; для увеличенія же доходовъ

---

[1]) *Гурьевъ*, Дмитрій Александровичъ (впослѣдствіи графъ), дѣйствительный тайный совѣтникъ, гофмейстеръ, товарищъ Министра Финансовъ (съ 1802 г.), Министръ Удѣловъ (съ 1809 г.) Министръ Финансовъ (съ 1810 по 1823 г.); членомъ въ Сибирскомъ Комитетѣ (1823 г.); возведенъ въ графское достоинство въ декабрѣ 1819 г. Родился въ 1751 г., умеръ 30 сентября 1825 г.

правительство чеканило изъ пуда 32 руб. Въ этомъ бѣды не было бы, еслибы мѣдныя деньги были у насъ только размѣнною монстою, номинальный курсъ которой можетъ быть выше настоящей цѣны, но дѣло въ томъ, что эта монета была у насъ единственною почти въ обращенiи; на нее-то собственно и производились всѣ разсчеты; не имѣя никакой внутренней цѣнности, она была, кромѣ того, тяжела, неудобна для пересылки и обращенiя, однимъ словомъ, не удовлетворяла тѣмъ условiямъ, которыя требуются отъ всякаго рода денежныхъ знаковъ. Въ 1768 г. правительство пришло къ мысли замѣнить ее другимъ, болѣе удобнымъ и рацiональнымъ средствомъ,—ассигнацiями, и въ то же время осторожно и искусно приступило къ этой операцiи, устроивъ съ этой цѣлью два ассигнацiонныхъ банка — въ Москвѣ и Петербургѣ. Сначала ассигнацiй было выпущено только на 1 милл. руб., по 500 тысячъ изъ каждаго банка; размѣнъ ихъ былъ обезпеченъ такимъ же количествомъ мѣдной монеты. Ассигнацiи скоро получили свободную обращаемость въ народѣ, такъ какъ онѣ были гораздо удобнѣе мѣдной монеты и ходили даже съ лажемъ вь 5 проц. противъ мѣди. Указомъ 1774 г. количество ихъ было ограничено 20 милл. руб. сер., но къ 1788 г. ихъ было выпущено уже на 40 милл., что, впрочемъ, нисколько не вредило финансовому положенiю государства, напротивъ, ассигнацiи способствовали развитiю торговаго движенiя. Но начавшiяся потомъ войны потребовали новыхъ выпусковъ ассигнацiй и въ началѣ царствованiя Павла I ассигнацiй обращалось уже до 157 милл., и курсъ ихъ стоялъ на 31 проц. ниже пари. Въ 1801 году всѣхъ ассигнацiй было выпущено безъ малаго на $22^1/_2$ миллiона. По мѣрѣ увеличенiя ихъ количества, сталъ падать и ихъ курсъ; сначала онѣ ходили рубль за рубль мѣдный, потомъ постепенно 97, 80, 71 коп. Въ 1801 г. ассигнацiонный рубль равнялся уже только 65 и даже 60 к. мѣдью. Императоръ Павелъ I думалъ-было преобразовать денежную систему и извлечь изъ обращенiя часть бумажныхъ денегъ; первое время его царствованiя ознаменовалось принятiемъ разныхъ мѣръ для улучшенiя финансовъ. Паденiе цѣнности ассигнацiоннаго рубля и сильное пониженiе вексельныхъ курсовъ обратили на себя особое вниманiе правительства. Для исправленiя дѣла прежде всего приступили къ улучшенiю монетной системы Въ январѣ 1797 г. состоялся указъ о дѣланiи сере-

брянной монеты $83\frac{1}{3}$ [1]) пробы, вмѣсто 72-й. Было предположеніе также возвысить самую счетную единицу и назначить цѣну рубля въ 50 штиверовъ или $5\frac{1}{2}$ франковъ. Опытъ однако не удался. Не смотря на такое увеличеніе внутренняго достоинства серебряной монеты, улучшеніе вексельнаго курса было незначительное: онъ поднялся на Амстердамъ всего на 1 штиверъ. Поэтому новымъ указомъ, отъ 3 октября 1797 г., повелѣно чеканить серебряную монету $83\frac{1}{3}$ пробы, но уже по 19 р. $75\frac{23}{81}$ коп. въ фунтѣ лигатурнаго серебра. Какъ по дѣйствительной цѣнности такой рубль равнялся екатерининскому, то они оба ходили по 36 голландскихъ штиверовъ или около 4 франковъ. Для золотой монеты принята была вмѣсто прежней новая проба $94\frac{2}{3}$ зол. Мѣдную же монету, не смотря на возвышеніе биржевой цѣны этого металла, подтверждено было чеканить по 16 руб. изъ пуда, причемъ эта мѣра особенно была неудачна, такъ какъ еще болѣе повредила курсу ассигнаціоннаго рубля, ибо выгодно было сплавлять монету или вывозить ее заграницу, а уменьшеніе количества мѣдной монеты въ обращеніи затрудняло размѣнъ ассигнацій и, конечно, еще болѣе способствовало паденію ихъ курса.

18 декабря 1797 учреждена была «Эскontная контора» для «вспомоществанія и усиленія ремеслъ и торговли», но въ тоже время ей было поручено погашать государственные долги на сумму 3 мил. руб. ежегодно. Изъ протоколовъ Государственнаго Совѣта (см. Архивъ Госуд. Совѣта Т. III) видно, что «Государственный Казначей баронъ Васильевъ [2]) во время 4-хъ лѣтняго отправленія должности своей успѣлъ заплатить не малое количество какъ внѣш-

---

[1]) Павловскій рубль $83\frac{1}{3}$ пробы вѣсилъ 6 з. 81 долю и содержалъ чистаго серебра 5 з. 80 д.; рубль Александра I вѣсилъ 4 з. $82\frac{1}{2}$ д., а чистаго серебра содержалъ 4 з. 21 д., что оставалось и въ слѣдующія царствованія.

[2]) *Васильевъ*, Алексѣй Ивановичъ (впослѣдствіи графъ) дѣйств. тайный сов. родился въ 1742, умеръ въ 1807. При Екатеринѣ II-й присутствовалъ въ коммиссіи для составленія уложенія; при Императорѣ Павлѣ былъ Государственнымъ Казначеемъ затѣмъ уволенъ отъ всѣхъ должностей. При Императорѣ Александрѣ I вновь возвращенъ во всѣ должности и пожалованъ въ графское достоинство. Въ 1802 г. назначенъ первымъ Министромъ Финансовъ. Вигель говоритъ о Васильевѣ, что онъ «будучи происхожденія не знатнаго, едва-ли дворянскаго, не ослѣплялся счастіемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій разсказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патріархальностью, которою все дышало въ его домѣ»... На указъ о кончинѣ гр. Васильева ссылался основатель «Русскаго Вѣстника» С. Н. Глинка, говоря: «И такъ Монархъ Россіи учитъ любить и уважать имя россіянъ» (см. I кн. «Рус. Вѣст.» за 1808 г. предисловіе).

нихъ такъ и внутреннихъ долговъ, чему въ доказательство служитъ, что изъ числа оныхъ, всего 297.094.217 руб. 12 коп. выплачено разными оборотами и замѣнами 169 989.403 руб. 57 коп. нынѣ же остается дѣйствительно подлежащихъ къ уплатѣ внѣшнихъ и внутреннихъ долговъ всего 85.933.242 руб. 86 коп». Въ счетъ этой суммы не были включены новые выпуски ассигнацій, которыхъ въ царствованіе Павла Петровича прибавилось 53.595.609 руб.; общее число коихъ къ 1800 году составляло 212.689.330 руб.

Во время заграничныхъ войнъ царствованія Александра I по 1810 г., монета требовалась въ чрезвычайныхъ количествахъ, такъ что сумма ассигнацій простиралась уже свыше 700 милл. и курсъ ихъ упалъ на 75 проц. ниже пари. Въ 1810 г. финансы Россіи были въ самомъ тяжеломъ положеніи; дефицитъ простирался до 105 милл. Тогда родилась мысль прекратить, для поправленія положенія финансовыхъ дѣлъ и предупрежденія дальнѣйшаго паденія курса ассигнацій, выпускъ ихъ, и установить монету главнымъ орудіемъ обращенія, предполагалось съ этою цѣлью продать часть государственныхъ имуществъ, а вырученную сумму обратить на погашеніе ассигнацій, съ этою же цѣлью былъ открытъ внутренній заемъ, раздѣленный на 5 частей, по 20 милл. руб. въ каждой. Такъ какъ условія займа для вкладчиковъ были весьма выгодны, ибо въ первую часть 2 р. асс. принимались за 2 руб. серебра, то всѣ 20 милл. были подписаны быстро и облигаціи коммиссіи погашенія долговъ (учрежденной 27 мая 1810 г.) очень скоро получили огромный лажъ въ сравненіи съ ассигнаціями, именно въ 1812 г. передъ вторженіемъ французовъ, онъ составлялъ 42 %.

Но, «всѣ благоразумныя предположенія», говорилъ гр. Кочубей въ своемъ мнѣніи, о исправленіи финансовой системы, представленномъ Императору Александру I [1]), какъ-то займы, уменьшеніе ассигнацій или уплаты долговъ, учрежденіе Коммиссіи Погашенія и проч., производя пользу самую существенную, будутъ однакожъ производить оную весьма тихо въ сравненіи съ надобностями государственными, кои между тѣмъ увеличиваться должны. Указывая затѣмъ на неудовлетворительное положеніе нашихъ финан-

---

[1]) «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по М. Финансовъ», за 1866 г. кн. XI и XII».

совъ, постоянные дефициты и быстрое паденіе курса ассигнацій, гр Кочубей видѣлъ въ неудовлетворительности торговаго баланса: «Не можемъ помышлять мы о возстановленіи торговыхъ нашихъ сношеній съ Англіей, а между тѣмъ перевѣсъ торговли совершенно обратился противу насъ. Всѣ товары наши упали цѣною въ металлической монетѣ, всѣ товары привозимые чрезвычайно на оную возвысились; отчего и отъ множества сихъ послѣднихъ должны мы, такъ сказать, и послѣдній серебрянный рубль выпускать за границу. Послѣдняя Лейпцигская ярмарка, если можно полагаться на свѣдѣнія, довольно вѣроятныя, увлекла у насъ до 10 милл. руб. золотомъ и серебромъ».

Насколько былъ правъ гр. Кочубей свидѣтельствуетъ о томъ то, что ни отказъ правительства пользоваться выпускомъ ассигнацій, ни рядъ узаконеній, которыми, опредѣлены новыя основанія монетной системы и установленъ новый порядокъ обращенія, какъ металлическихъ денегъ, такъ и ассигнацій (см. П. С. З. № 24,264, 24,334) не имѣли значенія для устраненія финансовыхъ затрудненій и въ томъ же, 1810 г., ассигнацій было вновь выпущено на 46.172.580 руб.

По окончаніи Отечественной войны, графъ Гурьевъ опять сталъ заботиться объ уменьшеніи количества ассигнацій, которыхъ тогда было въ обращеніи уже на 830 милл.; но, вмѣсто того, чтобы продавать государственныя имущества, рѣшено было приступить къ иностранному займу.

Первый заемъ въ 40 милл. руб. сер. былъ совершенъ въ Амстердамѣ весьма легко, чему благопріятствовало политическое значеніе Россіи. Въ 1819 г. графъ Гурьевъ въ совѣтѣ кредитныхъ установленій, объявилъ, что, посредствомъ этого займа, было изъято и сожжено на 118 милл. р. ассигнацій, а взамѣнъ ихъ начеканено монеты 26 милл. Слѣдуя той же системѣ, заключенъ былъ второй заемъ въ 43 милл., извлечено и сожжено было еще ассигнацій на 181 милліонъ.

Но, несмотря на эти дорогія усилія, достигли, въ 1820 году, лишь ничтожнаго возвышенія ассигнацій вмѣсто 400 коп. ассигн. за рубль серебра, курсъ дошелъ до 373 коп. за рубль, а въ началѣ 1823 г. курсъ опять упалъ, и давали за рубль серебра 380 коп. ассигнаціонныхъ.

На эту операцію роптало общественное мнѣніе, а безпощадной критики дѣйствія министра финансовъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, подвергалъ адмиралъ графъ Н. С. Мордвиновъ (см. его біографію профессора Иконникова, изданную въ 1873 г). Канкринъ также былъ противъ нея, и вотъ какъ отзывался объ этихъ мѣрахъ въ своемъ сочиненіи:

«Особенно вредными оказались въ новѣйшее время несвоевременная откровенность и преждевременныя мѣры. Въ Россіи назвали бумажныя деньги государственнымъ долгомъ — чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ не бываютъ; это долгъ націи относительно самой себя — и съ этого времени начинается ихъ быстрое паденіе. Въ народѣ до этихъ поръ не появлялось никакого сомнѣнія относительно кредита государственныхъ денегъ; до сихъ поръ онѣ оказывали вліяніе на цѣну вещей, не вслѣдствіе уменьшенія ихъ цѣнности отъ недовѣрія, но просто вслѣдствіе увеличенія массы денегъ; только вслѣдствіе этого несправедливаго и неосторожнаго слова проявилось сомнѣніе: стали обсуждать предметъ, и, наконецъ, оказались еще болѣе невыгодныя послѣдствія».

Вообще Канкринъ былъ противъ гласности въ дѣлѣ кредита, о чемъ писалъ:

«Какъ скоро начинаютъ говорить о кредитѣ — онъ падаетъ; это одинаково какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государства».

Вообще экономическое положеніе государства, вмѣсто того, чтобы возрастать во время мира, стало быстро падать, и открылся недостатокъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ, потому что количество ассигнацій уменьшилось на 236 милл., а занятая монета уходила за границу; фабрики рушились, банкротства были часты, и недоимки въ платежахъ податей безпрестанно возрастали. Все это было засвидѣтельствовано въ циркулярѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ русскимъ представителямъ при западныхъ дворахъ, о чемъ уже выше сказано.

Еще въ 1818 году правительство учредило особый комитетъ для сокращенія смѣтъ военнаго министерства, но пользы отъ того не послѣдовало. Расходы военнаго министерства росли: въ 1802 году они составляли 177.770.936 руб., въ 1821 году — 182.339.010 руб., въ 1822 году — 185.889.354, руб., въ 1823 году — 195.555.909 руб. Напримѣръ, комитетъ призналъ, что военное министерство обре-

меняется ежегодно огромными сверхсмѣтными расходами, а потому постановилъ, чтобы впредъ всѣ сверхсмѣтные расходы обращались на государственное казначейство. Но эта полезная мѣра никогда не была приводима въ исполненіе [1]). Въ 1822 году, сдѣлана была новая попытка къ сокращенію расходовъ военнаго министерства, причемъ, по мысли адмирала Мордвинова, ему дозволено было не стѣсняться при производствѣ расходовъ предѣлами, назначенными смѣтою 1822 года, а располагать суммами по усмотрѣнію, покрывая недостатки по одной статьѣ расходовъ, остатками другой статьи. Это полномочіе привело къ совершенно неожиданному результату: произошла такая запущенность счетовъ, что совершенно была потеряна возможность слѣдить за оборотами суммъ.

Кромѣ того, расходы по военному вѣдомству, поглощали, при Императорѣ Александрѣ I, даже въ мирное время половину доходовъ государства и были причиною неизбѣжныхъ дефицитовъ, которые были постояннымъ явленіемъ во все это царствованіе Хотя тогдашній министръ финансовъ графъ Гурьевъ [2]) въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ и доносилъ, что «все обстоитъ благополучно»; однако, казна была почти наканунѣ полнаго банкротства. Такое введеніе въ заблужденіе не искупалось даже тѣми мѣрами, которыя были приняты гр. Гурьевымъ, для прекращенія новыхъ выпусковъ ассигнацій и для ихъ постояннаго погашенія.

Однимъ словомъ, постоянные дефициты, упадокъ цѣны ассигнацій, сокращеніе государственныхъ доходовъ, сильное пьянство въ народѣ, недостатокъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ, упадокъ промышленности и торговли, многочисленныя банкротства, масса недоимокъ,—характеризовали экономическій бытъ въ Россіи при выходѣ графа Гурьева изъ министровъ финансовъ.

---

[1]) Эти свѣдѣнія и цифры заимствованы нами изъ статьи П. Усова: «Столѣтіе дефицатовъ». «Истор. Вѣст.» 1885 г. Т XX.

[2]) Обходительный графъ Гурьевъ, въ блестящемъ салонѣ котораго такъ щедро раздавались казенныя деньги, славился какъ гастрономъ, изобрѣтеніемъ «гурьевской каши». Министръ Народнаго Просвященія князь А. Н. Голицынъ, если не былъ принимаемъ во дворцѣ, то каждый день обѣдалъ у гр. Гурьева, которому, какъ нахлѣбникъ, платилъ по 4.000 руб. въ годъ. (См. «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX вѣка» соч. Е. Карновича; біографія кн. А. Н. Голицына).

Изъ монографіи профессора Иконникова «Графъ Н. С. Мордвиновъ» [1]) видно, насколько было возбуждено общественное мнѣніе противъ гр. Гурьева и какимъ нападкамъ подвергалъ его дѣйствія самъ Мордвиновъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Когда въ апрѣлѣ 1823 года, въ праздникъ Пасхи, состоялось назначеніе на постъ министра финансовъ Е. Ф. Канкрина, встрѣчавшіеся на улицахъ говорили «Христосъ воскресъ—Гурьевъ исчезъ». Такое свидѣтельство современника О. А. Пржецлавскаго [2]) подтверждаетъ общественное настроеніе противъ гр. Гурьева, который, по словамъ его, былъ не любимъ за то, «что интересы казны, въ столкновеніи съ частными лицами соблюдалъ въ явный ущербъ справедливости [3]).

«Паденіе гр. Гурьева и назначеніе на его мѣсто Канкрина, писалъ кн. Воронцову—Н. М. Лонгиновъ, отъ 15 мая 1823 г., заняло всѣ умы и было предметомъ общихъ разговоровъ, даже люди посвященные въ ходъ администраціи, шептались въ заутреню Пасхи объ этомъ событіи, причемъ одни вѣрили слуху, но большинство не придавало ему никакой вѣры. «Le jour suivant, il devint indubitable pour tout le monde, qui semblait attendre comme un triomphe la confirmation de cette nouvelle, et témoignait une impatience excessive mettre fin á toute incertitude et qui n'á paru que le surlendemain. On voyait avec étonnement le public dans les agitations les plus singulieres, s'informer continueblement si la deposition eut déjà lieu, ou non. On croyait que douze heures même étaient trop, pour laisser en place un homme qui a régi les finances 12 ans».—«Спустя три или четыре дня гр. Гурьевъ, добавлялъ Лонгиновъ, не находилъ въ своемъ салонѣ людей, чтобы составить свою партію въ вистъ, такъ какъ почитатели начали заботиться объ устройствѣ своихъ дальнѣйшихъ интересовъ».

Въ «Запискахъ» А. И. Михайловскаго-Данилевскаго читаемъ [4]): «Гурьевъ раздѣлялъ жребій падшихъ министровъ въ томъ, что и на него вышло послѣ отставки нѣсколько карикатуръ и пасквилей;

---

[1]) Страницы 446—480.

[2]) «Русская Старина» Т. XXXIX стр. 388.

[3]) Въ донесеніяхъ высшей полиціи 1818—19 гг. (см. «Рус. Стар»., Т. XXXII стр. 672) о Гурьевѣ говорилось: Мнѣніе общее единогласно противъ министра финансовъ. Ропотъ на произвольныя во многихъ случаяхъ дѣйствія его весьма распространился. Говорятъ, что законъ имъ только наблюдается въ пользу казны, а толкуется всегда въ ущербъ частнаго человѣка».

[4]) «Истор. Вѣст.», т. 49, стр. 276—277.

напримѣръ, дурную водку, смѣшанную съ водою, называли Гурьевскою. Графъ Милорадовичъ сказывалъ мнѣ, что онъ первый началъ нападать на Гурьева въ комитетѣ министровъ года за четыре. Ему отсовѣтовали сіе подъ тѣмъ предлогомъ, что Императоръ поддерживалъ министра финансовъ. Милорадовичъ пересказалъ это Государю, и Его Величество отвѣчалъ ему: «продолжайте поступать, какъ вы начали, я не поддерживаю никого». Сильнѣйшіе удары Гурьеву нанесъ адмиралъ Мордвиновъ постояннымъ и нѣсколько лѣтъ продолжавшимся опровerженіемъ его предположеній и строгимъ разборомъ его дѣяній. Я самъ весьма удаленъ отъ того, чтобы защищать послѣдній поступокъ министра финансовъ, состоявшій въ слѣдующемъ. Извѣстный столько же остроуміемъ своимъ, сколько и расточительностью, Алекс. Львовичъ Нарышкинъ просилъ купить въ казну за 700.000 р. дачу его, лежащую на Петергофской дорогѣ. Не взирая на истощеніе государственнаго казначейства, Гурьевъ согласился на сію покупку въ угодность Нарышкину: Но, когда на другой день предложили въ комитетѣ министровъ раздать милліонъ крестьянамъ, то министръ финансовъ воспротивился сей мѣрѣ, утверждая, что это значитъ потворствовать лѣни крестьянъ, и что сей суммы, при разстройствѣ финансовъ, выдать нельзя. Ему возразили, во-первыхъ, что мнѣніе его не заключаетъ въ себѣ сожалѣнія къ страждущему человѣчеству, и, во-вторыхъ, напомнили ему о согласіи его выдать Нарышкину семьсотъ тысячъ рублей за дачу, вовсе ненужную казнѣ.

Графъ А. Д. Гурьевъ.

Я посѣтилъ гр. Гурьева съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы изъяснить ему мое участіе въ его положеніи, и посѣщеніе мое было ему столь пріятно, что онъ меня нѣсколько разъ обнялъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, бывши тринадцать лѣтъ министромъ, онъ проводилъ десять и болѣе часовъ за своимъ письменнымъ столомъ, что дѣла, его обременявшія, и лежавшая на немъ отвѣтственность была столь велика, что прерывали нерѣдко сонъ его и разстроили здоровье, что посему онъ еще въ прошломъ году просилъ увольненія, но Государь удержалъ его; что онъ потомъ возобновилъ просьбу свою и получилъ желанную отставку [1]. «Въ доказательство довѣрія моего къ вамъ и уваженія,—сказалъ онъ мнѣ, – я вамъ прочитаю вкратцѣ отчетъ моего управленія, который извѣстенъ только одному Императору». При сихъ словахъ онъ вынулъ бумагу и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя главнѣйшія статьи изъ оной, которыя я здѣсь помѣщаю:

«При вступленіи его въ министерство было 157 милліоновъ недостатка въ расходахъ, много долговъ и до 800 мил. ассигнацій, упадавшихъ безпрестанно въ своемъ достоинствѣ. Новый планъ финансовъ, основанный на уничтоженіи ассигнацій и погашеніи долговъ, воспріялъ свое начало съ 1-го сентября 1817 года, съ котораго времени изъято изъ обращенія до трехсотъ милліоновъ ассигнацій [2]) (которыхъ въ 1823 г. оставалось до 500 мил.), опре-

---

[1]) Вотъ этотъ указъ за № 81, напеч. въ «Сбор. матер. Соб. Е. И. В. Канцеляріи» (т. VI., стр. 97): «Снисходя на прошеніе министра финансовъ д. т. сов. графа Гурьева, по разстроенному здоровью, Всемилостивѣйше увольняемъ его отъ званія министра финансовъ, оставляя въ управленіи его Кабинетъ и Министерство Удѣловъ».

[2]) И. Кауфманъ въ статьѣ «Государственные долги» («Вѣст. Европы» 1885 г. № 1) говоритъ:

«Въ 1823 г., когда министромъ финансовъ былъ еще графъ Гурьевъ, въ Лондонѣ вышла брошюра, подъ заглавіемъ «Considérations sur le papier-monnaie de la Russie, par John Grant», въ которой очень обстоятельно изложено все то, что содержится въ манифестахъ 1839 и 1843 годовъ, почти безъ всякихъ пропусковъ. Изъ брошюры видно, что во время пребыванія Императора Александра I въ Лайбахѣ на конгрессѣ, мистеръ Грантъ подалъ ему докладную записку о денежномъ вопросѣ въ Россіи. Грантъ полагалъ, что совершенно напрасно у насъ такъ усердно извлекаютъ ассигнаціи изъ обращенія, что это ни къ чему не ведетъ, что лучше махнуть рукою на возвышеніе цѣнности ассигнацій и, наконецъ, что слѣдуетъ обмѣнять ассигнаціи по установленной закономъ цѣнѣ на новую кредитную бумагу; благодаря низкой цѣнности ассигнацій, эту новую кредитную

дѣлена, какъ сіе водится во всѣхъ государствахъ, гдѣ финансы учреждены на истинныхъ правилахъ, ежегодно постоянная сумма для уплаты долговъ, изъ коихъ погашена значительная часть, и доходы возвышены до 410 милліоновъ. Сей финансовый планъ не приведенъ еще весь къ окончанію, но, ежели будутъ слѣдовать оному постоянно, то считая съ 1-го января 1823 года, въ 12 лѣтъ, т. е. до 1835 г., всѣ долги внутренніе и иностранные будутъ уплачены, и ассигнаціи уменьшены до ста семидесяти пяти милліоновъ, сумма, которая, какъ извѣстно по опытамъ, достаточна для внутренняго обращенія и не потеряетъ своего достоинства противъ серебра; тогда, т. е. въ 1835 г., доходы и расходы государственные будутъ основаны на серебрѣ. Послѣдній заемъ у Ротшильда былъ сдѣланъ на случай предполагаемой войны на югѣ». Къ сожалѣнію, чтеніе сей бумаги было прервано посѣщеніями.

Я упомянулъ, что за нѣсколько времени до удаленія графа Гурьева отъ министерства финансовъ было разсужденіе въ комитетѣ министровъ о свирѣпствовавшемъ въ Бѣлоруссіи голодѣ. Туда былъ посланъ сенаторъ Барановъ для доставленія пособія жителямъ, и по возвращеніи его послѣдовалъ на имя его Высочайшій рескриптъ, коимъ Государь благодарилъ его за сдѣланныя имъ распоряженія [1]). Вскорѣ, однако же, узнали, что голодъ и нищета

бумагу придется выпустить въ столь незначительномъ количествѣ, что поддерживать ея размѣръ на звонкую монету возможно будетъ посредствомъ самаго незначительнаго фонда, хотя бы въ $^1/_6$ часть выпуска, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ обыкновенно признается нормально необходимымъ для размѣннаго фонда. Императоръ Александръ I приказалъ передать записку министру финансовъ, который принялъ ее не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію. Но когда Грантъ сталъ просить награды за предоставленный планъ, то ему было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что его идеи случайно совпали съ идеями министра финансовъ. Аппелируя къ публикѣ на эту несправедливость, Грантъ и напечаталъ свой планъ во всеобщее свѣдѣніе».

[1]) По этому поводу Н. М. Лонгиновъ писалъ кн. Воронцову:

«Le sénateur Baranow, vil et misérable plat-pied, a été envoyé au commencement de l'hiver à Witebsk et Mohilew avec 1.800,000 r. pour secourir ces deux provinces; mais il a reçu des instructions de m-r G. telles, et les a si bien exécutées qu'il n'a distribué qu'environ 600,000 r., ce qui ne faisait certainement par 1 r. par tête, et a rapporté le reste, au grand contentement de G. En attendant, il a mis presque tous les biens particuliers sous séquestre et les propriétaires sous jugement, pour n'avoir pas de quoi nourrir leurs paysans. Or, il est prouvé, que la mortalité et les

вновь усилились въ Могилевской и Витебской губерніяхъ; симъ предметомъ занялись въ комитетѣ министровъ и открыли, что дѣйствія Баранова были предосудительны. Спрашивается, какъ осмѣлились поднести для подписанія Императору благодарственный рескриптъ, въ то время какъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поступки сего же самаго Баранова осуждаются. Это напоминаетъ мнѣ, что за три года пожаловали за успѣшное производство работъ по строившемуся изъ Петербурга въ Москву шоссе генералъ-маіору Вельяшеву орденъ св. Анны I-й ст., а черезъ годъ его же предали суду за сіе самое шоссе».

Начальникъ III отдѣленія М. М. Кохъ доносилъ Бекендорфу [1]). «Лучшій пробный камень честности и безкорыстія министровъ— сравненіе финансоваго ихъ положенія до вступленія въ управленіе министерствомъ, и при выходѣ изъ онаго. Дмитріевъ (Ив. Ив., извѣстный поэтъ, министръ юстиціи), оставивъ министерство, не имѣлъ средствъ выѣхать отсюда въ Москву, тогда какъ Гурьевъ и многіе другіе составили себѣ колоссальныя богатства».

Удаленіе гр. Гурьева и замѣна его Канкринымъ, говоритъ И. Бліохъ [2]), послѣдовали по настоянію гр. Аракчеева и за это ему должно быть признательно потомство.

Такое указаніе на Аракчеева очень вѣроятно, такъ какъ министръ юстиціи Ив. Ив. Дмитріевъ въ запискахъ своихъ пишетъ: «Съ 1812 г. министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ лишились прежняго преимущества имѣть по два раза въ недѣлю личный докладъ Государю. Всѣ дѣла ихъ поступали въ комитетъ министровъ, а оттуда въ Государственную канцелярію, которою управлялъ гр. Аракчеевъ. Съ того времени онъ вошелъ въ большую силу; за исключеніемъ дипломатической и военной части, вліяніе его простиралось на всѣ дѣла, не только свѣтскія, но и духовныя,

---

souffrances necessiteuses étaient infiniment plus grandes parmi ceux de la couronne. Partout ailleurs un tel homme aurait été pendu, je pense, parce qu'il a été cause de milliers de morts; ici m-r G. a fait louer son zèle inhumain par un rescript de l'Empereur publié dans toutes les gazettes». («Арх. кн. Воронц.», T. XXIII стр. 469).

[1]) «Рус. Стар.» т. XXXII, стр. 190.

[2]) См. соч. его «Финансы Россіи XIX вѣка», Т. I; несомнѣнно заимствуя такое указаніе со словъ Вигеля, изъ его записокъ. («Русск. Вѣст.» 1865 г. августъ мѣсяцъ стр. 559-ая).

словомъ,—онъ сдѣлался почти первымъ министромъ, не нося на себя отвѣтственности онаго».

Тоже самое говоритъ Е. П. Ковалевскій, авторъ сочиненія «Графъ Д. Н. Блудовъ и его время» (см стр. 150), гдѣ читаемъ:

«Не станемъ излагать причинъ удаленія гр. Гурьева и отдадимъ вполнѣ графу Аракчееву справедливость за назначеніе Канкрина управляющимъ министерствомъ финансовъ. Канкринъ вывелъ наши финансы и государственное хозяйство изъ самаго бѣдственнаго состоянія. Онъ организировалъ и привелъ въ нормальное состояніе нашъ бюджетъ, до того времени сильно страдавшій отъ постоянно увеличивающагося дефицита; государственный долгъ, тяготѣвшій надъ Россіей въ видѣ огромной массы ассигнацій (не говорю о внѣшнемъ долгѣ) потрясъ до основанія нашъ кредитъ, уронилъ курсъ до крайней степени, остановилъ торговлю и убилъ всякое довѣріе общества къ правительству, которое нерѣдко принуждено было, подъ разными предлогами, отклонять свои платежи: Канкринъ, рядомъ распоряженій, согласныхъ съ духомъ времени и обстоятельствами, вывелъ правительство изъ этого затруднительнаго положенія».

Дѣйствительно Канкринъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Аракчеевымъ, что́ показываютъ нижеприводимыя письма.

I.

Письмо Канкрина гр. Аракчееву, отъ 12-го мая 1824 г.

«Я получилъ случайно изъ за-границы прилагаемую книжку о военномъ поселеніи. Просмотрѣвъ оную поверхностно, я нашелъ многія ложныя событія и превратныя толкованія. Оно переведено изъ англійскаго Ліака. На всякій случай я долгомъ счелъ доставить сію книжку вашему сіятельству на тотъ случай, что можетъ быть разсуждено будетъ помѣстить о ложности оной артикулъ въ газеты. Впрочемъ и безъ того дѣло мастера хвалитъ».

II.

29-го іюня 1825 года.

«По случаю отправляемаго у сего письма, обязываюсь просить извиненія вашего сіятельства, что не самъ писалъ

оное. Нѣсколько времени уже хвораю и не надѣялся написать безъ многихъ поправокъ. Видя, что не смотря на всѣ усилія и съ пожертвованіемъ, такъ сказать, всѣмъ моимъ существованіемъ, дѣла финансовъ не такъ идутъ, какъ бы я желалъ, и внутреннее положеніе промышленности отъ низости цѣнъ на хлѣбъ постепенно дѣлается хуже, я наконецъ начинаю терять и духъ. Денегъ нѣтъ. Жена пишетъ ко мнѣ изъ Ревеля, чтобъ при первомъ случаѣ свидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, совершенное ея почтеніе.

Конфисковали здѣсь недавно изрядную бронзовую чернильницу съ портретомъ (бюстомъ) Государя, не считая приличнымъ продать оную съ публичнаго торга, я позволяю себѣ думать, не изволите ли оную принять въ знакъ памяти, но не рѣшился оную отправить, не испросивъ позволенія вашего сіятельства. Если мысль моя не хороша, то всепокорнѣйше прошу извинить доброе намѣреніе [1]).

Сперанскій еще въ 1813 году, въ письмѣ изъ Пензы, говорилъ: «Нѣтъ у насъ во всемъ государствѣ человѣка способнѣе Канкрина быть министромъ финансовъ», а славный А. П. Ермоловъ въ письмахъ своихъ къ Закревскому и князю Воронцову, такъ отзывался о Канкринѣ:

I.

«Какое внезапное паденіе Гурьева! и многихъ, я думаю, удивило назначеніе Канкрина? Но финансы, безъ сомнѣнія, будутъ въ лучшемъ состояніи, судя по его знаніямъ и способности. Я, какъ обитатель горъ, могу уподобить паденіе вельможи отторгающейся скалѣ, за которою вслѣдъ непримѣтно валятся въ долину множество небольшихъ камней. Между камнями, ты знаешь, что есть называемые *голышами*. Но не въ семъ разрядѣ будутъ Обрѣзковъ, Дружининъ, Взметневъ, и множество имъ подобныхъ [2]).

---

[1]) «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствов. Императора Александра I». Т. I, стр. 384 и 443.

[2]) Письмо 8 іюля 1823 г. изъ Тифлиса къ А. А. Закревскому; «Сбор. Импер. Руск. Истр. Общ». Т. 73, стр. 417.

II.

«Ты, живши въ Петербургѣ, свидѣтелемъ былъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ министерствѣ и, какъ описываешь Гурьевъ долженъ имѣть особый талантъ, чтобы заставить ненавидѣть себя до такой степени. Отъ Канкрина, какъ человѣка умнаго, можно ожидать большой пользы, и по разстройству финансовъ нашихъ какъ не желать того?» [1]).

Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ писалъ, 27-го апрѣля 1823 года, слѣдующія строки А. А. Закревскому:

«Посылаю тебѣ при семъ, любезнѣйшій другъ, указы о графѣ Гурьевѣ и о Канкринѣ. Сегодня они читаны были въ Сенатѣ, а завтра Канкринъ вступаетъ въ должность. Обрѣзковъ, говорятъ подалъ уже въ отставку, но я сему не вѣрю, ибо не вижу, кому онъ могъ подать прошеніе: старый министръ не оставилъ еще, а новый не вступилъ въ должность [2]).

Секретарь Императрицы Елизаветы Алексѣевны—Н. М. Лонгиновъ, въ письмѣ къ князю Воронцову, разсказываетъ о назначеніи Канкрина, что онъ, будучи сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, получилъ порученіе обревизовать состояніе счетовъ управленія дорогъ и комуникацій, во главѣ котораго стоялъ Бетанкуръ. Открытые безпорядки заставили Государя назначить на мѣсто Бетанкура герцога Виртембергскаго [3]) «Cependant rien n' est encore

---

[1]) «Арх. кн. Воронцова» т. XXXVI, стр. 239; письмо кн. М. С. Воронцову, отъ 31 іюля 1823 г.

[2]) «Сбор. Истор. Общ.», т. 73. стр. 374.

[3]) Вигель въ запискахъ своихъ пишетъ: Членъ совѣта путей сообщенія А. П. Вельяшевъ, вмѣстѣ съ другимъ членомъ, генераломъ Карбоніеромъ составили явную оппозицію противъ Бетанкура и представили бумагу, исполненную самыхъ рѣзкихъ выраженій, въ видѣ протеста его дѣйствій. Это было почти наканунѣ Рождества 1821 г. Когда это дошло до Государя, онъ потребовалъ къ себѣ Бетанкура и принялъ его въ первый разъ сурово, сказавъ: «Я васъ не виню, а самого себя; я опредѣлилъ васъ на должность, для которой вы неспособны и отъ которой отказывались». Послѣ этого оставалось просить объ увольненіи, но Бетанкуръ остался и, узнавъ весной, что назначенъ новый конгрессъ въ Веронѣ, не поѣхалъ въ Нижній, а остался въ Петербургѣ, тщетно умоляя объ аудіенціи у Государя, собираясь представить всѣ собранныя имъ объясненія и оправданія. Наконецъ наканунѣ отъѣзда Государя, 22-го августа, онъ былъ принятъ, причемъ

arrêté de ce qui a rapport à cette commission, et l'affaire attend la confirmation de S. M. On le dit juste, modeste, plein de bon sens et généralément porte au bien. Il a temoigné toute la répugnance possible à accepter le ministère des finances; mais il n' y avait personne à qui le donner, fait, incontestable, et il l'accepté, puisqu'il ne pouvait faire autrement» [1]).

Интересно съ этимъ письмомъ сопоставить слѣдующія выдержки изъ писемъ П. Д. Киселева къ А. А. Закревскому. Такъ, 20 марта 1823 г. Закревскій писалъ, «что Канкринъ просится уволить его отъ управленія провіантскою частью по причинѣ болѣзни [2]). А. Киселевъ, въ письмѣ 15-го апрѣля 1823 г., спрашивалъ: «кто назначилъ Татищева министромъ (на мѣсто Меллеръ-Закомельскаго) и за что оскорбили Канкрина, который, былъ-бы полезнѣе?» [3]).

Наконецъ Закревскій увѣдомлялъ, отъ 24-го апрѣля [4]), Киселева, что «Канкринъ назначенъ министромъ финансовъ, а Гурьеву оставлены въ управленіе удѣльная и кабинетская части».

Назначенный министромъ Канкринъ, среди своихъ коллегъ, былъ самымъ молодымъ, о чемъ даже позже замѣчалъ Н. М. Карамзинъ, въ письмѣ къ Ив. Ив. Дмитріеву [5]), говоря:

«Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ не много. Министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ и морскаго. Больше лицъ нежели головъ, а душъ еще менѣе. Впрочемъ, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь.»

Императоръ Александръ I весьма благосклонно говорилъ ему съ сожалѣніемъ о множествѣ враговъ, которыхъ Бетанкуръ, какъ иностранецъ, имѣетъ въ Россіи, и объявилъ, что придумалъ средство дать ему сильную опору. «Въ семействѣ моемъ, сказалъ Государь, выбралъ я одного человѣка, съ которымъ хочу поставить васъ въ одинаковыя отношенія. Это родной дядя мой, герцогъ Александръ Виртембергскій, который теперь въ Витебскѣ генералъ-губернаторомъ». Сбираясь въ путь, по недосугу, занятія представленными дѣлами Государь отложилъ до скораго своего возвращенія, а въ приказѣ отданномъ въ тотъ же самый день, ничего не было упомянуто о Бетанкурѣ, а герцогъ названъ не главнымъ директоромъ, а главноуправляющимъ путями сообщенія.

[1]) «Архивъ кн. Воронцова» т. XXIII, стр. 480.

[2]) «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.», Т. 72, стр. 274.

[3]) Тамъ-же стр. 122.

[4]) Idem стр. 280.

[5]) «Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина»; письмо 24-го сентября 1825 г.

Вскорѣ послѣ назначенія Канкрина министромъ финансовъ, именно 4-го мая 1823 года, [1]) съ Высочайшаго соизволенія былъ составленъ въ Государственномъ Совѣтѣ особый комитетъ для разсмотрѣнія новаго положенія о Донскомъ войскѣ, начертаннаго въ проектѣ комитетомъ для устройства войска Донскаго учрежденнаго. Предсѣдателемъ этого комитета назначенъ былъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйств. тайн. совѣтн. графъ Кочубей, а членами: дѣйств. тайн. совѣтн. Ланской; генералъ-лейтенанты: Васильчиковъ, Канкринъ, тайный совѣтникъ Сперанскій, генералъ-адъютантъ Чернышевъ и сенаторъ Болгарскій, какъ дѣлопроизводитель комитета, составлявшаго самый проектъ устройства войска Донскаго. Осенью, 27-го ноября 1823 г, М. М. Сперанскій сообщалъ [2]) графу Аракчееву:

«Мы продолжаемъ наше донское дѣло и два раза въ недѣлю собираемся въ комитетъ для разсмотрѣнія огромнаго сего преобразованія. Слышу, что смѣта государственныхъ доходовъ окончена и говорятъ безъ займа и безъ налоговъ. По военной и финансовой частямъ сдѣланы, сказываютъ, уменьшенія. Завтра созываютъ насъ въ Совѣтъ для разсмотрѣнія дѣла по проекту прежняго министра финансовъ о страховой конторѣ. Говорятъ, что въ комитетѣ финансовъ, который за отсутствіемъ вашимъ весь состоитъ изъ одного князя Алексѣя Борисовича (Куракина) и Канкрина, проектъ сей отвергнутъ».

Какимъ живымъ, полнымъ энергіи являлся Е. Ф. Канкринъ въ подобныхъ засѣданіяхъ, рисуетъ намъ его В. И. Панаевъ [3]), бывшій

---

[1]) «Сбор. матер. изъ архива Соб. Е. И. В. Канцеляріи». Т. II., стр. 179 № указа 94.

[2]) «Письма дѣятелей царствованія Императора Александра I», стр. 378.

[3]) См. «Вѣст. Европы» 1867 г., декабрь, стр. 173. Въ 1825 г. подъ предсѣдательствомъ того же гр. Кочубея, Канкринъ участвовалъ въ комитетѣ о городскихъ доходахъ г. С.-Петербурга, что видно изъ рескрипта даннаго гр. Кочубею, 10 марта 1827 г., за № 37, въ которомъ Государь говорилъ: «Разсмотрѣвъ представленныя Мнѣ свѣдѣнія о положеніи доходовъ и расходовъ С.-Петербургской городской думы, Я нашелъ что расходы, увеличиваясь въ послѣдній годъ, могутъ поставить оную въ новыя и не малыя затрудненія, между тѣмъ какъ предположенія для города полезныя не были выполнены. Желая отвратить неудобства сіи и установить правила, сколь можно твердыя, на употребленіе городскихъ доходовъ, Я призналъ за благо составить подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ» и т. д. (Сбор. матер. Соб. Е. И. В. Канцеляріи Т. VI).

членъ комитета о башкирскихъ земляхъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ князь В. П. Кочубей. Когда въ одномъ изъ засѣданій, Кочубей спросилъ съ какого журнала угодно будетъ начать чтеніе, съ Д. В. Дашкова (тогдашняго министра юстиціи) или г. Панаева?

«Г-на Панаева, громко произнесъ Канкринъ, безпокойно вертѣвшійся на стулѣ, пока продолжалось чтеніе журнала Дашкова,— потому что г. Панаевъ смотритъ на дѣло en grand».

— Я самъ отдаю справедливость проекту В. И. Панаева; я это говорилъ ему, отвѣчалъ Дашковъ; но находилъ съ своей стороны, что тутъ нельзя обойтись безъ указанія на межевые законы съ ихъ измѣненіями, а также на другія постановленія, до правъ собственности относящіяся.

«И, батушка, возразилъ Канкринъ, если вы погонитесь за всѣми извилинами межевыхъ законовъ, то войдете въ такой лабиринтъ, изъ котораго не выйдете.»

— По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ смутившійся Дашковъ, можно соединить оба журнала въ одинъ, взявъ нѣкоторыя статьи изъ представленнаго мною.

— «Пожалуй, продолжалъ Егоръ Францевичъ, если это окажется возможнымъ; только теперь надо читать журналъ вашъ по статьямъ, останавливаясь на каждой».

Я началъ, снова, умолкая при каждой прочитанной статьѣ. Дмитрій Васильевичъ, конечно, внутренно раскаявался, что сдѣлалъ такое предложеніе, потому что Канкринъ опровергъ всѣ пункты его журнала, находя не нужнымъ вносить ихъ въ мой.

— Какъ, вскричалъ Дашковъ, даже и то не нужно, гдѣ говорится о крѣпостномъ правѣ, о выдачѣ межевыхъ плановъ и книгъ, о десятилѣтней давности?

— «Пожалуй, батушка, отвѣчалъ Канкринъ, но развѣ гдѣ-нибудь мимоходомъ».

Такъ было мною и сдѣлано, замѣчаетъ Панаевъ по общему согласію въ томъ комитета».

При началѣ управленія министерствомъ, Канкринымъ открылись милліонныя растраты казенныхъ суммъ; въ казенныхъ палатахъ и казначействахъ того времени царилъ полный безпорядокъ. Нужны ему были люди честные, люди дѣла. И мы видимъ, что М. А. Корфъ (впослѣдствіи графъ), 21-го апрѣля 1823 г. былъ опредѣ-

ленъ чиновникомъ особыхъ порученій Департамента разныхъ податей и сборовъ, а 7-го октября 1830 г. назначенъ вице-директоромъ того-же департамента, а 6-го мая 1831 г., Высочайше повелѣно было ему быть въ должности управляющаго Комитета Министровъ [1]). Извѣстный графъ С. С. Уваровъ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I. служилъ также у Канкрина директоромъ Департамента Мануфактуръ и Торговли и его мѣсто Канкринъ предлагалъ занять Н. И. Тургеневу [2]), († 1872), славнаго умомъ, образованіемъ и пламенною любовью къ Россіи, которой, однако, онъ лишился возможности служить, оставшись за ея рубежемъ, вслѣдствіе участія своего въ обществѣ декабристовъ. Сочиненіе Н. Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ» было замѣчательною по своему времени монографіею.

Въ 1824 году, по представленію Канкрина, директоромъ Горнаго д-та и управляющимъ Горнымъ корпусомъ былъ назначенъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ, Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ, который исходатайствовалъ въ 1825 г. дозволеніе издавать отъ Горнаго департамента «Горный журналъ или собраніе свѣдѣній о горномъ и соляномъ дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по наукамъ, къ сему предмету относящимся».

Карнѣевъ, заботясь объ улучшеніи корпуса, рѣшилъ произвести значительныя перестройки, такъ какъ тѣснота въ дортуарахъ и классахъ, недостатокъ квартиръ для служащихъ и затопленіе подвальныхъ жилыхъ помѣщеній не только бывшимъ въ 1824 году наводненіемъ, но и при обыкновенныхъ повышеніяхъ уровня воды въ Невѣ, затопляло ихъ. Но сумма, необходимая на такую перестройку была значительна, почему гр. Канкринъ, не желая обременять казны большими расходами, согласился отпустить изъ Государственнаго Заемнаго Банка 440.000 руб., на правилахъ 24 лѣтнихъ займовъ безъ удержанія преміи. Капиталъ этотъ, вмѣстѣ съ процентами, полагалось уплатить изъ Государ. Казначейства на счетъ штатной суммы корпуса съ пополненіемъ недостатка изъ экономическаго капитала, принадлежащаго корпусу. Представленіе графа Канкрина удостоилось

---

[1]) «Древняя и Новая Россія» 1876 г. т I, статья А. Ѳ. Бычкова, «графъ М. А. Корфъ».

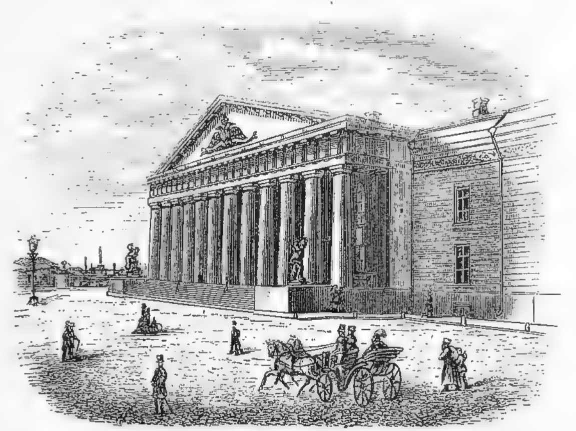
[2]) «Рус. Арх.» 1895 г. т. II, стр. 517.

Высочайшаго утвержденія и въ 1825 году было приступлено къ работамъ, по проекту архитектора Воронихина [1]).

Въ 1826 г., стараніями Е. В. Карнѣева и ходатайствомъ гр. Е. Ф. Канкрина, горной службѣ вообще и Горному корпусу въ особенности дарованы новыя весьма важныя права и преимущества.

Именно, указомъ 4-го марта 1826 г. положено:

«1) Настоящихъ горныхъ чиновниковъ и имѣющихъ горные чины, пока они состоятъ на службѣ по горной и соляной части, производить и повышать чинами не по срочнымъ годамъ, какъ это положено для гражданскихъ чиновниковъ, а по особеннымъ правиламъ, спеціальнымъ для горнаго вѣдомства, именно до 8-го класса включительно, по удостоенію чрезъ баллотированіе, съ утвержденія министра финансовъ; а въ высшіе чины — по представленію министра финансовъ, съ утвержденія Государя Императора — 2) Гражданскимъ чиновникамъ, служащимъ уже по горной и соляной части, и вновь въ оную вступающимъ, для исправленія канцелярскихъ только должностей, пользоваться навсегда только тѣми правами, которыя присвоены гражданской службѣ. Изъ этого правила исключаются тѣ, которые пріобрѣтутъ достаточныя практическія свѣдѣнія по горной части, но и они могутъ быть переименованы въ горные чины не иначе, какъ прослуживъ предварительно, по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ, въ гражданскихъ чинахъ и съ утвержденіемъ министра финансовъ» и т. д.

Горный Корпусъ, перестроенный по проекту А. Н. Воронихина.

Въ концѣ 1833 г. было задумано весьма важное преобразованіе

[1]) Біографію Воронихина, составленную нами см. «Рус. Стар.» 1885 г.

горнаго управленія вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ Горнаго Института. Инціатива этого преобразованія исходила отъ императора Николая I и основанія его были изложены въ запискѣ присланной Государемъ Канкрину въ ноябрѣ 1833 г., (записку эту и подробности преобразованія см. въ «Научно-историческомъ сборникѣ, изданномъ Горнымъ Институтомъ ко дню его столѣтняго юбилея, 20 октября 1873 года»).

Приводимъ еще нѣсколько словъ самаго Канкрина о горномъ дѣлѣ, именно о золотопромышленности, изъ его сочиненія «Очерки политической экономіи и финансовъ».

«Ошибочно думали когда-то, будто-бы золото свойственно главнѣйшимъ образомъ только теплымъ климатамъ; теперь промываютъ баснословное почти количество золота въ необитаемыхъ пустыняхъ Сибири. Въ 1823 году добыто было изъ розсыпей всего 25 фунтовъ золота. Во время моего управленія добыча золота въ 1843 году простиралась свыше 50.000 фунтовъ; на 1844 годъ ожидалось 64.000 фунтовъ, т. е. болѣе 25.000 килограммовъ золота.

Въ прежнее время слышались не разъ абсолютные приговоры политико-экономовъ, утверждавшихъ, что благородные металлы не обогащаютъ, и указывавшихъ на Испанію, которая со времени наплыва въ нее металлическихъ богатствъ Америки, обѣднѣла и пришла въ совершенный упадокъ. Все это старинные предразсудки. Не поэтому вовсе, но, по совершенно инымъ причинамъ, послѣдовалъ упадокъ внутренней промышленности въ Испаніи. Добыча же брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, по мнѣнію Канкрина, должна считаться особенною вѣтвью промышленности, такъ какъ рѣдкости эти не заключаютъ сами въ себѣ собственно никакой, или же, по крайней мѣрѣ, очень мало собственно полезной цѣнности».

Начало библіотеки Ученаго Комитета министерства финансовъ положено было также гр. Канкринымъ, въ концѣ 1824 г. До того времени при Комитетѣ считалось всего 460 книгъ, изъ которыхъ русскихъ было лишь 12.

21-го ноября 1824 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства ежегодно по 1.428 р. 45 к. (5.000 р. ассигнаціями) на устройство и пополненіе сказанной библіотеки.

Въ январѣ слѣдующаго 1825 г. Ученый Комитетъ составилъ

планъ объ устройствѣ библіотеки, на основаніи котораго былъ составленъ проектъ систематическаго каталога надворнымъ совѣтникомъ фонъ-Гецомъ.

Благодаря постояннымъ заботамъ, какъ членовъ Ученаго Комитета, такъ и самаго министра, гр. Е. Ф. Канкрина, библіотека съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивалась, такъ что въ 1841 году въ ней считалось уже 1.826 сочиненій, заключавшихся въ 3.680 томовъ [1]).

Среди своихъ занятій Канкринъ былъ доступенъ; по этому поводу П. А. Плетневъ пишетъ: «При всякой надобности доступъ къ нему былъ свободенъ. По нѣсколько разъ обыкновенно выходилъ онъ изъ кабинета въ пріемную комнату, чтобы выслушивать объясненія просителей. Онъ не признавалъ въ томъ и особеннаго со своей стороны снисхожденія. Съ занимаемою имъ должностію онъ не забывалъ связывать въ умѣ и всѣхъ своихъ обязанностей, какъ бы онѣ ни были скучны и утомительны. При томъ же онъ зналъ, что иногда одно изустное слово, болѣе объяснитъ дѣло, нежели цѣлый исписанный листъ бумаги». Это подтверждаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и Ѳ. Н. Устряловъ [2]), который кромѣ того даетъ картину, какъ работалъ Канкринъ:

«9-го іюня 1824 г., 19-ти лѣтъ, поступилъ я въ канцелярію министра финансовъ, находившуюся у Гагаринской пристани, въ I отдѣленіи, по столу департамента внѣшней торговли, канцелярскимъ чиновникомъ, съ жалованьемъ по 600 руб. асс. въ годъ. Секретаремъ этого стола былъ Анастасій Евстафьевичъ Жадовскій, только что выпущенный изъ лицея; товарищами моими были Григоровичъ, братъ извѣстнаго протоіерея, и фанъ-деръ-Флитъ, дослужившійся до чина тайн. сов. и званія директора той-же канцеляріи. Служба моя была не тяжелая. Одно только тяготило меня—дежурство у министра финансовъ, Канкрина. Надобно было являться въ пріемную не позже 9-ти часовъ утра и оставаться до 4 и 6 часовъ; потомъ приходить къ 8-ми часамъ, когда бывали доклады котораго-нибудь департамента, и удаляться домой нерѣдко въ 1-мъ часу ночи. Дежурство приходилось почти каждую недѣлю, и я не зналъ, какъ благодарить Бога, когда наконецъ по ходатайству Ана-

---

[1]) «Сбор. свѣд. и матер. по вѣдомству мин. финансовъ» т. I, № 3, стр. 133, за 1865 годъ.

[2]) «Новое Время», 1872 г., № 31.

стасія Евстафьевича Жадовскаго [1]) былъ избавленъ отъ дежурства. Канкрина я узналъ хорошо: онъ говорилъ по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ, курилъ непрестанно трубку съ короткимъ чубукомъ, принималъ въ пріемной каждаго просителя и разспрашивалъ въ случаѣ надобности подробно; занятъ былъ чрезвычайно утромъ и вечеромъ; страдалъ нерѣдко припадками подагры, которая приковывала его къ постели. Являлись къ нему съ докладами, со всѣми начальниками отдѣленій по утру: директоръ государственнаго казначейства Розенбергъ, маленькій старичекъ, горбатый; мануфактуръ и внутренней торговли Кайсаровъ, прекрасный благородный человѣкъ, рано умершій: начальникъ 3-го отдѣленія канцеляріи по кредиту Ѳ. П. Вроченко, бывшій послѣ министромъ финансовъ, холостякъ, страстный до женщинъ, впрочемъ умный и дѣльный. Дружининъ бывалъ ежедневно. По вечерамъ: директоръ двухъ департаментовъ государственныхъ имуществъ и податей и сборовъ—Дубенскій [2]), гордецъ, бывшій

---

[1]) Тайный совѣтникъ Жадовскій былъ близкимъ лицомъ къ гр. Канкрину и мечталъ занять его мѣсто. Когда это ему не удалось, онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Уфу и здѣсь обратился къ непозволительнымъ развлеченіямъ. Имѣніе его было взято въ опеку за злоупотребленіе помѣщичьею властью, какъ говоритъ г. Листовскій. (См. «Рус. Арх.» 1884 г. т. 1, стр. 283).

[2]) Дубенскій впослѣдствіи за беззаботность и злоупотребленія былъ привлеченъ къ отвѣту. («Сбор. Импер. Истор. Общ.» т. 98, стр. 156). Именно онъ купилъ у семи лицъ, въ теченіе 9-ти лѣтъ, съ 1826 по 1835 г., за 56.000 руб. ассигн. право на 18.500 десятинъ, которыя и были ему отведены въ Оренбургской губ. (Дѣло объ этомъ см. въ IV т. (стр. 150-ая) соч. А. П. Заблоцкаго-Девятовскаго. «Графъ П. Д. Киселевъ и его время»).

Во всѣхъ воспоминаніяхъ А. Малышевъ (см. «Истор. Вѣст.» 1883 г. т. XX) говоритъ, что Дубенскій прежде былъ губернаторомъ въ Пензѣ, происходя изъ очень богатой фамиліи, онъ получилъ блестящее по тому времени образованіе, былъ живаго характера и свѣтлаго ума, чрезвычайно находчивъ и подъ часъ саркастиченъ, имѣлъ рѣдкую способность одновременно диктовать двумъ пишущимъ по разнымъ предметамъ. Владѣя въ разныхъ губерніяхъ большими имѣніями, гдѣ неоднократно являлись недоразумѣнія относительно границъ и межевыхъ знаковъ, ему на практикѣ пришлось хорошо изучить землемѣріе; онъ искусно владѣлъ всѣми геодезическими инструментами и вообще былъ очень свѣдущъ въ математикѣ, которую любилъ называть матерью всѣхъ наукъ. Дубенскій завѣдывалъ лѣснымъ институтомъ. Одна изъ дочерей Дубенскаго замѣчательная красавица и умница, вышла замужъ за маркиза де-Кюстенъ, аташе французскаго посольства въ Петербургѣ, и скоро уѣхала въ Парижъ, гдѣ явилась на балъ въ Тюльери къ королю Луи-Филиппу, въ русскомъ придворномъ костюмѣ. Когда ее представляли королю, послѣдній окинувъ глазами маркизу, сказалъ:

— Я даю сегодня балъ, а не маскарадъ. Находчивая маркиза на это отвѣтила: Костюмъ мой почетный, и его надѣваютъ лишь для представленія русской

съ Канкринымъ не въ ладахъ; внѣшней торговли Бибиковъ, еще молодой, безъ руки по самое плечо, бойкій и строгій; горныхъ и соляныхъ дѣлъ Карнѣевъ, старикъ вялый и гордый. Тутъ бывалъ по департаменту податей и сборовъ исправлявшій должность начальника отдѣленія баронъ Корфъ, впослѣдствіи предсѣдатель одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта.

«Разумѣется, я ничего не зналъ, о чемъ толковали, директора и начальники отдѣленій въ кабинетѣ министра! Мое дѣло было чинить для него перья, подавать приносимые пакеты, докладывать о пріѣзжавшихъ значительныхъ особахъ и т. п Перья я чинилъ такъ неловко, что однажды министръ въ шутку сказалъ: «я откажусь отъ министерства, потому что нечѣмъ писать».

А писать Канкрину приходилось много, такъ какъ работы на новомъ мѣстѣ была масса, да и самъ Егоръ Францевичъ не лѣнился представлять особыя мнѣнія и давать свои заключенія на бумагахъ другихъ министерствъ, поступавшихъ къ нему на заключеніе, какъ министру финансовъ. Напримѣръ, на одной изъ бумагъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, адресованной къ тогдашнему Предсѣдателю Комитета Министровъ, А. В. Козодавлеву, написано Канкринымъ, что онъ въ первый разъ отсылаетъ бумагу безъ всякаго замѣчанія. Такая кипучая дѣятельность объясняется еще тѣмъ, что кромѣ новаго министра финансовъ, на мѣсто гр. Кочубея, министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ назначенъ баронъ Кампенгаузенъ, (который, какъ пишетъ Вигель, умеръ въ каретѣ, опрокинутой взбѣсившимися лошадьми); преемникомъ его былъ дѣйств. тайн. сов. В. С. Ланской. Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества князь Волконскій уволенъ въ отпускъ, и должность его занялъ баронъ Дибичъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1824 г. уволенъ и князь А. Н. Голицынъ отъ управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго вновь отдѣлились дѣла Св. Сѵнода

Императорской фамиліи. Я избрала его для представленія моему новому владыкѣ, имѣя въ виду выразить ему глубокое уваженіе и напомнить о русскомъ Государѣ, зная какъ это высокое имя дорого новому королю прекрасной Франціи.

Луи-Филиппъ поспѣшилъ поблагодарить маркизу за доставленное ему удовольствіе любоваться русскимъ, оригинальнымъ костюмомъ и маркиза сразу завоевала себѣ почетное мѣсто при дворѣ. А въ Парижѣ немедленно явилась новая мода въ подражаніе костюму маркизы названная «à la belle russe».

съ возвращеніемъ имъ прежняго ихъ теченія. Въ этомъ министерствѣ, поступившемъ къ адмиралу А. С. Шишкову, оставлены были только дѣла иностранныхъ исповѣданій. Это было послѣднее измѣненіе въ составѣ министерствъ при Императорѣ Александрѣ I. «Изъ прежнихъ приближенныхъ Государя остался при немъ одинъ графъ Аракчеевъ, власть и вліяніе котораго на всѣ внутреннія дѣла не имѣли болѣе соперниковъ» [1]).

Затѣмъ приводимъ нѣсколько записокъ и резолюцій Е. Ф. Канкрина, изъ числа хранящихся въ Публичной библіотекѣ:

1.

Министръ Финансовъ полагалъ-бы не обнародывать временныхъ штатовъ, ибо, кромѣ развѣ министровъ, никому о нихъ знать не нужно.
16 го марта 1824 г.

2.

Министръ Финансовъ имѣетъ честь увѣдомить Его Превосходительство Александра Васильевича (Козодавлева), что, прочитавъ мнѣніе 25 гг. сенаторовъ, онъ не могъ убѣдиться отходить отъ собственнаго, тѣмъ болѣе, что дѣло и прежде такъ было принято 1-мъ Д—томъ Прав. Сената.
29-го мая 1824 г.

3.

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ.

Принимая участіе въ чиновникѣ 4-го класса, Г. Бремѣ, служившемъ со мною въ послѣднюю кампанію, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство оказать благосклонное содѣйствіе Ваше по всеподданнѣйшему прошенію супруги его, колико требовать того можетъ справедливое удовлетвореніе претензіи, въ томъ заключающейся. Вашего Превосходительства покорный слуга
Егоръ Канкринъ.
14-го іюня, 1825 г.

Резолюція А. В. Козодавлева: Прошенію Г-жи Бремъ дать надлежащій ходъ, а когда послѣдуетъ по оному окончательное разрѣшеніе, тогда мнѣ сказать о семъ съ возвращеніемъ письма Г. Министра Финансовъ.

4.

Проектъ всенароднаго объявленія мною хотя подписанъ, но передній листъ надобно перемѣнить, ибо комитетъ финансовъ не учреждался 28-го мая 1824 г., а существуетъ давно, почему слѣдуетъ только сіи слова выкинуть.
26-го августа 1824 г. Канкринъ.

---

[1]) Сборникъ, изданный П. И. Бартеневымъ «XIX вѣкъ», книга I, стр. 490.

5.

Изъ представляемаго при семъ проекта опредѣленія Правительствующаго Сената видно, что онымъ установляется связываніе пеньки: чистой и учета, въ пробойки не свыше 16-ти, а половой не свыше 12-ти фунтовъ, только на будущій 1825 г., поступая во всемъ прочемъ на основаніи инструкціи 1761 года. Министръ Финансовъ на таковое постановленіе съ своей стороны совершенно согласенъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ означенный вѣсъ пробоекъ, входили и прутцы, чтобы оные были того самаго качества, какого связываемыя ими пробойки, и чтобы число ихъ не превышало того количества, какое опредѣлено упомянутою инструкціею.

Какъ онъ Министръ Финансовъ, по сношенію съ господиномъ управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, вошелъ уже въ комитетъ гг. Министровъ съ представленіемъ о передачѣ состоящихъ при Санктпетербургскомъ портѣ браковщиковъ и существующаго нынѣ особаго Комитета, для составленія правилъ о бракѣ пеньки, въ вѣдомство Министра Финансовъ, дабы, назначивъ въ составъ того комитета членовъ отъ Д—та Внѣшней и Внутренней торговли, поручить оному постановить правила, для бракованія не только пеньки, но и прочихъ товаровъ, для внесенія оныхъ куда слѣдуетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе; то и полагалъ бы нужнымъ, при объявленіи настоящаго указа, предварить, что на предбудущій 1826 годъ пенька должна связываться уже по тѣмъ правиламъ, какія на счетъ сего будутъ постановлены правительствомъ.

Резолюція Канкрина: Изъ сего проекта мнѣнія Его Превосходительство Александръ Васильевичъ изволитъ увидать, что дѣло идетъ въ одной редакціи и что нужно было-бы прибавить: 1) включая въ вѣсъ прутцы, кои должны быть изъ надлежащей доброты пеньки и въ положенномъ количествѣ. 2) гдѣ то сказать, впередъ до окончательнаго устройства ли дѣла. Впрочемъ, я согласенъ подписать и такъ, особливо послѣднее менѣе нужно.

Въ томъ же 1823 г. графъ М. С. Воронцовъ былъ назначенъ на постъ Новороссійскаго генералъ-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области; по вступленіи въ должность, графъ Воронцовъ немедленно сдѣлалъ представленіе Канкрину о невыгодахъ проведенія черты порто-франко, окружавшей Одессу. Краснорѣчивое представленіе Воронцова имѣло благія послѣдствія: 12-го января 1826 г. Высочайше утверждено было положеніе Комитета Министровъ о перенесеніи черты одесскаго порто-франко. Но вообще убѣждать Канкрина было трудно, потому что онъ безъ надлежащихъ доказательствъ не вѣрилъ Недаромъ графъ К. В. Нессельроде писалъ тому-же М. С. Воронцову:

«Cancrin s'oppose aussi au transfert de la ligne des douanes des distrect de Prouth. En génèral il est fort difficile de faire des affaires aves lui: il a un amour-propre excessif et repousse tout ce qui ne vient pas de lui» [1]).

[1]) «Архивъ кн. Воронцова». Т. 40.

О настойчивости и непреклонномъ проведенiи своихъ идей Канкринымъ хорошо зналъ Императоръ Александръ I, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующiй указъ:

Министру Финансовъ.

29-го октября 1824 г., за № 1294.

«Государь Императоръ, снисходя ко всеподданнѣйшему прошенiю сенатора т. сов. князя Хованскаго, по уваженiю оказанныхъ имъ заслугъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы комитетъ снабженiя войскъ сукнами, съ суконныхъ фабрикъ его, князя Хованскаго и жены его, въ Московской губернiи, вмѣсто назначеннаго съ оныхъ на нынѣшнiй годъ количества сукна 52.000 аршинъ, непремѣнно каждогодно назначалъ въ поставку въ казну 100.000 арш. сукна. О сей Высочайшей волѣ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащаго вашего къ исполненiю въ оной распоряженiя [1])».

Впослѣдствiи, кромѣ частныхъ фабрикъ, существовали казенныя фабрики всякаго рода: суконныя, лосинныя, даже казенная фабрика офицерскихъ вещей, заведенная военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ.

Покойный Я. К. Гротъ, въ письмѣ къ Плетневу [2]), отъ 22-го iюля 1849 г., описываетъ подмосковное казенное село Павлово, съ его суконною фабрикою: «Къ фабрикѣ приписано 1000 фабричныхъ крестьянъ. До 10-ти лѣтъ дѣти ихъ не работаютъ, однакожъ получаютъ уже до 7-ми лѣтъ по рублю въ мѣсяцъ, а потомъ полупаекъ; съ 10-ти же лѣтъ участвуютъ уже въ работахъ; съ этихъ поръ плата идетъ по количеству того, что каждый приготовитъ, и прилежный работникъ можетъ заработывать до 35 руб. въ мѣсяцъ Кромѣ того, каждому производится паекъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ фабрики работаютъ женщины. Вмѣсто дровъ употребляется торфъ, добываемый въ окрестностяхъ. Одинъ изъ смотрителей водилъ насъ по всѣмъ отдѣленiямъ; англiйскiй мастеръ, Шоръ, завѣдываетъ работами. Станки приводятся въ движенiе паровою ма-

---

[1]) «Сбор. матер. Соб. Е. И. В. Канцелярiи». Т. VI, стр. 216. Тамъ-же смотри указъ о пожалованiи 300 золотыхъ проф. Варшавскаго университета Кайзерлингу за составленную имъ исторiю «Римскаго Государства».

[2]) Т. III, стр. 463. «Переписки Грота съ Плетневымъ».

шиною. Здѣсь приготовляются только сукно низшихъ сортовъ, и все идетъ на потребность арміи».

При министерствѣ графа Д. А. Милютина всѣ казенныя фабрики военнаго вѣдомства, бывшія даже въ Сибири, были постепенно закрыты.

Первымъ дѣломъ Канкрина было прекращеніе ежегоднаго отпуска 30 милл. для извлеченія изъ обращенія ассигнацій, чтобы улучшить положеніе Государственнаго Казначейства. Такимъ образомъ съ 1823 г. выпускъ новыхъ ассигнацій, равно какъ и извлеченіе изъ обращенія старыхъ, прекратился, и общая ихъ сумма, простиравшаяся къ 1 января 1824 г. до 595.776.310 руб. осталась неизмѣнной вплоть до 1843 г.

Приводимъ таблицу выпусковъ ассигнацій съ 1812 по 1823 г.

Годы.	Выпущено руб. асс.	Изъято изъ обращенія.	Итого остается ассиг. въ обращ.	Курсъ мет. руб. въ ассиг. коп.
1812	64.500.000	—	645.894.400	388
1813	103.440.000	—	749.334.400	397
1814	48.791.500	—	798.125.900	396
1815	27.697.800	—	825.823.700	421
1816	5.600.000	—	831.423.700	404
1817	4.576.300	—	836.000.000	384
1818	—	38.023.875	797.976.125	379
1819	1.578.500	80.229.030	719.325.595	372
1820	1.461.055	35.614.105	685.172.545	374
1821	3.754.965	37.242.410	651.685.100	378
1822	—	44.968.230	606.776.870	375
1823	—	10.940.560	595.776.310	373

Изъ остатковъ капитала, назначеннаго на погашеніе ассигнацій, и изъ другихъ источниковъ, составленъ былъ особый капиталъ, получившій названіе *особо отложеннаго.* Его назначали собственно для того, чтобы покупать % облигаціи, въ случаѣ внезапнаго пониженія ихъ курса. Въ 1825 г. капиталъ погашенія высчитанъ былъ уже по 2 и 1 %, не по первоначальному количеству займовъ, а по дѣйствительно находившемуся въ обращеніи, за вычетомъ прежде выкупленныхъ облигацій.

Всѣ эти мѣры стремились къ облегченію Казначейства и дѣйствительно, изъ рѣчи министра финансовъ усматривается, что рас-

ходы по кредитной части сокращены были въ этомъ году на 20 мил. руб. асс., *«безъ чего слѣдовало бы приступить къ мѣрамъ болѣе тягостнымъ»*.

«Канкринъ», пишетъ финансовый дѣятель Евгеній Ив. Ламанскій [1]), имя котораго пользуется заслуженною извѣстностію, въ своей финансовой системѣ, руководился точными правилами науки, и въ рѣчахъ Совѣту Кредитныхъ Установленій, печатаемыхъ въ Россіи и читаемыхъ въ переводѣ во всей Европѣ, высказывалъ начала, на которыхъ упрочено у насъ существованіе государственнаго кредита»:

«Истинный кредитъ Государства», говорилъ Канкринъ, «зависитъ отъ финансовой бережливости, отъ равновѣсія между доходами и расходами, отъ устраненія займовъ въ мирное время и отъ точнаго исполненія обязанностей правительства къ своимъ кредиторамъ».

Послѣдствія показали, что гр. Канкринъ былъ правъ. Дѣйствительно, въ теченіи наступившихъ нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыя ассигнаціи не были погашены, онѣ не только удержались въ своей цѣнности, но даже немного возвысились. Недаромъ гр. Канкринъ въ Совѣтъ кредитныхъ установленій говорилъ:

«Пріостановленіе погашенія ассигнацій, а особенно прекращенія столь безполезнаго, по событіямъ, превращенія ихъ въ процентный долгъ, не имѣло и не имѣетъ никакого невыгоднаго вліянія на обращеніе сихъ кредитныхъ денегъ. Нынѣ дознано, что поправленіе ассигнацій, какъ предметъ наиболѣе зависящій отъ общаго мнѣнія, не слѣдуетъ точно одинаковымъ законамъ, какъ ихъ упадокъ; ибо тамъ дѣйствуетъ надежда, всегда къ сомнѣніямъ склонная, а здѣсь страхъ, всегда увеличивающій опасенія. Но если бы, въ самомъ дѣлѣ, ассигнаціи поправились по точному размѣру ихъ уменьшенія, то одинаково неоспоримо, что публика пока должна была бы перенести отъ возвышенія ихъ всѣ тѣ измѣненія въ частномъ достояніи и всѣ тѣ убытки, только въ обратномъ видѣ, которые дѣйствіемъ времени и обстоятельствъ перенесла уже отъ упадка оныхъ. Напротивъ, при принятой системѣ ни умножать, ни

---

[1]) Сочин. Е. И. Ламанскаго: «Статист. обзоръ операцій Госуд. Кредитныхъ Установленій съ 1817 г.» стр. 22.

уменьшать ассигнацій; кредитъ ихъ прочно установился, перемѣны въ курсѣ ихъ на звонкую монету столь малозначительны, что ни въ быту хозяйственномъ, ни въ оборотахъ промышленности ни въ спекуляціяхъ коммерческихъ, ни относительно вексельнаго курса, не представляютъ никакого неудобства, достоинство капиталовъ и, всякаго рода собственности остаются неизмѣнны. И такъ, для чего истреблять способъ платежей, къ которому всѣ имѣютъ довѣріе и къ которому привычка несомнѣнно у насъ укоренилась, для чего замѣнять кредитныя деньги звонкимъ оборотнымъ капиталомъ который должно бы пріобрѣсть съ новыми пожертвованіями, ибо масса золотой и серебряной монеты, какъ она ни значительна въ государствѣ, однако, была бы далеко недостаточна для всѣхъ оборотовъ особенно при неимѣніи еще у насъ частыхъ кредитныхъ бумагъ и по пространству нашихъ областей».

Задача Канкрина состояла въ томъ, что бы вывести наши финансы изъ бѣдственнаго положенія, а для этого ему прежде всего было нужно привести въ болѣе нормальное состояніе бюджетъ, страдавшій отъ постоянныхъ дефицитовъ.

Въ первый годъ управленія финансами Канкрина, дефицитъ равнялся 9.714.285 руб., и онъ поставилъ себѣ задачею устранить это неудобство въ слѣдующемъ-же году. Роспись на 1824 годъ была значительно сокращена, особенно по министерствамъ: финансовъ и военному. Несмотря однако на эти сокращенія, для приведенія въ порядокъ финансовъ потребовались чрезвычайныя мѣры. На 1824 годъ и слѣдующій назначенъ былъ выпускъ до 5000 рекрутскихъ квитанцій, по 2000 руб. ассигн. каждая. Изъ нихъ въ 1824—25 годахъ было продано 4.559, а въ 1825 году всего только 150 квитанцій. «Эта мѣра», говоритъ самъ Канкринъ, въ своемъ отчетѣ за 20 лѣтъ [1]), «сильно не одобрялась современниками»; но тѣмъ не менѣе онъ стоялъ за нея.

Состояніе государственныхъ долговъ къ 1-му января 1823 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Срочныхъ долговъ состояло: а) внѣшнихъ 48.100.000 гульд.; в) внутреннихъ 13.222.786. р. с.

---

[1]) «Сборн. свѣд. по мин. финансовъ» 1865 г., кн. 2-я.

II. Безсрочныхъ долговъ: а) обыкновенныхъ 6%-хъ 67.028.793 р.; 5%-хъ по 1 займу 38 362.200 р., по 2 займу 23.160.000 р.—в) неприкосновенныхъ 10.849.489 р.

Въ 1823 г. вновь внесено въ Госуд. Долговую книгу: срочныхъ долговъ внутреннихъ 49.514 р. с.—и уплачено долговъ: С.-Петербургскому и Московскому Опекунскимъ Совѣтамъ и Приказамъ Общественнаго Призрѣнія 1.342.738 р. с. — и по Голландскому займу ежегодный взносъ 500.000 гульд.

Въ безсрочные долги поступили остальные по 2-му 5%-му займу (1822 г.) 19.999.840 р. и записано вновь 6%-хъ безсрочныхъ долговъ 189.285 р —А выкуплено 6%-хъ безсрочныхъ обыкновенныхъ 3.653.614 р.; переведено въ разрядъ неприкосновенныхъ 17.000 р.; выкуплено облигацій по 1-му и 2-му 5%-му займамъ 1.685.000 р.

Такимъ образомъ безсрочныхъ обыкновенныхъ долговъ прибавилось на 14.833.511 р., а безсрочныхъ неприкосновенныхъ на 17.000 рублей.

Засимъ къ 1-му январю 1824 г., т. е. ко времени прекращенія истребленія ассигнацій, состояло:

I. Срочныхъ долговъ: а) внѣшнихъ 47.600.000 гульд.; в) внутреннихъ 11.929.562 р. с.

II. Безсрочныхъ долговъ: а) обыкновенныхъ 6%-хъ 63 547.464 рублей с.; 5%-хъ по 1-му займу 37.248.800 р, по 2-му займу 42.428.400 р. и в) неприкосновенныхъ 10.866.489 р.

Въ 1824 году вновь вписано въ Госуд. Долговую книгу долговъ безсрочныхъ обыкновенныхъ 6%-хъ 346.056 р.; переведено изъ обыкновенныхъ въ неприкосновенные 5.714 р;—и за произведенными погашеніями (того-же рода, что въ 1823 г) состояло долговъ къ 1825 г.:

I. Срочныхъ: а) внѣшнихъ 47.100.000 гульд.—в) внутреннихъ 10.555.429 р. с.

II. Безсрочныхъ: а) обыкновенныхъ 6%-хъ—62.239.822 р. с. и 5%-хъ по займу 1820 года 35.626.500 р; по займу 1822 года 41.850.000 р. в) неприкосновенныхъ 10.872.203 р.

Въ теченіе 1825 года произошли слѣдующія перемѣны [1]): по Голландскому долгу уплачены обычные—500.000 гульд.

---

[1]) Всѣ эти данныя взяты изъ книги Н. Бржескаго: «Госуд. долги Россіи».

Что касается срочныхъ внутреннихъ долговъ, то, на основанiи Высочайше утвержденнаго мнѣнiя Государственнаго Совѣта отъ 6-го Ноября 1824 года, внесены въ Государственную Долговую Книгу въ упомянутый разрядъ — долги Государственнаго Казначейства «въ прежнiе годы наиболѣе отъ неурожаевъ и непоступленiе черезъ то податей происшедшiе и еще не фундированные», а именно: Государственному Коммерческому Банку—5.714 285 р. с. и Департаменту Удѣловъ—1.714.285 р. с., а за уплатою на 728.381 р. с. срочные долги увеличились—6.700.189 р. с. За погашенiемъ изъ 6%-хъ безсрочныхъ и 5%-хъ займовъ — 4.049.314 р. с. государственныхъ долговъ къ 1-му января 1826 года, было: I. Срочныхъ: а) внѣшнихъ оставалось—46.600.000 гульденовъ, в) внутреннихъ 17.255.618 р. с. II. Безсрочныхъ: а) обыкновенныхъ 6%-хъ — 60.002.147 р.; 5%-хъ 1-го займа—34.266 300 р. с., 2-го — 41.398.560 р. и в) неприкосновенныхъ — 10.872.203 и ассигнацiи на 595.726.310 р.

Не смотря на то, что росписи 1823 г. постоянно убавлялись и по нимъ назначено было къ расходу:

		Ассигнацiями.	
На 1823	годъ.	443.566.846	руб.
» 1824	»	419.412.276	»
» 1825	»	392.997.617	»

Тѣмъ не менѣе, Е. Ф. Канкрину управлять министерствомъ было трудно, такъ какъ Государственное Казначейство далеко не изобиловало деньгами, что ясно видно изъ «Вѣдомости суммъ, занятыхъ въ 1825 г. для подкрѣпленiя Государственнаго Казначейства» [1]), въ которой, между прочимъ, находятся статьи такихъ расходовъ:

На платежъ адмиралу маркизу де-Траверсе, за купленное у него имѣнiе въ Пензенской губ., съ 1100 ревизскими душами.	485.000 р.
Женѣ доктора Шибеля за купленный у нея въ С.-Петербургѣ, на дворцовой площади, домъ	235.000 р.
Изъ С.-Петербургской градской думы, по журналу Комитета Министровъ, 10 августа	

[1]) «Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ.» Т. 45, стр. 607.

1824 г., на платежъ долговъ Театральной дирекціи . . . . 200.000 р.

Вотъ каково было время, когда суммы города Петербурга занимались на уплату казеннаго долга. Какъ тутъ было не повысить пошлинъ на предметы роскоши, но за это Е. Ф. Канкринъ встрѣчалъ крики разныхъ господъ и особенно госпожъ. Вотъ почему остроумный графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ, отъ 3-го января 1824 г., «Сбор. Ист. Общ.» т. 73. писалъ изъ Москвы Арс. Андр. Закревскому.

> «Я уже встрѣтился съ одной забытой смертію старухой, которая осудила Канкрина въ Сибирь за то, что цѣна прибавлена на мускатный орѣхъ, безъ коего она жить не можетъ».

Но помѣщики были почти поголовно довольны Канкринымъ за то, что въ 1824 году существовавшія до того времени 8-ми и 12-ти лѣтніе сроки займовъ изъ кредитныхъ установленій, подъ залогъ ревизскихъ душъ, были обращены въ 24-хъ лѣтніе.

Видъ Александровской колонны отъ Зимняго дворца.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
Е. Ф. КАНКРИНА
ВЪ ДОЛЖНОСТИ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ
ПО
ВСТУПЛЕНІИ НА ПРЕСТОЛЪ
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I

Видъ Дворцовой набережной отъ перевоза къ Биржѣ.
(По современной литографіи).

За печатью на машинѣ наблюдалъ мастеръ
И. А. КУЖИНЪ.

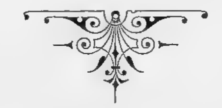

Глава третья.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ.

Разница личныхъ докладовъ у Императоровъ Николая I и Александра I.— Петербургское общество при восшествіи на престолъ Николая Павловича, и нареканія части его на Е. Ф. Канкрина. – Пониженіе цѣнъ на хлѣбъ.—Расходы по случаю похоронъ Александра Павловича и коронованія Ихъ Величествъ.—Учрежденіе Комитета для пересмотра бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра I и представленіе Канкринымъ мнѣнія въ этотъ Комитетъ, относительно государственнаго управленія. — Важное значенія военнаго фонда, начало которому положилъ Канкринъ.—Программа Канкрина управленія финансами, изложенная Николаю Павловичу, въ отчетѣ за 1826 годъ.—Записка о разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода, поданная также Государю.— Введеніе откуповъ съ 1-го января 1827 г.—Позднѣйшія мѣропріятія по питейной части.—Законъ о примѣненіи порядка управленія удѣльными крестьянами къ казеннымъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской и Псковской, исходатайствованный Канкринымъ.— Долги внесенные въ Государственную долговую книгу въ 1826, 27 и 28 годахъ; причемъ долгъ Россіи уменьшенъ на 10 милл. рублей. — Переписка Канкрина съ графомъ Н. П. Румянцевымъ по вопросамъ археологіи.—Производство Канкрина въ генералы отъ инфантеріи.—Основаніе Технологическаго Института.—Первая промышленная выставка въ С.-Петербургѣ.—Стоимость войны съ Персіею и Турціею.—Возведеніе Е. Ф. Канкрина въ графское достоинство Россійской Имперіи.

III.

По словамъ Петра фонъ Гётце († 1880 г., въ С.-Петербургѣ) автора книги «Fürst Alexander Nicolaewitsch Golitzin», Императоръ Александръ былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ.—«На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное расположеніе, или которые удостоивались его горячей дружбы, и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его довѣріе. Только безсердечный Аракчеевъ, а отчасти и другъ дѣтства Государя, князь А. Н. Голицынъ, составляли исключеніе. Вполнѣ повредить Голицыну не могъ даже Аракчеевъ, не смотря на всѣ свои интриги. Совершенно инымъ былъ Императоръ Николай Павловичъ; у него не было ни одного любимца, который имѣлъ-бы такое вліяніе, какое имѣлъ Аракчеевъ. Кромѣ того, если кто либо заслужилъ однажды его милостивое вниманіе, тотъ могъ разсчитывать на его благоволеніе до тѣхъ поръ, пока не лишался его по своей собственной винѣ».

Относительно разницы въ порядкѣ, соблюдавшемся при докладахъ какъ тому, такъ и другому Государю, Канкринъ разсказывалъ Гётце, что къ Императору Александру I онъ долженъ былъ являться не только въ полномъ мундирѣ, но и не снимать во время доклада

перчатокъ Александръ Павловичъ приказывалъ, чтобы докладчикъ читалъ ему бумаги вслухъ. Онъ былъ глуховатъ и скрывалъ этотъ недостатокъ, и поэтому ему нравился громкій голосъ Канкрина и его рѣзкій нѣмецкій выговоръ, такъ какъ при этихъ условіяхъ Императоръ Александръ могъ слышать каждое слово. Что же касается Государя Николая Павловича, то онъ обыкновенно бралъ отъ докладчика бумагу и самъ громко читалъ ее. Послѣднее обстоятельство подтверждалъ въ своихъ запискахъ и баронъ М. А. Корфъ. Читатель, конечно, помнитъ, что Е. Ф. Канкринъ имѣлъ привычку курить сигары отечественнаго производства, или трубку. Эта несчастная привычка къ табаку очень стѣсняла его при докладахъ Государю, о чемъ Канкринъ говорилъ Дибичу. Послѣдній сказалъ о томъ Николаю Павловичу, и вотъ въ одинъ изъ докладовъ, бывшихъ вскорѣ послѣ этого, къ Канкрину вышла Императрица Александра Ѳеодоровна, супруга Николая I, съ зажженной свѣчей въ одной рукѣ и съ трубкой—въ другой и, подавая ее Егору Францевичу, сказала:

«Церемоніи по отношенію къ такому заслуженному государственному дѣятелю, какъ вы, неумѣстны».

Съ тѣхъ поръ Канкринъ постоянно одинъ курилъ въ присутствіи Государя, который, какъ извѣстно, самъ не курилъ и терпѣть не могъ когда курили въ его присутствіи.

Царская любезность къ Канкрину не измѣняла послѣдняго, и онъ оставался вѣренъ самому себѣ и выработаной имъ программѣ. Такъ П. Ѳ. Брокъ, бывшій министромъ въ 1850—57 гг., разсказывалъ однажды, послѣ доклада Государю, слѣдующее:

«Государь сегодня оченъ милостивъ.

«Я желалъ-бы, говорилъ онъ мнѣ:—сдѣлать то-то и то-то, но не знаю имѣемъ-ли мы для этого достаточныя денежныя средства»?

Я отвѣчалъ, что для исполненія воли Его Величества средства всегда найдутся. Государь тогда улыбнулся и сказалъ:

«Очень радъ, Брокъ, что я не встрѣчаю въ тебѣ того всегдашняго противорѣчія, къ которому меня пріучилъ Канкринъ. Онъ, бывало, придетъ ко мнѣ въ туфляхъ, станетъ у камина грѣть себѣ... спину, и чтобы я ни говорилъ у него всегда одинъ отвѣтъ: «Нельзя, Ваше Величество, никакъ нельзя».[1])

---

[1]) См. «Истор. Вѣст.» т. XX. 1885 г., стр. 527.

Въ разсказѣ этомъ, кажется, сквозитъ скорѣе иронія Николая Павловича надъ самимъ Брокомъ, который былъ полною бездарностью [1]).

Доклады Канкрина у Государя Николая Павловича бывали, въ первое время его царствованія, даже вечеромъ, что видно изъ слѣдующей записки Егора Францевича, хранящейся въ Публичной библіотекѣ:

> «Сегодня въ 7 часовъ вечера будетъ докладъ у Его Величества почему покорно прошу Его Превосходительство Александра Васильевича Дружинина пожаловать или прислать начальниковъ отдѣленій въ 10 часовъ, а бумаги по 1 отдѣленію оставляю для подписанія у себя.

3-го іюля 1826 г.

Въ послѣдніе годы Александровскаго времени дошло до того, что въ нѣкоторыхъ министерствахъ бумаги писались вдвойнѣ, по-русски и по-французски, а что важнѣе всего—на одномъ французскомъ языкѣ, именно у Каподистріи и Нессельроде, у Бетанкура и маркиза Траверсе, морскаго министра. Говорятъ, пишетъ издатель «Русскаго Архива», что Канкринъ былъ очень озадаченъ, когда Николай Павловичъ отказался читать его бумагу, потому что она написана была не по-русски. Такой разсказъ врядъ-ли справедливъ, ибо изъ приведенныхъ собственноручныхъ записокъ Е. Ф. Канкрина, относящихся ко времени вступленія его въ должность министра финансовъ, видно, что всѣ онѣ писаны по-русски и сравнительно очень правильно. Требованіе же Императора Николая писать по-русски было прямо таки уступкою общественному мнѣнію,

---

[1]) Сенаторъ К. И. Лебедевъ въ своихъ «запискахъ» («Рус. Арх.» 1888 г. т. I., стр. 618) говоритъ: «Необыкновенныя награды товарищу Вроченко—П. Ѳ. Броку вызвали и необыкновенные толки. Брокъ исходатайствовалъ большую денежную награду барону Гревеницу (директору канцеляріи министра). Гревеницъ сочинилъ письмо о наградѣ Броку отъ имени умирающаго Вронченки, которое старикъ подписалъ. Государь утвердилъ. Деньги 15 тысяч., мѣсто тов. мин. финансовъ и сенаторство. Слухи говорятъ, что письмо писано Гревеницемъ и Брокомъ и ими же подписано за Вронченко. Правда въ этомъ дѣлѣ лишь только та, что старикъ не зналъ, что подписывалъ и что мысль о письмѣ пришла не умирающему, а утвержденіе ходатайства сдѣлано *для* умирающаго. Старики острятъ: «хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ»?

такъ какъ попытка декабристовъ произвести государственный переворотъ, показала правительству всю опасность пренебреженія къ внутренней жизни мыслящихъ классовъ страны.

Вслѣдствіе этого возникла мысль учрежденія «тайнаго надзора» преслѣдовавшаго цѣли канцеляріи розыскныхъ дѣлъ, но обставленнаго гораздо мягче и порученнаго людямъ образованнымъ и вылощеннымъ.

Письма тогдашняго директора канцеляріи III отдѣленія Мих. Макс. Фока къ шефу жандармовъ генералу А. Х. Бенкендорфу, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» за 1881 г., [1]) рисуютъ «Петербургское общество при восшествіи на престолъ Императора Николая I.

Общество той эпохи раздѣлялось на двѣ партіи—благонамѣренныхъ и недовольныхъ, но та и другая съ нетерпѣніемъ ждали преобразованій, которыхъ особенно скорѣе надѣялись видѣть отъ Канкрина, но такъ какъ послѣдній къ новшествамъ приступалъ крайне осторожно, то на его долю и выпадала масса нареканій. Приводимые отзывы о Е. Ф. Канкринѣ показываютъ всю тяжесть его положенія, какъ министра финансовъ.

Въ письмѣ М. М. Фока, отъ 19-го іюля 1826 г. сообщалось:

«Послѣднимъ манифестомъ каждому дозволяется излагать свои мнѣнія о проектахъ улучшенія, обращаясь по этому предмету къ кому слѣдуетъ. Причемъ возникаетъ вопросъ: какая власть будетъ служить органомъ для передачи этихъ проектовъ правительству, и въ какой мѣрѣ дозволена будетъ свобода слова тѣмъ, кто пожелаетъ выступить на сцену, съ условіемъ не быть компрометтированнымъ и не подвергнуться мщенію того или другаго вліятельнаго лица, которому могутъ не понравиться направленныя противъ него заявленія? Коллежскій совѣтникъ Бландовъ, человѣкъ сильно придерживающійся рутины и обладающій большими средствами, находится теперь въ подобномъ положеніи, и спрашиваетъ: слѣдуетъ-ли все говорить относительно финансовъ и будетъ-ли онъ огражденъ отъ преслѣдованій министра, объ управленіи котораго онъ можетъ достать массу самыхъ интересныхъ свѣдѣній? Можно ли поощрить его и успокоить на этотъ счетъ?

---

[1]) См. Т. XXXII.

«Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній его о финансахъ, высказанныя имъ въ разговорѣ со мною:

«Ничего нѣтъ хуже принятой у насъ финансовой системы. Въ числѣ другихъ доказательствъ этому можно упомянуть о послѣднемъ указѣ 1825 г. [1]), разрѣшающемъ ввозъ соли изъ-заграницы, между тѣмъ какъ въ Россіи она находится въ такомъ изобиліи, что сю можно было бы снабжать всю Европу; затѣмъ—недовѣріе, съ какимъ относятся къ поставщикамъ, притѣсняемымъ всѣми возможными средствами и принуждаемымъ къ точному выполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ, тогда какъ казна никогда не выполняетъ своихъ; наконецъ,—мотовство, характеризующее управленіе финансовыми отраслями, самыми прибыльными для подрядчиковъ, а также и тѣ старанія, съ какими скрывали отъ покойнаго императора дурное положеніе финансовъ. Другимъ доказательствомъ пристрастія министра финансовъ служитъ то, что многія личности, которыхъ онъ терпѣть не могъ при своемъ вступленіи въ управленіе министерствомъ,—въ настоящее время пользуются большимъ его довѣріемъ. Такъ извѣстно, что Дружининъ, бывшій прежде его bête noire—теперь на хорошемъ счету у него, и что Михаилъ Кайсаровъ былъ въ немилости за то, что сдѣлалъ представленія о нелѣпости послѣдняго закона о промышленныхъ налогахъ,—закона, который во многомъ пришлось измѣнить указомъ, изданнымъ 11-го числа сего мѣсяца. Указъ этотъ явно говоритъ о намѣреніи правительства поощрять торговлю и промышленность и что главное—не иначе довѣрять министерскимъ представленіямъ, какъ хорошенько провѣривъ ихъ. Если Гурьевъ началъ управленіе такъ, что сталъ дѣйствовать противно интересамъ правительства, то Канкринъ постарался увеличить зло, расширивъ пропасть, надъ которой стоятъ наши финансы. Многимъ извѣстно также и то обстоятельство, что принципы, высказанные этимъ министромъ въ одномъ сочиненіи,

---

[1]) Объ этомъ указѣ гр. С. Р. Воронцовъ въ письмѣ къ сыну 8 го іюля 1825 г. писалъ: «Les dernières loix et règlements relatifs au commerce interne et externe sont si tyranniques et en même temps si absurdes qu'on ne pourrait pas croire qu'elles datent du XIX-me siècle. M-r. Gourieff a fait beaucoup dans ce genre despotique et absurde, et en aurait fait davantage s'il ne fût souvent arrêté dans le Conseil par l'amiral Mordvinoff. Il est étonnant que celui-ci a été muet en entendant lire dans le Conseil les règlements de M-r Kankrine, qui pèche par ignorance sans doute» («Арх. кн. Воронцова», т. XXIII)

изданномъ еще до поступленія его въ министерство,—такого свойства, что могутъ возмутить каждаго благомыслящаго человѣка; за то же Канкринъ и постарался скупить всѣ нераспроданные экземпляры этого сочиненія, какъ только получилъ министерскій портфейль».

«Купеческое сословіе, говорилось въ письмѣ 3-го августа того же года, проникнуто энтузіазмомъ къ настоящему правительству. Считаю обязанностью упомянуть о нѣсколькихъ, дошедшихъ до меня замѣчаніяхъ, высказанныхъ негоціантами относительно положенія нашей финансовой части.

«Почему финансы наши такъ плохи? Потому, что послѣ 1807 г. запрягли воловъ позади телѣги».

«Въ Россіи, гдѣ много земли и сырыхъ продуктовъ, но вовсе нѣтъ рабочихъ рукъ, промышленность не можетъ процвѣтать съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Англіи, и потому тотъ, у кого есть деньги, всегда будетъ законодателемъ въ торговлѣ. Иностранный купецъ расчитываетъ на взаимный обмѣнъ произведеній. Онъ не станетъ покупать наши земледѣльческія произведенія, если у него отнимутъ возможность сбывать намъ свои товары. Но это сдѣлали, и потому англичане большую часть необходимыхъ для нихъ сырыхъ произведеній стараются извлекать изъ Америки и Швеціи. Въ другихъ государствахъ промышленность развивается чрезвычайно быстро, при помощи частныхъ предпріятій на акціяхъ, которыя правительствомъ привилегируются и покровительствуются всѣми возможными средствами; у насъ же онѣ задержаны какъ въ принципѣ, такъ и въ развитіи. Имѣть дѣло съ правительствомъ—положеніе очень непріятное: оно никогда не поражаетъ безслѣдно. Вотъ почему все въ застоѣ, и большинство чиновниковъ эгоистовъ въ высшей степени, столько же заботится о пользѣ государства, какъ и о китайскихъ дѣлахъ. Покойнаго Императора старались ослѣпить проектами объ улучшеніи финансовъ; но улучшеніе это существовало только на бумагѣ, между тѣмъ злоупотребленія шли своею дорогой, и такимъ образомъ финансы государства разстраивались все болѣе и болѣе».

Далѣе въ письмѣ, отъ 13-го августа, говорилось: «Внезапная отставка директора канцеляріи банка, отрѣшеннаго на основаніи указа, полученнаго изъ Москвы, произвела потрясающее впечатлѣніе на чиновниковъ министерства финансовъ. Они поражены какъ гро-

момъ, и заявляютъ, во всеуслышаніе, что междоусобная война готовится разорвать на части это министерство, и что г. Дубенскій дѣйствуетъ втихомолку, чтобы свергнуть Канкрина».

Въ письмѣ 15-го августа М. М. Кохъ вопрошалъ: «Понимаютъ ли наши богачи свою настоящую выгоду? Конечно нѣтъ! Взгляните на частныхъ лицъ, каковы, напримѣръ, графъ Литта, генералъ Энгельгардтъ, находящіе наслажденіе въ томъ, что держатъ подъ спудомъ—одинъ 20, а другой 27 милліоновъ рублей. Дѣйствуя такимъ образомъ, они и имъ подобные задерживаютъ обращеніе денегъ. Съ другой стороны, наши финансовыя операціи были до сихъ поръ совершенно ошибочны; правительство думало окружить себя безнаказанно конституціонною завѣсой, провозгласивъ освобожденіе крестьянъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ. Послѣ этого можно-ли удивляться тому, что финансы въ упадкѣ, что взяточничество на первомъ планѣ, и что злоупотребленія увеличиваются съ каждымъ шагомъ?» А въ слѣдующемъ письмѣ, 16-го августа, сообщалъ: «Говорятъ также, что не разъ уже замѣчали министру финансовъ о томъ, что было по меньшей мѣрѣ неблагоразумно, если не неприлично,—предоставить двумъ торговымъ домамъ Штиглица и Мейеръ-Брюкнера полную свободу опредѣлять, по своему усмотрѣнію, вексельный курсъ; произволъ ихъ въ этомъ отношеніи дошелъ до того, что ни одинъ маклеръ не смѣетъ обозначить курса безъ ихъ согласія. Новыя постановленія по финансовой части подтачиваютъ торговлю въ самомъ корнѣ и подавляютъ зарождающуюся промышленность. Министръ вообразилъ, что суммы, образуемыя денежными штрафами, составляютъ обильный источникъ доходовъ, и, не смотря на то, что опытъ доказываетъ противное—онъ не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ. По его мнѣнію,—пусть терпитъ государство, лишь бы только онъ былъ правъ!»

«Обнаруженныя злоупотребленія, совершавшіяся въ канцеляріи министерства финансовъ, писалъ Фокъ Бенкендорфу, отъ 21-го августа, даютъ вѣрное понятіе о вліяніи этой гидры. Но за то же, и нападутъ на нее со всѣхъ сторонъ и доносы посыпятся градомъ; одни будутъ стараться раскрывать тайны, чтобы самимъ выдти сухими изъ воды; другіе же—или ради отличія, или изъ любви къ общественному благу. Впрочемъ, только-что сдѣланныя открытія не болѣе, какъ прелюдія къ цѣлой вереницѣ послѣдующихъ».

Говоря о толкахъ по поводу коронаціоннаго манифеста, въ письмѣ отъ 7-го сентября, Кохъ замѣчалъ: «Въ распоряженіи правительства имѣются безчисленныя средства для удовлетворенія всѣхъ; была возможность съ пользою примѣнить эти средства; однакожъ, ограничились тѣмъ, что начинили манифестъ статьями сочиненія министра финансовъ, виды котораго далеко не соотвѣтствуютъ видамъ добраго патріота, что̀ совсѣмъ не политично съ его стороны, такъ какъ онъ и безъ того уже пользуется очень дурной славой въ обществѣ, которое онъ бравируетъ, не думая, что это никогда не проходитъ даромъ. Говорятъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, исходатайствовавъ титулъ барона негоціанту Штиглицу [1]), такъ какъ Россія пріобрѣла этимъ милліонера, который, вслѣдствіе этой награды, поселится здѣсь навсегда. Но онъ могъ бы, въ то же время, позаботиться и о покровительствѣ мѣстному купеческому сословію, которое, безъ сомнѣнія, страдаетъ, видя себя забытымъ при раздачѣ милостей. Не пеликана бы ему имѣть въ гербѣ,—говорятъ многіе, а обжору-россомаху! А между тѣмъ и онъ и многіе другіе держатся на своихъ мѣстахъ, не смотря на то, что ложный блескъ, окружавшій ихъ, ужѐ разсѣялся, такъ какъ правительство знаетъ, что̀ думать о преданности этихъ такъ называемыхъ, приверженцовъ праваго дѣла».

Въ слѣдующемъ письмѣ, 9-го сентября, Кохъ говорилъ, что по поводу преобразованій въ администраціи дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія: «Министръ финансовъ имѣетъ слишкомъ большія права. Слѣдуетъ упростить составъ управленія и принять норму, существовавшую до учрежденія министерствъ. Казначейство, департаментъ торговли и промышленности, равно какъ завѣдываніе рудниками и министерствомъ государственныхъ имуществъ, должны бы составить, отдѣльныя отрасли управленія, дѣйствія коихъ контролировались бы высшей властью, т. е. Государственнымъ Совѣтомъ; тогда въ мѣропріятіяхъ было бы болѣе единства и легче было бы слѣдить за ходомъ дѣлъ. — Возвратившіяся изъ Москвы лица разсказываютъ, за достовѣрное, слѣдующій фактъ: Министръ финансовъ когда-то приказалъ московскому вице-губернатору для сбора невнесенныхъ

---

[1]) Штиглицъ незадолго передъ тѣмъ пожертвовалъ Ришельевскому лицею, въ Одессѣ, 100.000 руб. См. «Одесса» изданіе къ столѣтію города; стр. 40 предисловія.

въ срокъ косвенныхъ налоговъ прибѣгать къ дозволеннымъ закономъ принудительнымъ мѣрамъ. Сумма этихъ взысканій дошла до 800.000 руб.; 280 лавокъ были опечатаны; но владѣльцы ихъ не очень-то горевали, разсчитывая на то, что въ манифестѣ будетъ статья, касающая и ихъ. Обманутые въ своей надеждѣ, они за два дня до отъѣзда министра Канкрина, собрались, чтобы сообща обсудить дѣло. Результатомъ ихъ совѣщанія было рѣшеніе отправиться всѣмъ вмѣстѣ во дворецъ, броситься къ стопамъ Государя и просить его о сложеніи недоимки, которую для нихъ тѣмъ невозможнѣе уплатить въ настоящую минуту, что и печати еще не сняты съ ихъ лавокъ. Вице-губернаторъ поѣхалъ къ министру и доложилъ ему, что онъ не имѣлъ возможности исполнить прежнія приказанія, въ виду того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находились купцы. При этомъ онъ просилъ министра дать ему предписаніе по этому предмету, и тотъ прислалъ ему приказаніе—исполнить законъ, не прибѣгая къ строгости. Послѣ этого, вице-губернаторъ снова отправился къ министру и заявилъ ему, что во избѣжаніе всякой отвѣтственности, онъ считаетъ себя вынужденнымъ довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя—прибавивъ, что взыскивая теперь налогъ, неуплаченный своевременно, можно рисковать вызвать сильное волненіе между торговцами. Канкринъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду изъ Москвы, тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ и выхлопоталъ отмѣну налога» [1]).

---

[1]) Вся эта исторія показываетъ, какъ сильно старались вредить Канкрину, между тѣмъ можно указать совершенно на другое свидѣтельство современника: Пріѣзжая въ Москву, Канкринъ обыкновенно останавливался въ горномъ правленіи на Моховой (теперь архивъ министерства юстиціи) и пользовался всякою свободною минутою, чтобы вступать въ общеніе съ разными лицами, которыя могли ему сообщить полезныя свѣдѣнія. Въ Москвѣ онъ, какъ и въ Петербургѣ, работалъ цѣлый день, а когда уставалъ, то надѣвалъ шинель военнаго покроя въ рукава, подпоясывался носовымъ платкомъ, осматривалъ строенія, вникалъ во всѣ мелочи (замѣтимъ здѣсь кстати, что садъ на дворѣ архива также обязанъ ему своимъ возникновеніемъ: Канкринъ указалъ его размѣры и распланировалъ его самъ), а подъ вечеръ въ столовой принималъ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему надобность, причемъ происходили иногда сцены чрезвычайно характерныя. Такъ г. Селивановъ, передающій эти подробности изъ жизни Канкрина, разсказываетъ, что однажды, во время такого пріема, онъ при многихъ свидѣтеляхъ назвалъ весьма видное должностное лицо, злоупотребленія котораго незадолго передъ тѣмъ обнаружились, прямо «воромъ». Случилось какъ-то, что дежурнымъ чиновникомъ при горномъ правленіи былъ нѣкто Селивановскій, сынъ извѣст-

«Вотъ что случилось въ Москвѣ! восклицаютъ здѣсь,—это доказываетъ, какъ сильно ненавидятъ министра. Къ этому разсказу еще прибавляютъ, что московскіе купцы во-всеуслышаніе проклинали Канкрина, говоря, что онъ причиною всѣхъ, испытанныхъ ими непріятностей; что Государь былъ обманутъ ложными донесеніями, и что спокойствіе до тѣхъ поръ не будетъ возстановлено пока Канкрина не удалятъ отъ дѣлъ».

«Настроеніе умовъ удовлетворительно, сообщалъ Фокъ 11-го сентября, только въ низшихъ сословіяхъ; далеко нельзя того же сказать о высшемъ и среднемъ классахъ населенія. Если послушать,—такъ окажется, что задѣты частные интересы нѣкоторыхъ выдающихся личностей. Казначейство возстаетъ противъ финансовой системы Канкрина, паденіе котораго—какъ увѣряютъ—весьма близкое, не возбудитъ ни въ комъ сожалѣній. — Должно сознаться, добавлялъ Фокъ, въ письмѣ 12-го сентября, что общество недовольно министромъ финансовъ и его управленіемъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ тысячи человѣкъ найдутся, можетъ быть, около десяти, которые подымутъ голосъ въ его пользу. Разговоры только и вертятся на его операціяхъ; большіе и малые толкують о финансахъ; каждый судитъ по своему. Министръ держится своей партіи, которая не особенно-то сильна». 14-го сентября Фокъ однако уже писалъ: «Настроеніе умовъ начинаетъ понемногу колебаться. Надежда и ожиданіе, державшія его въ равновѣсіи, ослабѣваютъ. «Значитъ, не будетъ никакихъ перемѣнъ!» — Кричатъ со всѣхъ сторонъ. «Государь хочетъ удержать при себѣ старыхъ глупцовъ, чтобы доказать, что онъ одинъ можетъ управлять. Капризы и упрямство Канкрина по прежнему будутъ разорять нашу торговлю и промышленность; репрессивныя мѣры становятся суровѣе, но нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ законовъ насчетъ взаимныхъ обязаностей между помѣщиками и ихъ крестьянами»...

«Купцы, даже торговцы старымъ платьемъ, писалъ Фокъ 15-го сентября, открыто говорятъ о томъ вліяніи, какое имѣетъ на всѣ

наго типографщика. Канкринъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду и освѣдомился о томъ, какъ идетъ типографское дѣло въ Москвѣ. Селивановскій ему разъяснилъ, что типографское, а вмѣстѣ съ тѣмъ и книжное дѣло сильно тормозятся высокою пошлиною на типографскія краски. Канкринъ промолчалъ, но вскорѣ затѣмъ на типографскія краски ставка тарифа была значительно уменьшена. (См. біогр. очеркъ «Е. Ф. Канкринъ» Р. Сементковскаго стр. 52).

финансовыя дѣла, слишкомъ извѣстный по своей дурной славѣ П*. Кредитъ его у генерала Канкрина, говорятъ, такъ великъ, что онъ предлагаетъ оказать протекцію тѣмъ, кто собирается участвовать въ торгахъ на снятіе винныхъ откуповъ. По словамъ одного купца, Вешнякова, подтверждаемымъ и другими лицами, П* просилъ съ него деньги за ходатайство предъ министромъ».

Замѣтимъ здѣсь, что въ запискахъ своихъ Вигель [1]) также писалъ: «Когда Канкрина назначили на мѣсто Гурьева, казалось, что министерство финансовъ упадетъ съ нимъ. Ни мало: человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равнымъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за нѣмца и отчасти былъ имъ, онъ не показывалъ ни малѣйшаго педантства; живость его проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступи его, а въ рѣчахъ: онъ былъ чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было; со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникомъ благороднѣйшаго чувства—великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ и тогда не хотѣлъ мстить имъ».

«Министерство финансовъ, доносилъ Фокъ 18-го сентября, замѣчаютъ, вслѣдствіе его состава и объема, даетъ управляющему имъ возможность пользоваться предоставляемою ему властью, какъ обоюдоострымъ мечемъ. Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ о необходимости ограниченія этой власти, возвратомъ къ коллегіальному порядку, который гарантируетъ правильность и принимаетъ на себя отвѣтственность и контроль. Всѣ сознаютъ, что реформа эта — дѣло не легкое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ необходимо хорошо обдумать и имѣть въ виду, что перемѣщеніе еще не составляетъ преобразованія; но знаютъ также, что для правительства, пользующагося своею властью только лишь въ интересахъ установленія прочнаго порядка по всѣмъ отраслямъ управленія — нѣтъ ничего невозможнаго».

---

[1]) «Рус. Вѣст.», августъ 1865 г. стр. 559. Плетневъ говоритъ, что записки Вигеля, «такъ занимательны, что пересказать трудно», а авторъ ихъ «уменъ, остроуменъ, жолченъ и знающъ до чрезвычайности». (Переписка его съ Я. К. Гротомъ. Т. III, стр. 136).

«Надо, впрочемъ, замѣтить, указывалъ Фокъ въ письмѣ 21-го сентября, что общество все еще сильно высказывается не только противъ личности генерала Канкрина—который: навѣрное, не могъ бы собрать за себя и пяти голосовъ,—но и противъ финансовой системы принятой имъ и превозносимой до небесъ, между тѣмъ какъ настоящее положеніе нашихъ финансовъ не представляетъ никакого поворота къ лучшему и никто не видитъ въ этой системѣ преобразовательнаго начала, вопреки утвержденію Канкрина. «Какъ, говорятъ, онъ, который хвастается бережливостью въ употребленіи общественныхъ суммъ, терпитъ столькихъ паразитовъ въ своихъ канцеляріяхъ! Родственникъ его жены, г. Ганнибалъ, вѣроятно въ качествѣ близкаго человѣка, пользовался жалованьемъ, которое только - что отняло у него правительство, зачисливъ его сверхштатнымъ. Министерство должно было-бы избѣгнуть этого упрека, если бы оно придерживалось принципа: не имѣть въ своихъ канцеляріяхъ людей ненужныхъ и не увеличивать число своихъ креатуръ».

— «Замѣчаютъ еще, доносилъ Фокъ 22-го сентября, что золотая и серебряная монета, выбитая до послѣдняго измѣненія въ монетной системѣ, совершенно исчезла изъ обращенія. Нельзя ли, говорятъ, какими либо путями узнать—какъ, когда и какимъ образомъ звонкая монета прежняго чекана была вывезена за границу. Для этого, кажется, необходимо было-бы слѣдить за пассажирами отправляющимися на пароходѣ въ Каронштадтъ, и за рабочими, занимающимися нагрузкой пеньки и другихъ товаровъ. Нужно было бы, также, узнать,—не существуетъ ли заграницей фабрикаціи нашихъ ассигнацій, что, судя по нѣкоторымъ, довольно вѣрнымъ даннымъ,—очень вѣроятно. Нѣтъ ничего проще предположить, что въ таможнѣ расплачиваются фальшивыми, искусно поддѣланными, ассигнаціями».

Послѣднее указаніе голословно, такъ какъ деньги въ Россію привозились иностранцами, что показываютъ слѣдующія цифры превышенія нашего отпуска надъ ввозомъ:

	Въ тысячахъ рублях: отпускъ	привозъ
1824 — 1828	261,561	253,466
1829 — 1833	302,056	227,725

		Въ тысячахъ рубляхъ: отпускъ	привозъ
1834 — 1838		320,530	284,075
1839 1843		387,159	324,622
Общій итогъ		1.271,326	1.089.878

Стало быть деньги, присланныя къ намъ въ уплату за товары были значительны. Это подтверждается и таможенными свѣдѣніями, изъ которыхъ видно, что въ два десятилѣтія, 1814—1824 и 1824—1834, въ Россію было ввезено золота и серебра на 260 и 262 милл. руб., а всего 522 милл. рублей.

Но пониженіе спроса на зерновой хлѣбъ въ 1826 г., со стороны иностранныхъ рынковъ, отразилось большимъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ внутри Имперіи. Это обстоятельство повлекло за собой затрудненія по сбору податей, поступленіе которыхъ до такой степени было трудно, что «губернаторамъ напоминаемо и въ комитетъ представляемо было, чтобъ для взысканія недоимокъ и податей не прибѣгать къ разорительнымъ мѣрамъ».

Одновременно съ уменьшеніемъ поступленій доходовъ, чрезвычайные расходы значительно увеличились и достигли въ 1826 г. до 17.600.000 руб, асс. Главнѣйшіе изъ чрезвычайныхъ расходовъ потребовались, какъ по случаю похоронъ Императора Александра I и Императрицы Елисаветы, такъ и отбытія Высочайшаго двора въ Москву для коронованія Ихъ Импер. Величествъ, Николая Павловича и Александры Ѳедоровны. Изъ Государствен. казначейства, для покрытія этихъ издержекъ, отпущено было: на усройство похоронъ 1.377,024 и по случаю коронованія 2.779.669, всего 4.156,693 руб.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, Госуд. Казначейству пришлось позаимствовать изъ Коммерческаго банка, подъ залогъ мѣдной монеты [2]) стараго чекана, въ теченіи 1826 г., 6 милл. руб.

По кончинѣ Императора Александра I († 19-го ноября 1825 г.), годъ спустя, 6-го декабря 1826 г., былъ учрежденъ комитетъ: [1]) 1) для пересмотра бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра I, и 2) для пересмотра государственнаго управленія и

---

[1]) «Финансы Россіи XIX стол.» И. Бліоха т. I, стр. 168 и 69).

[1]) Состоявщій изъ гр. В. П. Кочубея, кн. А. Н. Голицына, барона Дибича, гр. П. А. Толстаго, И. В. Васильчикова и М. М. Сперанскаго.

относящихся сюда проектовъ преобразованія губернскихъ учрежденій. Канкринъ представилъ относительно преобразованія государственнаго управленія комитету весьма любопытныя соображенія, въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) «Не перемѣнять, елико можно, форму коренныхъ государственныхъ установленій, ибо недостатки существующаго извѣстны, новаго сокрыты. 2) Но исправлять существующія, привязывать поправленія къ прежнимъ наименованіямъ, дабы не вдругъ перемѣнять цвѣтъ вещей и не истреблять ничего историческаго. 3) Правила сіи нынѣ особенно нужны. Духъ перемѣнчивости обладаетъ народами, требуетъ отъ правительствъ сверхчеловѣчное; потеряли изъ виду несовершенство человѣческихъ дѣлъ. При семъ расположеніи умовъ, правительства имѣютъ вящую обязанность озаботиться о всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ и о положеніи началъ будущаго усовершенствованія дѣлъ государственныхъ. Но всячески должно стараться, чтобъ, безъ совершенной необходимости, не перемѣнять самую форму существующаго управленія. Дать примѣры частнымъ перемѣнамъ въ низшемъ, значитъ колебать среднее; перемѣнять среднее, заставляетъ многихъ думать о высшемъ. Англія, Пруссія, сама Россія даютъ многіе примѣры исправленіямъ безъ сломки стараго зданія. 4) Губернское устройство лучше выдумать нельзя, какъ оно есть; ибо Екатерина II руководствовалась примѣромъ лучше устроенныхъ монархій. Недостатки сего учрежденія происходятъ не отъ первоначальныхъ ошибокъ, а отъ того, что не рѣшились благовременно приступить къ тѣмъ починкамъ, кои въ каждомъ зданіи по временамъ необходимы, но сіи исправленія не трудны, не требуютъ коренной переломки или вставленія новыхъ колесъ, а еще менѣе совершенной перемѣны духа сего управленія. Главные недостатки онаго нынѣ, кажется, суть: обезсиленіе мѣстной власти; излишество мертвыхъ формъ; недостатокъ постепенности въ исполненіи и отвѣтственности; множество безплодной переписки, дѣлъ, вѣдомостей, справокъ, наиболѣе утомительныхъ и столь огромныхъ, что ихъ читать нельзя; полицейское утѣсненіе общежитія; недостатокъ способовъ сношеній правительства съ публикою; нѣкоторыя неудобства въ порядкѣ дворянскихъ выборовъ; множество худооплаченныхъ чиновниковъ; недостатки общаго нашего законодательства; разные матеріальные недостатки, требующіе

перемѣны. Исправленіе сихъ недостатковъ, по моему мнѣнію, можетъ быть сдѣлано постепенно; крутая переформировка будетъ сопровождаема большими потрясеніями и остановками. Извѣстно, что стоило первоначальное введеніе губернскаго учрежденія, даже исподволь».

Послѣ этого «предварительнаго разсужденія», Канкринъ изложилъ «соображенія о проектѣ новаго губернскаго учрежденія и въ заключеніе говорилъ, что по его мнѣнію можно было бы предпринять слѣдующее:

1) Не издавать новое учрежденіе о губерніяхъ и исправить недостатки нынѣшняго постепенно, примѣрно, на основаніи слѣдующихъ пунктовъ:

2) Для Губернскихъ правленій издать положеніе о производствѣ дѣлъ, въ коемъ, подобно представленному положенію для Казенныхъ Палатъ, сократить дѣлопроизводство, формы и журналы и даже, еще болѣе, распредѣлить дѣло твердо между Совѣтниками и столами, усилить власть Экспедицій (отдѣленій) и пр.

3) По каждому министерству дѣлать разсмотрѣніе о сокращеніи дѣлъ въ отношеніи къ губерніямъ и въ нихъ самихъ.

4) Постепенно улучшить содержаніе чиновниковъ.

5) Ввести губернскія газеты.

6) Распредѣлить засѣдателей земской полиціи по кварталамъ уѣздовъ и облегчить порядокъ производства дѣлъ въ Земскихъ Судахъ.

7) Дать дворянскимъ выборамъ такое устройство, чтобы Уѣздные Судьи и чиновники земской полиціи не такъ часто мѣнялись.

8) Назначить подробнѣе случаи, въ коихъ дѣла должны поступать на разсмотрѣніе Совѣта предсѣдателей въ губерніи».

Свое возраженіе на замѣчанія Канкрина, Сперанскій начиналъ словами: «Первая мысль, встрѣчающаяся при чтеніи замѣчаній министра финансовъ, есть та, что они относятся къ какому либо другому проекту учрежденія, а не къ тому, которое было составлено въ комитетѣ.

«Примѣчанія его предполагаютъ такое устройство губернскихъ дѣлъ, коему нельзя почти найти примѣра ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ, и которое не только въ Россіи представляло

бы сущую нелѣпость, но было-бы несовмѣстно даже и въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ.

«Черта первая въ его проектѣ есть какое-то, такъ имъ называемое, островное или федеративное устройство. Въ проектѣ Комитета просто принято то самое устройство, какое нынѣ существуетъ, и т. д. [1])».

Эта раздраженная реплика Сперанскаго была, кажется, единственнымъ случаемъ столкновенія между нимъ и Канкринымъ, который, хотя называлъ Сперанскаго «старымъ иппокритомъ», тѣмъ не менѣе его уваженіе къ Сперанскому выражалось тѣмъ, что онъ не принималъ существенныхъ мѣръ безъ его совѣта или замѣчаній.

Однако, приведенныя соображенія Канкрина говорятъ о томъ, что онъ обладалъ дѣйствительною государственною мудростью и что у него между словомъ и дѣломъ разлада не существовало.

Особенно важна заслуга Е. Ф. Канкрина въ томъ отношеніи что онъ въ первые же годы по вступленіи своемъ въ управленіе Министерствомъ финансовъ приступилъ къ образованію военнаго фонда, а къ 1825 году фондъ этотъ стоялъ уже изъ 120 милліоновъ рублей [2]).

Насколько необходимо такое первоначальное обезпеченіе для войны, заключающееся въ неприконсновенномъ металлическомъ фондѣ, тому доказательствомъ служитъ Германія, которая теперь располагаетъ 120 милл. военнымъ фондомъ, а Австро-Венгрія прилагаетъ старанія къ образованію у себя такого фонда.

Современный нѣмецкій ученый финансистъ А. Вагнеръ полагаетъ что въ настоящее время даже государственный кредитъ не достаточное орудіе для веденія войнъ въ современмомъ масштабѣ, и въ помощь ему считаетъ необходимымъ ввести въ систему финансовъ, какъ постоянный элементъ, военный фондъ изъ достаточнаго запаса денегъ въ полноцѣнной монетѣ (Kriegs Staatsschatz) въ связи съ системого чрезвычайныхъ или военныхъ налоговъ.

Г. Ходскій, приводя это мнѣніе въ своемъ сочиненіи «Государственное хозяйство» замѣчаетъ: «Не отрицая пользы для финансо-

---

[1]) «Матеріалы, собранные для комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій» 1870 г. часть I.

[2]) «Военная Администрація» соч. профессора Ѳ. Макшеева, выпускъ III, стр. 31.

ваго хозяйства въ существованіи нѣкоторыхъ запасовъ или удобныхъ рессурсовъ для покрытія чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ нуждъ, нельзя не считать это выдвиганіе военныхъ фондовъ и военныхъ налоговъ уклоненіемъ съ почвы науки въ сферу поощренія низменныхъ инстинктовъ современнаго нѣмецкаго шовинизма». Но эту тираду профессоръ Ѳ. Макшеевъ уничтожаетъ, говоря: «Едва ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ, ибо безплодна та наука, которая, облекшись въ тогу либеральной доктрины, отворачивается отъ запросовъ жизни потому, что они не согласуются съ этой доктриной».

И въ подтвержденіе того, какое неблагопріятное вліяніе имѣетъ отсутствіе звонкой монеты въ распоряженіи Главнокомандующаго арміей, приводитъ примѣръ изъ исторіи нашей послѣдней войны съ Турціею: «Настоятельныя ходатайства Великаго Князя Главнокомандующаго объ отпускѣ въ его распоряженіе звонкой монеты не признавалось возможнымъ исполнить до 29-го марта, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ 2 милл. руб. золотомъ; до тѣхъ поръ Главное Полевое Казначейство располагало звонкою монетою всего лишь въ количествѣ 50 тыс. руб. золотомъ и 200 тыс. руб. серебромъ. Отсутствіе необходимыхъ денежныхъ въ распоряженіи Главнокомандующаго было причиною передачи продовольствія арміи, на весьма невыгодныхъ и для нея, и для государственной казны условіяхъ, частному товариществу, располагавшему большими денежными средствами. Мало того, что продовольствіе арміи было передану этому товариществу на время прохода нашихъ войскъ черезъ Румынію; ему же вслѣдъ затѣмъ, на тѣхъ же невыгодныхъ условіяхъ, было передано продовольствіе арміи за границею въ теченіе всей кампаній [1]).

Какъ важно также, чтобы учрежденіе, производящее государственныя кредитныя операціи, находились вполнѣ въ рукахъ правительства, профессоръ Макшеевъ указываетъ на Францію, въ которой выпускъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ предоставленъ акціонерному банку (Banque de France). «Когда Гамбета во вторую половину кампаніи 1870—71 г. г. велъ упорную борбу съ непріятель-

---

[1]) А. Поливановъ «Очеркъ устройства продовольствованія русской арміи на придунайскомъ театрѣ въ кампаніи 1853—54 и 1877 гг.» Спб. 1894 г.

скими арміями, онъ обратился къ банку за ссудою необходимыхъ для обороны средствъ, на что банкъ отвѣтилъ сначала рѣшительнымъ отказомъ; пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, но дѣло затянулось и, когда банкъ наконецъ согласился, Парижъ уже сдался на капитуляцію».

Сдѣланныхъ нами выписокъ онъ изъ труда авторитетнаго профессора военнаго хозяйства, кажется, довольно, чтобы заслуга Е. Ф. Канкрина въ дѣлѣ созданія военнаго фонда была очевидна и понятна вполнѣ читателю. Это дѣло Канкрина было величайшей важности и онъ во многомъ дѣйствительно «*способствовалъ великому кормчему Россіи провести ее невредиму чрезъ тѣ грозныя бѣдствія и испытанія, о которыя сокрушился бы умъ обыкновенный*», какъ пишетъ баронъ М. А. Корфъ, въ «запискахъ» своихъ [1]).

Еще бо́льшаго вниманія заслуживаютъ мысли о финансахъ Канкрина, которыя онъ подробно изложилъ Императору Николаю I, въ одномъ изъ своихъ обзоровъ, именно, за 1826 годъ.

«Главныя черты нынѣ принятой финансовой системы, писалъ Канкринъ, основаны на томъ простомъ правилѣ, что народъ ежегодно долженъ собрать обыкновенными способами то, что̀ потребно на содержаніе государства; но что потребности сіи должны быть умѣряемы до такой степени, чтобы платежи не служили къ излишнему отягощенію, а еще менѣе—къ обѣдненію народа. Извлеченныя изъ сего частныя правила суть:

«1) Изворачиваться естественными доходами государства, а потому избѣгать новыхъ займовъ, особливо заграничныхъ, а еще болѣе гибельнѣйшаго умноженія массы ассигнацій, равно, по мѣрѣ возможности, и новыхъ налоговъ; сохранять тщательно государственный кредитъ, но безъ излишнихъ пожертвованій.

«2) Дѣлать всевозможныя облегченія въ повинностяхъ, улучшить существующіе источники доходовъ и пріостановить упадокъ другихъ.

«3) Усилить всѣми способами внутреннюю и внѣшнюю торговлю, фабрики и всѣ вообще вѣтви народной производительности, по скольку сіе послѣднее зависитъ отъ министерства финансовъ, ибо министерство финансовъ упустило бы самое высшее свое занятіе

---

[1]) «Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ.» т. 98 стр. 140.

если-бы, ограничиваясь пользованіемъ обыкновенными плодами народной дѣятельности, на часть государства причитающагося, не думало объ умноженіи самыхъ источниковъ общаго богатства».

«4) Уменьшить по мѣрѣ возможности злоупотребленія по всѣмъ частямъ, сократить число чиновниковъ и улучшить ихъ состояніе,— дать дѣламъ живѣйшій ходъ и очистить огромную массу оставшихся дѣлъ прежняго времени».

«5) Улучшить отчетность, отвратить похищенія казенныхъ суммъ и уменьшить число излишнихъ вѣдомостей».

«6) Дать поступающимъ суммамъ скорѣйшее движеніе, отвратить излишнія ихъ накопленія и ввести твердую систему ассигновокъ изъ казенныхъ палатъ, для выигранія того времени, въ которое суммы находятся праздно въ пересылкахъ».

«7) По отдаленному положенію Россіи отъ кредитныхъ источниковъ прочей Европы, имѣть запасный капиталъ на случай войны. Хотя праздное лежаніе таковаго капитала имѣетъ важныя неудобства, однако оно почтено необходимымъ, ибо сдѣланіе выгоднаго займа въ Россіи требуетъ болѣе времени, нежели гдѣ либо; назначеніе и поступленіе особыхъ военныхъ налоговъ также требовало бы времени, слѣдовательно безъ запаснаго капитала, съ самаго начала войны, должно бы приступить къ новымъ выпускамъ ассигнацій, т. е. къ мѣрѣ гибельной для самаго корня народнаго благосостоянія».

«8) Улучшить положеніе и управленіе казенныхъ крестьянъ; разселить исподволь великое число малоземельныхъ, по мѣрѣ остающихся земель; исправить самое у нихъ хлѣбопашество и распространить разные между ними промыслы».

«9) Поставить на лучшую ногу важныя части: горную и лѣсную, улучшить солдатскія сукна и пр.»

Въ заключеніе своей программы Е. Ф. Канкринъ замѣчалъ: «обширность министерства финансовъ, на коемъ лежитъ еще почти вся тягость дѣлъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, требуетъ большихъ усилій. Но сему воспособить нельзя, ибо если-бы сіе министерство потеряло единство распорядителя и совокупность мѣръ и рессурсовъ, то въ скоромъ времени прервались бы связи и успѣхи, а дѣла и междоусобная переписка еще болѣе бы умножились».

Эта прекрасная программа Канкрина долгіе годы оставалась мертвой буквой и встрѣчала на своемъ пути массу затрудненій, устраненіе коихъ лежало внѣ средствъ и силъ министра финансовъ.

«Изъ программы этой однако видно, говоритъ И. Бліохъ, авторъ книги «Финансы Россіи XIX вѣка», что Канкринъ превосходно зналъ всѣ слабыя стороны своего учрежденія, зналъ не только тогдашнія экономическія болѣзни, но и средства къ ихъ излеченію. Не его вина, если программа не находила примѣненія, если борьба съ установившимися порядками не всегда кончалась желательными результатами».

Дѣйствительно бюрократія, какъ цѣльная система, никогда не царствовала такъ сильно, какъ при Николаѣ I и Государь однажды, въ моментъ откровенности, промолвилъ, что: «Россіею управляютъ столоначальники», и несмотря на свои стремленія къ возстановленію и поддержанію порядка въ финансахъ ему достичь этого не удавалось.

Между тѣмъ съ вступленіемъ на престолъ Николая I, Канкринъ развернулъ всѣ свои силы и способности, проложилъ министерству финансовъ новый путь, и создалъ новое и болѣе правильное положеніе для государственнаго хозяйства.

Такъ, въ 1826 г. Канкринъ подалъ Императору Николаю I записку: «О разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода», въ которой «со всевозможнымъ безпристрастіемъ», объяснялъ выгоды и невыгоды каждой изъ этихъ системъ. Разборъ свой Канкринъ начиналъ съ существовавшей тогда системы казеннаго управленія:

«Казенное управленіе было введено въ 1819 г. наиболѣе по замѣченнымъ тогда неудобствамъ откуповъ и для усиленія дохода; но казенное управленіе впослѣдствіи показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по сей части обращаются непосредственно въ упрекъ правительству, сословіе чиновниковъ развращается, а публика приписываетъ нынѣшнее затруднительное время и дешевизну хлѣба отмѣнѣ откуповъ».

Далѣе Канкринъ признаетъ, что вообще слѣдуетъ желать уменьшенія въ народѣ пьянства (до одной чарки въ день), но затѣмъ онъ переходитъ на сторону откуповъ, говоря:

«Противъ откуповъ наиболѣе возродились возраженія, по причинѣ трудныхъ разсчетовъ, возникшихъ послѣ 1812 г. Откупщиковъ называли властью въ государствѣ; случались жалобы и

безпорядки; казна, хотя приняла попеченія отвращать оныя бдительнымъ надзоромъ, но не всегда въ томъ успѣвала. Нынѣ публика полагаетъ, что возобновленіемъ откуповъ оживилась-бы внутренняя промышленность; многіе могли-бы поправить разстроенное свое состояніе законнымъ образомъ; корчемство уменьшилось бы надзоромъ откупщиковъ; вредный классъ винопродавцевъ, поглощающій вмѣстѣ съ чиновниками вѣроятно до 24.000.000 рублей въ годъ, уничтожился-бы, тогда какъ прибытки откупщиковъ всегда были бы умѣреннѣе, и доставались въ руки, могущія употребить капиталы свои съ лучшею пользою».

При этомъ Канкринъ замѣчалъ, что откупа выгодны, когда народное благосостояніе находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ данный моментъ, а если оно еще ухудшится, то можно опасаться, что откупщики будутъ неисправны. Канкринъ признавалъ также, что болѣе всего было бы желательно «замѣнить питейный сборъ другими налогами, но *ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать столько, сколько даетъ казнѣ питейный доходъ,* а увеличеніе существующихъ налоговъ можетъ вызвать большія неудовольствія. Между тѣмъ, казенная винная монополія, при всей своей неблаговидности, имѣетъ ту важную выгоду, что, при весьма умѣренномъ числѣ существующихъ питейныхъ домовъ (10.000) дороговизна напитковъ уменьшаетъ въ массѣ пьянство» [1]).

Переходя затѣмъ къ акцизу, Канкринъ пишетъ, что: «Слово акцизъ, на первый взглядъ имѣетъ нѣчто привлекательное; но, разсматривая въ подробности существо и послѣдствія акциза, каковаго у насъ почти вовсе не существуетъ, нельзя легко рѣшиться на введеніе онаго. Извѣстно, что̀ значитъ акцизъ (excise) въ Англіи соединенныя пошлины (droits réunies) во Франціи, бывшій въ Пруссіи акцизъ и подобныя же финансовыя учрежденія въ другихъ земляхъ: они почитаются величайшимъ, но неизбѣжнымъ зломъ; и, къ сожалѣнію сказать должно, что финансы вообще и вездѣ не малою частью основаны на такихъ доходахъ, кои въ существѣ своемъ тягостны, неблаговидны и сопряжены съ непріятнымъ фискальствомъ, коимъ бы лучше не быть, но безъ коихъ нельзя обходиться, при необходимости столь огромныхъ расходовъ,

[1]) Сбор. свѣдѣній по вѣдомству министерства финансовъ, 1866 г. т. I кн. 2.

коихъ нынѣ требуетъ существованіе государствъ. Таково несовершенство дѣлъ человѣческихъ» [1]).

Въ случаѣ введенія акциза, Канкринъ считалъ необходимымъ: «учредить повсемѣстно вольную продажу вина, оставить этотъ промыселъ совершенно свободнымъ и неограниченнымъ, безъ чего не можетъ быть акциза, и учредить казенное акцизное управленіе». Но акцизъ, по его мнѣнію, долженъ былъ заставить большую часть помѣщиковъ искать главнаго дохода въ шинкарствѣ; породить «всеобщее пьянство»; не дать такого дохода, какой дастъ монополія; потребовать слишкомъ подробныхъ правилъ и бдительнаго надзора противъ корчемства, что заставило бы примѣнить акцизъ и для привилегированныхъ губерній; заставить дѣлать снисхожденія для дворянства; возбудить ненависть въ послѣднемъ, служа для обогащенія чиновниковъ, и, не давъ помѣщикамъ возможности поправить свое состояніе, на что они надѣются при введеніи откуповъ, наконецъ, потребуетъ сравнять въ этой повинности всѣхъ, что невозможно при существующихъ мѣстныхъ привилегіяхъ».

Отдавая, такимъ образомъ, предпочтеніе откупамъ предъ казеннымъ управленіемъ, Канкринъ оговаривался, что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало-бы составить особый комитетъ, «и тогда сверхъ сей записки, внесъ-бы онъ и дальнѣйшія подробности на счетъ откуповъ, кои нужны для окончательнаго заключенія».

---

[1]) Интересна записка адмирала Мордвинова «о средствахъ противъ неумѣреннаго употребленія въ народѣ вина», которая представляла собою возраженіе на записку неизвѣстнаго лица о томъ же предметѣ, написанную въ началѣ 1800 г., авторъ которой предлагалъ удвоить цѣну на вино, не отдавая продажи его на откупъ, а продавая вино отъ казны въ особыхъ лавкахъ, гдѣ пить и оставаться не позволять. На записку Мордвинова (напечатанную въ «Сбор. свѣдѣній по м-ву финансовъ» за 1865. Т. I № 3 стр. 333) гр. Канкринъ дѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

«Кромѣ разныхъ благонамѣренныхъ желаній, исполненіе коихъ едва-ли зависитъ отъ Правительства, существенные предметы возраженія адмирала Мордвинова суть:

1) Опроверженіе проекта неизвѣстнаго, которое, безъ сомнѣнія, справедливо.

2) Жалобы на откупщиковъ, кои также частью могутъ быть признаны справедливыми, но превышаются неудобствами казеннаго управленія.

Идея [1]) Канкрина восторжествовала и съ 1-го января 1827 г. откупа были введены и, съ тѣхъ поръ постоянно утверждались на каждые четыре года впередъ.

Въ 1834 г., именно 11-го ноября, изданъ былъ указъ о введеніи въ Закавказскомъ краѣ единообразной системы питейныхъ сборовъ и объ учрежденіи особаго акцизнаго управленія [2]).

Самое сильное увеличеніе доходовъ произошло по откупной части. «Что бы ни говорили рьяные поклонники графа Канкрина въ его защиту, писалъ Муравьевъ [3]) по случаю введенія откупной системы, вполнѣ оправдать его съ этой стороны невозможно. Обыкновенно говорятъ, что откупа принесли менѣе зла, нежели сколько его приносила прежняя система казеннаго управленія, когда сборъ за вино уменьшался ежегодно; такъ что въ 1819 году онъ равнялся 19 мил., а въ 1823 году понизился до 11 мил.; что кромѣ

---

3) Разрѣшеніе вольной продажи вина по всей Россіи, однако, при возобновленіи откуповъ мѣра сія признана вредною и опасною, ибо тогда Великая Россія придетъ въ то положеніе, какъ Малороссія и другія привилегированныя губерніи, гдѣ помѣщики отыскиваютъ доходы свои наиболѣе отъ шинкарства слѣдовательно пьянство умножится.

4) Въ ограниченіи числа кабаковъ; сіе противуположно системѣ вольной продажи и исполнено быть бы не могло.

5) О вольности крестьянъ! Министръ Финансовъ здѣсь не считаетъ нужнымъ распространяться о семъ предметѣ.

Впрочемъ пьянство, смягченіе нравовъ, употребленіемъ пива, чая и другими причинами дѣйствительно постепенно уменьшается».

[1]) Онъ еще лѣтомъ хлопоталъ уже о торгахъ, что видно изъ сохранившейся собственноручной его записки имѣющейся въ Публичной Библіотекѣ: «Покорно прошу Ваше Превосх. озаботиться на счетъ предстоящихъ откуповъ. Надобно разсмотрѣть возраженія, какія подадутъ откупщики на кондиціи, согласить сіи кондиціи, представить въ Комитетъ Министровъ и пр. Я объяснялся съ г. оберъ-прокуроромъ Журавлевымъ, ему ходъ сего дѣла еще неизвѣстенъ и есть-ли съ нашей стороны не будетъ побужденъ, то дѣло не пойдетъ. Г. Журавлевъ говорилъ мнѣ, что явились еще 5 желающихъ, а всего есть 12. 6-го Іюня назначили начало торговъ. 14-го Іюня 1826 г.»

[2]) Коллеж. сов. Завелейскій, бывшій впослѣдствіи грузинскимъ губернаторомъ, отстоялъ передъ Канкринымъ недопущеніе въ Закавказскомъ краѣ виннаго откупа, замѣненнаго акцизомъ по имъ предложенной системѣ. (См. т. III, стр. 333, соч. Щербатова: «Князь Паскевичъ».

[3]) Статья его. «Графъ Канкринъ и его финансовая система, по отношенію къ нашему времени». «Отеч. записк.» 1865 г., іюльская книжка.

того тогда значительно усилилось продажничество и взяточничество чиновниковъ. Къ этому нѣкоторые еще прибавляли, что откупа, по ихъ мнѣнію, имѣли и то значеніе, что соперничество откупщиковъ показало намъ, до какого размѣра налогъ на вино можетъ достигнуть. На все это ссылается и самъ Канкринъ въ своемъ отчетѣ. На это можно отвѣчать, что ничто не мѣшало графу Канкрину тогда перейдти къ акцизному сбору налога на вино; а мѣру причиненнаго откупами вреда трудно и опредѣлить въ настоящее время, потому что нельзя вычислить, сколько именно высосано ими изъ народа его кровныхъ денегъ, которыя отчасти были растрачены совершенно непроизводительно, а отчасти сосредоточились въ рукахъ очень немногихъ спекулянтовъ. Кромѣ того, удивительно, какъ графъ Канкринъ, понимавшій очень хорошо значеніе капиталовъ для народной промышленности и заботившійся о развитіи у насъ промышленности и земледѣлія, не разсчиталъ, что посредствомъ нихъ будутъ отвлечены значительныя массы отъ производительнаго употребленія. Отъ этого употребленія были отвлекаемы капиталы не только посредствомъ откуповъ, но и посредствомъ чрезвычайныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгалъ графъ Канкринъ для покрытія дефицитовъ въ бюджетѣ», о которыхъ подробно будетъ сказано нами ниже.

Говоря объ откупахъ интересно привести слѣдующую выборку за 1833 г. изъ «Сравнительной табели великороссійскихъ губ., съ вычисленіемъ, сколько, среднимъ числомъ, съ каждой ревизской души, тратилось денегъ на покупку вина, и сколько изъ нихъ поступало въ казну» [1]).

	Душъ мужск. пола.	Откупная сумма.	Число кабак.	Выставокъ.	Продано на сумму.	Сколько прих. съ души.
С.-Петербургская.	287.516	10.455.400	343	51	15.434.049	57,60
		36,40				
Московская. . .	611.231	10.172.150	458	295	14.282.258	23,30
		16,55				
Орловская . . .	680.994	4.922.200	644	148	7.389.732	10,80
		7,20				

[1]) «Матер. для статистики Рос. Имперіи» 1841 г. статья С. Корсакова.

	Душъ мужск. пола.	Откупная сумма.	Число кабак.	Выставокъ.	Продано на сумму.	Сколько прих. съ души.
Курская. . . .	770.321	4.667.600 6,5	1.004	313	7.167.816	9,30
Тамбовская. . .	783.583	4.175.400 5,50	553	285	5.511.398	7,05
Тульская . . .	562.651	4.065.900 7,25	365	188	5.644.071	10,05
Саратовская . .	775.404	4.030.000 5,20	316	68	5.642.660	7,25
Воронежская . .	723.831	3.913.100 5,40	641	202	5.473.281	7,55
Пермская . . .	714.462	3.900.600 5,45	428	323	6.687.570	9,30
Рязанская . . .	615.203	3.571.400 5,80	267	207	4.248.828	6,85
Оренбург. съ землею уральск. в.	857.880	3.155.500 3,70	314	31	4.267.094	4,95
Нижегородская .	512.964	2.883.200 5.60	553	285	5.511.398	7,05
Тверская. . . .	623.016	2.829.300 4,55	354	195	4.470.472	7,15
Ярославская . .	418.346	2.825.800 6,75	274	187	5.058.390	9,75
Калужская. . .	455.404	2.727.000 6	291	209	3.740.960	8,20
Владимірская . .	535.700	2.705.700 5,5	337	404	3.772.179	7,05
Вятская. . . .	724.202	2.389.400 5,30	314	31	4.267.094	4,95
Казанская . . .	588.921	2.295.200 3,90	326	69	3.316.451	5,65
Костромская . .	460.684	2.207.400 4,75	198	330	3.012.193	6,55
Симбирская. . .	586.196	2.137.400 3,65	285	136	3.154.138	5,40
Смоленская. . .	517.546	2.094.900 4,5	434	248	3.150.411	6,00
Новгородская . .	339.016	2.082.200 3,05	253	234	1.593.311	4,50
Пензенская. . .	491.726	1.974.700 4	354	125	2.548.009	5,15

	Душъ мужск. пола	Откупная сумма.	Число кабак.	Выставокъ.	Продано на сумму.	Сколько прих. съ души.
Псковская . . .	348.171	1.369.400	491	415	1.811.198	5,20
		2,95				
Вологодская . .	355.416	1.089.400	253	234	1.593.311	4,50
		3,05				
Астраханская . .	160.639	971.700	68	6	1.320.567	8,20
		6,5				
Архангельская. .	102.874	619.500	193	17	1.092.995	10,20
		5,85				
Олонецкая . . .	114.603	327.400	170	16	601.625	5,25
		2,85				

Наконецъ надо еще сказать о «Комитетѣ 1842 г. объ устройстѣ питейныхъ сборовъ», о которомъ баронъ М. А Корфъ [1]) разсказываетъ слѣдующее:

«Въ 1841 году представленъ былъ Государю статсъ-секретаремъ Позеномъ «Обзоръ финансоваго управленія Россіи». Въ немъ заключалось подробное разсмотрѣніе всѣхъ источниковъ и отраслей государственныхъ нашихъ доходовъ и разныя предложенія къ возвышенію ихъ. Этотъ «Обзоръ», котораго авторъ не подписался и не назвался, но тотчасъ, однакоже же, сдѣлался извѣстенъ въ высшемъ административномъ кругу, поручено было разсмотрѣть особому Комитету подъ предсѣдательствомъ графа Левашова [2]). Здѣсь болѣе всего обратили вниманіе на предложенное Позеномъ новое устройство *системы питейныхъ сборовъ*, и для соображенія этого важнаго и совершенно техническаго вопроса признали нужнымъ составить еще другой, также особый Комитетъ, изъ людей съ спеціальными свѣдѣніями. Членами въ этотъ второй Комитетъ были избраны, по волѣ Государя, подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова, князь Любецкій и нѣсколько высшихъ чиновниковъ подлежащихъ вѣдомствъ. Главнѣйшія предположенія, представленныя впослѣдствіи симъ Комитетомъ, относились: 1) къ заготовленію вина для откуповъ,—которое, въ то время, раздѣлялось между казною (9 мил. ведеръ) и откупщиками,—впредь *всего вообще* непо-

---

[1]) «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.» Т. 98, стр. 169.

[2]) Въ актахъ этого Комитета, равно какъ и при всѣхъ послѣдующихъ сужденіяхъ записка Позена получила офиціальное названіе «записки неизвѣстнаго». М. Корфъ.

средственно отъ казны, и 2) къ замѣну откупной системы особою операціею régie intéressée, или. какъ это тогда перевели, *интересованнымъ управленіемъ.* Первая мѣра выставлялась необходимою для контроля за питейнымъ сборомъ и, вмѣстѣ, для пользы сельскаго хозяйства, въ томъ смыслѣ, что казна будетъ заготовлять хлѣбъ на вино при обильныхъ урожаяхъ, противодѣйствуя черезъ то излишнему упадку цѣнъ, а въ неурожай эти запасы обращать на винокуреніе, устраняя симъ необходимость извлекать хлѣбъ, нужный тогда для народнаго продовольствія. Вторая мѣра—*интересованное управленіе*—предустроивалась на совсѣмъ новыхъ началахъ. Взяли въ основу доходъ отъ питейныхъ сборовъ за послѣдній передъ учрежденіемъ казеннаго управленія годъ (1819) и тогдашнее населеніе Россіи и разочтя, сколькимъ, по соразмѣрности съ увеличившимся населеніемъ, доходъ долженъ быть выше въ 1842 году, полагали вмѣнить интересованному управленію въ обязанность платить впредь казнѣ ту сумму, какая выходила по этой соразмѣрности, съ тѣмъ, что если на самомъ дѣлѣ выручится *менѣе,* то убытки несло бы одно интересованное управленіе, а если *болѣе,* то въ прибыляхъ оно дѣлилось бы съ казною. Для обсужденія какихъ это потребуетъ, перемѣнъ въ откупныхъ условіяхъ, предоставлялось Министру Финансовъ пригласить нѣсколькихъ откупщиковъ и другихъ знающихъ людей, обдумавъ съ ними же и средства отдачи питейныхъ сборовъ, раздробительно, въ обезпеченную администрацію, безъ публичныхъ торговъ.

«Но пока продолжались всѣ сіи соображенія, наступилъ февраль 1842 года, а въ іюнѣ должны были открыться торги на новое откупное четырехлѣтіе, начинавшееся съ января 1843 года. Этимъ дано было Министру Финансовъ главное оружіе къ опроверженію всего проекта, который не могъ не возбудить живѣйшей съ его стороны оппозиціи уже по тому одному, что былъ придуманъ и составленъ — не имъ, а другими. Графъ Канкринъ въ бумагѣ сильно написанной, представилъ весь планъ совершенно несбыточнымъ, нѣкоторымъ образомъ даже и смѣшнымъ. Противъ принятія заготовки *всего* вина на казну главное возраженіе его, исключавшее уже, конечно, надобность во всякомъ другомъ было, что нѣтъ нужнаго на такую операцію оборотнаго капитала. Противъ учрежденія интересованнаго управленія достаточнымъ опровер-

женіемъ представилась ему—достаточнымъ по крайней мѣрѣ для опущенія дѣла *въ длинный ящикъ*—упомянутая выше краткость времени, остававшагося до торговъ. «Еслибъ и оказывалось возможнымъ согласиться на новую систему по другимъ отношеніямъ,—писалъ Министръ—то одно уже это обстоятельство устраняетъ всякую возможность помышлять о приложеніи оной къ наступающему четырехлѣтію».

Вопросъ казался, однако, слишкомъ многозначительнымъ чтобы принять или отвергнуть проектъ безъ ближайшаго его соображенія. Дѣло шло о четвертой почти части нашего государственнаго дохода и потому планъ Комитета и возраженія Канкрина, Государь велѣлъ подвергнуть размотрѣнію Комитета Министровъ, гдѣ всегда сосредоточиваются важнѣйшія распоряженія по откупной части. Когда журналъ Комитета Министровъ дошелъ до Государя, онъ отослалъ его къ кн. Васильчикову (предсѣдателю Госуд. Совѣта), при такой запискѣ:

> *«Прочитавъ и утвердивъ журналъ Комитета Министровъ, нахожу, однако, нужнымъ собрать нашъ секретный финансовый Комитетъ* [1]) *для взаимнаго вновь пересмотра 1—10 статей, ибо мнѣніе князя Меншикова столь убѣдительно, что мнѣ желательно слышать подробное на оное возраженіе министра финансовъ. Предлагаю собрати завтра (4-го февраля) у моего сына, въ 8 часовъ вечера».*

Въ засѣданіи этого Комитета, по словамъ Корфа:

«Государь на всѣ изъясненія членовъ подавалъ знаки согласія наклоненіемъ головы, а послѣ, самъ опять принявъ слово, возражалъ Канкрину главнѣйше тѣмъ, что если казна выигрываетъ на заготовляемыхъ ею 9 мил. ведеръ, то лучше ей-же, чѣмъ откупщикамъ предоставить прибыль и со всего остальнаго количества; монополія же, когда она въ рукахъ правительства, не можетъ быть вредною, потому что отъ него самаго всегда зависитъ отвратить ея дурныя послѣдствія. Затѣмъ, обозрѣвая способы къ допущенію участвовать въ поставкахъ вина всѣхъ заводчиковъ, не исключая и мелкихъ, Государь изъяснялся, что для сего полезно будетъ назначить

---

[1]) Объ этомъ комитетѣ подробно будетъ сказано ниже.

торги особо въ пяти или шести пунктахъ, съ командированіемъ на мѣста довѣренныхъ высшихъ чиновниковъ. «Вотъ, напримѣръ— продолжалъ онъ, обратясь къ Канкрину—въ Петербургѣ при торгахъ ты самъ будешь предсѣдательствовать, въ Москву мы пошлемъ Вронченко, и такъ далѣе». Канкринъ нѣсколько разъ снова принимался, говорить: но Государь постоянно останавливалъ его замѣчаніемъ, что требуетъ *убѣжденій*, а *не словъ* и, наконецъ, заключилъ такъ: «Изъ всѣхъ возраженій твоихъ, любезный Егоръ Францевичъ я принимаю только одно, именно, что *нѣтъ денегъ;* но и на это имѣю отвѣтъ: я дамъ ихъ тебѣ, сколько нужно, изъ военнаго капитала и надѣюсь, что этимъ все кончено». Канкринъ поклонился и уже пересталъ поддерживать говоренное имъ прежде, самъ обратился къ подробностямъ исполненія предложенной новой идеи. Государь искусно этимъ воспользовался. Протянувъ руку Канкрину, сидѣвшему отъ него черезъ человѣка, онъ сказалъ: «Ну, такъ, слава Богу, дѣло улажено: благодарю тебя искренно, любезный графъ, что ты уступилъ и согласился съ нами, и не сомнѣваюсь, что при твоемъ усердіи все пойдетъ къ лучшему».—«Государь Императоръ— отвѣчалъ Канкринъ, вкладывая свою руку въ Государеву и какъ бы морщась—я не согласился и не убѣжденъ, а только готовъ, какъ всегда, исполнить вашу волю».—«Ну, пожалуй, все равно» возразилъ Государь шуточнымъ тономъ — «исполняй хоть просто мою волю, да дѣло уже въ шляпѣ: на будущее четырехлѣтіе мы всю пропорцію вина заготовимъ отъ казны и къ исполненію этого ты представишь въ Комитетъ Министровъ подробныя свои предположенія, въ которыхъ постараешься, сколько можно оградить и обезпечить мелкихъ заводчиковъ, а деньги даю тебѣ я. Дѣло этимъ завершено и ты (обратясь къ Васильчикову) объявишь соотвѣтственно тому мое приказаніе Комитету Министровъ, въ разрѣшеніе вашего разногласія. Теперь перейдемъ ко второму вопросу, sur la régie intéressée, или, какъ вы ее назвали, интересованное управленіе—переводъ, который, признаться, мнѣ не очень нравится». Этотъ второй вопросъ не былъ, впрочемъ, подвергнутъ въ Комитетѣ никакому дальнѣйшему обсужденію. Члены остались неспрошенными объ ихъ мнѣніяхъ. Государь, самъ и одинъ, отозвался, что за близостью срока, уже не время думать о введеніи новой системы на наступающее четырехлѣтіе и вопросъ столь важный должно

обдумать и разрѣшить исподволь, оставшись до тѣхъ поръ, уже по необходимости при прежнихъ откупахъ по торгамъ. Такимъ образомъ утверждено было, въ существѣ, общее заключеніе Комитета Министровъ, и особое мнѣніе Меншикова устранено, или, по крайней мѣрѣ, отсрочено».

Въ 1843 г. оборотный расходъ на заготовленіе вина для откуповъ отъ казны, по словомъ отчета Канкрина за 20 лѣтъ его управленія, простирался до 18.134.752 руб. 83 коп.

В. А. Кокоревъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ [1]), разбирая акцизную систему, писалъ: «Всѣ вышеизложенныя соображенія заключимъ знаменательными словами Канкрина, сказанными въ сороковыхъ годахъ: «Меня упрекаютъ, говорилъ онъ, за то, что сѣвернымъ винокурамъ я прибавлю нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ противъ цѣнъ, назначаемыхъ заводчикамъ черноземной полосы. Это говоритъ незнаніе дѣла: вѣдь я дѣлаю прибавку не заводчикамъ, а землѣ, чтобы не оставить ея безъ удобренія, а иначе содержаніе массы нищихъ будетъ стоить гораздо дороже этой прибавки».—«Нынѣ наступила пора, замѣчалъ Кокоревъ, доказавающая государственную дальнозоркость Е. Ф. Канкрина».

Подъ вліяніемъ финансоваго начала Е. Ф. Канкринымъ изданы были въ началѣ царствованія Николая I, два, касающихся сельскихъ общинъ, закона: а) о примѣненіи порядка управленія удѣльными крестьянами къ казеннымъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской и Псковской 1826 г. и б) положеніе 1833 г. о взысканіи съ государственныхъ крестьянъ податей и недоимокъ. Первое распоряженіе было сдѣлано по вліянію Канкрина, который, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность министра финансовъ, представлялъ Государственному Совѣту, въ ноябрѣ 1825 г., слѣдующее:

«Неудобства нынѣшняго управленія казенными крестьянами столь извѣстны, что не требуютъ дальнѣйшаго изъясненія. Недостатокъ ближайшаго *надзора и защиты,* между прочимъ, есть причина, что благосостояніе крестьянъ упадаетъ, и число недоимокъ, на нихъ лежащихъ, умножается.—Онъ, министръ финансовъ, занимался улучшеніемъ участи казенныхъ крестьянъ разными частными исправленіями, не упуская изъ вида и надлежащихъ общихъ о

[1]) «Рус. Арх.» 1887 г., т. I, стр. 277.

томъ соображенiй; почему для предварительнаго устройства казенныхъ крестьянъ независимо отъ того, чтò относится собственно къ гражданскимъ ихъ правамъ, изготовленъ былъ проектъ новой организацiи, которую предполагалось ввести временно до изданiя полнаго для нихъ кодекса; но замѣтивъ, что разсмотрѣнiе сего проекта потребовало бы много времени и особенно, что безъ предварительныхъ опытовъ, едва-ли удобно приступать къ какой-либо общей и рѣшительной мѣрѣ, онъ остановился на той мысли, чтобы сперва въ нѣкоторыхъ губернiяхъ, различествующихъ мѣстными обстоятельствами, сдѣлать опытъ *распространенiя на казенныхъ крестьянъ порядка, для удѣльныхъ установленнаго,* предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ палатамъ нужные способы, состоящiе въ преобразованiи хозяйственныхъ отдѣленiй и въ учрежденiи соразмѣрнаго числа окружныхъ хозяйственныхъ управленiй, подобно отдѣленiямъ удѣльныхъ конторъ, съ предоставленiемъ земской полицiи, по казеннымъ имѣнiямъ, однихъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ. Окружныя управленiя считались необходимыми потому, что казенныя палаты, безъ ближайшаго мѣстнаго надзора, никоимъ образомъ не могли бы успѣшно дѣйствовать чрезъ одни волостныя правленiя».

Цѣль предположенной Канкринымъ мѣры была исключительно фискальная: окружныя правленiя обязаны были, подъ собственною отвѣтственностiю, *радѣть сами* (безъ всякаго участiя земской полицiи) о бездоимочномъ сборѣ податей и исправномъ отбыванiи повинностей.

Департаментъ Экономiи Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ планъ министра финансовъ, «затруднился принять его, не находя для себя достаточнаго удостовѣренiя, чтобы можно было улучшить состоянiе казенныхъ крестьянъ посредствомъ одного токмо введенiя между ними порядка управленiя удѣльными крестьянами, о пользѣ коего судить нельзя, по неизвѣстности перемѣнъ и дополненiй, какiя послѣ изданiя удѣльнаго положенiя въ теченiе 17 лѣтъ были».

Дѣло это не было еще внесено въ Общее Собранiе Государственнаго Совѣта, когда министръ финансовъ сообщилъ государственному секретарю, что Государь Императоръ, по прочтенiи копiи и изложеннаго выше представленiя его въ Государственный Совѣтъ, повелѣлъ: управленiе казенныхъ крестьянъ на предположенномъ

основаніи ввести для опыта въ губерніяхъ С.-Петербургской и Псковской.

Новый порядокъ управленія казенными крестьянами въ последнихъ двухъ губерніяхъ, по свидѣтельству самого Канкрина, былъ принятъ неодобрительно лицами земской полиціи, которыя видѣли въ немъ «ограниченіе ихъ власти и разрушеніе полицейскаго устройства губерніи». Губернаторы возражали, что такой порядокъ «сдѣлалъ стѣсненіе въ обязанностяхъ, сопряженныхъ съ званіемъ начальниковъ губерній [1])».

Но эти возраженія, происходившія не совсѣмъ изъ чистыхъ побужденій, не остановили Канкрина, и онъ въ 1834 г. внесъ въ Государ. Совѣтъ представленіе *по распространенію на 10-ть губ.* особаго управленія казенными крестьянами», о которомъ будетъ сказано ниже.

Обращаясь затѣмъ къ государственнымъ долгамъ видимъ, что въ 1826 году вновь внесено въ Государственную Долговую книгу 6 проц. безсрочныхъ обыкновенныхъ долговъ на 71.443 р. с., а за произведеннымъ погашеніемъ капитальная сумма безсрочныхъ обыкновенныхъ долговъ уменьшилась на 4.099.857 р. с. Разрядъ безсрочныхъ неприкосновенныхъ остался безъ измѣненія.

Къ 1 янв. 1827 г. за происшедшими измѣненіями оставалось долговъ:

I. Срочныхъ внѣшнихъ—46.100.000 гульд.; срочныхъ внутреннихъ—16 289.398 р. с. II. Безсрочныхъ: а) обыкновенныхъ 6 проц. 58.399.570 р.; 5 проц., по займу 1820 г — 32.577.100 р. с.; по займу 1822 г —40.590.480.; в) неприкосновенныхъ—10.872.203 р. с.

Въ 1827 г. уплачено срочныхъ внутреннихъ долговъ на 463.565 р. с.; переведено изъ нихъ въ безсрочные обыкновенные 5.600.000 р. с. количество этихъ послѣднихъ, кромѣ того, увеличилось запискою вновь, въ этотъ разрядъ,—256.014 р.

Выкуплено же было 6 проц безсроч. обыкн. долговъ на сумму 586.471 р. и облигацій 5 проц. займовъ на 2.187.400 р.

Такимъ образомъ къ 1 января 1828 г. состояло долговъ:

---

[1]) Представленіе министра финансовъ въ Госуд. Совѣтъ 1834 г, 11-го мая, за № 579.

I. Срочныхъ:	а) внѣшнихъ 45.100.000 суммы—	25.707.000	р. с.
»	в) внутреннихъ.	9.760.841	»
Безсрочныхъ	а) обыкновенныхъ.	133.034.805	»
»	в) неприкосновенныхъ . . .	10.872.203	»
II. Государственному заемному банку. . . .		24.000.659	»
III. Безпроцентный долгъ въ ассигнаціяхъ . .		170.221.803	»
	А всего. .	373.597.311	р. с.

Такимъ образомъ съ 1824 по 1828 годъ государственный долгъ Россіи уменьшился слишкомъ на 10 милл. рублей, что наглядно видно изъ слѣдующей таблицы:

годы 31 дек.	срочныхъ. внѣшнихъ гульденовъ.	внутренн.	безсрочныхъ. обыкновенн.	неприкосн.	Всего
			рублей серебромъ.		
1823	47.600.000	11.929.562	143.224.664	10.866.489	193.152.715
1824	48.100.000	10.555.429	139.716.322	10.872.203	187.990.954
1825	46.600.000	17.255.618	135.667.007	10.872.203	190.356.829
1826	46.100.000	16.289.398	131.567.150	10.872.203	185.005.751
1827	45.600.000	10.225.833	134.649.293	10.872.203	181.739.329
1828	45.100.000	9.760.841	133 034.805	10.872.203	179.374.848

Съ 1828 года положеніе дѣлъ измѣнилось. Россія вступила снова въ періодъ войнъ и военнаго напряженія. Персидская война [1]), Турецкая и наконецъ Польское возстаніе 1831 г. сильно пошатнули равновѣсіе въ бюджетѣ, съ такимъ трудомъ достигнутое.

Въ 1827 году въ «Отечественныхъ запискахъ» [2]) была напечатана статья Е. Ф. Канркина: «Монограммы или рядъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ замка Изборскаго», которая была снабжена редакторомъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Глубокомысленныя изысканія сіи сдѣланы въ 1805 году однимъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ нашихъ, по просьбѣ покойнаго канцлера, графа Ник. Петр. Румянцева; они открываютъ ключъ къ тайнамъ Изборска, на которыя до сего времени едва-ли кто обращалъ вниманіе».

---

[1]) Къ 1827 г. военный капиталъ состоялъ уже изъ 160.300 000 руб. (См. очеркъ Шипова «Госуд. дѣятельность гр. Канкрина». Библіот. для чтенія 1864 г. мартовская книжка.).

[2]) № 81, стр. 28.

Эта статья указываетъ, что Е. Ф. Канкринъ занимался археологіею и профессоръ Иконниковъ [1]) говоритъ, что графъ Румянцевъ отыскивалъ по указанію Канкрина древніе камни на Западной Двинѣ.

Замѣтимъ, кстати, что гр. Н. П. Румянцевъ, будучи министромъ торговли, сталъ впервые печатать въ общее свѣдѣніе статистическія данныя объ отпускѣ и привозѣ товаровъ въ Россію, а также желалъ, чтобы кто нибудь взялся обработать исторію древней русской торговли, и, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, хлопоталъ о собираніи извѣстій по этому поводу.

Болѣе существенные результаты дали поиски о сношеніяхъ Ганзы съ сѣверною Россіею. Въ 1828 г. вышло въ Копенгагенѣ сочиненіе Генриха Бермана: «De Scra van Nongardin [2])», обязанное своимъ происхожденіемъ вызову канцлера графа Румянцева. Въ концѣ того-же 1828 г. по мысли Е. Ф. Канкрина учрежденъ былъ въ С.-Петербургѣ Технологическій институтъ, о которомъ Канкринъ писалъ даже Гумбольдту:

> «Война не можетъ удержать меня отъ учрежденія большаго практическаго Технологическаго института. Россія совсѣмъ не имѣетъ располагающаго средними теоретическими знаніями класса людей, который ей крайне нуженъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда».

28-го Ноября 1828 г. Высочайше утверждено было первоначальное положеніе С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго Института [3]).

Въ именномъ указѣ, данномъ по этому случаю Сенату (Пол. С. З. т. III 1828 г., № 2463) сказано: «желая споспѣшествовать распространенію и прочному устройству мануфактурной промышленности въ Имперіи Нашей признали, мы за благо учредить въ С.-Петербургѣ Практическій Технологическій институтъ; а въ статьѣ I Положенія—«цѣль Практическаго Технологическаго института есть та, чтобы приготовить людей, имѣющихъ достаточныя теоретическія

---

[1]) См. сочин. его: «Опытъ русской исторіографіи».

[2]) Этимъ трудомъ пользовался г. Славянскій, авторъ книги «Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ» Спб. 1847 г.

[3]) «Пятидесятилѣтній юбилей Спб. Технологическаго Института» стр. 105.

и практическія познанія для управленія фабриками или отдѣльными частями оныхъ».

Въ 1828 г. Е. Ф. Канкринъ былъ пожалованъ чиномъ генерала отъ инфантеріи; это производство было выраженіемъ благоволенія

Императоръ Николай I.

(По современной литографіи Шмидта).

Государя къ его трудамъ, вызванными войнами, которыя поглощали страшныя суммы, и были причиною дефицитовъ.

За время управленія финансами Канкрина, общій итогъ дефицитовъ государственныхъ росписей составлялъ 547.321,669 руб.

ассигнацій [1]). «Главнымъ источникомъ для покрытія этихъ дефицитовъ послужили заимствованія у казенныхъ банковъ, сумма которыхъ простиралась до 321.104.153 рублей. Второй по важности рессурсъ заключался въ *позаимствованіяхъ изъ оборотнаго капитала коммисіи погашенія государственныхъ долговъ*. Подъ мудренымъ названіемъ въ данномъ случаѣ скрывался довольно старомодный, безхитростный финансовый изворотъ, который заключался въ употребленіи суммъ, назначенныхъ на погашеніе государственныхъ долговъ, для покрытія дефицитовъ по текущимъ государственнымъ расходамъ. Такихъ-то суммъ 1832—42 годахъ употреблено было графомъ Канкринымъ для покрытія дефицитовъ не на малую сумму 186.716.148 рублей. Такимъ образомъ, изъ общаго итога дефицитовъ въ 547.321.669 рублей покрыто было указанными двумя рессурсами 92% или на сумму 507.830.301 рублей. За симъ лишь для оставшейся незначительной части въ 39.491.368 руб. послужилъ нормальный рессурсъ правильно заключенныхъ займовъ. Къ заключенію ихъ графъ Канкринъ возвратился снова не ранѣе 1840 года. когда имъ былъ реализованъ по 86,49 за сто первый 4% заемъ на 25.000.000 металл. руб.; въ 1842 году имъ былъ реализованъ по 90,41 за сто второй 4% заемъ на 8.000.000 руб. сер. Въ общей сложности обоихъ займовъ, эти условія соотвѣтствуютъ реализаціи 5% займа по 110,55 за сто, т. е. они были блестящія. Блескъ этотъ, однако значительно тускнѣетъ отъ простаго факта, что государственное казначейство извлекло очень немного пользы изъ громкихъ успѣховъ графа Канкрина. Такъ какъ для нихъ Канкринъ долженъ былъ, во-первыхъ, восемь лѣтъ систематически избѣгать всякаго выпуска новыхъ русскихъ бумагъ на открытомъ денежномъ рынкѣ и вмѣсто того систематически же пользоваться суммами казенныхъ кредитныхъ установленій, а во-вторыхъ, даже тогда, когда Канкринъ, наконецъ, выступилъ съ новыми займами, онъ предпочелъ воспользоваться блестящими успѣхами лишь на очень скромныя суммы. Очевидно, что если блестящая сторона финансоваго положенія давала только около 39.500.000 руб., тогда какъ далеко не блестящая сторона того же положенія должна

---

[1]) См. статью г. Кауфмана, «Государственные долги». «Вѣстн. Евр.» 1885 г. январь, стр. 211.

была доставить остальные 507.800.000 руб., или почти въ 13 разъ больше, то первая изъ нихъ имѣла лишь значеніе казоваго конца и только».

Стоитъ, однако, привести счетъ суммъ, истраченныхъ на войны и усмиреніе Польскаго возстанія, чтобы эта обвинительная рѣчь г. Кауфмана совершенно видоизмѣнилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ ясно причина происхожденія дефицитовъ, что мы и дѣлаемъ, приводя счетъ этихъ суммъ [1]) изъ лекцій Е. Ф. Канкрина, читанныхъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу:

Счетъ военныхъ издержекъ съ 1827 по 1838 г.

Въ 1827 г.

По Персидской войнѣ и по флоту . . .	23.054.466 р. 74 $^1/_2$ к.

Въ 1828 г.

На Персидскую и Турецкую войны, на содержаніе флота въ Средиземномъ морѣ, по дипломатической части и другія издержки	90.095.620 » 19$^1/_4$ »

Въ 1829 г.

По бывшей съ Персіею и продолжавшейся съ Турціею войнамъ, по флоту, по диплом. части и по другимъ вѣдомствамъ	124.165.561 » 72$^3/_4$ »

Въ 1830 г.

По бывшимъ Персидской и Турецкой войнамъ и на расходы по случаю возникшаго въ Польшѣ мятежа	64.459.437 » 61$^3/_4$ »

[1]) «Сбор. Импер. Рус. Историч. Общ.» т. 31 стр. 72.

Въ 1831 г.

По бывшимъ Персидской и Турецкой войнамъ и по войнѣ съ Польскими мятежниками . . . . 91.103.489 р. 62¼ к.

Въ 1832 г.

По войнѣ съ Турціею для заграничнаго флота, по войнѣ съ Польскими мятежниками, по диплом. части и проч. . 55.571.275 » 27½ »

Въ 1833 г.

Для тѣхъ же предметовъ и сверхъ того по вспомогательному отряду въ Босфорѣ . . . . 19.727.467 » 86½ »

Въ 1834 г.

По бывшей войнѣ съ Польскими мятежниками, для флота, по вспомогательному отряду, по части диплом. и проч. . 22.127.369 » 33¾ »

Въ 1835 г.

На устройство Брестъ-Литовской крѣпости, на запасы коммисаріатскихъ вещей и суконъ и на другія по бывшимъ войнамъ издержки . . . . 26.493.182 » 5½ »

Въ 1836 г.

На добавочное жалованье войскамъ Кавказскаго корпуса, долженствующимъ участвовать въ экспедиціи противъ горцевъ, на продолженіе устройства запасовъ, коммисаріатскихъ вещей, суконъ и проч. . . . . 5.541.973 » 16½ »

Въ 1837 г.

На приведеніе Черноморскаго флота въ комплектъ, въ пособіе капиталу, Высоч. учрежденному 18 Августа 1814 г. на производство пенсій, на вышеупомянутые коммисаріатскіе запасы, на устройство въ Севастополѣ адмиралтейства и разныя другія по бывшимъ важнымъ обстоятельствамъ издержки . . . . . 6.884.024 р. 59½ к.

529.223.868 р. 19 ¾ к.

Въ 1829 г. стараніями Е. Ф. Канкрина была устроена первая въ Россіи выставка отечественной промышленности въ С.-Петербургѣ, въ особо устроенномъ для нея прекрасномъ зданіи (возлѣ Биржи, построенномъ Канкринымъ фасадомъ на Неву [1]), и служила новымъ доказательствомъ неутомимыхъ стараній правительства о водвореніи и улучшеніи у насъ мануфактурной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставка эта представила не только интересное зрѣлище, но и довольно полную картину состоянія въ Имперіи фабрикъ и заводовъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ выставку съ Царскою фамиліею, купилъ много вещей для Двора, въ числѣ которыхъ, напримѣръ, была пріобрѣтена: «шаль бѣлая съ европейскимъ узоромъ, сработанная кашемировою тканью — 12.000 руб., фабрики Воронежской помѣщицы Шишкиной; ружье, которое заряжается сзади, 300 руб., с.-петербургскаго мастера Яхтмана» и др. [2]). Вторая выставка русской промышленности открыта была въ Москвѣ въ 1831 г., третья въ С.-Петербургѣ въ 1833 г.; затѣмъ четвертая опять въ Москвѣ въ 1835 г.

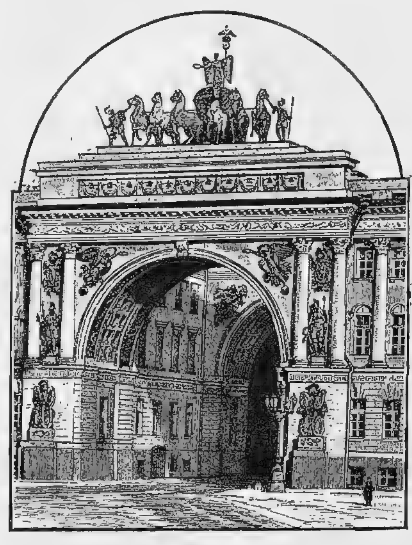
22-го Сентября 1829 г. Е. Ф. Канкринъ, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, въ воздаліе отличныхъ заслугъ его на пользу отечества, былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Въ этотъ день послѣдовалъ манифестъ о заключеніи Адріанопольскаго мира съ Тур-

---

[1]) Теперь въ немъ помѣщается «Зоологическій музей Академіи Наукъ».
[2]) «С.-Петер. Вѣд.» 1829 г. № 120 стр. 700.

ціею, подписаннаго 2-го Сентября. По этому случаю на Царицыномъ лугу, въ присутствіи Императора Николая Павловича и Наслѣдника Цесаревича, было совершено благодарственное молебствіе. Самое торжество началось крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго Собора по Невскому и Новой Садовой улицѣ чрезъ Цѣпной мостъ, у Лѣтняго сада, въ Спасо-Преображенскій Соборъ, гдѣ, въ присутствіи Государя и Наслѣдника совершена была божественная литургія, причемъ предъ чтеніемъ Апостола, въ тотъ день случилось читать слѣдующій Прокименъ: «*Господь крѣпости людямъ своимъ дастъ и благословитъ люди своя миромъ*». «Эти слова», говоритъ тогдашній репортеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (см. № 115), «произвели глубочайшее впечатлѣніе въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ».

Знаменитый Гумбольдтъ, поздравляя Канкрина съ возведеніемъ въ графы, писалъ изъ Сарепты: «Этотъ внѣшній блескъ будетъ напоминать потомству достопамятное время, когда подъ вашимъ руководствомъ русскіе финансы процвѣтали, несмотря на грозную войну».

Арка, соединяющая зданія: Главнаго Штаба и Министерства Финансовъ.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

ПРОИЗВЕДЕННАЯ

ГРАФОМЪ Е. Ф. КАНКРИНЫМЪ.

ВВЕДЕНІЕ АКЦИЗА И БАНДЕРОЛИ НА ТАБАКЪ

и

ДРУГІЯ ЕГО МѢРОПРІЯТІЯ ПО ФИНАНСОВОЙ ЧАСТИ

съ 1829 по 1839 г.

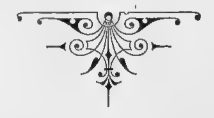
Портреты и рисунки на отдѣльныхъ листахъ исполнены Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, а клише для текста въ цинкографическихъ заведеніяхъ Артура Вильборга и Франца Кройса.

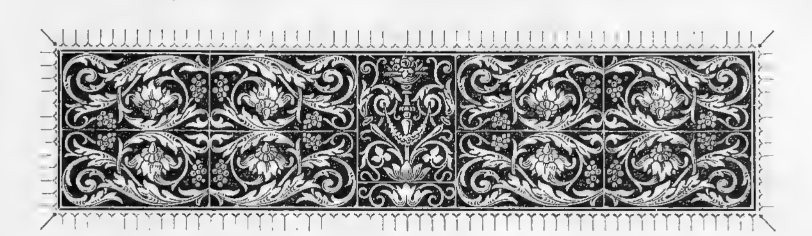
Глава четвертая.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ.

Переписка съ Гумбольдтомъ; пріѣздъ его въ Петербургъ и путешествіе по Россіи.— Выгодная покупка 100 тысячъ червонцевъ.—Письмо къ Дибичу о состояніи Литовскихъ губерній въ началѣ возстанія Польши.— Отношеніе къ евреямъ.— Записка въ Западный Комитетъ о раздачѣ земель русскимъ въ Царствѣ Польскомъ.—Московская выставка 1831 года.— Полученіе граматы на графство.— Обзоръ состоянія финансовъ за 1831 годъ.—Выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства и письмо по этому поводу Сперанскаго.— Основаніе «Общества для поощренія Лѣснаго Хозяйства».—Полученіе ордена св. Андрея Первозваннаго.— Ручательство Россіи въ займѣ Греціи 1833 года.— Заботы Николая I о народномъ продовольствіи и неурожай 1833 года.—Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія.— Рескриптъ графу Канкрину при пожалованіи брилліантовъ къ ордену св. Андрея.— Отказъ Государственнаго Совѣта на представленіе министра финансовъ о распространеніи на десять губерній особаго управленія казенными крестьянами.—Жалобы гр. Канкрина на трудность покрытія военнаго бюджета и его представленіе о сокращеніи вообще министерскихъ смѣтъ. —Московская выставка 1835 года.— Открытіе въ Лисинѣ «Учебнаго Лѣсничества».—Изданіе сочиненія: «Элементы прекраснаго въ зодчествѣ».—Учрежденіе художественныхъ и техническихъ школъ.—Непріятности при учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.—Извинительное письмо Государя къ гр. Канкрину.—Оригинальный подарокъ Императору Николаю, поднесенный гр. Канкринымъ въ день Пасхи 1837 года.—Лажъ на металлическія деньги.—Оппозиція кн. К. Ф. Любецкаго.— Записка гр. Канкрина, представленная въ Государственный Совѣтъ въ 1837 году, о необходимости прекращенія счета на монету и ассигнаціи по простонароднымъ курсамъ.— Лекціи Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу.— Введеніе акциза и бандероли на табакъ.— Предложеніе гр. Канкрина о пониженіи курса на серебро.—Записка о монетномъ обращеніи гр. Сперанскаго.—Манифестъ 1-го іюня 1839 года о переложеніи счета на серебро.

IV.

Въ 1829 году, 18-го апрѣля, пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый естествоиспытатель Александръ фонъ-Гумбольдтъ, съ которымъ графъ Канкринъ велъ ученую переписку по вопросу о платинѣ, какъ металлѣ для монеты. Гумбольдтъ въ своемъ отвѣтѣ перечислялъ неудобства, представляемыя платиною, и заявлялъ, что, по его мнѣнію, она не годится для монеты. Въ замѣнъ того онъ рекомендовалъ чеканить изъ платины ордена для пожалованія вмѣсто табакерокъ, перстней и т. п. вещей; такимъ образомъ избытокъ платины пойдетъ въ дѣло, и расходы на золото и серебро уменьшатся. Этотъ совѣтъ не былъ однако принятъ, и платиновую монету пустили въ ходъ, но практика впослѣдствіи показала, что Гумбольдтъ былъ правъ.

Графъ Канкринъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, предложилъ Гумбольдту совершить путешествіе по Россіи, назначивъ конечными пунктами его Уралъ и Араратъ.

Гумбольдтъ, 26-го февраля 1828 года, отвѣчалъ графу Канкрину, что, съ дозволенія короля прусскаго, онъ рѣшился предпринять такое путешествіе весною 1829 года, и въ первое лѣто намѣренъ посѣтить Уральскія горы и доѣхать до Тобольска, не надѣясь однако достигнуть до Алтайскихъ горъ, а въ слѣдующемъ году предполагаетъ отправиться на Араратъ и даже въ Персію.

По полученіи такого отзыва, графъ Канкринъ доложилъ Государю Императору, который изъявилъ на пріѣздъ Гумбольдта свое со-

гласіе и приказалъ назначить изъ Государственнаго Казначейства сумму на издержки по этой экспедиціи, предоставивъ собственной волѣ ученаго совершить прежде путешествіе на Уральскія горы, и въ слѣдующіе годы на Араратъ и другія мѣста, которыя онъ признаетъ любопытными для своихъ изслѣдованій.

Графъ Канкринъ, виновникъ и руководитель этой экспедиціи, въ своемъ отвѣтѣ Гумбольдту, объявляя Высочайшую волю, писалъ:

> «И такъ сему для наукъ и для Россіи важному предпріятію, ни что болѣе не препятствуетъ, и я желаю, чтобъ въ началѣ будущей зимы, вы извѣстили меня обо всемъ опредѣленно, для пріисканія вамъ спутника и для приготовленія экипажей. Я дамъ вамъ тогда, можетъ быть, еще нѣкоторые ближайшіе совѣты, для удобнѣйшаго совершенія сего путешествія».

Щедрость и любезность Николая Павловича не оставляли желать бо́льшаго. Еще въ Берлинѣ Гумбольдтъ получилъ переводъ на 1.200 червонцевъ, а въ Петербургѣ—20.000 рублей, изъ которыхъ Гумбольдтъ возвратилъ 7.000 руб., и эта сумма, по его указанію, была ассигнована на путешествіе Гельмерсена и Гофмана. Всюду заранѣе были подготовлены экипажи, квартиры, лошади; въ проводники Гумбольдту назначенъ чиновникъ горнаго департамента Меншенинъ, отлично владѣвшій нѣмецкимъ и французскимъ языками[1]); въ опасныхъ мѣстахъ на азіатской границѣ путешественниковъ сопровождалъ конвой; мѣстныя власти заранѣе увѣдомлялись о прибытіи путешественниковъ и т. д. Однимъ словомъ, это путешествіе скорѣе походило на поѣздку принца крови и совсѣмъ не напоминало того времени, когда Гумбольдтъ и Бонпланъ плыли по Ориноко въ индѣйскомъ

---

[1]) Гумбольдтъ, говоря о томъ, съ какою легкостью русскіе усвоиваютъ знаніе иностранныхъ языковъ, разсказалъ мнѣ, пишетъ Н. Мельгуновъ, въ статьѣ: «Баронъ Александръ Гумбольдтъ» («Отеч. записки» 1839 г. т. VI стр. 94), что С. С. Уваровъ, въ молодости своей находился въ Вѣнѣ въ одно время съ Гумбольдтомъ. Тогда Шиллеръ былъ еще живъ.—Вдругъ въ кругу нашемъ появилось новое стихотвореніе Шиллера. Оно было доставлено въ рукописи, какъ новость. Мы всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Это было одно изъ лучшихъ мелкихъ стихотвореній Шиллера; та же многозначительность основной мысли, тотъ-же языкъ, тотъ-же стихъ, звучный сильный. Стихотвореніе это ходило въ Вѣнѣ по рукамъ, какъ вдругъ однажды мы узнаемъ, что стихотвореніе это написано г. Уваровымъ.

челнѣ, или босикомъ, и промокшіе до нитки пробирались пѣшкомъ черезъ Анды.

Гумбольдтъ, въ сопровожденіи берлинскихъ профессоровъ: Эренберга и Густава Розе, прибылъ въ Петербургъ, какъ уже выше сказано, 18-го апрѣля 1829 года. Осыпанный благоволеніемъ Государя, пожаловавшаго ему вскорѣ орденъ св. Анны I степени, и всей Царской фамиліи; испытавъ всевозможныя ласки, вниманіе и уваженіе вельможъ и сановниковъ, Гумбольдтъ, на все это отвѣчалъ рѣчью въ чрезвычайномъ собраніи Академіи Наукъ, устроеннымъ въ честь его [1]). Во время кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, Гумбольдтъ открылъ двери своего кабинета для всѣхъ желающихъ его видѣть и съ нимъ бесѣдовать, осмотрѣлъ примѣчательныя заведенія столицы и производилъ астрономическія, барометрическія и магнетическія наблюденія.

При личномъ свиданіи графъ Канкринъ подробно развилъ великому ученому свои предположенія относительно лучшаго устройства горно-заводской части въ Россіи. Онъ мечталъ о поселеніи на Уралѣ свободныхъ рабочихъ, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ земли, въ качествѣ полныхъ ея собственниковъ, но благая мысль Канкрина не могла осуществиться, и желѣзная его энергія оказалась тутъ безсильною.

До отъѣзда своего изъ Петербурга, Гумбольдтъ, согласно совѣту графа Канкрина, сдѣлалъ маршрутъ своему путешествію. Онъ предполагалъ сначала доѣхать до Екатеринбурга, оттуда отправиться въ Богословскіе заводы и, возвратившись въ Екатеринбургъ, слѣдовать до Тобольска. Отсюда черезъ Омскъ доѣхать до Семипалатинской крѣпости, и, если можно, до Бухтарминской и, возвратясь въ Омскъ, выѣхать на Оренбургскую линію, а доѣхавъ до Троицка, отправиться въ округъ Златоустовскихъ заводовъ и осмотрѣть заводы Кыштымскіе; отсюда, выѣхавъ снова на линію, отправиться въ Оренбургъ и чрезъ Самару, Симбирскъ и Москву возвратиться въ С.-Петербургъ.

Прекрасное время года и быстрота переѣздовъ измѣнили совершенно маршрутъ, такъ что Гумбольдтъ изъ Тобольска проѣхалъ

---

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1829 г., № 138, а переводъ рѣчи въ прибавленіи къ № 145 той же газеты.

на Колыванскіе заводы и проѣхалъ даже въ предѣлы Китая, со стороны Омской области, а изъ Оренбурга, черезъ Уральскъ и Саратовъ, посѣтилъ Астрахань, откуда, чрезъ землю войска Донскаго, Воронежъ, Тулу и Москву, возвратился въ Петербургъ. Краткое описаніе всей этой поѣздки было напечатано въ «Горномъ журналѣ» за 1830 годъ [1]). Изъ переписки Канкрина съ Гумбольдтомъ видно съ какимъ живымъ интересомъ они относились къ изслѣдованію Урала и Алтая и какія чувства взаимнаго уваженія ихъ одушевляли. Оказалось, что предположенія Канкрина относительно минеральныхъ богатствъ по большей части вполнѣ оправдались, и Гумбольдтъ констатируетъ это, удивляясь его прозорливости. Оба они жалуются на истощеніе лѣсныхъ богатствъ, а Канкринъ, говоря объ этомъ обстоятельствѣ, писалъ:

> «Печальное лѣсное хозяйство побудило меня расширить лѣсной институтъ, чтобы подготовить лѣсныхъ хозяевъ для горно-заводскихъ округовъ. Но все хорошее двигается медленно, дурное—летитъ».

Гумбольдтъ отпраздновалъ на Уралѣ шестидесятую годовщину своего рожденія; въ этотъ день ему поднесенъ былъ подарокъ—роскошная сабля русскаго издѣлія отъ неизвѣстнаго лица. Гумбольдтъ догадался, что это подарокъ гр. Канкрина, и выразилъ ему свою благодарность. Между Канкринымъ и Гумбольдтомъ установились дружественныя, сердечныя отношенія, о чемъ говоритъ слѣдующій также фактъ: Графиня Е. З Канкрина не особенно бойко владѣла нѣмецкимъ языкомъ, писала Гумбольдту тѣмъ не менѣе на этомъ языкѣ, а великій ученый, отвѣчая ей, замѣчалъ: «Теперь я отъ васъ самой узналъ не безъ гордости, что не только нѣмецкіе звуки произносятся вами чисто и красиво, но что вы даже на бумагѣ удачно справляетесь съ трудностями нашего языка».

Для обработки собранныхъ матеріаловъ Гумбольдту нужны были сношенія съ его парижскими друзьями. Политическія обстоятельства также привлекали его въ столицу міра. Послѣ революціи 1830 года Гумбольдтъ, который не разъ игралъ роль посредника между Пруссіею и Франціею, былъ посланъ въ Парижъ привѣтство-

---

[1]) Часть 2-ая, книга I, стр. 129—163.

вать династію Орлеановъ. Живя въ Парижѣ съ 1830 по 1832 г., онъ постоянно бывалъ при дворѣ и посылалъ въ Берлинъ отчеты о состояніи политическихъ дѣлъ.

Популярность его въ Парижѣ была чрезвычайна. «Съ Араго онъ на ты, писалъ К. Фогтъ, съ Броньеромъ на интимной ногѣ, съ Біо, Гей-Люссакомъ и Шевреле мъ его связываетъ многолѣтняя дружба. Вслѣдствіе этого выборы въ Академію происходятъ не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ».

Гумбольдтъ изложилъ результатъ своего грандіознаго путешествія по Россіи (онъ проѣхалъ 14500 верстъ) въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи «Центральная Азія», составляющемъ богатый вкладъ въ науку, которымъ послѣдняя несомнѣнно обязана содѣйствію графа Канкрина. Гумбольдтъ это самъ признаетъ, говоря въ своемъ письмѣ съ Урала Канкрину: «Вамъ я обязанъ, что этотъ годъ, вслѣдствіе огромнаго числа идей, собранныхъ мною на громадномъ пространствѣ, сдѣлался важнѣйшимъ въ моей жизни».

Вотъ почему переписка графа Канкрина съ Гумбольдтомъ — «Von Ural und Altai. Briefwech zwischen A. von Humboldt und graf Kancrin», изданная въ Лейпцигѣ, имѣетъ особенно важное значеніе, рисуя двухъ геніальныхъ людей.

Пріемъ Гумбольдта и бесѣды съ нимъ не мѣшали гр. Канкрину управлять министерствомъ и дѣлать дѣла. Такъ П. И. Голубевъ [1]) разсказываетъ, «что въ 1829 г., графъ Канкринъ купилъ у дома Сегенъ и К° 100 т. голландскихъ червонцевъ по 10 р. 20 к. и отдалъ ихъ на заграничные расходы по 11 руб. 75 к.; слѣдовательно выигралъ при этомъ оборотѣ 155 т. руб. Съ этими бумагами я посланъ былъ къ нему въ Духовъ день 1829 г., когда въ Лѣтнемъ саду во всѣхъ сторонахъ гремѣла музыка и толпилась огромная масса гуляющихъ. Министръ жилъ тамъ же во дворцѣ Петра I-го, вмѣсто дачи, чтобы менѣе тратилось времени на пересылку бумагъ за городъ и обратно. Я, за тѣснотою, не могъ пройти къ его квартирѣ со стороны Инженернаго замка, а зашелъ съ Невы. У меня было только два предписанія Главному Казначейству: одно, чтобы принять отъ Сегена и К° 100 т. черв. и отпустить имъ 1.020.000 р., а другое выдать эти червонцы по извѣстному назна-

[1]) «Рус. Ар.» 1896 г. майская книга, стр. 37.

ченію, поставя ихъ въ расходъ въ суммѣ въ 1.175.000 ассиг. Подписавъ эти бумаги, онъ съ улыбкою спросилъ меня: *«Каково»?* Я отвѣчалъ: «превосходно, ваше сіятельство». Вообще онъ терпѣть не могъ никакой болтовни, какъ бы она ни была краснорѣчива».

Лѣтомъ того-же 1829 г., получена была отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова съ нарочнымъ бумага, по которой требовалось немедленно ассигновать въ его распоряженіе 100 т. р., на расходы по прекращенію бывшей тогда въ Одессѣ чумы. Это требованіе нельзя было отложить ни на одинъ день; но и слишкомъ поспѣшное исполненіе казалось невозможнымъ потому, что на отпускъ этихъ денегъ не было еще испрошено Высочайшее разрѣшеніе. Розенбергъ послалъ меня съ этою бумагою къ министру, узнать, чтó по ней будетъ приказано. Войдя въ кабинетъ, я сказалъ: «Ваше сіятельство, графъ Воронцовъ»... «Знаю, но что намъ сдѣлать? Государь теперь боленъ, и я никакими докладами безпокоить его не смѣю!» Я доложилъ, что гр. Воронцовъ обязанъ доставлять пищу оцѣпленнымъ домамъ. Графъ отворилъ ключемъ бюро и, доставъ оттуда какую-то бумагу, сказалъ:

«А Иванъ Иванычъ вѣрно думаетъ, что я прозѣвалъ испросить благовременно нужныя повелѣнія... Нѣтъ, батушка, напишите ассигновку по Высочайшему повелѣнію и пришлите мнѣ къ подписанію съ курьеромъ».

Такъ и было сдѣлано.

Таковъ былъ графъ Е. Ф. Канкринъ, слѣдившій за ходомъ дѣлъ, не только входившихъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей, но и за всѣмъ тѣмъ, чтó могло имѣть государственное значеніе. Такъ, напримѣръ, заслуживаетъ вниманія его собственноручная записка [1]) къ генералъ-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, отъ 16-го декабря 1830 года, относящаяся къ началу польскаго возстанія, вотъ она:

«Довѣренный чиновникъ, прибывшій изъ обѣихъ литовскихъ губерній, объясняетъ:

1) Шляхта и высшее дворянство въ дурномъ духѣ.

2) На бывшій литовскій корпусъ нельзя полагаться: офицеры, самъ сынъ Влодека говорятъ дурно, полки увязли на мѣстахъ раз-

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россіи». 1869 г. № 3, стр. 320.

ными заведеніями, и прежде доходили свѣдѣнія, что артиллерія не держала положенныхъ лошадей, что полковые командиры неопытны, только по фронту отличавшіеся офицеры, мало обѣщаютъ.

3) Управленіе въ Вильнѣ такъ дурно, что повѣрить нельзя; слабый Корсаковъ былъ окруженъ какъ бы корою плутовъ. Духъ въ Вильнѣ очень дуренъ. Вице-губернатора Листовскаго надобно остерегаться.

О семъ будетъ представлено Его Величеству.

Прокуроръ Ботвинко не хорошъ. Отъ препонъ сихъ людей и коммисія Скурыдина не имѣла успѣховъ.

4) Казаки на Голиденскомъ кордонѣ всѣ взяты въ плѣнъ.

Я долгомъ счелъ увѣдомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя свидѣтельство моего отличнаго почтенія.

Графъ Канкринъ.

Не менѣе интересна записка гр. Канкрина, на французскомъ языкѣ, и возраженія на нея малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Н. Г. Репнина [1]).

Въ § 7 этой записки, гр. Канкринъ трактуетъ о переселеніи евреевъ изъ деревень въ города. «Жители городовъ, говоритъ онъ, населенныхъ въ оныхъ евреевъ считаютъ величайшимъ для себя бѣдствіемъ, а жители деревень, напротивъ, сожалѣютъ объ удаленіи отъ нихъ дѣятельныхъ и замысловатыхъ людей, которые, трудясь для видовъ собственной пользы, тѣмъ не менѣе раздѣляли оную съ хлѣбопашцемъ и давали оборотъ произведеніямъ его хозяйства. Въ несчастные годы хлѣбопашецъ, въ нуждахъ своихъ обращался къ жиду, и всегда получалъ отъ него помощь, которой болѣе нигдѣ не находилъ. Владѣльцы же, съ своей стороны, затрудняются, не имѣя жидовъ, ибо чрезъ нихъ извлекали всякаго рода выгоды. Словомъ, деревни, очевидно, терпятъ отъ удаленія жидовъ, а принужденное пребываніе ихъ въ городахъ, распространяетъ опустошеніе и увеличиваетъ бѣдность».

Князь Репнинъ, возражая Канкрину писалъ: «Жители городовъ, конечно, не выиграли черезъ перемѣщеніе въ оные евреевъ, ибо нашли въ нихъ не только соперничество по торговлѣ, промы-

---

[1]) «Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россіи» 1864 г., т. 2, стр. 130.

сламъ и ремесламъ, но и жадное стремленіе къ пріобрѣтенію оныхъ въ однѣ руки». А далѣе заключалъ, что «онъ пять лѣтъ видалъ евреевъ въ селеніяхъ, а девять лѣтъ видитъ оныхъ въ городахъ, и смѣло увѣряетъ и ручается, что селенія не только не потерпѣли отъ удаленія жидовъ, но примѣтнымъ образомъ поправились и не имѣютъ тѣхъ нуждъ, недостатковъ и соблазновъ къ разврату, какія имѣли прежде. Стыдно было бы для малороссійскихъ помѣщиковъ, если-бы крестьяне, имъ подвластные, у жидовъ, а не у нихъ, находили себѣ помощь. Иноземцу можно только подобное помыслить и написать; русскому же тяжко даже и читать сіе».

Такой упрекъ гр. Канкрину совершенно напрасенъ, такъ какъ онъ, по словамъ М. Ѳ. Шугурова [1]), автора «Исторіи евреевъ въ Россіи», относился къ евреямъ не такъ какъ Сперанскій, но былъ скорѣе ихъ *«гонитель»*, въ родѣ Державина, а въ вышеуказанномъ случаѣ выразилъ свою мысль какъ практикъ, и только.

Умѣстно здѣсь замѣтить также, что когда возникла мысль о необходимости привлечь въ Западную Россію русскихъ землевладѣльцевъ, послѣ Польскаго возстанія 1831 года, то по этому случаю гр. Канкринъ подалъ въ такъ называемый Западный комитетъ записку, въ которой совѣтывалъ усилить раздачу въ западныхъ губерніяхъ аренды заслуженнымъ русскимъ, а еще лучше—стараться привлечь польскихъ помѣщиковъ во внутреннія губерніи [2]). Первая часть предложенія гр. Канкрина была принята и 138 лицъ изъ русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ получили недвижимыя имѣнія въ видѣ маіоратовъ, съ условіемъ православія и съ обязанностью устройства благосостоянія поселянъ. По словамъ «рапорта Намѣстника Царства Польскаго», представленнаго по случаю 25-ти лѣтія царствованія Императора Николая I [3]), имѣній такихъ было пожаловано на 222.300 руб. сер. годоваго дохода.

Ни холера, ни возстаніе Польши не помѣшали гр. Канкрину устроить въ 1831 г. выставку въ Москвѣ, приготовленія къ которой, равно какъ и весь ходъ самыхъ работъ производился подъ наблюденіемъ: члена московскаго мануфактурнаго отдѣленія, чи-

---

[1]) «Рус. Арх.» 1894 г., т. II, стр. 474.

[2]) См. «Древнюю и Новую Россію» 1879 г., т. II, стр. 107; статья: «Польша послѣ возстанія 1831 г.».

[3]) «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.» т. 98, стр. 602.

новника министерства финансовъ, Л. М. Самойлова, академика технологіи, ст. сов. О. Х. Гамеля и чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ, извѣстнаго поэта, князя П. В. Вяземскаго. Шесть залъ и комнатъ дворца были заняты выставкою. Число желавшихъ участвовать и число представленныхъ предметовъ были многочисленны.

Болѣе двухъ часовъ пробылъ Государь Николай Павловичъ съ Своимъ семействомъ на выставкѣ. Узнавъ, что дѣти фабриканта Титова были въ Англіи и во Франціи, Государь говорилъ, что образованіе считаетъ онъ необходимымъ для совершенства всякаго дѣла, но надобно ѣздить за границу, и учиться у иностранцевъ для пользы отечества—«учиться доброму, а не худому», добавилъ онъ. Разсматривая издѣлія шелковыхъ и бумажныхъ фабрикъ, Государь обратилъ вниманіе на рисунки, прочность цвѣтовъ, и совѣтывалъ особенно совершенствовать все въ отношеніи вкуса. Сукна серальскія, приготовленныя по-недавно полученнымъ изъ за-границы образцамъ, фабрикантомъ Тарасенковымъ, обѣщающія новый предметъ сбыта въ Азію, вообще азіатскіе товары, и особенно Мизирицкія и Масловыя сукна, возникшія у насъ послѣ прекращенія привоза ихъ изъ Польши, особенно заняли Государя. Оградивъ нашу закавказскую торговлю новыми постановленіями, онъ обѣщалъ свое высокое покровительство и въ семъ случаѣ. У станка Жакарда сидѣлъ и ткалъ русскій бородачъ, и Государь самъ объяснялъ окружавшимъ его сложный механизмъ станка. Машина Нильсена также была осмотрѣна въ дѣйствіи. Даже простой фаянсъ Пелля занялъ Государя, а Императрица Александра Ѳедоровна, разсматривая табакерки Лукутина, припомнила, что такія-же дѣлаетъ въ Брауншвейгѣ Штаубвассеръ [1]).

Князь П. А. Вяземскій [2]), одинъ изъ устроителей выставки написалъ статью: «Взглядъ на Московскую выставку», въ которой, между прочимъ, отмѣтилъ, что бюстъ Государя Императора Николая Павловича, украшавшій главную залу выставки, работы Петра Норманова, двороваго человѣка, прекрасенъ; «имя художника сего достойно извѣстности, уваженія и живѣйшаго участія». По его

---

[1]) «Сѣверная Пчела». 1831 г. № 256.

[2]) «Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго», т. II, стр. 174—182, а описаніе обѣда, даннаго за выставку московскому купечеству, въ 1833 г., Императоромъ Николаемъ въ «Рус. Стар.», т. LI, стр. 575.

словамъ, гвоздемъ выставки была сабля, или точнѣе «сабельныя ножны изъ серебра, съ изображеніемъ сраженій», на изготовленіе которыхъ художникъ употребилъ 16-ть лѣтъ труда и назначилъ цѣну этимъ ножнамъ въ 25.000 рублей.

Въ 1831 году 25-го декабря, т. е. въ день Рождества Христова, графъ Канкринъ получилъ [1]) дипломъ на графское достоинство изъ герольдіи.

Графъ Канкринъ въ своемъ обзорѣ 1831 года, писалъ, что потребность денегъ на польскую войну, совокупно съ другими чрезвычайными издержками, исчислена была на сумму до 140 милл. руб. «Рессурсы не были для сего достаточны, а возникшій въ западныхъ губерніяхъ бунтъ разстроилъ многіе источники доходовъ, а невѣдѣніе, когда оный прекратится, родило мучительную неизвѣстность».

Фонды наши страшно упали [2]) и всѣ старанія заключить новый голландскій заемъ, долго были безуспѣшны.

По отзыву гр. Канкрина, «причина сей неудачи основывалась частію на общемъ положеніи дѣлъ Европы, частію на лживыхъ нарежаніяхъ поляковъ, медленныхъ военныхъ успѣхахъ (въ первую половину года) и живомъ участіи, которое принимали за границею

---

[1]) Приводимъ описаніе герба изъ этой граматы.

Щитъ раздѣленъ на пять частей: въ верхней въ золотомъ полѣ виденъ до половины парящій черный двуглавый орелъ, увѣнчанный коронами, имѣющій на груди въ маломъ щитѣ вензелевое имя Его Величества Государя Императора Николая I, во второй и пятой частяхъ въ золотыхъ поляхъ по одному, вправо обращенному красному раку; въ третьей и четвертыхъ частяхъ, въ голубыхъ поляхъ, по двѣ серебряныхъ полосы, изъ коихъ на каждой по двѣ черныя звѣзды. Надъ щитомъ находится графская корона, на которой поставлены три турнирные шлема, изъ коихъ средній прямой украшенъ графскою короною, на которой виденъ парящій черный двуглавый, увѣнчанный тремя коронами орелъ, а крайніе съ дворянскими коронами, на коихъ находится по два черныхъ орлиныхъ крыла и между ними, въ срединѣ, по два раковыхъ клеща. Наметъ на щитѣ красный и голубой, подложеный золотомъ и серебромъ. Щитъ держатъ два льва. Внизу щита надпись: «Labore».

[2]) Сравненіе курсовъ на наши фонды въ Амстердамѣ:

	Высшая цѣна въ 1830 г.	1831 г.
6% ассигнаціями	78¼	59¼
5% сер. заемъ Беринга . . .	104¼	86¼
5% » » Ротшильда . .	104¾	90
1 (старый) голланд. заемъ. .	106¼	92½
2 голладн. заемъ 1028—29 .	106¼	93¾

LABORE

многіе люди, и даже капиталисты, въ дѣйствіяхъ и успѣхахъ мятежниковъ, что возродило неготовность участвовать въ займѣ для Россіи».

Канкринъ пытался выйти изъ затрудненія, выпускомъ на 30 милл. билетовъ Госуд. Казначейства, но эта операція утвердилась не сразу. Пришлось прибѣгнуть къ обычной мѣрѣ—выпуску ассигнацій, число коихъ въ обращеніи за 1831 г. увеличилось почти на 100 милл. (съ 723.234.259 р. до 823.120.753 р.). Такимъ образомъ финансы наши, благодаря мятежу, «получили глубокую рану, долговые платежи умножились навсегда». Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ Канкринъ, возстановленіе дѣлъ въ Польшѣ озабочивало правительство чрезмѣрно, не исключая и финансовой части; царство Польское требуетъ большихъ ссудъ; «какія же, впослѣдствіи можно будетъ почерпнуть выгоды изъ финансовъ онаго—еще неизвѣстно, и притомъ сомнительно, чтобы онѣ были такъ велики, какъ бы то было желательно».

Обозрѣвая финансовыя результаты за 1823—1831 г., графъ Канкринъ говорилъ осторожно, что если изъ дѣйствительнаго поступленія доходовъ исключить доходъ, предполагавшійся по росписямъ, то окажется превышеніе, въ размѣрѣ около 15.796.000 руб. Въ виду однако того обстоятельства, что на внутреннія потребности занято было 65 милл. 805 тысячъ руб. и изъ остатковъ издержано 21 милл. 885 тысячъ, т. е. всего 87.690.000 р., то, исключая изъ этой суммы превышеніе доходовъ 15.796.000 р., въ результатѣ получится передержка расходовъ на 71.894.000 р. Изъ этого результата гр. Канкринъ выводилъ заключеніе, что «потребности государства превышаютъ настоящіе онаго финансовые рессурсы» и что, «токмо съ величайшимъ усиліемъ и при постепенномъ возвышеніи разныхъ отраслей доходовъ, можно было достичь того, чтобы не сдѣлался большой аріеръ или постоянный дефицитъ въ бюджетѣ». Желая смягчить непосредственное впечатлѣніе своихъ выводовъ, графъ Канкринъ, представляя свой обзоръ на Высочайшее усмотрѣніе, писалъ: «Впрочемъ, если взять въ уваженіе, что въ теченіи семи лѣтъ, исключая 1823 года, роспись котораго составлена еще графомъ Гурьевымъ, сдѣлано внутреннихъ займовъ собственно для надобностей государственнаго казначейства 43.805.000 р., а изъ остатковъ употреблено только 890.000 р., то открывается, что, въ

сравненіи съ другими государствами, положеніе россійскихъ финансовъ еще довольно выгодно».

Мрачное настроеніе министра финансовъ, говоритъ князь Щербатовъ, біографъ фельдмаршала Паскевича[1]), естественно сообщалось высшимъ правительственнымъ сферамъ въ Петербургѣ и ставило въ крайне затруднительное положеніе кн. Паскевича, который въ завоеванномъ и истощенномъ краѣ долженъ былъ за все платить, «между тѣмъ какъ», писалъ онъ Государю, «и денегъ никакихъ нѣтъ въ казначействѣ польскомъ, доходы еще не поступаютъ, а въ интендантствѣ россійскомъ также денегъ нѣтъ: мы не получили 2-хъ милліоновъ для жалованья». Еще война не была окончена, еще Модлинъ и Замостье не сдались, а уже гр. Чернышевъ писалъ, 15-го сентября, Паскевичу:

> «Государь Вамъ пишетъ объ настояніяхъ по важному дѣлу, а именно о необходимости сократить расходы и пользоваться доходами Царства. Министръ финансовъ въ отчаяніи и находитъ невозможнымъ покрыть бюджетныя суммы. Онъ умоляетъ Васъ увѣдомить меня, какъ только Вы найдете мѣстныя денежныя средства и какъ только Вы сократите расходы».

Въ этомъ стремленіи къ сокращенію расходовъ по арміи, гр. Чернышевъ обвинялъ полевого интенданта въ значительныхъ невѣрностяхъ въ его счетахъ. Полевой интендантъ Погодинъ хотѣлъ подать въ отставку, но фельдмаршалъ Паскевичъ увѣренный въ правильности его отчетовъ, уговорилъ его остаться на службѣ, а финансовыя затрудненія были прекращены только рядомъ займовъ, какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ.

Польское возстаніе, холерная эпидемія и неурожай въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, не только затрудняли поступленіе общихъ государственныхъ доходовъ, но и вызывали накопленіе значительнаго количества недоимокъ и потребовали особыхъ важныхъ пожертвованій со стороны правительства.

Оказавшаяся необходимость въ усиленіи средствъ Государственнаго Казначейства способами кредита признана была графомъ Канкринымъ, который съ 1825 г. проводилъ нѣкоторыя измѣненія

---

[1]) Соч. Щербатова; «Князь Паскевичъ», т. IV, стр. 195.

въ системѣ государственнаго долга, преимущественно заключеніемъ срочныхъ, съ возможными для государства облеченіями, внѣшнихъ займовъ. Казалось возможнымъ прибѣгнуть къ организаціи срочнаго займа внутри Имперіи, съ нѣкоторыми условіями обезпеченія такого займа отъ биржевыхъ колебаній.

Исходя изъ этой мысли, предложенъ былъ въ 1831 году выпускъ билетовъ Государственнаго Казначейства; бумага эта должна была соединять въ себѣ характеръ кредитнаго срочнаго обязательства и государственнаго денежнаго знака, подъ извѣстными условіями и ограниченіями. Подобную операцію представляютъ французскіе Bons du tresor и англійскіе Exchequer bills.

Предположенія гр. Канкрина о введеніи въ Россіи билетовъ Государственнаго Казначейства, были въ 1830 году разсмотрѣны финансовымъ комитетомъ, утверждены законодательною властію и въ Высочайшемъ манифестѣ 13-го іюля 1831 года о постепенномъ выпускѣ 3-хъ первыхъ разрядовъ (каждый по 10 милліоновъ руб.) этихъ билетовъ; значеніе ихъ опредѣлено слѣдующими словами: «Билеты Государственнаго Казначейства во всѣхъ случаяхъ представляютъ не что иное, какъ способъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ. По сей причинѣ справедливо, чтобы билеты сіи приносили проценты и необходимо, чтобы они были выплачены въ теченіе краткихъ сроковъ. По сему они совершенно различны отъ ассигнацій, равно и съ внѣшними займами не имѣютъ ничего общаго». Въ заключеніи же манифеста прибавлено, что «Казначейства не будутъ вымѣнивать билетовъ на ассигнаціи, а будутъ они выдаваемы только при значительныхъ платежахъ и то по желанію получателей».

Изъ этихъ указаній манифеста видно, что законодательная власть смотрѣла на введеніе билетовъ Государственнаго Казначейства, какъ на мѣру временную, вызванную исключительными обстоятельствами и желала осуществленія ея на практикѣ со всею осторожностію [1]).

Билеты Государственнаго Казначейства или серіи вызвали на нѣкоторыя соображенія М. М. Сперанскаго, который 27-го мая 1831 г. писалъ гр. Канкрину:

---

[1]) «Ежегодникъ Министерства Финансовъ» 1873 г., выпускъ IV, стр. 152.

«Представляю вашему сіятельству мои бредни. Многое со стороны кажется возможнымъ, что на дѣлѣ невозможно и есть дѣйствительно бредъ. Предаю ихъ совершенно въ вашу волю. Если находите въ нихъ что-нибудь нужное! Хорошо; если нѣтъ, то положите въ тотъ ящикъ, въ которомъ хранятся у васъ всѣ несбыточные проекты. Примите свидѣтельство совершеннаго и искренняго моего почитанія. *М. Сперанскій.*

На верху письма сдѣлана отмѣтка рукою Канкрина: «данъ отвѣтъ моею рукою 27-го мая 1831 года». Письмо это, по распоряженію министра финансовъ М. Х. Рейтерна доставлено было въ Публичную библіотеку, а копія съ него тогдашнимъ директоромъ библіотеки, нынѣ господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. Д. Деляновымъ сообщена редакціи журнала «Русская Старина», гдѣ и было напечатано[1]).

Графъ М. М. Сперанскій начиналъ свое письмо словами; «Позвольте мнѣ, совсѣмъ не въ видѣ спора, но въ личномъ довѣріи представить вамъ нѣкоторыя мысли о новыхъ билетахъ Казначейства. Ни слова здѣсь не будетъ о необходимости; въ ней я столько же увѣренъ, какъ и вы, и радъ вездѣ и передъ всѣми защищать мысль вашу, если бы то было нужно» и т. д.

Вообще Сперанскій въ своемъ письмѣ старался доказать, что проценты по билетамъ Государственнаго Казначейства излишни, а если уже платить, то 1) «за одинъ послѣдній годъ и, слѣдовательно, на тѣ только билеты, кои въ 4-ый годъ останутся въ обращеніи и кои будутъ по необходимости уже поступать въ Казначейство для размѣна. 2) «Назначать сей платежъ и самый окончательный размѣнъ при концѣ срока въ однихъ городахъ губернскихъ.

«Отъ сего произойдутъ слѣдующія выгоды: 1) билеты будутъ ходить такъ-же, но обойдутся дешевле въ-четверо; 2) они будутъ оставаться долѣе въ обращеніи, ибо 3) достоинство ихъ будетъ возрастать по мѣрѣ приближенія къ сроку; 4) вся многосложная операція штемпелеванія процентовъ, счеты, книги сократится и сдѣ-

---

[1]) Т. VIII, 1873 г., стр. 585—88.

лается проще; 5) будетъ болѣе равновѣсія между ними и ассигнаціями и, слѣдовательно, менѣе будетъ униженія въ сихъ послѣднихъ».

Смѣшенія ихъ съ ассигнаціями, менѣе всего желалъ графъ Канкринъ, что имъ было выражено и въ манифестѣ. Серіи или билеты Государственнаго Казначейства, созданные гр. Канкринымъ сохранились до настоящаго времени, а выпуски ихъ во время управленія финансами гр. Канкрина были повторены въ 1834 г. (указы 6-го апрѣля и 13-го іюля) и въ 1840 году (указъ 29-го марта). Самая форма билетовъ оставалась безъ измѣненія до 1860 года, когда при выпускѣ LV серіи, квадраты, находившіяся на билетѣ для прикладыванія штемпелей, означающихъ уплату процентовъ, были замѣнены купонами.

П. С. Усовъ[1]) говоритъ, что въ теченіе 24 лѣтъ со времени перваго выпуска серій, сумма неистребованныхъ по нимъ процентовъ составила 12 милліоновъ рублей. Министръ финансовъ Брокъ указалъ, въ 1855 году, на сумму непотребованныхъ процентовъ по серіямъ, и находилъ возможнымъ снять со счетовъ Государственнаго Казначейства 9 милліоновъ рублей, оставя 3 милліона рублей на тотъ случай, если владѣльцы серій заявятъ свои требованія. Докладъ его былъ утвержденъ и такимъ образомъ казна пріобрѣла 9 милліоновъ рублей за счетъ лишь утвержденныхъ серій, которыхъ особенно много погибло при пожарѣ гостинаго двора въ Твери.

Въ 1832 году, по иниціативѣ графа Канкрина, основано было *Общество для поощренія лѣснаго хозяйства.* Государь Императоръ принялъ это учрежденіе подъ свое особенное покровительство и повелѣлъ выдавать изъ Государственнаго Казначейства, въ теченіе десяти лѣтъ, по 12.000 рублей, на расходы общества, которое должно было:

а) собирать свѣдѣнія о положеніи лѣсовъ и состояніи лѣснаго хозяйства въ разныхъ частяхъ Россіи; b) обращать вниманіе владѣльцевъ на необходимость сохраненія существующихъ лѣсныхъ дачъ, и на разведеніе новыхъ; с) знакомить ихъ съ лучшими методами правильнаго лѣсоводства; съ разными изобрѣтеніями, относя-

[1]) «Историч. Вѣстникъ» 1884 г., т. I, стр. 581.

щимися къ сбереженію топлива, какъ въ домашнемъ быту, такъ и на заводахъ и фабрикахъ; d) выписывать изъ-за границы сѣмена деревъ, полезныхъ для Россіи, и e) предлагать задачи для рѣшенія. Поощреніе садоводства входило также въ число занятій общества Для распространенія же между лѣсовладѣльцами достаточныхъ познаній о лѣсномъ хозяйствѣ, общество стало съ 1833 года, издавать «*Лѣсной Журналъ*», гдѣ помѣщались разнообразныя свѣдѣнія по части лѣсоводства, статистикѣ и прочемъ Главными сотрудниками журнала были губернскіе лѣсничіе.

Въ 1832 году, графъ Е. Ф. Канкринъ за труды свои и блестящее управленіе финансами былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

А въ слѣдующемъ году, несмотря на тяжелыя финансовыя обстоятельства, именно 26-го марта, Россія вмѣстѣ съ Великобританіею и Франціею приняли ручательство по заключенному Греческимъ правительствомъ займу въ 60 милл. франковъ, съ раздѣленіемъ на три главныя серіи, каждая въ 20 милл. фр. съ назначеніемъ 5% ежегоднаго интереса и 1% погашенія [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I его заботы о народномъ продовольствіи явились не ранѣе 1833 года, хотя въ Россіи съ 1820 года недороды хлѣба были почти ежегоднымъ явленіемъ и изъ нихъ неурожай 1827 года въ южныхъ губерніяхъ былъ значительный, особенно въ губерніи Таврической, гдѣ хлѣба истребила саранча, но все это не вызывало тревоги, потому что запасы хлѣба въ магазинахъ были достаточны. Такъ, къ 1828 году, въ сельскихъ магазинахъ числилось 11.070.496 четвертей, изъ нихъ состояло на лицо 7.480.348, въ займахъ 3.590.148 и сверхъ того въ недоимкѣ 829.367, а въ городскихъ показано на лицо 425.888 чет. Продовольственные капиталы являлись еще удовлетворительнѣе: по сельскимъ запаснымъ магазинамъ ихъ было 1.252.232 руб. 16¾ коп., а по городскимъ 5.237.523 руб. 72 коп., да звѣриныхъ кожъ 13.158

---

[1]) «Государственные долги Россіи». Н. Бржескаго. Приложеніе. I. Вслѣдствіе ходатайства Греческаго правительства, отъ 14-го (26-го) января 1865 г. о содѣйствіи державъ, поручившихся въ займѣ 1833 года, помочь ему выйти изъ финансовыхъ затрудненій. Русское правительство изъявило готовность на дальнѣйшія отсрочки и льготы по сей гарантіи.

штукъ (при Сибирскихъ). Сельскіе магазины существовали въ 41 губерніи, но въ 12 губерніяхъ ихъ замѣнялъ продовольственный капиталъ, который простирался до 7.656.016 руб. 21 коп., да недоимокъ было 696.275 руб. 3³/₄ коп. Весь продовольственный капиталъ составлялъ 13.754.772 руб. 9³/₄ коп., а недоимки 696.275 р. 3³/₄ к., итого 14.451.047 руб. 13¹/₂ коп. Наконецъ для обезпеченія жителей находились въ С.-Петербургѣ и Смоленскѣ дровяные дворы, а въ Смоленскѣ еще кирпичные заводы; они имѣли 2.530 саж. дровъ, 238.150 кирпичей и 212.822 руб. 44³/₄ коп. денегъ. На такихъ прочныхъ основаніяхъ (См. «Исторію М. В. Д. т. III, кн. I, стр. 181»), было оставлено Василіемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ обезпеченіе народнаго продовольствія Россіи. Въ 1828 году хлѣбъ удѣльныхъ крестьянъ, въ количествѣ 814.715 четвертей и денегъ 248.758 руб. 63³/₄ коп., отошелъ изъ Вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Удѣльное (тамъ же стр. 240) Разрѣшенный въ 1826 году отпускъ хлѣба изъ С.-Петербурга за границу безъ свидѣтельствъ военнаго генералъ-губернатора, въ видѣ опыта, допущенъ былъ въ 1828 году окончательно (тамъ-же стр. 242).

Кромѣ того надо замѣтить, что цѣны съ 1820 года на земледѣльческія произведенія въ Россіи понижались весьма замѣтно. Всѣ чувствовали тягость этого и Академія Наукъ предложила вопросъ: «опредѣлить время, съ котораго началось измѣненіе въ цѣнахъ каждаго изъ важнѣйшихъ произведеній, объяснивъ при томъ, какія причины этого явленія; въ какой мѣрѣ понижалась цѣна означеннымъ произведеніямъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ; вѣроятно-ли, что это пониженіе будетъ продолжительно, и наконецъ, какое вознагражденіе ущерба, причиненнаго имъ народному доходу, можетъ Россія найти въ произведеніяхъ земли и въ промышленности своей». Этотъ важный вопросъ былъ рѣшенъ многими, но Академія присудила награду чиновнику министерства финансовъ г. Фомину, котораго трудъ изданъ въ 1829 году подъ заглавіемъ: «О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи».

Изслѣдуя причины пониженія цѣнъ, г. Фоминъ считалъ главными изъ нихъ:

1) Возстановленіе всеобщаго мира, которое и прежде-бы оказало свое дѣйствіе, если-бы не препятствовали тому бывшіе въ

1817 году, въ Южной Европѣ, неурожаи, заставившіе вывести изъ Россіи хлѣба на 143.200.000 рублей.

2) Возстаніе грековъ, которое послужило подрывомъ нашей Черноморской торговлѣ.

3) Уменьшеніе запроса изъ-за границы, такъ какъ почти всѣ Европейскія государства воспретили свободный ввозъ его. Правительство наше, вполнѣ сознавая послѣдствія этого переворота, предлагало въ 1826 году, торгующимъ дѣлать склады на островѣ Мальтѣ и попытаться отправлять хлѣбъ въ Южную Америку. Въ Одессѣ составилась компанія для торга хлѣбомъ, перемола зеренъ въ муку. Но всѣ эти мѣры далеко не вознаграждали убытковъ, понесенныхъ отъ введенія новой системы касательно хлѣбной торговли, которой законодательство иностранныхъ государствъ постоянно слѣдовало. Оставалось одно средство увеличить внутреннее потребленіе нашихъ земледѣльческихъ произведеній. Ближайшимъ удобствомъ къ тому казалось превращеніе хлѣба въ вино и пиво, но изъ обнародованныхъ свѣдѣній Сенатомъ въ 1826 году видно, что въ 1819 году продано было вина 18.544.930 ведръ, а въ 1825 году только 11.946.336 ведръ, т. е. менѣе на 6.598 594 ведра. Выдѣлка хлѣбныхъ водокъ не могла усилиться потому, что заводчики были обязаны покупать вино, изъ казенныхъ складовъ по монопольной цѣнѣ.

Но вотъ насталъ неурожай 1833 года, о которомъ нами уже сказано выше (см. примѣчаніе на стр. 65) и вся дешевизна исчезла.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ привело въ одно общее положеніе состоявшіеся съ 1822 по 1831 г. постановленія, о продовольственныхъ запасахъ, а Сенатъ распубликовалъ это узаконеніе для руководства и исполненія [1]); но въ 1833 г. по повелѣнію Императора Николая I былъ составленъ особый комитетъ для пересмотра существующихъ постановленій по устройству сельскихъ магазиновъ, и приведеніе этой части въ лучшее состояніе.

Составленное новое положеніе было Высочайше утверждено 5 іюля 1834 года, которымъ разрѣшались многія, до тѣхъ поръ возникавшія по народному продовольствію затрудненія; оно отличалось отъ всѣхъ предшествовавшихъ мѣръ тѣмъ, что вмѣсто одного

[1]) «Второе П. С. З.» т. VI, отд. II, № 4375.

хлѣбнаго въ нѣкоторыхъ, или же одного денежнаго сбора въ другихъ губерніяхъ, какъ то было предписано правиламъ 1822 года, учреждались въ каждой запасы совокупно хлѣбомъ по $1^1/_2$ четверти, а деньгами съ поселянъ по 1 руб. 60 коп., а съ мѣщанъ по 3 рубля на каждую ревизскую душу.

Независимо отъ всего этого въ 1834 году, по Высочайшему повелѣнію былъ открытъ «Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія», который состоялъ изъ министра финансовъ, министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Кочубея, генералъ-адъютанта графа Васильчикова, оберъ-гофмаршала Нарышкина и егермейстера Васильчикова. Комитетъ этотъ началъ свои дѣйствіи изданіемъ «Земледѣльческой Газеты».

Бывшій директоръ Царскосельскаго лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, въ 1834 г., по представленію графа Канкрина, былъ назначенъ директоромъ по изданію этой газеты, которую издавалъ 19-ть лѣтъ съ пользою, такъ какъ въ числѣ его корреспондентовъ было не мало крестьянъ, сообщавшихъ ему о результатахъ ихъ практическихъ опытовъ по сельскому хозяйству. Для тридцатыхъ годовъ фактъ этотъ не маловаженъ [1]).

Затѣмъ Комитетъ поручилъ профессору дерптскаго университета Шмальцу обозрѣть Россію въ земледѣльческомъ отношеніи. Путешествуя по многимъ губерніямъ, Шмальцъ уже и тогда замѣтилъ, что въ южныхъ губерніяхъ, для полученія вѣрнаго и значительнаго урожая, недостаетъ деревьевъ и кустарниковъ, отчего происходитъ постоянная сухость почвы. Подъ непосредственнымъ управленіемъ Шмальца въ 1835 г., близъ Дерпта былъ открытъ, на мызѣ Альтъ-Кустафъ, практическій земледѣльческій институтъ, а въ 1836 году по предложенію Комитета учреждена земледѣльческая школа съ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ и коренною овчарнею, которая названа была — Горыгорецкимъ земледѣльческимъ институтомъ, существовавшимъ до 1864 года, когда институтъ [2]) этотъ переведенъ былъ въ С.-Петербургъ, въ зданіе бывшаго лѣснаго корпуса, основаннаго графомъ Канкринымъ въ 1829 году.

---

[1]) «Рус. Арх.» 1872 г., стр. 1488.

[2]) Въ послѣдніе года Горыгорецкимъ институтомъ управлялъ П. П. Боголюбовъ (братъ знаменитаго мариниста А. П. Боголюбова), который написалъ книгу «Исторія корабля».

22-го апрѣля 1834 г. графъ Канкринь получилъ бриллiантовыя знаки ордена св. Андрея при слѣдующемъ рескриптѣ [1]):

Графъ Егоръ Францевичъ! Неутомимые труды ваши и благоразумныя распоряженiя въ продолженiи одиннадцатилѣтняго управленiя министерствомъ финансовъ, всегда обращали на васъ особенное вниманiе ввѣрившаго вамъ сiе министерство въ Бозѣ почивающаго Любезнѣйшаго Брата Нашего Императора Александра перваго и Наше.

Въ теченiи сего времени иногда въ самыхъ затруднительныхъ, неблагопрiятныхъ обстоятельствахъ, вы умѣли, не щадя силъ и здоровья, превозмогать встрѣчающiяся вамъ препятствiя и удовлетворяя всѣмъ потребностямъ государственной казны, возвышая постепенно важнѣйшие источники доходовъ оной безъ обремененiя обязанныхъ податями, привести въ лучшее устройство разныя отрасли обширной и многосложной части управленiя вамъ порученной. Въ ознаменованiе уваженiя Нашего полезной вашей службѣ и постояннаго къ вамъ благоволенiя жалуемъ вамъ украшенные алмазами знаки ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, пребывая Императорскою милостiю Нашею къ вамъ благосклонны.

НИКОЛАЙ.

11-го мая 1834 г. графъ Канкринъ внесъ также въ Государственный Совѣтъ представленiе «О распространенiи на 10 губернiй особаго управленiя казенными крестьянами».

«Опыты, писалъ Канкринъ, сдѣланные въ 2-хъ губернiяхъ [2]), доказали, что введенная въ оныхъ система не токмо не представила какихъ либо неудобствъ, но въ существѣ значительно улучшила положенiе крестьянъ и содѣйствовала къ лучшему взысканiю податей въ упомянутыхъ губернiяхъ. Почему не подлежитъ сомнѣнiю, что распространенiе сей системы на другiя губернiи полезно. Распространяемое нынѣ на другiя губернiи управленiе казенными крестьянами принимаетъ онъ, министръ, не въ видѣ временнаго или переходнаго, а какъ основанiе новаго порядка вещей, которое впослѣдствiи можетъ быть исправлено, улучшено или преобразовано».

---

[1]) «Сбор. истор. матер. Соб. Его Имп. Велич. Канцелярiи», т. VIII, стр. 68.

[2]) С.-Петербургской и Псковской, о чемъ выше сказано на стр. 134.

«Онъ полагаетъ ограничиться устройствомъ однихъ окружныхъ управленій; совершенное преобразованіе департамента государственныхъ имуществъ и новое устройство хозяйственныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ, представляется необходимо нужнымъ, только исполненіе должно быть постепенное

«Что касается внутренняго устройства казенныхъ крестьянъ относительно земель, податей, и проч., то нельзя приступить къ составленію полныхъ правилъ прежде, нежели устроено будетъ самое управленіе и будутъ успѣхи въ приготовительныхъ занятіяхъ по части земель, въ заключеніи департамента изложенныхъ»[1]).

Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ Законовъ и Экономіи и въ Общемъ Собраніи разсуждалъ, что «съ давняго времени прочное устройство управленія казенныхъ крестьянъ было предметомъ особыхъ попеченій правительства; предположенія о семъ были разнообразны, но коренная въ нихъ мысль была одна и та же: *преобразованіе настоящей системы податей на лучшихъ и уравнительныхъ началахъ.* Смыслъ введеннаго въ двухъ губерніяхъ въ 1826 г. особаго управленія состоялъ не въ томъ, чтобы посредствомъ его приготовить въ сихъ самыхъ губерніяхъ, способъ къ введенію другого прочнаго казенныхъ крестьянъ управленія, устроеннаго для преобразованія податной системы.

Для достиженія этого необходимо прежде всего поземельное устройство крестьянъ: Но изъ представленія министра финансовъ не видно, чтобъ это дѣло, столь обширное и многосложное, было окончено, если даже и предпринято; дѣло это оставлено безъ исполненія и слѣдовательно первая и главная цѣль учрежденія не достигнула».

Въ заключеніе Государственный Совѣтъ полагалъ: 1) предоставить министру финансовъ составить на вышеизложенныхъ основаніяхъ проектъ новаго временнаго управленія казенными крестьянами и внести его въ свое время въ Государственный Совѣтъ на разсмотрѣніе; 2) заняться изготовленіемъ проекта полнаго законоположенія объ управленіи казенными имуществами и изложить осно-

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что графъ Канкринъ въ своемъ дневникѣ говоритъ: «Я старался сдѣлать изъ русскаго крестьянина, по крайней мѣрѣ наслѣдственнаго арендатора, но было слишкомъ рано; отдѣльный человѣкъ не можетъ совершить такое дѣло».

ванія, на коихъ должна быть введена сообразная съ намѣреніемъ правительства податная система.

Графъ Канкринъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ: онъ считалъ неудобнымъ учрежденіе временныхъ отдѣленій при казенныхъ палатахъ и вообще признавалъ также неудобнымъ и на будущее время отдѣлять дѣла казенныхъ крестьянъ отъ казенныхъ палатъ; онъ оставался при своей мысли объ учрежденіи окружныхъ управленій; но прежде всего, онъ думалъ приступить къ преобразованію департамента государственныхъ имуществъ.

Государственный Совѣтъ остался при своемъ мнѣніи, высказавъ однако въ немъ, что предположеніе объ устройствѣ центральнаго управленія государственныхъ имуществъ онъ считаетъ весьма уважительнымъ и даже необходимымъ [1]).

Въ 1835 г. графъ Канкринъ жаловался, что для покрытія военнаго бюджета онъ постоянно принужденъ прибѣгать къ средствамъ экстра-ординарнымъ; что, сравнивая бюджеты 27-го года съ 35-мъ, оказывается, что послѣдній превышаетъ первый болѣе чѣмъ на 50 милліоновъ, которые главнымъ образомъ уплачиваетъ казна Имперіи а не Царства Польскаго. Военное министерство и и фельдмаршалъ Паскевичъ отвѣчалъ Канкрину, что 27-й годъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ 35-мъ, такъ-какъ по таблицамъ продовольственнымъ видно, что цѣны казны на продукты составляютъ разницу въ 33 милліона, и что Царство Польское не въ состояніи содержать войска, тамъ расположенныя, какъ бы это желалъ министръ финансовъ. Графъ Канкринъ, съ трудомъ соглашаясь на эти доводы, настаивалъ на необходимости перевести на бюджетъ Царства Польскаго наибольшую сумму расходовъ по содержанію арміи, расположенной въ Польшѣ, на что́ конечно, Паскевичъ не соглашался. Пререканія эти кончились тѣмъ, что́ Государь изъ Москвы 11-го мая писалъ [2]) фельдмаршалу.

> «Дѣло о бюджетѣ Царства кончилось согласно твоему мнѣнію. Министръ финансовъ будетъ на меня гнѣваться, но вольно ему не соглашаться на то, что́ справедливо».

---

[1]) Заблоцко-Десятовскій «Графъ П. Д. Киселевъ». т. II, стр. 35—37.
[2]) Щербатовъ «Князь Паскевичъ». т. 5, стр. 133.

Графъ Канкринъ, заботясь о сокращеніи расходовъ по военному министерству шелъ еще далѣе; именно, онъ внесъ предложеніе о сокращеніи смѣтъ вообще всѣхъ министерствъ и Главныхъ Управленій, къ которому даже Государственный Совѣтъ отнесся весьма сочувственно и постановилъ: 1) расходамъ по каждой части государственнаго управленія должны быть назначены положительные предѣлы, далѣе которыхъ министры и главноначальствующіе не должны уже простирать свои требованія, и 2) каждый, въ теченіе года, непредвидѣнный расходъ можетъ быть покрытъ исключительно росписью опредѣляемой, суммы на чрезвычайныя издержки, причемъ подобный расходъ долженъ быть утвержденъ министромъ финансовъ, которому представлялось бы право производить такіе отпуски.

Съ своей стороны, императоръ Николай I также призналъ вопросъ о сокращеніи расходовъ *«неотложнымъ»*, и, 7-го января 1834 г., повелѣно было учредить по каждому министерству (кромѣ министерства двора, расходы котораго *«не могли подлежать сокращенію»*) особые комитеты изъ лицъ, къ нимъ принадлежащихъ, и возложить на нихъ, совмѣстно съ министрами, обязанность «извлекать способы къ возможному уменьшенію расходовъ по каждому вѣдомству».

Но на дѣлѣ оказалось совершенно иное. Дѣятельность комитетовъ была почти сведена къ нулю. Въ общихъ своихъ результатахъ, роспись расходовъ 1835 года равнялась 485.065 т. р., нормальная смѣта графа Канкрина составляла 450.200 т. р., а роспись расходовъ на 1836 годъ принята была въ 508.726 т. р.

Такимъ образомъ, всѣ усилія графа Канкрина, комитетовъ и даже самаго Государя—ничѣмъ не послужили дѣлу сокращенія расходовъ. Точно также, хотя новымъ положеніемъ (30 декабря 1836 г.) права государственнаго контроля были расширены, но 2-й пунктъ новаго положенія гласилъ: «Отчетностью государственному контролю не обязываются тѣ мѣста, которыя освобождены отъ сей обязанности существующими законами и особыми Высочайшими повелѣніями», а къ такимъ «безконтрольнымъ» мѣстамъ принадлежали и впослѣдствіи причислялись многія вѣдомства и лица, поглощавшія ежегодно десятки милліоновъ рублей.

Врагъ графа Канкрина—генералъ-адъютантъ Киселевъ по этому поводу представлялъ даже особую записку о необходимости кореннаго измѣненія ревизіонной системы, въ виду того, что существовавшій порядокъ по ревизіи генеральной отчетности не даетъ нравственнаго убѣжденія и положительнаго ручательства предъ правительствомъ въ вѣрности оборотовъ суммъ и капиталовъ. «Государственный Совѣтъ, однако, замѣчаетъ Бліохъ, состоя въ большинствѣ, именно, изъ лицъ ревизуемыхъ, счелъ болѣе полезнымъ оставить дѣйствовавшую систему, продолжавшуюся вплоть до 1852 года».

«Конечно, говорилъ Канкринъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, теперь въ Россіи Государственному контролю, ревизующему отчеты министерскихъ департаментовъ, дозволено вытребовать и подлинныя дѣла, книги, и счеты по той или другой счетной процедурѣ или операціи и проконтролировать ихъ съ вящшею точностью; но что же это—такое? Не значитъ ли это—дозволено перевѣшивать одинъ мѣшокъ изъ милліона мѣшковъ? Не есть-ли это какое-то дѣло, какъ бы имѣющее характеръ какого-то загадочнаго фокуса? Въ концѣ концевъ, однакоже, сфера разрѣшенія вопроса, *какъ* ревизуется отчетность, остается туманною въ Государственномъ контролѣ. Само собою разумѣется, что Государственный контроль долженъ ревизовать правильность отчетовъ и счетовъ, а не подвергать критикѣ административныхъ мѣръ министерствъ. Въ противномъ случаѣ—Государственный контролеръ былъ бы выше, чѣмъ всѣ министры, и при такой его власти, конечно, ни одинъ бы министръ не могъ бы оставаться на своемъ мѣстѣ».

Не лучше было и разсмотрѣніе проектовъ росписи Такъ роспись на 1838 годъ была внесена на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта 16-го декабря 1837 г., причемъ Высочайшее утвержденіе этой росписи послѣдовало 26-го декабря, т. е. разсмотрѣніе росписи заняло всего лишь 10 дней. О такомъ способѣ производить провѣрки отчетовъ и разсмотрѣніе росписей графъ Канкринъ отзывался чрезвычайно характерно. Онъ сравнивалъ дѣятельность Государственнаго Совѣта съ охотою на дупелей: «ищутъ, ищутъ, прицѣливаются; иногда—попадутъ, а чаще всего—промахнутся».

Такимъ образомъ графу Канкрину оставалось быть экономнымъ лишь расходчикомъ финансовъ, и онъ, дѣйствительно тако-

вымъ былъ, и, отстаивая съ энергіей рессурсы государства, не разъ становился въ оппозицію къ Высочайшей волѣ, отказывая Императору Николаю I въ деньгахъ, предназначавшихся, по его мнѣнію, на безплодные расходы.

Московская выставка 1835 года была устроена въ залахъ Благороднаго собранія и также осчастливлена посѣщеніемъ Импператора и Царской фамиліи. По описанію «Москоскихъ Вѣдомостей» (см. № 117, за 1835 г.) Императрица пріѣхала съ дѣтьми, изъ которыхъ два младшіе Великіе князя (Михаилъ и Николай Николаевичи) одѣты были въ голубыхъ русскихъ кафтанахъ съ шелковыми кушаками и обстрижены въ кружокъ, или скобку по—русски, и въ русскихъ ямскихъ шляпахъ, а Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ курточкѣ съ шитьемъ морскаго мундира. «И здѣсь, на выставкѣ, писалъ г. Масловъ, авторъ указанной газетной статьи, показалъ онъ себя не по лѣтамъ зрѣлымъ. Съ живостію движеній прошелъ онъ всѣ комнаты, при всемъ замѣчательномъ останавливался, обо всемъ разспрашивалъ скоро, быстро; наконецъ взбѣжалъ на хоры большой залы: увидавъ канаты, побѣжалъ къ нимъ, и цѣлуя корабельный тросъ, сказалъ: «это мой, это мой!»

Въ томъ же 1835 г., по представленію графа Канкрина устроено было «Учебное Лѣсничество» въ казенной Лисинской дачѣ, состоящей въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Помѣщики, желавшіе имѣть свѣдущихъ лѣсничихъ, могли присылать сюда своихъ людей, для обученія не только лѣсному хозяйству, но и егерскому искусству. За годичное содержаніе взималось 300 руб. съ пансіонера. Въ слѣдующемъ 1836 г. графъ Канкринъ издалъ книгу своего сочиненія «Элементы прекраснаго въ зодчествѣ» (Die Elemente des Schönen in der Baukunst), которая по словамъ его дневника, не имѣла успѣха, потому что вопросъ въ ней обсуждался слишкомъ отвлеченно, но въ трактатѣ этомъ разсѣяно много очень глубокихъ и мѣткихъ соображеній. Благодаря художественнымъ наклонностямъ и эстетическимъ вкусамъ графа Канкрина была учреждена имъ при Академіи Художествъ воскресная рисовальная школа для приходящихъ, которая потомъ поступила въ вѣдѣніе Общества поощренія художествъ, и въ нея были допущены дѣвушки. Это было такое нововведеніе какого не знала даже въ то время Франція. Такъ, по-

койный директоръ этой школы Ѳ. Ѳ. Львовъ въ своихъ о ней воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», говоритъ, что пріѣхавшая въ Петербургъ знаменитая художница Роза Бонеръ, посѣтивъ рисовальную школу, была поражена, увидѣвъ тутъ дѣвушекъ.

Графъ Канкринъ учредилъ не мало также школъ въ горнозаводскихъ округахъ, и вездѣ тоже открывалъ отдѣленія для дѣвушекъ. Онъ понималъ какую важную роль въ успѣхахъ промышленности можетъ играть женщина, разъ ей будетъ предоставлено расширеніе сферы ея труда. Однимъ словомъ графъ Канкринъ былъ первымъ въ Россіи ревнителемъ женскаго образованія. Кромѣ школы при Академіи Художествъ, графъ Канкринъ основалъ рисовальные классы при гимназіяхъ, третью Московскую гимназію съ техническимъ отдѣленіемъ и такія-же отдѣленія при нѣкоторыхъ губернскихъ гимназіяхъ, техническія горныя школы, училища торговаго мореплаванія въ Петербургѣ [1]) и Москвѣ, шкиперскіе учебные курсы въ Архангельскѣ и Кеми [2]), и публичныя лекціи, посвященныя успѣхамъ промышленности при всѣхъ нашихъ университетахъ.

Недаромъ въ отчетѣ Академіи Художествъ за 1844—45 гг., говорилось: «Графъ Канкринъ много совершилъ полезнаго для промышленности и искусствъ, а учрежденная имъ Воскресная школа рисованія впослѣдствіи получила замѣчательное развитіе и вполнѣ достигаетъ цѣль, ей предназначенную».

Пакгаузы, окружающіе зданіе с.-петербургской Биржи, сооружены графомъ Канкринымъ, равно какъ и маяки, въ видѣ ростральныхъ колоннъ, которые придаютъ особенный характеръ мѣстности, указывая на ея торговое значеніе. Вотъ почему виньетка, украшающая заглавный листъ настоящей главы, взята съ современной литографіи вида Биржи, возлѣ которой тотъ-же графъ Канкринъ разбилъ аллею, насадивъ ряды каштановыхъ деревъ. Имъ же разбитъ Александровскій паркъ возлѣ крѣпости, приведенъ Петровскій островъ въ настоящее благоустройство, а также построенъ Пѣвческій мостъ, украсившій дворцовую площадь [3]).

---

[1]) Это училище помѣщалось недалеко отъ Львинаго мостика, на Мойкѣ, близъ Казанской части, нынѣ домъ Алафузовыхъ.

[2]) Утверждены были 31-го октября 1841 г. въ видѣ опыта на 6 лѣтъ.

[3]) По словамъ П. И. Голубева, одинъ изъ мостовъ, построенный Канкринымъ,

Съ 1836 года начались для графа Канкрина непріятности по поводу учрежденіяи Министерства Государственныхъ имуществъ, министромъ которыхъ былъ назначенъ графъ П. Д. Киселевъ, который разсказываетъ въ своемъ дневникѣ [1]), отъ 17-го февраля 1836 г., слѣдующее:

«Я имѣлъ честь обѣдать у Его Императорскаго Величества съ графами Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, Государь приказалъ мнѣ остаться и, посадивъ меня противъ своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: «Мнѣ съ тобою нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ казенныхъ. Я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и, увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему Самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ.—Мнѣ нуженъ помощникъ и, какъ Я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало по малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать нельзя, а Я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ, и что все идетъ безъ толку. Поручить же преобразованіе петербургскихъ крестьянъ Эссену,—кромѣ вздора ничего не будетъ, а потому не откажи Мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь Мнѣ».

кажется, на Крюковомъ каналѣ провалился въ день своего открытія, что дало поводъ къ строфѣ въ шуточномъ стихотвореніи С. А. Соболевскаго—Канкриніада:

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ чудный зодчій
Самопадающій мостъ?

[1]) См. соч. Заблоцкаго-Десятовскаго, «Графъ П. Д. Киселевъ». Глава XXV, стр. 11.

Далѣе В. А. Инсарскій въ своихъ запискахъ [1]) повѣствуетъ такъ:

«Я помню, что предъ самымъ открытіемъ министерства Государственныхъ имуществъ, Киселевъ спросилъ министра финансовъ, не представится-ли возможнымъ предоставить для его помѣщенія домъ, занимавшійся тогда Департаментомъ Государственнаго Казначейства (въ Большой Садовой). Принадлежала-ли эта мысль Государю или Киселеву, я положительно не знаю; но самый, вопросъ сдѣланъ былъ несомнѣнно съ Высочайшаго свѣдѣнія. Графъ Канкринъ отвѣчалъ, что этотъ домъ ему самому нуженъ и между прочимъ упомянулъ какъ-то, что тамъ помѣщается часть недостаточныхъ чиновниковъ. Государь, которому Киселевъ доложилъ эту бумагу, покрылъ ее обширными собственноручными замѣчаніями. Эта резолюція произвела большой шумъ въ Петербургѣ. Точныхъ словъ Государя я не помню [2]), но помню, что главнымъ содержаніемъ ея было сѣтованіе, что какъ онъ несчастенъ, встрѣчая постоянно противодѣйствіе своей волѣ и что какъ ему непріятно обыкновеніе раздавать квартиры чиновникамъ и т. д. Несомнѣнно, что еслибы графъ Канкринъ могъ предугадать содержаніе этой резолюціи, содержаніе его отзыва, волею не волею было-бы иное. Такъ точно было и въ другихъ дѣлахъ. Въ глазахъ всѣхъ опытныхъ людей, стремленіе Киселева присвоить себѣ независимое распоряженіе доходами государственныхъ имуществъ не могло не казаться страннымъ, но съ этимъ капризомъ обходились деликатно, изъ опасенія грознаго защитника Киселева».

Отъ созданнаго министерства графомъ Киселевымъ ожидали, что оно улучшитъ положеніе казенныхъ крестьянъ; но надеждамъ не суждено было исполниться, и новое министерство, перепутавъ прежній порядокъ, само запуталось въ своихъ распоряженіяхъ. Въ 1843 г., противъ квартиры Киселева на Мойкѣ, у Почтамтскаго мостика, построили балаганъ, въ которомъ показывали панораму Парижа. Извѣстный острякъ, князь А. С. Меньшиковъ на вопросъ, для

---

[1]) «Рус. Арх.» 1873 г., стр. 560—563

[2]) Вотъ эти слова Николая Павловича: «Расширять помѣщеніе и давать чиновникамъ квартиры есть всеобщая страсть, противъ которой я неотступно, воюю, и потому заключаю, что не хотите уважить какъ мнѣ, такъ и новому моему учрежденію» (См. «Гражданинъ» 1872 г. № 32, стр. 499).

чего построенъ этотъ балаганъ, отвѣтилъ:—«Здѣсь показываютъ въ миніатюрѣ улучшеніе казенныхъ крестьянъ [1]).

Говоря о тѣхъ непріятностяхъ, которымъ подвергся графъ Канкринъ при учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. Умѣстно будетъ привести письмо, написанное карандашемъ, Императоромъ Николаемъ I, къ больному Канкрину, котораго потревожили ночью для незначительной справки. Вотъ оно, какъ напечатано въ статьѣ А. П. Шипова [2]).

> «Сегодня только узналъ я, любезный Егоръ Францевичъ, что нехотя я былъ причиною одного обстоятельства, которое справедливымъ образомъ должно было васъ огорчить. Не видавъ васъ столь долго, лишенъ я былъ возможности условиться съ вами о намѣреніи моемъ ближе узнать порядокъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ, для чего полагалъ начало года самымъ удобнымъ временемъ. Приказавъ С. С. Танѣеву увѣдомить васъ о семъ намѣреніи, мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы для сообщенія сего стали васъ тревожить безъ всякой нужды *среди ночи!* Тогда какъ ничто не мѣшало исполнить сіе въ обыкновенное время; но такъ какъ начальникъ отвѣчать долженъ за своихъ подчиненныхъ, то я охотно принимаю грѣхъ на себя и винюсь искренно предъ вами въ невольной винѣ. Но не менѣе того вы должны были принять сіе странное объявленіе моей воли, какъ нѣкій знакъ неудовольства моего, и это всего бы мнѣ было прискорбнѣе. Вы, надѣюсь, знаете съ давнихъ временъ мое къ вамъ уваженіе; одиннадцать лѣтъ нашихъ личныхъ сношеній обратили оное, могу сказать по истинѣ, въ искреннюю къ вамъ дружбу и благодарность,—и въ этомъ ли расположеніи къ вамъ могъ бы я рѣшиться нанести вамъ какую-либо непріятность? Надѣюсь что вы меня довольно знаете хорошо, чтобъ къ моимъ слабостямъ и недостаткамъ не причислить гнуснѣйшаго изъ всѣхъ пороковъ—неблагодарности. Надѣюсь, что послѣ сего чистосердечнаго

[1]) «Русская Старина» 1875 г., т. XII, стр. 640.
[2]) «Библіотека для чтенія», 1864 г. №№ 4 и 6.

объясненія удалось мнѣ разсѣять въ васъ и тѣнь сомнѣнія въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ дружбы и признательности, съ которыми навсегда пребуду къ вамъ искренно доброжелательный.

НИКОЛАЙ.

5-го января 1837 года.

За то и графъ Канкринъ беззавѣтно былъ преданъ Николаю Павловичу, о которомъ въ своей духовной говорилъ «всѣмъ обязанъ милости Его». Вотъ почему, когда сгорѣлъ въ 1837 г. Зимній дворецъ, Канкринъ, предвидя огромные расходы по отстройкѣ дворца, явился къ Государю и вызвался выдать изъ Государственнаго Казначейства нѣсколько милліоновъ и въ то-же время просилъ поручить ему работы, такъ какъ онъ исполнитъ ихъ дешевле подрядчиковъ. Государь отклонилъ предложенныя деньги, но графа Канкрина назначилъ членомъ Коммисіи по отстройкѣ дворца, сказавъ ему, что не можетъ довѣрить своихъ денежныхъ интересовъ болѣе надежному человѣку.

На Пасху 1837 года графъ Канкринъ поднесъ Императору Николаю I оригинальное красное яичко, которое явилось по слѣдующему поводу:

На монетномъ дворѣ, при вырѣзкахъ изъ полосоваго золота кругляковъ для чеканки имперіаловъ и полуимперіаловъ, остаются обрѣзки, которые не записывались ни въ какія отчетныя книги. Графъ Канкринъ изъ накопившихся обрѣзковъ приказалъ вычеканить полуимперіалы, которыхъ вышло 15.000 штукъ, и вздумалъ ихъ поднести Государю, какъ неожиданный подарокъ. Для этого, по его указанію, въ Технологическомъ институтѣ, разсказываетъ М. М. Поповъ [1]) сдѣлали изъ ольховаго дерева огромное яйцо, въ которое и вложили 15 тысячъ полуимперіаловъ.

Въ первый день Пасхи, яйцо привезли во дворецъ чиновники министерства, а въ комнаты Государя внесли его, за графомъ Канкринымъ, камеръ-лакеи.

— Это что? спросилъ Государь.

---

[1]) «Рус. Стар.» т. LXXXVI стр. 598.

— Позвольте, Ваше Величество, прежде похристосоваться, сказалъ графъ.

Николай Павловичъ разцѣловался съ нимъ.

— Теперь, Ваше Величество, осмѣливаюсь представить красное яичко, отъ вашихъ богатствъ, и прошу дотронуться до пружины.

Государь нажалъ штифтъ и яйцо раскрылось, а вмѣсто желтка показались полуимперіалы.

— Что это, что это,— сколько тутъ? спросилъ удивленный Монархъ.

Графъ Канкринъ отвѣчалъ, что въ яицѣ 15 тысячь полуимперіаловъ, и объяснилъ, что они вычеканены изъ урѣзковъ, нигдѣ не показываемыхъ по отчетамъ. Государь могъ только сказать:

— Урѣзки? экономія?—ну, такъ пополамъ.

— Нѣтъ, Ваше Величество, это твоя отъ твоихъ, и только тебѣ одному принадлежитъ».

Ни возстаніе Польши, ни іюльская революція во Франціи, произведшая въ Европѣ финансовый и торговый кризисъ, ни холера, свирѣпствовавшая въ Имперіи, ни голодъ, вслѣдствіе неурожая, ничто не остановило финансоваго благоустройства и преуспѣянія экономическаго положенія Россіи. Канкринъ не прибѣгалъ въ возвышенію внутреннихъ налоговъ и акцизовъ. Доходы государства увеличивались сами собою отъ возрастанія народнаго благосостоянія.

Вслѣдствіе столь благопріятнаго экономическаго и финансоваго положенія Россіи и высоко поднявшагося на биржахъ нашего вексельнаго курса, иностранная монета стала переходить къ намъ. По таможеннымъ свѣдѣніямъ за десятилѣтіе 1824—1834 г., въ Россію было ввезено золота и серебра на 262 мил. руб. Особенно много появилось тогда у насъ французской золотой двадцати-франковой монеты, которая, по величинѣ своей, много походила на наши полуимперіалы, такъ что безграмотные простолюдины стали принимать ихъ въ одинаковой цѣнѣ, тогда какъ они представляли разницу почти на 5 проц. Этимъ воспользовались мѣнялы, которые даже выписывали французское золото изъ за границы. Этою спекуляціей стали пользоваться потомъ разные торговцы и, наконецъ, откупщики. Всѣ старались торговать на рубли, не опредѣляя съ точностью платежную единицу, но отдавая луидоры въ 18 руб. 2 коп. ассигн., какъ принимали казначейства полуимперіалы, и еще требо-

вали съ продавцовъ-простолюдиновъ сдачи на эти, какъ ихъ тогда называли, *лобанчики*. Мало-по-малу это вошло въ обычай на базарахъ; но скоро разница сдѣлалась извѣстною для всѣхъ, а измѣнить торговую единицу никто не хотѣлъ, и потому, оставляя лобанчики въ курсѣ 18 руб. 2 коп., стали принимать русскій полуимперіалъ въ 18 руб. 90 коп., а затѣмъ явился лажъ и на серебро и на ассигнаціи, такъ что основной единицей въ торговлѣ, въ промышленныхъ городахъ и даже въ Москвѣ, сдѣлалась оцѣнка лобанчика въ 18 руб. 2 коп. Но и это не долго продолжалось, явился лажъ и на самые лобанчики, который естественно долженъ былъ отразиться возвышеніемъ и на всѣ другія монеты, а также и на ассигнаціи. Курсъ платежной единицы такимъ образомъ непрестанно понижался, что являлось безпорядкомъ, которому надо было положить конецъ. Но Канкринъ не былъ въ немъ виновенъ, хотя подвергался сильнымъ нападкамъ отъ нѣкоторыхъ лицъ. Больше всѣхъ обвинялъ его въ этомъ случаѣ бывшій польскій министръ финансовъ князь Любецкій [1]), и требовалъ установленія монетной единицы.

По словамъ М. А. Корфа князь Ксаверій Францевичъ Любецкій сосредоточивалъ всю свою дѣятельность на постоянномъ противоборствѣ финансовой системѣ графа Канкрина. «Эта оппозиція сдѣлалась цѣлію всѣхъ его стремленій. Сперва онъ увлекался—такъ, по крайней мѣрѣ, многіе думали—желаніемъ свергнуть Канкрина и занять его мѣсто; но и послѣ, когда время и обстоятельства должны были, повидимому, разрушить эти волшебные замки, онъ не переставалъ вести противъ него все ту же постоянную упорную, ожесточенную войну, быть можетъ, уже только по старой привычкѣ. Привожу здѣсь набросанный мною съ него, въ описываемую эпоху,—портретъ:

«Любецкому 65 лѣтъ; но онъ бодръ и живъ, какъ молодой человѣкъ. Очень маленькаго роста, онъ довольно тученъ и, въ особенности, широкъ въ среднихъ частяхъ туловища, что даетъ фигурѣ его подобіе волчка. Безобразная форма ногъ, несоразмѣрно огромныхъ, еще увеличивается широкими мѣховыми сапогами, которые онъ носитъ отъ часто мучащей его подагры. Голова, пропор-

---

[1]) Графъ Мордвиновъ указывалъ Императору Николаю на Любецкаго, какъ на геніальнаго человѣка (см. «Рус. Стар.» 1878 г., т. XXI, стр. 646).

ціонально, также довольно велика. Закругленный, круто выскакивающій впередъ носъ, небольшіе, но очень выпуклые сѣрые глаза, въ которыхъ, по странному контрасту, сливается вмѣстѣ выраженіе и лукавства, и простосердечія; большой, подающійся назадъ лобъ и втягивающійся также назадъ подбородокъ—все это даетъ его профили какое-то птичье очертаніе и мнѣ всегда напоминало куропатку. Лобъ и все темя его голы, какъ рука, но на затылкѣ онъ носилъ, до весны 1840 года, предлинные волосы, разсыпавшіеся почти до плечъ; тутъ вздумалось ему вдругъ выстричься подъ гребенку, кажется только для фразы, которую онъ повторялъ всѣмъ съ особеннымъ самодовольствомъ: что, въ противоположность съ Самсономъ, потеря волосъ не отняла у него моральной силы. Въ цѣломъ наружность Любецкаго представляетъ смѣсь нѣмецкаго профессора съ польскимъ паномъ: отъ перваго—небрежная неопрятность, неряшество, цинизмъ въ костюмѣ и во всемъ внѣшнемъ, и неотлучная кривая трубка; отъ послѣдняго—журавлиная спѣсь, впрочемъ, только въ пріемахъ и походкѣ, а отнюдь не въ характерѣ. Передъ начатіемъ своихъ рѣчей, вставъ со стула, подавшись назадъ и вытянувъ шею, онъ будто бы выростаетъ цѣлою головою: это пѣтухъ съ поднявшимся гребнемъ, вызывающій на бой цѣлый свѣтъ!»

На основаніи архивныхъ документовъ, профессоръ В. Т. Судейкинъ [1]) разсказываетъ что въ запискѣ графа Канкрина, представленной въ Государственный Совѣтъ, въ 1837 году [2]), по поводу необходимости прекращенія счета на монету и ассигнацій по простонароднымъ курсамъ, было указано, что несмотря на принимаемыя мѣры, существованіе лажа объясняется злонамѣренностью, такъ какъ «нигдѣ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ простонародные лажи, непримѣтно недостатка въ мелкой серебряной монетѣ; никогда по симъ губерніямъ на то не жаловались».

Разбирая существующее положеніе подлежащаго его разрѣшенію вопроса, Канкринъ указывалъ, что разговоръ въ обществѣ о единствѣ монеты не имѣетъ значенія и «Россія въ существѣ на-

---

[1]) «Востановленія въ Россіи металлическаго обращенія» (1839—1843). Москва 1891 г. стр. 37.

[2]) Въ томъ же 1837 г. по порученію гр. Канкрина былъ сооруженъ памятникъ на Бородинскомъ полѣ («Рус. Арх.» 1887 г., т. 3, стр. 199).

ходится въ счастливомъ положенiи: звонкихъ денегъ много, и ассигнацiи поправляются, примѣръ едва-ли бывалый».

«Обилiе серебряныхъ денегъ въ обращенiи оказалось со времени разрѣшенiя прiема звонкой монеты, при чемъ курсъ серебра, падая дошелъ до 3 руб. 53 коп., вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается взносъ серебряныхъ денегъ въ Коммерческiй банкъ, чего до сего времени не замѣчалось, такъ какъ всего было внесено 9.000 руб. Посему будетъ удобно принимать серебро на храненiе и выдавать на принятые вклады свидѣтельства, которыя, мало-по-малу войдя въ народное обращенiе, могутъ служить важнымъ приготовленiемъ для переложенiя нынѣшнихъ ассигнацiй на серебро, если-бы правительство признало нужнымъ и возможнымъ приступить къ сей огромной мѣрѣ впослѣдствiи». И по этому поводу Канкринъ, въ письмѣ къ М. М. Сперанскому, съ которымъ онъ, какъ уже сказано совѣщался, по финансовымъ вопросамъ, писалъ слѣдующее: «я предложилъ депозитные билеты, какъ невинный и безопасный способъ для облегченiя оборотовъ и какъ приготовительную мѣру *для введенiя серебряныхъ ассигнацiй*, если бы разсуждено было впослѣдствiи къ тому приступить».

Представленная Канкринымъ записка съ указанiемъ мѣръ, клонящихся къ прекращенiю дѣйствiя простонародныхъ лажей вызвала оживленный обмѣнъ мыслей среди членовъ Государственнаго Совѣта, изъ числа которыхъ: Сперанскiй, Друцкой-Любецкiй и адмиралъ Грейгъ обѣщали представить замѣчанiя на внесенный проектъ, то въ виду этого Государственный Совѣтъ отложилъ разрѣшенiе вопроса впредь до полученiя записокъ названныхъ лицъ.

Затѣмъ въ 1837 г. (29 ноября) въ общемъ собранiи Государственнаго Совѣта былъ подвергнутъ обсужденiю вопросъ о воспрещенiи всякаго рода сдѣлокъ на монету по простонароднымъ курсамъ. Такъ какъ мѣры, предлагаемыя для уничтоженiя лажей распредѣлялись на запретительныя и финансовыя, то общее собранiе, согласно съ мнѣнiемъ департамента Государственной Экономiи, нашло первыя малопригодными для достиженiя намѣченной цѣли. Что же касается до дѣйствiя 2-хъ, то оно полагало, что для устраненiя лажей «было бы необходимо сдѣлать измѣненiя или переворотъ въ самой финансовой системѣ». Хотя Государственный Совѣтъ находилъ это дѣло весьма труднымъ, но, въ виду предложе-

нія нѣкоторыхъ своихъ членовъ, обѣщавшихъ представить планы уничтоженія ажіотажа, такъ и о депозитной кассѣ, было рѣшено отложить разсмотрѣніе вопроса, пока они не представятъ обѣщанныхъ ими записокъ. Грейгъ и Друцкой-Любецкій подали особое мнѣніе противъ учрежденія депозитной кассы, почему Государственный Совѣтъ постановилъ передать проектъ министра финансовъ и сдѣланныя на него возраженія для разсмотрѣнія въ соединенные департаменты Законовъ и Государственной Экономіи.

Адмиралъ Грейгъ, возражая противъ устройства депозитной кассы, находилъ исходныя точки зрѣнія министра финансовъ невѣрными, такъ какъ его мотивы въ пользу устройства депозитной кассы слѣдующіе: будто замѣчается чрезвычайный приливъ серебряныхъ денегъ въ государственномъ казначействѣ съ тѣхъ поръ, какъ дозволено платить подати по произволу ассигнаціями и звонкою монетою; вслѣдствіе же накопленія встрѣчается затрудненіе въ перевозкѣ оной изъ одного мѣста въ другое. Что касается перваго мотива, то, по мнѣнію Грейга, приливъ далеко не такъ значителенъ, и имъ пользуются, благодаря пріему въ казну по 3 р. 60 к. ассигнаціями за серебряный рубль, когда на рынкѣ онъ стоитъ 3 р. 52—3 р. 53 к. Вообще приливъ серебра никакихъ опасеній не внушаетъ, такъ какъ количество денегъ нисколько не увеличивается на рынкѣ. Если же онъ тяжело ложится на казначейство, то подобное неудобство отвратимо разрѣшеніемъ казначейству выдавать деньги въ уплату монетою по установленному курсу. Слѣдовательно не существуетъ никакихъ основаній къ устройству депозитной кассы. Что касается до ея устройства на намѣченныхъ министромъ финансовъ основаніяхъ, то онъ не можетъ представить какой успѣхъ она можетъ имѣть, когда серебро можетъ приносить процентъ въ качествѣ вклада, а будучи положено на храненіе—ничего: тамъ выдается билетъ именной, а здѣсь на предъявителя. Высказанное мнѣніе адмираломъ Грейгомъ, не смотря на вѣскость и убѣдительность доводовъ не оказало вліянія на членовъ Совѣта, такъ какъ для него самого неяснымъ представлялось значеніе такой простой мысли, какъ выпускъ депозитныхъ билетовъ. Сущность возраженія князя Друцкаго-Любецкаго заключалась въ томъ, что «не запретительными мѣрами, но токмо выпускомъ въ кругообращеніе нужнаго количества монетъ и ихъ представителей, т. е.

ассигнацій съ свойственными узаконеніями устранятся у насъ биржевой, казенный и простонародный курсы, а тѣмъ самымъ отвратится существующій нынѣ лажъ». Другими словами князь Друцкой-Любецкій настаивалъ на коренныхъ измѣненіяхъ всей денежной системы. Когда, такимъ образомъ, все было въ достаточной степени подготовлено, то проектъ опять былъ заслушанъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта. При обсужденіи было высказано, что «корень возникшаго и такъ быстро и всемѣстно разросшагося зла *таится именно въ недостаткахъ нашей денежной системы,* а сообразно съ представленными Канкринымъ соображеніями и дополненіями Департамента было признано необходимымъ пересмотрѣть предложенныя министромъ финансовъ мѣры и «воспретить подъ страхомъ наказанія всѣ словесныя сдѣлки, равно наличную куплю и продажу по счету на монету». Но такъ какъ эта мѣра была недостаточна для прекращенія дѣйствія простонародныхъ лажей, то было постановлено: 1) учредить депозитную кассу съ правомъ выпуска 5, 10, 25, 50, 100 руб. депозитныхъ билетовъ и обезпечить ихъ фондомъ и дать хожденіе наравнѣ съ серебромъ и на ассигнаціи по податному курсу, за изъятіемъ таможенныхъ сборовъ; податной курсъ долженъ быть назначаемъ въ согласіи съ биржевымъ; 2) съ учрежденіемъ депозитной кассы переложить на серебро подати и сборы; 3) когда «ходъ ихъ установится вполнѣ» переложить всѣ доходы и расходы казны на депозитные билеты. Въ то же время переложить, по одинаковому курсу, банковые долги и вклады, и сдѣлать особое распоряженіе о фондахъ ассигнаціонныхъ.

Въ такомъ видѣ это было перенесено въ Общее Собраніе департаментовъ Государственнаго Совѣта, «которые не могли не постановить сего въ виду нынѣшняго столь тягостнаго положенія денежныхъ у насъ дѣлъ». По мнѣнію Общаго Собранія, денежные знаки «сдѣлались сами предметомъ торга. Они непрестанно измѣняются въ цѣнѣ своей, а на пространствѣ имперіи сіи измѣненія *столь многоразличны, что каждый, такъ сказать, городъ, каждое мѣсто имѣетъ свой особенный денежный курсъ ассигнацій, серебра, золота и даже мѣдной монеты.* Особенно отъ подобнаго порядка теряютъ лица, получающія опредѣленное жалованье, сельскіе хозяева, получающіе оброки, работники и простой народъ. Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ высказанное мнѣніе департамен-

товъ, въ свою очередь высказало, что «установленіе серебряной монеты главною платежною государственною монетою, разрѣшеніе пріема во всѣ казенныя и банковыя учрежденія по опредѣленному постоянному курсу» и устройство депозитной кассы и вымѣнъ ассигнацій «суть единственныя средства, которыми можно выйти изъ настоящаго затруднительнаго и долѣе нетерпимаго положенія».

Таково было рѣшеніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, въ основаніе котораго легли начала, выработанныя при разборѣ министерскаго законопроекта въ департаментахъ. Нѣкоторыми изъ членовъ были сдѣланы разныя замѣчанія, но всѣ они имѣли второстепенное значеніе, за исключеніемъ одного, именно установленія отношенія между металлическими деньгами и ассигнаціями. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ вопросъ наиболѣе привлекъ къ себѣ вниманіе министра при первоначальной выработкѣ проекта, а потомъ и членовъ Государственнаго Совѣта. Канкринъ задавалъ вопросъ: какой надо установить курсъ серебрянаго рубля при объявленіи его денежною единицею — 3 руб. 60 коп. или ниже.

По существу этотъ вопросъ представлялъ наиболѣе затрудненій, и понятно поэтому возбуждалъ наиболѣе опасеній. Въ виду представляемыхъ затрудненій Канкринъ обращался къ Сперанскому, по мнѣнію котораго надо было принять серебряный рубль въ 360 к.; это былъ послѣдній къ нему запросъ, такъ какъ съ нимъ вскорѣ случился ударъ. По мнѣнію Канкрина, курсъ серебрянаго рубля слѣдовало остановить не на 360 коп., а 350 коп. Основаніе для этого онъ видѣлъ въ пониженіи стоимости серебра, курсъ котораго на биржѣ съ 1828 г. въ 3 руб. 70 коп. ассигнацій, постепенно падая на 3 руб. 60 коп и т. д. дошелъ до 3 руб. 32 коп. на рынкѣ. Къ этому же времени онъ стоялъ еще ниже. Поэтому представлялось опасеніе, что если курсъ будетъ установленъ выше биржеваго, то въ такомъ случаѣ вкладчики Коммерческаго банка и Сохранныхъ казенъ потребуютъ вклады обратно, а это, помимо потерь по уплатѣ по курсу, могло вести къ несостоятельности казенныя кредитныя учрежденія, такъ какъ вклады были давно затрачены въ долгосрочныя помѣщенія. Въ виду этого Канкринъ полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ установить курсъ въ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями, въ чемъ онъ встрѣтилъ поддержку со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, какъ напримѣръ, вице-

канцлера Нессельроде и другихъ. Такимъ образомъ былъ рѣшенъ вопросъ о возстановленіи въ предѣлахъ нашего отечества металлическаго обращенія.

Въ 1838 году графъ Канкринъ, по настоянію В. А. Жуковскаго знакомилъ Наслѣдника Цесаревича[1]) съ финансовой наукой. Лекціи, читанныя имъ въ Бозѣ почивающему Императору Александру II, напечатаны въ XXXI томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», поэтому на нихъ мы не останавливаемъ вниманія читателя; отмѣтимъ лишь, что графъ Канкринъ въ своемъ курсѣ говорилъ:

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

(По современной литографіи).

«Основное условіе хорошаго финансоваго управленія заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать благосостоянію народа путемъ увеличенія національнаго богатства. Богатый народъ даетъ больше доходовъ; обременятъ бѣднаго податями все равно, что срубить дерево, чтобы снять съ него плоды».

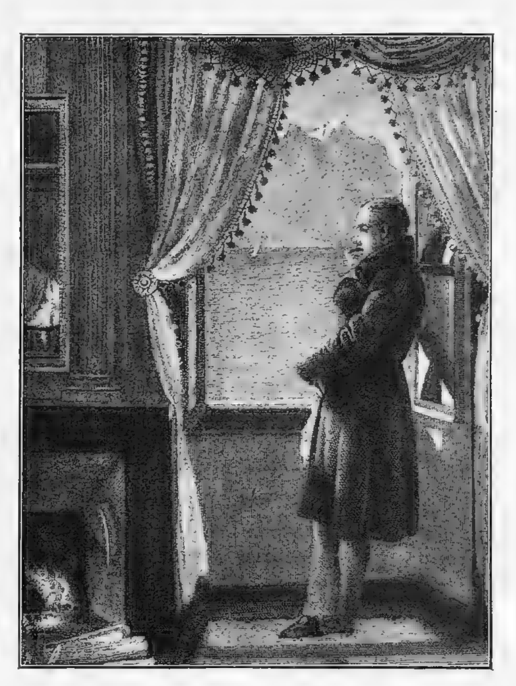
— «Неразумно требовать отъ податныхъ сословій слишкомъ много и во что бы то ни стало взыскивать съ нихъ недоимки. Нельзя смотрѣть на недоимки, какъ на безусловный долгъ государству, ибо,

[1]) Въ концѣ 1837 г. Цесаревичъ, какъ атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, ѣздилъ съ Государемъ на Донъ, гдѣ ему въ войсковомъ кругѣ былъ врученъ *перначъ*, знакъ атаманскаго достоинства, а 1-го января 1836 г. было обнародовано, сенаторами Болгарскимъ и Княжинымъ, новое войсковое положеніе (см. «Рус. Стар.» 1875 г. біографію атамана М. Г. Власова). Въ слѣдующемъ 1838 году, Цесаревичъ ѣздилъ въ Швецію.

настаивая на ихъ поступленіи, правительство уничтожаетъ капиталъ, необходимый для сельскаго хозяйства».

Словомъ графъ Канкринъ отвергалъ обогащеніе казны, разъ оно шло во вредъ обезпеченному положенію народа. Тутъ сказалась цѣлая экономическая его программа. И дѣйствительно онъ, кромѣ акциза на табакъ, не ввелъ ни одного налога за все время своего управленія финансами

Біографъ М. Сперанскаго—Корфъ, говоря о «геніальной даровитности» Канкрина, отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что эпоха реформъ царствованія Императора Александра II обязана вліянію трехъ дѣятелей: Жуковскаго, Сперанскаго и Канкрина, умѣвшихъ, въ качествѣ преподавателей Наслѣдника престола, каждый въ своей сферѣ, внушить будущему Монарху просвѣщенные и глубокіе взгляды на управленіе страною.

В. А .Жуковскій.

(Съ рѣдкой гравюры Н. И. Уткина).

Въ 1838 году было утверждено положеніе объ акцизѣ съ приготовленнаго табаку; именно 31 марта состоялся Высочайшій указъ объ установленіи акциза съ табаку, какъ предмета, относящагося къ требованіямъ роскоши, который можетъ, безъ всякаго стѣсненія для народа, быть обложено умѣреннымъ акцизомъ. Это былъ единственно новый налогъ, сдѣланный гр. Канкринымъ за все время его управленія.

Въ концѣ 1838 года, изданное положеніе объ акцизѣ съ табаку было уже приведено въ дѣйствіе. Главнѣйшія черты его заключа-

лись въ томъ, что платежу акциза подчиненъ былъ только нюхательный и курительный табакъ внутренняго приготовленія. Разведеніе табаку въ Россіи и торговля имъ въ сыромъ, неприготовленномъ видѣ не подлежали никакимъ ограниченіямъ. Иностранный приготовленный табакъ, какъ уже оплаченный таможенною пошлиною, акцизу не подвергался, но снабжался особыми контрольными бандеролями въ таможняхъ, съ платежемъ за нихъ сверхъ пошлины, по 3 коп. за каждую бандероль.

Отъ дѣйствія положенія изъяты были, впредь до усмотрѣнія, Закавказскій край и Сибирскія губерніи, а въ 11-ти внутреннихъ губерніяхъ и 2-хъ областяхъ разрѣшено было, въ видѣ особенной льготы, продавать безъ бандеролей нюхательный и курительный табакъ низшихъ сортовъ мѣстнаго производства. Губерніи эти были: Астраханская, Екатеринославская, Кіевская, Оренбургская, Подольская, Полтавская, Саратовская, Таврическая, Харьковская, Херсонская и Черниговская, а области—Бессарабская и Кавказская.

Въ томъ же 1838 году, при установленіи въ государственномъ совѣтѣ курса на золото и серебро на 1839 году, графъ Канкринъ внесъ вновь свое предложеніе о пониженіи курса на серебро, не принятое въ 1834 году.

Въ своемъ предложеніи, Канкринъ указывалъ на то, что обстоятельство, мѣшавшее въ 1834 году принятію его предложенія—возможность потерь, для казны при разсчетахъ по питейнымъ откупамъ—уже существовать не можетъ, такъ какъ съ 1839 года наступаетъ новое четырехлѣтіе по откупамъ. Затѣмъ, онъ предлагалъ понизить курсъ уже не на 355, какъ въ 1834 году, а на 350. Необходимость этого пониженія Канкринъ объяснялъ тѣмъ, что возвышеніе курса ассигнацій влечетъ за собой пониженіе курса на серебро, вслѣдствіе чего казна теряетъ ежегодно до 3 милліоновъ руб. на разницѣ. Эти потери въ наступавшемъ 1839 году будутъ еще значительнѣе, такъ какъ по питейнымъ откупамъ разрѣшено вносить не 20%, какъ прежде, а 30% звонкой монетой. Съ другой стороны, Канкринъ предлагалъ оставить спеціально для таможенныхъ пошлинъ курсъ на серебро по 360 к., причемъ чистая прибыль казны—при этомъ составляла бы ежегодно до $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Такое предложеніе Канкрина встрѣтило въ кн. Друцкомъ-Любецкомъ энергичный отпоръ, Указавъ на безнравственность

подобныхъ финансовыхъ манипуляцій, стремящихся обогащать казну на счетъ народа [1]) и преслѣдующихъ лишь фискальныя цѣли, Любецкій, рядомъ цифръ опровергъ всѣ вычисленія Канкрина и Государственный Совѣтъ вторично отвергъ предложеніе Канкрина.

Здѣсь умѣстно сказать также о «запискѣ о монетномъ обращеніи» графа Сперанскаго [2]), которая была составлена по поводу обсуждавшагося въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1838—39 гг. дѣла объ уничтоженіи такъ называемаго простонароднаго лажа на монету [3]), и три первые ея отдѣла предназначались, по словамъ автора, не для графа Канкрина, а «для тѣхъ, кои, считая себя великими знатоками въ семъ дѣлѣ, не знаютъ однакожъ его основаній». Сперанскому казалось «не безполезнымъ разсѣять ихъ заблужденіе, хотя косвенно, историческими фактами». Записка эта была послана графу Канкрину 22 января 1839 года, а 8 февраля Сперанскій опасно занемогъ и умеръ 11 числа того же мѣсяца, такъ

---

[1]) Въ 1838 г. новымъ министерствомъ Государственныхъ Имуществъ были измѣнены въ нѣкоторыхъ частностяхъ правила 1833 г. о взысканіи съ государственыхъ крестьянъ податей и недоимокъ, о которыхъ выше сказано на стр. 134. См. сочиненіе Н. Бржескаго: «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ». Спб. 1897 г.

[2]) Графъ Сперанскій съ 1808 года принималъ непрерывное участіе въ выработкѣ разнаго рода финансовыхъ мѣръ и пріобрѣлъ такое сильное значеніе, что къ нему на разсмотрѣніе посылалъ проекты графъ Гурьевъ, даже въ то время, когда Сперанскій былъ въ ссылкѣ; тоже самое дѣлалъ и Канкринъ.

[3]) Извѣстный табачный фабрикантъ и петербургскій голова Василій Григорьевичъ Жуковъ разсказывалъ, что графъ Канкринъ просилъ его возбудить въ городской шестигласной думѣ вопросъ о неотложной необходимости и пользы замѣны ассигнаціоннаго рубля—серебрянымъ.

— Ви, батушка, говорилъ министръ Жукову, только немножко ополфанить этотъ вопросъ, а выстругать его пудетъ нѣмецкій мастеръ.

— Оболванить—почему и не оболванить отвѣчалъ Жуковъ, только будетъ ли это, ваше сіятельство, хорошо для насъ?

— О, конешно, ошень корошо пудетъ! улыбался Егоръ Францевичъ, ви полюшитъ серепряный рюпь!

Но собранная городскимъ головою дума забаллотировала сдѣланное ей предложеніе. Пришлось прибѣгнуть къ помощи нѣмцевъ; собрали въ общее засѣданіе биржевой комитетъ, иностранныхъ негоціантовъ, выборныхъ отъ купечества, мѣщанъ и ремесленниковъ и вопросъ о замѣнѣ ассигнаціоннаго рубля серебрянымъ — получилъ одобреніе.

— Ну, фотъ и отлишно! говорилъ Канкринъ, принимая депутацію собранія, ви полюшайтъ серепряный рюпь, и пудетъ, я ришаю, ошень погатъ (книга Мартьянова «Дѣла и Люди вѣка» т. I стр. 300).

что записка эта была послѣднимъ трудомъ графа Сперанскаго, она съ замѣчаніями графа Канкрина напечатана по распоряженію нынѣшняго г. министра финансовъ С. Ю. Витте, въ 1895 году.

Простонароднымъ лажемъ назывался произвольный счетный курсъ на ассигнаціи, по отношенію къ серебру, назначаемый при сдѣлкахъ купли-продажи съ частными лицами по усмотрѣнію торговцевъ, независимо отъ одновременно существовавшихъ, тоже неодинаковыхъ, курсовъ биржеваго и податнаго.

Графъ Сперанскій объяснялъ:

«При каждой наличной покупкѣ вошло у насъ въ обычай, вмѣстѣ съ объявленіемъ послѣдней цѣны вещей, постановлять между продавцемъ и покупателемъ два вопроса: 1) серебромъ или ассигнаціями долженъ быть произведенъ платежъ? и 2) по какой цѣнѣ приняты будутъ продавцемъ серебро или ассигнаціи? Положимъ, что товаръ сторгованъ за 100 р., и что покупатель рѣшился заплатить сію цѣну серебромъ; продавецъ назначаетъ цѣну серебру выше биржевой. Такъ, напримѣръ, когда биржевая цѣна есть 352 к., продавецъ принимаетъ серебряный рубль здѣсь (въ Петербургѣ) въ 375 к. и, слѣдовательно, принимаетъ его выше 23 к., и сія продажа, составляющая почти 6% ($^{23}/_{4}$), есть *лажъ*. По тому же самому разсчету онъ принимаетъ платежъ ассигнаціями, полагая каждый ассигнаціонный рубль въ 106 к. и слѣдовательно уступаетъ сторгованную вещь за 94 р., т. е. уступаетъ изъ цѣны 6%, и сія уступка есть *лажъ*. Но для чего продавецъ не слѣдуетъ просто биржевому курсу? Для чего оцѣниваетъ онъ серебряный рубль не въ 352 к., но въ 375 к.? Причина очевидна; еслибы онъ слѣдовалъ биржевому курсу, то ему надлежало бы съ перемѣною его переоцѣнивать всѣ свои товары и то, что̀ онъ продалъ вчера за 100 р. сегодня долженъ бы былъ, по возвысившемуся на ассигнаціи курсу, продавать уже за 98 р.; завтра, съ новымъ возвышеніемъ, за 94 р. и т. д.»

При помощи «простонароднаго лажа» продавецъ не только избѣгалъ неудобства, постоянной перецѣнки своего товара, но и получалъ возможность соблазнять покупателя мнимою уступкою въ цѣнѣ товара. Ловкостью соблазна Москва перещеголяла Петербургъ. Тамъ 100 р. серебромъ принимали не въ 375, а въ 420 р. на ассигнаціи и сообразно тому, при платежѣ ассигнаціями, вещь сторгованную за 100 р., уступали за

80 р., т. е. сбрасывали съ цѣны уже не 6%, а цѣлыхъ 20%. Пониманію крестьянъ оставались недоступными всѣ эти хитросплетенія лажа, чѣмъ и пользовались скупщики земледѣльческихъ произведеній. Крестьянинъ, продавая рожь на рынкѣ, назначалъ ей цѣну ассигнаціями, а купецъ торговалъ на серебро и оцѣнивалъ свой серебряный рубль въ 375 к. Увѣрившись въ дѣйствительности такого разсчета во всѣхъ другихъ продажахъ, крестьянинъ соглашался, думая, что полученный имъ серебрянный рубль стоитъ въ самомъ дылѣ 375 к. на ассигнаціи но когда относилъ его въ казначейство, то этотъ самый рубль превращался уже въ 360 к., а самые добросовѣстные изъ мѣнялъ не давали за него дороже 352 коп.

Простонародный лажъ являлся, такимъ образомъ, измышленіемъ, вполнѣ подходившимъ подъ опредѣленіе нашихъ уголовныхъ законовъ обмана съ корыстною цѣлью, причемъ зло это сдѣлалось повсемѣстно распространеннымъ и отзывалось всего болѣе на благосостояніи малоимущихъ и темныхъ людей.

Тѣмъ не менѣе, запрещеніе лажа при наличной покупкѣ и продажѣ и во всѣхъ вообще торговыхъ оборотахъ, при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ выше уже сказано, встрѣтило разныя затрудненія и не было принято. Съ своей стороны, графъ Канкринъ, въ замѣчаніяхъ на записку Сперанскаго, полагалъ, что «простонародный курсъ перемѣняется главнѣйше отъ искателя прибыли возвышеніемъ онаго, въ коемъ состоитъ выгода только для плательщиковъ, а дѣйствіе сей моральной причины, подобно какъ и всякое другое злоупотребленіе, не можетъ быть прекращено какими-либо другими мѣрами, какъ развѣ пенальными законами въ большей или меньшей степени».

Надобность настояла, однако, не въ пенальныхъ законахъ, а въ возстановленіи правильнаго денежнаго обращенія, понятіе о которомъ было довольно смутно въ тогдашнемъ Государственномъ Совѣтѣ. Уча другихъ, графъ Сперанскій былъ самъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ заблужденій. Онъ полагалъ, напримѣръ, что когда, путемъ постепеннаго выкупа, ассигнаціи придутъ въ равновѣсіе съ серебромъ, то затѣмъ «непремѣнно будутъ возвышаться». Графу Канкрину пришлось объяснять, что подобныя опасенія напрасны. Если ассигнаціи и повысятся противъ монеты, то лишь весьма незначительно (на одинъ процентъ или нѣсколько болѣе), «въ воз-

награжденіе, такъ сказать, труда и расходовъ переноски, пересылки и пересчета сей послѣдней». Графъ Канкринъ не былъ сторонникомъ крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ не по настоятельной необходимости а, только для достиженія лучшаго».

Такая мѣра, какъ монетное обращеніе, «можетъ прервана быть разными внутренними и внѣшними непреодолимыми обстоятельствами»; всякое «огромное» предпріятіе сего рода, *напередъ заявляемое, или котораго догадаться можно,* «всегда влечетъ за собою ослабленіе кредита». Онъ понималъ, что «кредитъ и вообще денежныя дѣла зависятъ не одного соблюденія вѣрныхъ теоретическихъ правилъ и не отъ однихъ счетныхъ соображеній, но на оные дѣйствіе имѣютъ моральное убѣжденіе и нерѣдко случайныя обстоятельства, вліяніемъ которыхъ иногда могутъ возродиться совсѣмъ другія послѣдствія нежели какихъ ожидали отъ предпріятія». При смѣшанномъ же денежномъ обращеніи графъ Канкринъ находилъ необходимымъ поступать съ крайнею осторожностью, увеличивая кредитные знаки даже при соотвѣтственномъ усиленіи размѣннаго фонда, «чтобы изъ положенія существеннныхъ знаковъ цѣнности (т. е. звонкой монеты) и умѣреннаго количества кредитныхъ знаковъ не впасть въ лабиринтъ умственнаго богатства и сверхъ естественныхъ оборотовъ общежитія и промышленности, грозящій катастрофою при малѣйшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ».

Словомъ установленіе серебрянаго рубля незыблемою монетною единицею было одной изъ важнѣйшихъ финансовыхъ мѣръ, предпринятыхъ графомъ Канкринымъ. Этой мѣрой положенъ былъ предѣлъ разнороднымъ лажамъ на серебро, вредно вліявшимъ на внутреннюю торговлю, и неизмѣняемость курса освободила торгово-промышленную жизнь отъ различныхъ злоупотребленій.

Профессоръ В. Т. Судейкинъ, говоритъ. «По нашему мнѣнію, при разрѣшеніи одновременнаго обращенія бумажныхъ и металлическихъ денегъ государственные люди той эпохи не допускали и мысли о девальваціи. Объ этомъ до 1839 г. не заходило даже и рѣчи. Они исключительно руководствовались мыслью путемъ легализаціи металлическихъ денегъ въ народномъ обращеніи облегчить народъ и казначейство».

Шмидтъ (авторъ книги «Das russische Geldwesen 1823 – 1844 гг.») [1]) говоритъ также, что вслѣдствіе того, что манифестъ 1-го іюля 1839 г. непосредственно касался лишь монетной системы, онъ только косвенно явился указомъ объ отмѣнѣ манифеста 9-го апрѣля 1812 г., установившагося вольную цѣну ассигнаціи: съ 1-го іюля 1839 г., ассигнаціи имѣли уже постоянную закономъ установленную цѣну въ пропорціи 350 ассигнаціми руб. за 100 руб. серебромъ, т. е. по 28,57 металлич. копѣекъ за бумажный рубль. На остальныя же 71.43 копѣйки бумажный рубль закономъ девальвировался. Изъ сего вытекало и то, что 1-го іюля 1839 г. ассигнаціонный долгъ въ 595.876.310 рублей превращался въ новый долгъ лишь на сумму 170.221.802 рублей, остальные же 425.554.508 руб. переставали быть государственнымъ долгомъ. Оставалось только на новый долгъ выдать новый документъ взамѣнъ стараго. Это и было сдѣлано манифестомъ 1843 г. объ обмѣнѣ ассигнацій на кредитные билеты; но обмѣнъ этотъ не былъ ни прямою, ни косвенною цѣлью преобразованія 1839 г. Было бы ошибочно думать, что обмѣнъ былъ только замаскированъ монетною реформою 1839 г., а на самомъ дѣлѣ онъ-то и имѣлся въ виду. Напротивъ, какъ увидитъ читатель далѣе со всею искренностію преслѣдовалась именно только задача упорядоченія монетной системы, девальвація же оказалась лишь побочнымъ обстоятельствомъ монетнаго преобразованія.

Указомъ 1-го іюля 1839 года было постановлено:

«Серебряная монета впредь будетъ считаться главною монетою обращенія, и рубль серебра, съ его дробями, будетъ считаться законною мѣрою (монетною единицею) для всѣхъ денежныхъ бумагъ, цѣнныхъ документовъ и облигацій, находящихся въ обращеніи.

«Ассигнаціи будутъ считаться впредь второстепенными знаками цѣнности, и курсъ ихъ, противъ звонкой монеты, одинъ разъ на всегда остается неизмѣннымъ, считая рубль серебра въ 3 р. 50 к. ассигнаціями.

---

[1]) Составлена по документамъ Государственнаго архива и напечатана въ Спб. въ 1875 году. Тѣмъ же авторомъ въ «Russische Revue» за 1878 годъ помѣщена статья «О финансовомъ управленіи графа Канкрина».

«Лицамъ податнаго состоянія, при взносѣ податей, предоставляется безъ различія и по собственному ихъ желанію, платить звонкою монетою или ассигнаціями, по вышесказанному курсу.

«Всѣ платежи государственнаго казначейства, до сихъ поръ производимые ассигнаціями, впредь будутъ также производимы безъ различія, монетою или ассигнаціями, по тому же курсу. Всѣ товары и сдѣлки, безъ исключенія, впредь должны быть заключаемы на серебряную монету, самые же платежи по онымъ, безъ различія, могутъ быть производимы серебряною монетою или ассигнаціями, лишь по вышеизложенному, неизмѣнному курсу.

«Цѣнные документы кредитныхъ установленій впредь также будутъ выдаваться цѣною на серебро.

«Уѣздныя казначейства, соображаясь съ суммами, кои могутъ въ нихъ накопляться, должны обмѣнивать ассигнаціи на серебро и обратно, по тому же курсу въ 3 р. 50 к.

«Всякое прибавленіе курса ассигнаціямъ, противъ неизмѣнно установленнаго, равнымъ образомъ взиманіе промѣна, при размѣнѣ ассигнаціями на серебро и обратно, стого воспрещается. Всѣ цѣнные документы биржи, всѣ прейсъ-куранты и справочныя цѣны должны были быть выставляемы не иначе, какъ на серебряную монету, и курсъ ассигнацій не долженъ быть болѣе въ ходу при разсчетахъ.

«Золотая монета государственнымъ казначействомъ будетъ выплачиваема и принимаема съ маленькимъ повышеніемъ противъ нормальной цѣны, т. е. имперіалъ въ 10 р. 30 к., а полуимперіалъ въ 5 р. 15 к. серебромъ».

Однако графъ Канкринъ не прямо приступилъ къ осуществленію своей системы: онъ попробовалъ нѣкоторыя переходныя мѣры; сначала для удобства обращенія, ассигнаціи были замѣнены временными кредитными знаками. Въ связи съ этою мѣрою былъ сдѣланъ выпускъ депозитныхъ билетовъ, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Вся эта денежная реформа дала поводъ тому же князю А. С. Меншикову сострить на счетъ графа Канкрина, котораго увидавъ во время разговора съ Государемъ, онъ сказалъ:

— Фокусникъ идетъ.

— «Какой фокусникъ», спросилъ Николай Павловичъ: «это министръ финансовъ».

— Фокусникъ, отвѣчалъ Меншиковъ. Онъ держитъ въ правой рукѣ золото, въ лѣвой платину: дунетъ въ правую—ассигнаціи, плюнетъ въ лѣвую—облигаціи.

Тотъ же князь Меншиковъ, на вопросъ Государя, послѣ перваго концерта извѣстнаго піаниста Листа, отвѣтилъ:

— Листъ безспорно хорошъ, но, признаюсь, онъ мало подѣйствовалъ на мою душу.

— Кто-жъ тебѣ больше нравится?—спросилъ Государь.

— Мнѣ больше нравится, когда графъ Канкринъ играетъ на скрипкѣ.

Дѣйствительно графъ Канкринъ страстно любилъ музыку. И въ сумеркахъ домашніе его всегда слышали, что онъ пилитъ на своей скрипкѣ. Впослѣдствіи, когда Канкринъ усиленными трудами разстроилъ себѣ зрѣніе, онъ игралъ на скрипкѣ въ темной комнатѣ. Его тонкое музыкальное чутье нашло себѣ откликъ и въ его дневникѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ писалъ:

> «Сегодня мы были на «Пуританахъ». Музыка этой оперы признается всѣми хорошей, но въ общемъ такая опера, — абсурдъ... Истинно музыкальное! Большія музыкальныя творенія мнѣ иногда представляются краснорѣчивою, очень грамматическою, послѣдовательною, обработанною и риторическою рѣчью, основному смыслу которой однако не достаетъ глубокой, новой, задушевной мысли. Я не могу примириться съ серьезными операми; хорошее оперное либретто должно быть взято изъ міра сказочнаго... Вечеромъ мы были на «Титѣ» Моцарта съ его оригинальными речитативами. Это мощная музыка, и тутъ речитативы производятъ истинно музыкальное впечатлѣніе».

Въ этихъ словахъ много правды, а для очевидности ея приведемъ отзывы, напримѣръ, нашего славнаго композитора А. Н. Сѣрова, который точно такъ-же, какъ и гр. Канкринъ, весьма серьезно относился къ Моцарту, умершему, какъ Рафаэль и Байронъ, въ полномъ разгарѣ своего генія, на 37-мъ году жизни. «Творецъ «Донъ-Жуана», «Волшебной флейты» и «Реквіема» безъ сомнѣнія писалъ

Сѣровъ, принадлежитъ къ свѣтиламъ первой величины на музыкальномъ небѣ». Замѣчаніе-же графа Е. Ф. Канкрина, что «хорошее оперное либретто должно быть взято изъ міра сказочнаго», подтверждалось и въ то время операми: «Оберонъ»—Вебера и «Русланъ и Людмила» — Глинки. Авторъ послѣдней, по словамъ Сѣрова, въ своей второй оперѣ прямо подражалъ «Оберону», а въ наше время указаніе гр. Канкрина подтвердилъ Вагнеръ въ своей колоссальной тетралогіи «Нибелунговъ перстень».

Будучи знатокомъ музыки самъ графъ Канкринъ игралъ однако на скрипкѣ плохо; вотъ почему князь П. А. Вяземскій относительно слуха, что А. С. Норовъ (1795 † 1869) будетъ назначенъ товарищемъ графа Канкрина, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что такое назначеніе можно объяснить себѣ только тѣмъ, что и Норовъ также пиликаетъ на скрипкѣ.

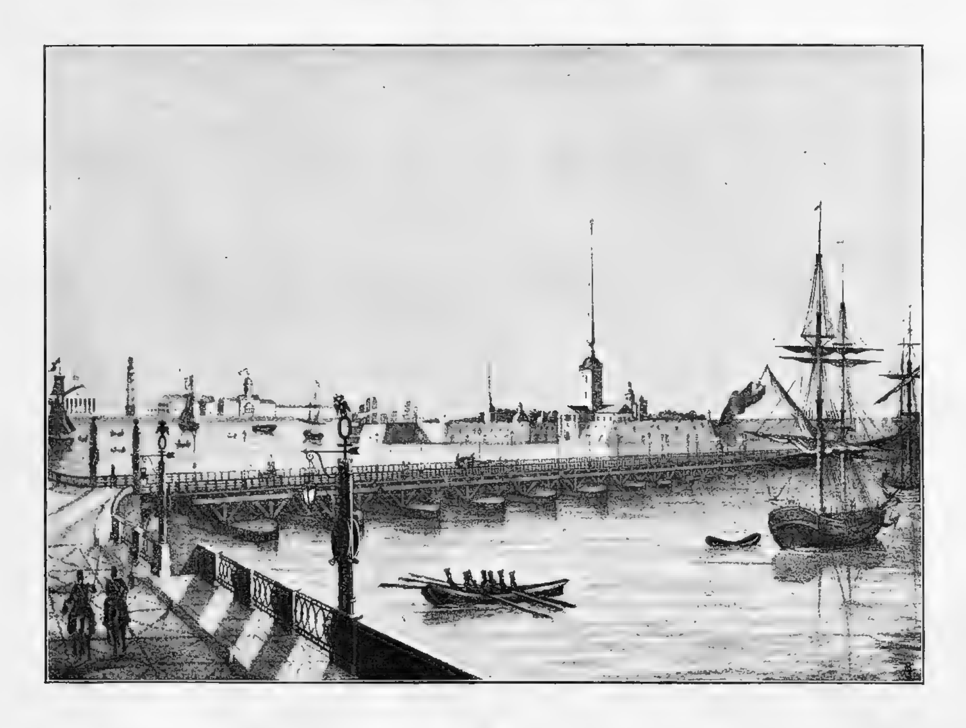
ПОѢЗДКИ

ГРАФА Е. Ф. КАНКРИНА

ЗА ГРАНИЦУ И ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

ЕГО

ЖИЗНИ

Видъ на Спб. Портовую таможню отъ Троицкаго моста.
(по современной литографіи).

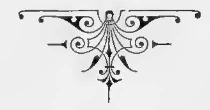
Бумага фабрики Печаткина и Варгунина, шрифтъ словолитни Францъ-Марка и К°.

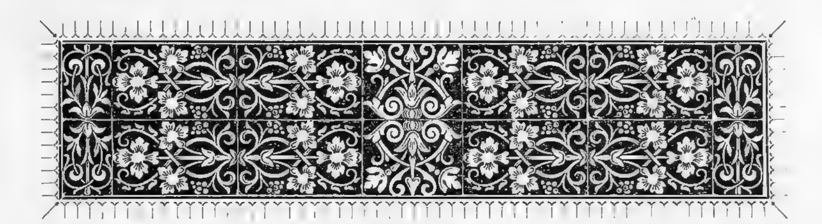
Глава пятая.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ГЛАВЫ.

Открытіе депозитной кассы при Коммерческомъ банкѣ.—Отношеніе къ ней петербургской публики.—Мысль о выпускѣ кредитныхъ билетовъ, высказанная Императоромъ Николаемъ I, 1841 года.—Записка Государя объ учрежденіи кредитныхъ билетовъ 1843 года. Возраженія на нее гр. Канкрина.—Вторичная записка Николая Павловича и послѣдующія засѣданія секретнаго Комитета.—Обращеніе серебряной и золотой монеты въ народѣ, и количество добытаго золота въ Россіи за все время министерства гр. Канкрина.—Оффиціальные дефициты и ихъ покрытіе.—Поѣздки за границу гр. Канкрина.—Характеристика его замѣстителя Ѳ. П. Вронченко.—Книга гр. Канкрина: «Картины воображенія слѣпца»; отзывъ о ней П. А. Плетнева и г-жи Паальцовой.—Поощреніе способнымъ людямъ и основаніе гр. Канкринымъ журнала для Европы, для сообщенія точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи.—Учрежденіе въ разныхъ пунктахъ Россіи магнитныхъ обсерваторій.—Отношеніе гр. Канкрина вообще къ писателямъ и къ семейству А. С. Пушкина послѣ его смерти.—Окончательныя уступки въ 1843 году Россіи въ пользу торговли Пруссіи.—Отставка гр. Канкрина.—Болѣзнь и составленіе путевыхъ записокъ.—Выдержки изъ нихъ: объ образованіи; вліяніи прессы; судѣ присяжныхъ; пользѣ желѣзныхъ дорогъ и государственныхъ долгахъ.—Новое сочиненіе гр. Канкрина: «Экономія человѣческихъ обществъ.—Сравненіе дѣятельности гр. Канкрина съ дѣятельностью графовъ Мордвинова и Сперанскаго.—Пріѣздъ въ Россію и кончина.—Описаніе похоронъ.—Духовная.—Воспоминаніе о гр. Канкринѣ по случаю 50-ти лѣтія основанія Коммерческой газеты и 100-лѣтія со дня его рожденія.—Заключеніе.

V.

Съ 1-го января 1840 года открыта была при Коммерческомъ Банкѣ депозитная касса. Банкъ, принимая отъ вкладчиковъ на сохраненіе суммы серебряною и золотою монетою, чеканенною въ Имперіи, выдавалъ безпроцентные билеты, называемые депозитными: 3-хъ, 5-ти, 10-ти, 25-ти, 50-ти и 100 руб. достоинства. Получаемая, подъ эти билеты, звонкою монетою, сумма, хранившаяся въ депозитной кассѣ, предназначалась собственно для размѣна депозитныхъ билетовъ, по требованію вкладчиковъ. Депозитные билеты имѣли естественно свободное обращеніе во всей Имперіи, наравнѣ съ серебряною монетою безъ всякой прибавки и платы за размѣнъ, потому что при предъявленіи ихъ въ казначейство оно обязано было тотчасъ, безъ всякаго затрудненія, обмѣнивать ихъ на звонкую монету и имѣло полную для этого возможность, опираясь на депозитную кассу. Такимъ образомъ ассигнаціи, которыя графъ Канкринъ называлъ «сладкимъ ядомъ государствъ», уничтожались. Сумма ихъ къ 1840 г. простиралась на 565.776.310 руб. [1]). Въ 1840 году въ депозитной кассѣ принято было золотой и серебряной монеты въ обмѣнъ на билеты 25.623.037 руб., а обратно представлено было билетовъ, для размѣна на монету

---

[1]) «Вѣст. Европы» 1876 г. № 8; статья Я. Печорина «Наши государственныя ассигнаціи».

1.453.637 руб. Въ 1841 году разрѣшено было принимать золото въ слиткахъ, что́ увеличило кассу еще на 12.780.144 рубля.

«Въ Петербургѣ, пишетъ г. Пржецлавскій, авторъ воспоминаній о князѣ Ксаверіи Друцкомъ-Любецкомъ, но и въ другихъ городахъ распущенъ былъ слухъ, что серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ цѣнность, а будутъ приниматься однѣ «депозитки» и мелкая монета. Несмотря на нелѣпость слуха, большинство повѣрило ему вполнѣ, и петербургскіе старожилы помнятъ, какъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль, на Большой Садовой не было проѣзда за осаждавшею банкъ толпой, съ мѣшками рублей, для полученія за нихъ благодатныхъ бумажекъ цвѣта надежды.

Я спрашивалъ князя Любецкаго, что́ онъ думаетъ объ этой непонятной для меня операціи.

— Да,—отвѣчалъ онъ съ улыбкою,—дѣло довольно странное. Вмѣсто тяжелыхъ рублей, которыхъ нельзя много носить съ собою, министръ даетъ легонькія бумажки, такъ что тысячи рублей удобно укладываются въ карманѣ. Для этого учреждается цѣлое отдѣленіе банка съ большимъ числомъ чиновниковъ. Такая заботливость о здравіи и удобствѣ публики, стоящая казнѣ немалаго расхода, какъ-то неестественна. Это покуда загадка, а разгадку узнаемъ тогда, когда большая часть звонкой монеты, находящейся въ частныхъ рукахъ, выловлена будетъ на эту удочку.

И, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія депозитныхъ билетовъ, издано было постановленіе, которымъ объявлялось всенародно, что все находящееся въ обращеніи количество какъ этихъ билетовъ, такъ и ассигнацій, соединяется въ одинъ общій государственный долгъ, обезпеченный находящимся въ наличности фондомъ звонкой монеты, и за этотъ долгъ выпускаются новые кредитные билеты, на которые могутъ быть вымѣнены изъемлемые изъ обращенія депозитные билеты и старыя ассигнаціи. Это и была предсказанная Любецкимъ разгадка заботливости графа Канкрина объ удобствѣ публики. Банкиры удивлялись его знанію почвы и говорили, что подобная операція могла удачно совершиться только въ Россіи».

Самая мысль введенія кредитныхъ билетовъ принадлежитъ непосредственно Императору Николаю. Два главныхъ его сотрудника по особому комитету, князь Друцкой-Любецкій и графъ Канкринъ пред-

лагали: первый особаго рода билеты крупныхъ достоинствъ, приносившіе 3,65%, второй нынѣшніе билеты государственнаго казначейства. Рѣчь шла о покрытіи дефицита на 1841 годъ, но изъ этихъ преній выросла и вся будущая денежная наша система.

Передаемъ слова барона Корфа [1]).

«Кредитные билеты, которыми, по манифесту 1-го іюня 1843 года, замѣнялись всѣ бумажныя деньги въ Россіи, имѣли первоначально, до сего манифеста, временное только назначеніе, именно воспособить нашимъ кредитнымъ установленіямъ: Сохраннымъ Казнамъ воспитательныхъ домовъ (ломбардамъ) и Заемному Банку. Но теперь едва-ли кто знаетъ—кромѣ лицъ, трудившихся въ этомъ дѣлѣ, если и тѣ, сколько ихъ еще пережило, не забыли – что идея кредитныхъ билетовъ принадлежала непосредственно Императору Николаю.

Послѣ долгаго размышленія, у него образовалась идея: вмѣсто выпуска билетовъ казначейства, прежнихъ, или по новой системѣ, учредить совершенно новые билеты-ассигнаціи, съ выпускомъ ихъ не непосредственно отъ казначейства, а черезъ Сохранныя Казны, т. е. черезъ тѣ мѣста, которымъ въ ту минуту болѣе всего нужно было вспоможеніе.

Идею эту Государь изложилъ въ особой собственноручной запискѣ, слѣдующимъ образомъ:

«Помышляя безпрестанно о предметѣ бывшихъ сужденій, мнѣ пришла слѣдующая мысль, которую предлагаю къ обсужденію.

«Нельзя-ли принять на Сохранныя Казны всю операцію выпуска билетовъ-ассигнацій, предлагаемыхъ княземъ Любецкимъ, исполнивъ сіе слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ дѣйствія Сохранныхъ Казенъ дѣлятся на двѣ главныя операціи:

«1) Выдачу денегъ подъ залоги взаймы, за указанные проценты.

«2) Пріемъ капиталовъ въ закладъ, съ выдачею процентовъ.

«Я предлагаю выдачу капиталовъ подъ залоги не дѣлать впредь ни звонкою монетою, ни ассигнаціями прежняго вида, ни депозитными билетами,—но единственно новыми билетами-ассигнаціями, назвавъ ихъ сохранными билетами.

---

[1]) Т. 98. «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.»

«Сохранные билеты приносить будутъ 3,65 процентовъ. Потому, дабы, выдавая въ займы капиталъ бумагами, приносящими проценты, и обязуя замщика, по правиламъ Сохранныхъ Казенъ, платить указные проценты въ казну, не противорѣчить однимъ другому, проценты, причитающіеся на сіи сохранные билеты, причислять къ занятому капиталу и платить проценты, слѣдующіе къ уплатѣ въ Сохранную Казну за занятый капиталъ на 15, 26 и 37 лѣтъ, какъ со всего капитала, выданнаго въ займы, такъ и вмѣстѣ съ процентовъ, которые дадутъ сіи бумаги въ теченіе срока, на который заемъ сдѣланъ.

«Такимъ-же образомъ вкладчикамъ, желающимъ получить обратно свой капиталъ, предоставить на произволъ получить его звонкою монетой, или же сими новыми сохранными билетами.

«Каждый капиталъ, замѣненный симъ образомъ, при требованномъ возвратѣ сохранными билетами, считать уже собственностію Сохранной Казны. Изъ сего капитала звонкую монету откладывать въ депозитный капиталъ Сохранной Казны, до приращенія онаго до извѣстнаго количества наличности, а бумаги другихъ банковъ, или ассигнаціи стараго образца, обращать въ свои банки по принадлежности, взамѣнъ обязательства, принимаемаго сими банками и казною въ уплатѣ процентовъ на предъявляемые сохранные билеты. Вмѣстѣ съ симъ объявить, что сохраннымъ билетамъ присвояется хожденіе наравнѣ съ звонкою монетой и разрѣшить пріемъ ихъ во всѣмъ податяхъ и повинностяхъ. Запретить ихъ ввозъ изъ-за границы и поддѣлку ихъ подвергнуть тѣмъ-же строгимъ мѣрамъ наказанія, которымъ подвергнуты дѣлатели фальшивой звонкой монеты».

По поводу этой записки Государь писалъ предсѣдателю комитета князю Васильчикову.

> «Вѣроятно — придется выдержать по этому случаю сильную борьбу съ министромъ Финансовъ; но я надѣюсь выйти изъ нея побѣдителемъ».

Это было въ 1841 году. Очевидно, что во весь слѣдующій годъ Государь усиленно и настойчиво занимался финансовыми вопросами. Къ январю 1843 года мы встрѣчаемъ его уже въ новой роли; это не геніальный диллетантъ, какъ онъ самъ себя называлъ раньше, а настоящій практикъ и ученый финансистъ.

«Министръ Финансовъ,—говоритъ Корфъ,—внесъ свои предположенія (о выкупѣ ассигнацій) въ январѣ 1843 года. Но Госу-

дарь, частію не согласясь съ ними, частію же для ближайшаго обсужденія столь важной мѣры, призналъ за благо разсмотрѣть ее у себя съ секретномъ Комитетѣ, составленномъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя присутствовали въ прежнихъ, съ присоединеніемъ только къ нимъ статсъ-секретаря Гофмана, преемника умершаго Вилламова. Съ сего комитета и его результатовъ началась новая грань, новая значительная эра въ исторіи нашихъ финансовъ и денежной нашей системы.

Засѣданіе 25-го января (1843 г.) было особенно примѣчательно въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны Государь говорилъ и читалъ въ немъ безостановочно, по крайней мѣрѣ, два часа, не обнаруживъ ни малѣйшаго утомленія и сохранилъ потомъ, въ продолженіи остальныхъ двухъ часовъ засѣданія, ту же внимательность и ту-же самую свѣжесть не только мыслей, но даже и голоса. Съ другой стороны, онъ выказался тутъ во всемъ блескѣ еще и на новомъ поприщѣ. Всѣ приближенные уже давно восхищались энергіею и точностію многихъ изъ собственноручныхъ его резолюцій, равно какъ и сердечнымъ краснорѣчіемъ его частныхъ писемъ и пр., но едва-ли кто изъ насъ думалъ, чтобы и въ работѣ, болѣе обширной, требующей систематической послѣдовательности, словомъ, въ важной дѣловой бумагѣ, онъ былъ такимъ-же искуснымъ и опытнымъ редакторомъ, какимъ мы знали его дотолѣ высокимъ ораторомъ. Это засѣданіе дало намъ разительное сему доказательство.

Открывъ собраніе краткимъ очеркомъ причинъ и цѣли, для которыхъ были учреждены въ 1839 году депозитные билеты, а въ 1841 году билеты кредитные, Государь объявилъ, что вслѣдствіе необходимости согласить бумажную денежную систему съ монетною, онъ поручилъ министру финансовъ представить планъ о замѣнѣ ассигнацій другими денежными представителями, по крайней мѣрѣ, отчасти фондированными. Въ исполненіе сего Министръ полагалъ ассигнаціи вымѣнять постепенно, въ полномъ ихъ количествѣ, на депозитные билеты, фондировавъ, однако, послѣдніе не рубль за рубль, какъ билеты 1839 года, а только въ шестой части представляемой ими цѣнности и раздѣливъ фондъ на текущій (10½ мил. руб.), который составить изъ займа звонкой монеты въ Коммиссіи погашенія долговъ, военномъ капиталѣ, или банкахъ, и на резервный (18 мил. руб.), для котораго имѣть въ запасѣ шесть серій билетовъ

Государственнаго Казначейства. «Въ прежнее время — продолжалъ Государь — я долженъ былъ слѣпо и безусловно утверждать все представляемое мнѣ по финансовой части, о которой не имѣлъ никакого понятія; но теперь, послѣ семнадцатилѣтнихъ занятій, мнѣ стыдно и совѣстно было-бы не пріобрѣсти самому какихъ-нибудь практическихъ познаній по этой части и продолжать вѣрить, какъ прежде, на-слово. Потому я подробно сообразилъ нынѣшній вопросъ и пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ никакого удобства имѣть два рода депозитныхъ билетовъ: одни теперешніе, обезпеченные въ полной ихъ суммѣ, и другіе вновь предлагаемые, съ фондомъ только противъ шестой ихъ части. Ясно, что тутъ не только была-бы странность согласить и связать между собою эти двѣ системы, а на какія-нибудь тайныя продѣлки я никогда не соглашусь. Въ такого рода дѣлахъ, гдѣ въ виду у насъ общая польза и предметъ ежедневной потребности народа, и гдѣ намѣренія наши, разумѣется, совершенно добросовѣстны, не вижу никакого повода скрывать и маскировать наши дѣйствія. Ихъ, напротивъ, должно оглашать передъ народомъ въ полномъ объемѣ, иначе всякое умолчаніе дало-бы дѣлу видъ тайной и какъ-бы своекорыстной цѣли и не могло-бы не вселить въ умахъ напрасныхъ, совершенно противуположныхъ нашимъ видамъ подозрѣній. Сомнѣнія и возраженія мои по плану министра финансовъ я изложилъ подробно въ особой запискѣ, которую вслѣдъ за этимъ вамъ прочту. На выпускъ для ломбардовъ и банка кредитныхъ билетовъ въ томъ видѣ, какъ вы ихъ хотѣли, т. е. безпроцентныхъ, я согласился въ 1841 году потому только, что тогда уже имѣлъ въ виду возможность и пользу обратить эти-же билеты, въ будущемъ, на замѣнъ ассигнацій. Теперь я возвратился къ той-же мысли и ее именно и предлагаю. Подробности вы услышите изъ записки, а основаніе моего плана самое простое. Кредитные билеты будутъ фондироваться наравнѣ съ выпущенными для ломбардовъ и банка, въ шестой ихъ части, а чтобы составить такой фондъ, мы прекратимъ выпускъ вновь депозитныхъ билетовъ и всѣ прежніе, поступающіе разными путями въ казну и въ банки, будемъ уничтожать; послѣ чего изъ остающагося отъ нихъ металлическаго депозита и образуется именно сказанный фондъ. Съ моей стороны, я предпочитаю такую мѣру предложенной министромъ финансовъ, и вотъ почему: во 1-хъ, вмѣсто теперешнихъ трехъ родовъ бумажныхъ денегъ, у насъ останется только

одинъ, который, притомъ, будетъ вполнѣ соглашенъ съ системой звонкой монеты; во 2-хъ, покамѣстъ находятся еще въ обращеніи депозитные билеты, всѣ они будутъ фондированы одинаково, слѣдственно не явится и повода къ лажу; въ 3-хъ, слово мое, которымъ я единожды фондировалъ депозитные билеты рубль за рубль останется ненарушеннымъ и не родится даже сомнѣнія, будто я хочу отъ него отступить, а это всего важнѣе и для меня лично, и для государственнаго кредита. Но Егоръ Францевичъ, которому я передавалъ мою записку, не согласенъ со мною и представилъ свои возраженія, на которыя я, однако, согласиться не могу. Теперь я собралъ васъ, чтобы все это выслушать и обсудить. Прошу сказать откровенно ваше мнѣніе, нисколько не щадя авторскаго моего самолюбія. Въ запискѣ моей выражено мое убѣжденіе, но я охотно отъ него отступлю, если вы меня переубѣдите; не могу только перемѣнить моихъ мыслей за однимъ несогласіемъ на нихъ министра финансовъ, такое несогласіе должно быть мотивировано причинами и доводами, а въ томъ, что онъ написалъ, я, признаюсь, ихъ не вижу».

Записка Государя, имъ самимъ написанная и переписанная рукою Наслѣдника Цесаревича, будущаго Императора Александра II, хранится въ архивѣ Кредитной Канцеляріи Министерства Финансовъ. Николай I собственноручно карандашемъ озаглавилъ ее такъ:

Мой отвѣтъ.

«Учрежденіе депозитныхъ билетовъ имѣло цѣлію облегчить обороты звонкой монеты, давъ ей представителя, обезпеченнаго рубль за рубль, соотвѣтствующимъ капиталомъ, на лицо хранимымъ.

«Сіе непремѣнное, святое условіе и было, по всему вѣроятію, причиной, что выпускъ депозитныхъ билетовъ принятъ съ удовольствіемъ, продолжается съ успѣхомъ и вскорѣ достигнетъ 50 м.

«Но ясно, что сія операція, весьма полезная и удобная для оборотовъ обыкновенныхъ общежитія, не имѣла доселѣ инаго послѣдствія въ финансовомъ отношеніи, какъ замѣна въ обращеніи звонкой монеты соотвѣтствующимъ капиталомъ представительнымъ, вся условная цѣна котораго основана на довѣріи къ правительству, на словѣ его, что наличность капитала обезпеченія — неприкосновенна.

«Трогать сіе дѣло, измѣнять его, или какимъ бы образомъ ни было коснуться его, считалъ бы я крайне опаснымъ: ибо чрезъ то могло бы протрястись довѣріе къ честности правительства.

«Депозитная касса, депозитные билеты суть особенность въ государствѣ. Число билстовъ зависитъ отъ числа вносителей: правительство не можетъ ни увеличить, ни уменьшить числа ихъ. Само оно—не что иное въ семъ дѣлѣ, какъ хранитель депозитной кассы. Желаетъ ли правительство участвовать въ удобствѣ употребленія депозитныхъ билетовъ, оно, наравнѣ съ частными людьми, безъ всякихъ преимуществъ предъ ними, обязано равномѣрно вносить.

«Изъ выше писанныхъ истинъ истекаетъ, кажется мнѣ, то заключеніе, что депозитные билеты не могутъ подлежать никакому измѣненію; но нѣтъ препятствія выпускъ ихъ прекратить, когда сіе нужнымъ признано будетъ.

«Учрежденіе кредитныхъ билетовъ имѣло, отчасти, одну цѣль съ депозитными но разнствуетъ съ ними въ главномъ условіи: въ обязанности хранить въ наличности полный капиталъ обезпеченія, рубль за рубль, съ допущеніемъ, вмѣсто того, храненія только одной шестой части противъ всего выпущеннаго сими билетами капитала.

«Кредитные билеты доселе употреблялись только какъ подкрѣпленіе капиталовъ всѣхъ банковъ и, по самому роду ихъ обезпеченія, требовали осторожности и постепенности въ ихъ выпускѣ, хотя отнюдь не замѣчено было, чтобы ихъ неохотно принимали.

«По однимъ Сохраннымъ Казнамъ ихъ пущено по сей день въ оборотъ болѣе чѣмъ на 3.500.000 р.

«Другое различіе съ депозитными билетами еще то, что билеты первые выпущены однѣхъ высшихъ цѣнностей, а потому, естественно, и меньше ихъ въ обращеніи противъ депозитныхъ, оставаясь наиболѣе въ высшемъ сословіи и у капиталистовъ.

«Изъяснивъ, такимъ образомъ, различіе между сими двумя родами денежныхъ представителей, обращусь къ вопросу: который изъ двухъ представляетъ болѣе удобствъ къ употребленію на перемѣну старыхъ банковыхъ ассигнацій?

«Кажется мнѣ, что о депозитныхъ билетахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ, доколѣ не измѣнится коренное нынѣшнее ихъ основаніе. Выше сказавъ, почему не признаю возможности касаться сихъ основаній, повторяю здѣсь, что депозитные билеты должны остаться

неприкосновенными, доколѣ выпускъ ихъ не будетъ прекращенъ.

«Не беру на себя рѣшить, чтобы примѣненіе кредитныхъ билетовъ къ операціи вымѣна старыхъ ассигнацій было совершенно легко и удобно; но, по крайней мѣрѣ, признаю къ тому возможность и постараюсь сіе объяснить.

«Первымъ приступомъ къ сему должно быть—объявленіе, что выпускъ депозитныхъ билетовъ прекращается.

«Полагаю сіе исполнить тогда, когда ихъ выпущено будетъ на 50 м. р.

«За симъ объявленіемъ послѣдовать должно другое—что кредитные билеты будутъ впредь выпускаемы, сверхъ прежнихъ достоинствъ и въ 25, 20, 15, 10, 5, 4, 3, 2 и одинъ рубль.

Потомъ объявить:

«Что желающимъ получать кредитные билеты взамѣнъ серебра и слитковъ, сіе дозволяется на томъ же основаніи, какъ выдавались депозитные билеты. Самый вымѣнъ старыхъ ассигнацій на кредитные билеты разрѣшить примѣрно на пять лѣтъ, учредивъ первоначальный капиталъ обезпеченія передачею въ оный 4 мил. сереб. изъ военнаго капитала.

Кромѣ того:

«1) Обращать въ капиталъ обезпеченія поступающее отъ вкладчиковъ серебро и слитки въ замѣнъ кредитныхъ билетовъ.

«2) По мѣрѣ поступленія депозитныхъ билетовъ въ казенные платежи, или въ банки, отсылать ихъ въ депозитную кассу для уничтоженія, замѣняя такой же суммой кредитными билетами.

«3) Соотвѣтственную симъ уничтоженнымъ депозитнымъ билетамъ сумму, звонкою монетой или слитками, передавать изъ депозитной кассы въ капиталъ обезпеченія кредитныхъ билетовъ. Здѣсь одна шестая часть отчисляется собственно въ капиталъ обезпеченія, остальное обращается въ резервный капиталъ на выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. На семъ основаніи продолжается передача капиталовъ изъ одной кассы въ другую, по мѣрѣ поступленія депозитныхъ билетовъ въ казну или банки.

«4) Кромѣ вышеозначеннаго выпуска кредитныхъ билетовъ, взамѣнъ звонкой монеты, или слитковъ, выпускъ ихъ производится также въ одной пятой части во всѣхъ казенныхъ платежахъ, при

выдачѣ жалованья и отпускѣ суммъ на содержаніе казенныхъ заведеній, съ уничтоженіемъ въ то-же время соотвѣтствующей суммы старыхъ ассигнацій.

«Полагаю, что возможно будетъ уничтожать ежегодно одну пятую часть всѣхъ поступающихъ въ казну и банки старыхъ ассигнацій, замѣняя въ то-же время равнымъ количествомъ кредитными билетами.

«Но если-бъ мѣры сей недостаточно было на конечное довершеніе вымѣна, не вижу препятствія продлить ее хоть на десять лѣтъ.

«Мнѣ кажется, что всѣ эти мѣры не представляютъ особыхъ затрудненій; ни въ чемъ не будетъ противорѣчія; самая же поспѣшность исполненія зависитъ отъ правительства.

«Не нужно будетъ приступать ни къ какимъ особымъ мѣрамъ, тягостнымъ для Казначейства, или опаснымъ для кредита, ибо все остается въ прежнемъ порядкѣ, прекратится только выпускъ депозитныхъ билетовъ; при чемъ каждый можетъ возвратить ихъ въ кассу и получить обратно свое серебро. Капиталъ обезпеченія образуется легко и какъ бы самъ собой, и не нужно будетъ приступать къ выпуску билетовъ Государственнаго Казначейства: способъ полезный, но который лучше беречь въ запасъ на непредвидѣнные случаи. Наконецъ, не вижу опасности и для банковъ: ибо правительство отвѣчаетъ за ихъ состоятельность совершенно такъ, какъ по нынѣ, и не лишаетъ ихъ рессурса, дарованнаго имъ установленіемъ кредитныхъ билетовъ».

Записка Государя привела всѣхъ въ совершенный восторгъ. Обширность свѣдѣній въ такомъ специальномъ предметѣ; обиліе и точность мыслей; энергическая краткость, отнюдь не вредившая отчетливости; наконецъ, самая изящность простаго и яснаго изложенія — все это вмѣстѣ обличало въ геніальномъ мыслителѣ и геніальнаго редактора. «По истинѣ — сказалъ Канкринъ — я совершенно остолбенѣлъ, когда Вы, Государь Императоръ, изволили прислать мнѣ Вашу записку и я ее прочелъ. Дай Богъ — и скажу такъ безъ всякой неприличной лести — дай Богъ нашему брату, посѣдѣвшему въ этихъ дѣлахъ, умѣть написать что-нибудь подобное!» И таково же было общее мнѣніе.

Но этимъ вопросъ далеко не былъ рѣшенъ. Николаю I нужно было не провести свою самодержавную волю, но просвѣтить свое

сознаніе, услыхать все, что́ могло быть сказано за и противъ его плана. Онъ взялся еще разъ за чтеніе и самъ прочиталъ возраженія на свою записку гр. Канкрина.

Министръ, чувствуя что аргументовъ не хватаетъ, постарался въ этой запискѣ набросить тѣнь на побудительные мотивы Императора. Онъ дошелъ до того, что упоминалъ даже о «нѣкотораго рода обманѣ» скрывавшемся за обѣщаніями обмѣна.

Возраженія Государя записаны бар. Корфомъ очень обстоятельно и характеризуютъ Императора Николая I еще съ новой стороны: крайняго уваженія къ своимъ сотрудникамъ. Вотъ какимъ образомъ тономъ графу отвѣчалъ Канкрину Государь:

«Еслибъ—говорилъ онъ—возраженіе министра, что тутъ кроется обманъ, было справедливо, то, конечно, уже это одно заставило-бы меня бросить все дѣло, какъ по важности священнаго въ моихъ глазахъ императорскаго слова, такъ и по видамъ охраненія публики отъ всякаго обмана, котораго, вѣрно, никто изъ васъ не предположитъ въ моихъ намѣреніяхъ. Но я никакъ не могу согласиться, чтобъ это возраженіе было справедливо. Покамѣстъ выпущенные билеты находятся въ обращеніи, обезпечивающій ихъ депозитъ есть, безъ сомнѣнія, ненарушимое и неприкосновенное достояніе вкладчиковъ, т. е. публики, но коль скоро билеты, посредствомъ платежей, вымѣна, или иначе, возвращаются въ казну и коль скоро казна, не выпуская ихъ вновь, подвергаетъ, напротивъ, уничтоженію,—съ той минуты соразмѣрный суммѣ уничтоженныхъ билетовъ депозитъ дѣлается уже, естественно, полною собственностію правительства, которою оно вправѣ располагать свободно и безотчетно, какъ ему вздумается. Я не могу иначе смотрѣть на это дѣло, а потому не могу также и принять возраженіе министра; чего же нибудь другого, что могло-бы поколебать прежнюю мою мысль, не было приведено ни въ его запискѣ, ни въ словесныхъ нашихъ объясненіяхъ. Напротивъ; свѣдѣнія, которыя я, послѣ уже моей записки, вытребовалъ отъ Егора Францевича, о количествѣ разнаго рода денегъ, поступившихъ въ послѣднее время въ казначейства и банки, еще болѣе утвердили меня въ моей идеѣ. Вотъ двѣ табели, которыя онъ мнѣ представилъ. Изъ нихъ видно, что депозитныхъ билетовъ вошло въ 1841 году болѣе 25 и въ 1842 болѣе 23 милліоновъ; но какъ всего ихъ выпущено до сихъ поръ

менѣе 50 мил., а фонда для обезпеченія кредитныхъ билетовъ противъ шестой части всѣхъ обращающихся теперь 170 мил. ассигнацій нужно только $28^1/_2$ мил., то этимъ доказывается, какъ легко и скоро можно будетъ истребить депозитные билеты, замѣнить ихъ кредитными и изъ остающагося депозита составить для послѣднихъ избыточный фондъ Впрочемъ, повторяю: je n'anticipe pas sur vos idées; посудите ближе и рѣшите нашъ споръ».

Вслѣдъ за этимъ слово было предоставлено Канкрину:

Министръ Финансовъ защищался долго и въ нѣсколько пріемовъ, но слабо, нескладно, софизмами. Такая защита не могла никого привлечь въ пользу его мнѣнія Общимъ результатомъ отобранныхъ поименно голосовъ было, что мысль Государя, въ ея основаніяхъ, вполнѣ восторжествовала и всѣ тутъ-же единодушно ее приняли, не потому, что она была его мысль, а потому, что представляла средство самое основательное, раціональное и наименѣе неудобное выдти изъ предстоявшаго затрудненія.

Вслѣдствіе того мнѣнія членовъ, съ большимъ или меньшимъ развитіемъ подробностей, сложились въ одно единогласное заключеніе такого содержанія, что какъ для операціи вымѣна ассигнацій представляются два только способа: билеты депозитные и билеты кредитные, третьяго-же, болѣе удобнаго, въ виду нѣтъ, то между упомянутыми двумя способами должно отдать предпочтеніе, не колеблясь, билетамъ кредитнымъ. Болѣе и удобнѣе всѣхъ въ этомъ смыслѣ говорили: князь Любецкій — на этотъ разъ лучше обыкновеннаго, графъ Нессельроде, которому Государь предоставилъ изъясняться по французски и, наконецъ, Вронченко, который, еще до засѣданія, заявилъ всѣмъ что будетъ противнаго съ своимъ министромъ мнѣнія. Канкринъ, съ своей стороны, когда выразилось единодушное заключеніе прочихъ членовъ, отозвался, что считаетъ неприличнымъ продолжать оспаривать общее мнѣніе и поэтому, но единственно поэтому, также съ нимъ соглашается.

Казалось-бы вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Но Государю хотѣлось выслушать до конца всѣ мнѣнія, привести всѣхъ членовъ къ полному единодушію. Бар. Корфъ приводитъ слѣдующую сцену:

«На другой день я имѣлъ счастіе обѣдать у Государя, въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ. Послѣ стола, отведя меня въ

сторону, онъ спросилъ: «Ну, что скажешь о вчерашнемъ нашемъ засѣданіи?»—«Государь, я вынесъ изъ него новое убѣжденіе и новый урокъ: до сихъ поръ мнѣ думалось, что я, по крайней мѣрѣ, сносный редакторъ, но послѣ слышанной вчера записки вижу, какъ я стою въ этомъ отношеніи низко и сколько мнѣ остается еще учиться въ дѣлѣ, которое составляло занятіе цѣлой моей жизни». — «Полно полно: это похоже на лесть, а я до нея не охотникъ».—«Государь, ваше собственное убѣжденіе должно вамъ свидѣтельствовать, что мои слова далеки отъ лести, а притомъ вы изволили видѣть общее, единодушное впечатлѣніе, которое произвела на всѣхъ эта записка». —«Да, дѣло теперь, кажется, довольно объяснилось: всѣ поняли мою мысль и мою цѣль, и самъ Егоръ Францевичъ, при наружномъ упорствѣ, едва-ли не вполнѣ убѣдился. Прежде, прочитавъ мою записку, онъ при нашихъ объясненіяхъ съ глазу на глазъ, пугалъ меня тѣмъ»... и проч. Тутъ Государь повторилъ написанное въ отвѣтѣ Канкрина, а частью и нѣкоторыя изъ своихъ возраженій, уже высказанныхъ въ засѣданіи, и кончилъ такъ: «Я не хотѣлъ отказать въ желаніи членовъ прочесть еще бумаги каждому у себя на дому, хотя, конечно, они не найдутъ въ нихъ больше ничего новаго; впрочемъ, посмотримъ, соберемся опять вмѣстѣ и потолкуемъ».

Собранныя мнѣнія показали, что существуютъ серьезныя разногласія и вопросъ вовсе не такъ близокъ къ концу. Особенно упорно не сдавался Канкринъ. Онъ представилъ новую записку, гдѣ были сгруппированы слѣдующія его положенія:

1) для большей благовидности и въ доказательство, что казна не нуждается въ потребныхъ для того средствахъ, обратить въ основной фондъ кредитныхъ билетовъ, тотчасъ и не ожидая поступленія билетовъ депозитныхъ, 6 мил. руб. изъ военнаго капитала и $8^1/_2$ мил. изъ особо отложеннаго капитала коммиссіи погашенія долговъ; 2) операцію обмѣна ассигнацій на сіи билеты отложить, по крайней мѣрѣ, на годъ, что бы обращеніе билетовъ упрочилось въ народѣ; 3) не приступать, между тѣмъ, ни къ какому дальнѣйшему обнародованію, такъ какъ выпускъ билетовъ можетъ продолжаться изъ запаса, остающагося еще въ ломбардахъ и банкѣ по манифесту 1841 года; 4) не выпускать вообще кредитныхъ билетовъ ниже трехрублеваго достоинства, и 5) къ составленію общаго плана всей операціи приступить тогда уже, когда поспѣетъ заго-

товка билстовъ двадцати пяти рублеваго и другихъ низшихъ достоинствъ.

На эту записку Государь отвѣчалъ новымъ мемуаромъ, еще лучшимъ, еще болѣе яснымъ и яркимъ, чѣмъ первый. Онъ также хранится въ архивѣ Кредитной Канцеляріи, переписанной рукою Александра II. Приводимъ его полностью:

Вторая записка императора Николая I.

«Цѣль предполагаемой мной мѣры есть:

Замѣнъ трехъ существующихъ денежныхъ представительныхъ знаковъ однимъ, извлеченіемъ изъ обращенія ассигнацій стараго образца и депозитныхъ билетовъ.

1) Ассигнацій стараго образца полагается 170 м. серебромъ.

2) Депозитныхъ билетовъ пущено въ обращеніе по сей день не съ большимъ 44 м.

Извлеченіе тѣхъ и другихъ бумагъ полагается исполнить постепеннымъ замѣномъ кредитными билетами.

По нынѣ кредитныхъ билетовъ заготовлено на 30 м. сер., изъ коихъ около 7 м. въ обращеніи. Они принадлежность банковъ, и правила выпуска ихъ, равно какъ образованіе для нихъ особаго фонда обезпеченія, уже постановлены. Итакъ, къ симъ 30 м. слѣдуетъ пріобщить новыхъ 170 м. на перемѣну старыхъ ассигнацій и 44 м. на перемѣну депозитныхъ билетовъ, итого нужно прибавить на 214 м. сер., что съ причисленіемъ 30 м., данныхъ банкамъ составитъ 244 м.

Обмѣнъ сей, на первый случай, полагаю исполнить въ 5 лѣтъ.

Пятая часть старыхъ ассигнацій потребуетъ на обмѣнъ 34 м. кредитныхъ билетовъ.

Для сихъ 34 м. кредитныхъ билетовъ нуженъ фондъ обезпеченія въ 5.666.666 руб.

Фондъ сей, круглымъ счетомъ 6 м., взять по удобности, изъ военнаго капитала.

Депозитные билеты, по мѣрѣ поступленія въ казну и банки, замѣняются толикимъ-же капиталомъ кредитными билетами, а причитающееся за сіи возвращенные депозитные билеты серебро пере-

носится въ кредитную кассу: $^1/_6$ часть въ капиталъ обезпеченія, а $^5/_6$ въ резервный капиталъ.

Резервный капиталъ образуется собственно для составленія фонда обезпеченія для будущихъ выпусковъ, доколь всѣ 170 м. старыхъ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ не выбраны будутъ изъ обращенія.

Наконецъ, въ сей-же резервный капиталъ обращается $^5/_6$ всего серебра и золота, которое желающими вкладчиками вносимо будетъ взамѣнъ полученія кредитныхъ билетовъ. Для исполненія сихъ мѣръ надо:

1) Заготовить нынѣ же не менѣе 34 м. кредитныхъ билетовъ малаго достоинства взамѣнъ ассигнацій и около 20 м. для обмѣна депозитныхъ билетовъ, всего до 54 м. кредитныхъ билетовъ.

2) Закрыть выпускъ депозитныхъ билетовъ.

3) Передать всѣ имѣющіеся по банкамъ и казначействамъ депозитные билеты въ депозитную кассу.

4) Замѣнить ихъ кредитными билетами.

5) Объявить пріемъ серебра и золота въ кредитную кассу взамѣнъ билетовъ, какъ доселѣ исполнялось по депозитной книгѣ.

Весь разсчетъ мною сдѣланъ на 5 лѣтъ примѣрно; если мѣру сію признается нужнымъ ускорить, то слѣдуетъ усилить только первоначальный фондъ; въ прочемъ не послѣдуетъ никакой разницы.

Если признано будетъ нужнымъ держать въ наличности не одну шестую часть обезпеченія, но болѣе, тогда все исполненіе операціи потребуетъ болѣе времени, отнюдь не измѣняясь въ сущности, ибо уменьшится только резервный капиталъ передачею или добавленіемъ въ капиталъ обезпеченія того, что найдется необходимымъ на его усиленіе.

Нужно рѣшить, можно-ли допустить размѣнъ нѣкоторой суммы звонкой монеты въ приказахъ общественнаго призрѣнія, представляющихъ губернскіе банки. Кажется, безъ опасенія можно согласиться на сіе суммою до 1.000 руб. сер. въ однѣ руки».

Между обоими засѣданіями 25 января и 11 февраля 1843 года Государь употреблялъ, очевидно, все свое вліяніе, чтобы убѣдить гр. Канкрина и заручиться его содѣйствіемъ. Корфъ разсказываетъ:

«Въ періодъ времени между обоими засѣданіями Комитета я видѣлся съ нимъ (Канкринымъ) два раза. Въ первый разъ онъ

былъ еще въ совершенномъ изступленіи и бранилъ всѣхъ и все; язвительныя колкости безпрерывно срывались съ его языка; онъ говорилъ, что не можетъ долѣе оставаться министромъ, что лишился довѣрія Государя, что отъ того всѣ его тѣснятъ и проч. Во второй разъ я нашелъ его совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа. «Государь—сказалъ онъ мнѣ своимъ обычнымъ страннымъ тономъ—теперь, батушка, собаку съѣлъ на финансахъ и истинное наслажденіе съ нимъ работать. Я занимаюсь изложеніемъ подробностей по плану, который онъ намъ предложилъ, и надѣюсь, что все уладится къ общему удовольствію Мысль его имѣетъ свои весьма правильныя основанія, которыя, точно, очень трудно было бы опровергнуть».

Графъ Канкринъ окончилъ взятое имъ на себя дѣло въ три дня и 14-го февраля планъ его уже былъ у Государя.

17-го февраля, по открытіи засѣданія, Государь прочелъ сперва всю бумагу въ цѣломъ составѣ, а потомъ сталъ опять читать всѣ ея статьи порознь, но останавливался *только на тѣхъ*, которыя или возбуждали его сомнѣніе, или требовали объясненій министра финансовъ. Это явно волновало Любецкаго, которому хотѣлось, кажется, говорить *по каждой статьѣ*.

Долѣе всего занималъ Комитетъ вопросъ? въ какую цѣну выпускать *низшіе* кредитные билеты? Въ запискѣ Государя предлагались *рублевые*; но Канкринъ внесъ въ свой планъ только *трехрублевые*. При возбужденныхъ Государемъ разсужденіяхъ по этой статьѣ, Канкринъ съ жаромъ сталъ утверждать, что рублевые билеты «будутъ гибелью для Россіи», мысль, которую онъ повторялъ нѣсколько разъ въ разныхъ формахъ, не подкрѣпляя ее, однако, ни однимъ положительнымъ доказательствомъ. Когда Государь потребовалъ именно такихъ «доказательствъ», онъ отвѣчалъ: «Ваше Величество вѣрно сами согласиться изволите, что такая мѣра будетъ очень затруднительна».—«Да почему же затруднительна?»—«Потому что можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія!» Такъ и далѣе, министръ вращался все около одного и того же и въ прямое опроверженіе могъ представить только то, что черезъ выпускъ рублевыхъ билетовъ извлекутся изъ обращенія всѣ *цѣлковики* Государь, сначала, видимо колебался и даже самъ сказалъ нѣсколько словъ въ подтвержденіе неудобства рублевыхъ билетовъ, между

прочимъ, что учрежденіе ихъ можетъ дать средства выпустить въ ущербъ простому народу, въ которомъ они наиболѣе обращаются и который легко обмануть, множествомъ *фальшивыхъ* бумагъ. Это возраженіе отстранили тѣмъ, что рѣшающійся дѣлать фальшивыя бумаги скорѣе обратится къ выпуску *крупныхъ*, гдѣ рискъ вознаграждается надеждою вящшей прибыли, и что и по опыту извѣстно, какъ рѣдко попадаются, въ сравненіи съ бѣлыми, красныя и особенно синія фальшивыя ассигнаціи. На замѣчаніе же Канкрина члены отвѣчали тѣмъ, что извлеченіе изъ обращенія цѣлковыхъ, еслибъ оно и случилось, не грозитъ еще никакимъ бѣдствіемъ; что и въ Австріи, и въ Пруссіи есть билеты въ гульденъ и въ талеръ, но тамъ не замѣчено отъ этого никакого вреда или неудобства; что для облегченія, безъ потрясенія народныхъ привычекъ, перехода отъ старой денежной системы къ новой, равно какъ и для самаго удобства въ мелочныхъ оборотахъ общежитія, необходимо извѣстный народу ассигнаціонный знакъ замѣнить ближайшимъ къ нему, по возможности, представителемъ на серебро, и потому рублевые билеты будутъ очень полезны. Канкринъ все, однако, оставался при своемъ, пока наконецъ не заключилъ неудачною фразою: «Впрочемъ, какъ Вашему Величеству угодно».— «Здѣсь не объ угодности дѣло,—возразилъ Государь,—знаю, что если я велю, то вы должны исполнить, а теперь вы собраны, чтобъ разсуждать и просвѣтить меня». Потомъ, убѣжденный всѣмъ слышаннымъ или, лучше сказать, подкрѣпленный имъ въ своемъ убѣжденіи, онъ продолжалъ: «надо, впрочемъ, сознаться, что я разыгрываю здѣсь довольно странную роль: предложеніе о рублевыхъ билетахъ пошло отъ меня самого; никто его не оспариваетъ, кромѣ графа, который, однако, приводитъ противъ моей мысли только *слова*; всѣ видятъ ея пользу, а я одинъ теперь самъ противъ нея возстаю! Пора это кончить и не тратить понапрасну времени. И такъ, Егоръ Францевичъ, *простите великодушно*, а рублевые билеты пусть будутъ».

Когда весь планъ былъ такимъ образомъ пройденъ, Государь, обратясь къ мысли Любецкаго—чтобы всю массу бумажныхъ нашихъ денегъ признать государственнымъ долгомъ, со внесеніемъ въ государственную долговую книгу—спросилъ: считаетъ-ли онъ, Любецкій, эту мѣру *необходимымъ и непремѣннымъ условіемъ* для успѣха собственно разсматриваемой теперь *операціи обмѣна?*

Тутъ представился Любецкому нетерпѣливо имъ ожиданный случай излить все краснорѣчіе.

Начавъ отъ *альфы* нашего финансоваго кредитнаго и монетнаго управленія и устройства; раскрывъ, подъ испытующимъ ножомъ своимъ всѣ ихъ недостатки; возвратясь къ вѣчной идеѣ своей эсконтнаго банка и распространясь также о необходимости отдѣлить банковую и монетную часть отъ вѣдомства министерства финансовъ, князь повторилъ опять, на словахъ, почти все то же, что было изложено въ письменномъ его мнѣніи—слѣдственно, множество посторонняго, лишняго, истощавшаго, своею растянутостью, всякое человѣческое терпѣніе. Но, сколько онъ ни путался и ни кружился, все же, изъ многословнаго отвѣта его на снова повторенный Государемъ тотъ же *положительный* вопросъ вышло что замѣнъ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ кредитными можетъ очень хорошо совершиться и безъ *его, Любецкаго, мѣры,* которую онъ предлагаетъ болѣе для произведенія благопріятнаго впечатлѣнія на умы въ Европѣ и для внушенія, за границею, бо́льшаго довѣрія къ нашимъ фондамъ.

«Ну, если такъ—сказалъ Государь – то мы лучше отложимъ это до другого времени, чтобы не запутать и не задерживать теперешней операціи, для которой ты самъ не признаешь его *необходимымъ*».

Словомъ, предложеніе Любецкаго было предоставлено *будущимъ* соображеніямъ, и притомъ очень неопредѣлительно, безъ назначенія для нихъ срока и порядка.

Потомъ Государь, отмѣтивъ кратко на планѣ министра то, что положено было въ немъ перемѣнить или дополнить, прибавилъ: «Теперь, Егоръ Францевичъ, ты заготовишь намъ образы билетовъ меньшихъ размѣровъ и настоящій уже проектъ манифеста и представишь также о всѣхъ другихъ разрѣшеніяхъ и уполномочіяхъ, какія нужны тебѣ, чтобъ тотчасъ приняться за дѣло, а мы все это опять здѣсь разсмотримъ. Впрочемъ, предваряю, что всю эту операцію я беру подъ *личный* мой надзоръ и непосредственное наблюденіе во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ что не будетъ сдѣлано ни одного шага безъ моего вѣдома и разрѣшенія: вы, слѣдственно, можете быть увѣрены, господа, что тутъ будутъ соблюдены всевозможная осторожность и добросовѣстность».

После этого было еще два засѣданія, именно 24 и 31 марта: Государь въ послѣднемъ засѣданіи, во всегдашней своей внимательности къ старымъ и заслуженнымъ сановникамъ, сказалъ «вамъ извѣстно, что я поручилъ *Канкрину* съ Корфомъ сдѣлать новую редакцію манифеста: *они* представляли мнѣ свою работу и я, лично, очень ею доволенъ. Теперь посудите вы». Затѣмъ, прочитавъ бѣгло цѣлый проектъ, онъ возвратился снова къ каждой изъ его статей порознь.

Когда по сему открылись сужденія, Любецкій сталъ спорить противъ каждаго пункта, почти противъ каждаго слова—не по отношенію именно къ редакціи, а опять о сущности дѣла, хотя оно уже было рѣшено въ прежнихъ собраніяхъ Комитета, и пользовался притомъ всякимъ предлогомъ, чтобы снова коснуться, прямо или вводно, прежней своей мысли о запискѣ кредитныхъ билетовъ въ государственную долговую книгу. Но изъ его возраженій было принято только два или три, а прочія или отвергнуты, или пройдены молчаніемъ. Комитетъ, съ своей стороны, обратилъ преимущественное вниманіе на статью, опредѣляющую *обезпеченіе цѣнности* кредитныхъ билетовъ. Въ проектѣ Канкрина было сказано, что они обезпечиваются въ ихъ цѣнности «запасными капиталами и всѣми способами государственнаго казначейства». Въ проектѣ же Корфа словами: «всѣми имуществами и способами казны». По членамъ и это выраженіе показалось не довольно еще общимъ и сильнымъ; почему нѣкоторые предложили сказать просто: «всѣмъ государственнымъ имуществомъ». Такъ Государь и поправилъ, было, въ проектѣ «Тогда я, говоритъ Корфъ, въ качествѣ редактора, представилъ, что выраженіе «государственное имущество» имѣетъ въ нашей дѣловой терминологіи болѣе спеціальное значеніе, а въ этомъ смыслѣ, чтобы не родить неправильныхъ толкованій, лучше бы, можетъ статься, было написать: «всѣмъ достояніемъ государства». Мое предложеніе всѣ приняли единогласно и Государь, въ соотвѣтственность ему, *снова* исправилъ прежнюю свою поправку. Эта перестановка повлекла за собою нѣсколько поправокъ, болѣе обширныхъ: онѣ предложены были самимъ министромъ финансовъ и тутъ же утверждены Государемъ. По случаю ихъ графъ Канкринъ произнесъ длинную рѣчь о томъ, какое относительное понятіе есть редакція; какъ, что одному кажется дурно написаннымъ, то нра-

вится другому, и наоборотъ, хотя это не мѣшаетъ обоимъ быть людьми очень умными и свѣдущими; какъ онъ сейчасъ взялся бы, по тѣмъ же самымъ даннымъ, опять совсѣмъ иначе изложить манифестъ, какъ вообще трудно писать въ совѣщательномъ собраніи и, такъ сказать, въ *компаніи*, и какъ лучше было бы, указавъ только основанія, окончательную редакцію поручить ему вмѣстѣ со мною. «Зачѣмъ же это?—отвѣчалъ Государь,—перемѣны не такъ важны, чтобы требовали кабинетной работы, мы лучше сдѣлаемъ ихъ теперь же сами и всѣ вмѣстѣ, чтобы окончательно во всемъ согласиться и не собирать васъ вновь». И дѣйствительно, Государь тутъ же отмѣтилъ карандашемъ все, что признано было за нужное измѣнить, или сказать иначе, даже до нумераціи статей. Наконецъ, когда была прочтена и одобрена послѣдняя статья, онъ сказалъ: «Уфъ, насилу кончили; ну, теперь пусть Корфъ велитъ это переписать и пришлетъ ко мнѣ; я еще разъ все пересмотрю, а потомъ, Егоръ Францевичъ, внесемъ, для формы, въ Совѣтъ, куда пойдутъ также уставъ и штатъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ, которые теперь пишутся. Мы, съ своей стороны, наше дѣло кончили и я распускаю васъ, господа *въ безсрочный отпускъ*».

Въ своемъ отчетѣ за 20 лѣтъ управленія министерствомъ финансовъ, гр. Канкринъ о кредитныхъ билетахъ говоритъ слѣдующее:

«Въ 1841 г., для умноженія въ нужномъ случаѣ способовъ банковъ къ усиленію ссудъ, по предложенію, въ особомъ совѣщаніи въ присутствіи Его Императорскаго Величества разсмотрѣнному, учрежденъ выпускъ до 30 милл. рублей кредитными билетами, съ фондомъ въ $^1/_6$ часть выпущенной массы, и съ обезпеченіемъ ихъ всѣмъ достояніемъ банковъ. Фондъ сей однако для осторожности въ началѣ операціи назначенъ былъ гораздо болѣе $^1/_6$ части. Билеты сіи, при умѣренномъ расходованіи и строгихъ правилахъ осторожности, получили также свободный ходъ, хотя въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ депозитные. Ихъ выпущено до 6 мил. руб. (въ мартѣ 1843 г.), и фондъ составлялъ до 1.200.000 руб. Получаемые банками $^0/_0$ назначены на погашеніе сихъ билетовъ».

Наконецъ 1-го іюня 1843 г. послѣдовалъ манифестъ объ уничтоженіи прежныхъ ассигнацій кредитными билетами, которые банкъ не только обѣщалъ размѣнивать, но и дѣйствительно размѣнивалъ на монету по требованію. Въ банкахъ, для этой цѣли

положенъ былъ размѣнный фондъ монетою, 28.500.000 рублей, какъ видно изъ манифеста, а остальной скопившійся фондъ, какъ резервный капиталъ, былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость и повѣренъ при сановникахъ и депутатахъ отъ дворянства и отъ купечествъ; онъ составлялъ 65.750.000 руб. или 263 мил. франковъ, а въ 1847 г. капиталъ этотъ достигъ цифры 115.678.595 руб. или равнялся 470 мил. франковъ, какъ сказано въ статьѣ «Georges Cancrine—étude bioragphique», напечатанной въ «Journal de St. Petersbourg» 1860 г. №№ 139, 40, 42 и 43. Такого запаса въ то время не было ни у одного государства, за то и фонды наши на всѣхъ рынкахъ Европы стояли выше всѣхъ другихъ облигацій. Рядомъ съ этимъ увеличивалась стараніями Канкрина и. разработка золотыхъ розсыпей въ Сибири. Вотъ таблица добыванія золота въ Россіи за все время министерства Канкрина съ цифрами черезъ пятилѣтніе сроки:

Года пятилѣтій.	Съ частныхъ заводовъ.	Съ казенныхъ Уральскихъ.	Съ заводовъ кабин. Е. И. В.
	На сумму рублей.		
Въ 1823 году . .	916.291	481.833	—
» 1828 » . . .	2.691.218	1.151.077	5.971
» 1833 » . .	3.047.773	1.882.968	79.815
» 1838 » . .	4.406.570	1.748.414	369.807
» 1843 » . .	14.494.265	1.821.875	531.520
» 1845 » . .	14.959.186	1.725.445	611.497

Всего въ 23 года 11.668 пудовъ на сумму 154.399.880 р.[1]).

Независимо отъ этого, привозъ иностранной монеты въ изобиліи въ Россію дѣлалъ обращеніе серебряной и золотой монеты въ народѣ свободнымъ.

За все время управленія Канкрина оффиціально были показаны дефициты пять разъ, именно въ 1823—1834—1835—1841 и 1842 г.г. Дефициты этихъ годовъ были покрыты: въ 1823 г. наиболѣе изъ займа у Ротшильда; недостатокъ 1834 г. (около 9 мил.) выпускомъ

---

[1]) Въ Уральскомъ хребтѣ были находимы самородки платины значительной величины: въ 1827 году—въ 10 ф. 54 золотн., а въ 1833 г. въ 13 ф. 53 и 19 ф. 18 з. (см. «Сѣверную Пчелу» 1833—№ 195). Заботы гр. Канкрина о русской металлургіи сохраняютъ о немъ память въ названіи минерала «Канкринитъ» и посвященіи его имени профессоромъ Соколовымъ «Минералогіи», изданной въ 1836 году.

билетовъ казначейства и займами отъ банковъ; сверхъ того на чрезвычайныя потребности по неурожаю у нихъ же было занято 63 мил., въ 1835 г. послѣдствія неурожая (около 2 мил.)—покрыты займами изъ банковъ, дефицитъ 1841 года (болѣе 20 мил., тоже по неурожаю) восполненъ одною серіею билетовъ государственнаго казначейства (на 3 мил. руб. сер.), болѣе чѣмъ на $15^1/_4$ мил. руб. сер. изъ 1-го 4-хъ проц. займа и 1.654.484 руб. позаимствованіемъ изъ банка; недостатки 1842 г. (тоже по недороду хлѣба) въ $11^1/_2$ мил. покрыты отъ убавленія войскъ и заимствованіями изъ того же источника.

Между тѣмъ война на Кавказѣ не прекращалась, продолжались постоянно усиленные рекрутскіе наборы, армія увеличивалась и производились обширные маневры, такъ что Канкринъ принужденъ былъ въ 1840 г. совершить новый заемъ въ 25 мил., хотя на весьма выгодныхъ условіяхъ. Но всѣ эти займы отнюдь не уронили нашего кредита.

Съ 1839 г., здоровье гр. Канкрина стало ему измѣнять, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и его дѣятельность. Въ 1840 г. Государь дозволилъ ему ѣхать за границу для леченія и приказалъ предоставить въ его распоряженіе особый пароходъ. Отъѣзжая за границу гр. Канкринъ, согласно Высочайшей волѣ, уступилъ свое мѣсто товарищу министра финансовъ, статсъ-секретарю Ѳ. П. Вронченко, причемъ составилъ для своего замѣстителя обширную и подробную инструкцію: «О видахъ и предположеніяхъ по финансовой части», которая была одобрена, какъ руководство, императоромъ Николаемъ I.

Вронченко впослѣдствіи занялъ мѣсто Канкрина, но сенаторъ К. И. Лебедевъ говоритъ: «что это былъ ничтожный человѣкъ, который [1]) достигъ всего, что только можно заслужить—титулъ графа,

---

[1]) Баронъ Корфъ, описывая засѣданія Комитета о средствахъ покрытія дефицитовъ въ государственной росписи на 1841 годъ, говоритъ что, «бумага Вронченко дала поводъ къ веселости, и лишь присутствіе Государя могло удержать слушателей отъ взрывовъ громкаго смѣха. Въ ней дѣйствительно были забавныя вещи, напр. «Россія знатною частію земнаго ея протяженія и еще знатнѣйшею частію народонаселенія принадлежитъ, какъ извѣстно (!!), къ Европѣ», или: «нѣкогда сказалъ Петръ Великій: деньги въ дѣлѣ государства суть артерія войны; въ настоящія времена къ тому можно присовокупить: артерія же денегъ есть кредитъ и т. д.»

орденъ св. Андрея. Со времени его назначенія финансами завѣдывалъ Государь, и этимъ только можно объяснить его назначеніе. Три важныхъ мѣры приняты были въ это время: назначеніе 30 мил. руб. для покупки публичныхъ фондовъ, новый тарифъ (работа Тенгоборскаго) и земскія повинности. Ни въ одной изъ этихъ мѣръ Вронченко не участвовалъ нисколько. Онъ въ обществѣ былъ извѣстенъ болѣе по смѣшнымъ анекдотамъ и постояннымъ прогулкамъ съ граціями по Невскому проспекту» [1]).

Графъ Канкринъ точно также ѣздилъ за границу въ 1841 и 1843 г.г. И во время путешествія 1843 г. написалъ книжку «Картины воображенія слѣпца» Phantasie—Bilder eines Blinden), въ предисловіи къ которой онъ говорилъ». За нѣсколько лѣтъ тому назадъ чрезмѣрное напряженіе глазъ довело меня до слѣпоты. Въ уединенные часы, въ безсонныя ночи мнѣ оставалось одно – предаваться картинамъ воображенія, а подвижная моя жизнь представляла мнѣ много матеріаловъ. Зрѣніе мое поправилось. Во время долгаго путешествія, предпринятаго для отдохновенія къ минеральнымъ водамъ, вѣчные дожди, бывшіе лѣтомъ 1843 года, дали мнѣ случай сократить скуку праздныхъ часовъ записываніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ фантазій. Вотъ онѣ—представленныя вкратцѣ и почерпнутыя изъ жизни».

Этотъ странный путь дарованія, говоритъ Плетневъ, напоминаетъ одно очень оригинальное признаніе Жанъ-Жака Руссо: «Въ молодости, говоритъ онъ, я страстно любилъ романы. Послѣ я оставилъ ихъ, чтобы ближе сойтись съ людьми. Теперь узнавъ

Князь П. А. Вяземскій пишетъ, что Канкринъ, говоря о Вронченко съ Киселевымъ, хвалилъ его способности, но прибавилъ: боюсь, что онъ будетъ слишкомъ любострастенъ къ министрамъ. Онъ хотѣлъ сказать подобострастенъ и дѣйствительно такимъ и былъ Вронченко по словамъ записокъ Голубева («Рус. Ар.» 1896 г.). Графъ П. Д. Киселевъ отзывался о Вронченко, что «это Каратыгинъ нашей министерской труппы. Въ преніяхъ Совѣта и Комитета Министровъ онъ ужасно размахиваетъ руками, хватается за парикъ» («Полное собр. соч. кн. Вяземскаго» Т. IX стр. 209 и 210).

[1]) См. «Рус. Ар.» 1888 г. Т. I стр. 618. Вронченко былъ непремѣннымъ посѣтителемъ также маскарадовъ. Это дало поводъ Государю, когда кончилось засѣданіе (9 января 1841 г.), сказать гр. Канкрину: «Ну, Егоръ Францевичъ, я долженъ принести тебѣ формальную жалобу на твоего товарища; спроси-ка у него, что онъ дѣлалъ вчера въ маскарадѣ: совершенно у меня хлѣбъ отбиваетъ». («Сб. Истор. Об.» т. 98 стр. 146).

людей, я снова возвращаюсь къ романамъ—и никогда уже не оставлю ихъ».

Далѣе замѣчаетъ Плетневъ: «Сообразивъ обстоятельства, въ какихъ гр. Канкринъ писалъ свои повѣсти, обративши вниманіе на преклонность лѣтъ его и двадцатилѣтнія безпрерывныя занятія дѣлами сухими, хоть и самыми важными, никто не удивится, что въ этихъ бездѣлкахъ свободныхъ часовъ не встрѣчается той энергіи его характера, той глубины ума его, тѣхъ красокъ искусства, которыхъ во всемъ ожидаешь отъ геніальнаго человѣка. Читая эти повѣсти, убѣждаешься только въ томъ, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ умственная дѣятельность была всегдашнею потребностью. Съ этой точки зрѣнія повѣсти его представляются уже чѣмъ-то болѣе, нежели замѣчательнымъ въ ряду памятниковъ его бытія. Успѣхи на поприщѣ государственномъ не притупили его вкуса къ благороднымъ забавамъ воображенія, къ этому человѣчески—прекрасному занятію, которому такъ любятъ предаваться въ наше время первыя правительственныя лица Англіи и Франціи. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы помѣстить одну изъ повѣстей гр. Е. Ф. Канкрина и пріобщить имя къ нашему «Современнику», столь достопамятное въ настоящей эпохѣ». Повѣсть эта «Танцовщица».

Разсказываютъ, что извѣстная нѣмецкая писательница г-жа Паальцева, сенсаціонные романы которой пользовались громаднымъ успѣхомъ, прочтя «Фантазіи» Канкрина, поднесенные ей авторомъ, встрѣтившись съ нимъ, воскликнула: «Теперь только я вполнѣ поняла, почему ваша жена такъ любитъ васъ!»

Насколько былъ простъ гр. Канкринъ, путешествуя и по Европѣ, тому лучшимъ свидѣтельствомъ являются листки изъ записной книжки извѣстнаго геолога Петра Михайловича Языкова [1]), гдѣ читаемъ о встрѣченномъ имъ за границей Канкринѣ: «Онъ такъ дурно одѣтъ, сюртукъ его такъ заношенъ и брюки сѣрыя безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ нѣмцевъ». Затѣмъ подъ 27 іюля, не менѣе характерная запись:

[1]) «Рус. Арх.» 1867 г. стр. 392. Братъ поэта Н. М. Языкова.

«Докторъ Кине разсказывалъ: министръ вашъ очень брюзгливъ, ему здѣсь скучно; что ему ни скажешь—все не впопадъ [1]). Оно такъ и должно быть; притомъ супруга министра, какъ гордая новгородка, не захотѣла представиться, наравнѣ съ прочими, нѣмкѣ, женѣ эрцгерцога, умолчанной въ календарѣ Готы: отозвалась болѣзнію и должна по необходимости сидѣть дома, что она и выполняетъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гуляя цѣлый день, здѣсь скучно; что же должно быть, сидя дома? Просто смерть! Я не пошелъ проститься съ министромъ; онъ вообще непріятенъ въ обращеніи—rude comme un rustre; бесѣда его не обворожаетъ любезностью свѣтскаго человѣка; онъ грубъ, неуклюжъ, какъ старый нѣмецъ, говоритъ по-русски тяжело, нескладно, по-французски тоже съ разстановкой, очень видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ. Все время здѣсь онъ былъ не въ привычной сферѣ, былъ сердитъ и брюзгливъ отъ нечего дѣлать». Языкову въ разговорѣ Канкринъ замѣтилъ: «До меня не посылали учиться въ чужіе края; сперва я отправлялъ молодыхъ людей; но они учились больше въ трактирахъ и напитывались пустымъ либерализмомъ; теперь я посылаю чиновниковъ зрѣлыхъ лѣтъ, коихъ поведеніе надежно, что гораздо выгоднѣе для службы».

Вообще надо замѣтить, что графъ Канкринъ чрезвычайно поощрялъ способныхъ людей и старался объ ихъ образованіи. Плодомъ такого направленія можно назвать усовершенствованную домну генерала Рашета и изобрѣтеніе обуховской стали.

По ходатайству гр. Канкрина съ 1842 г. въ Берлинѣ профессоръ физики Георгъ Германъ, получая субсидію отъ министерства финансовъ сталъ издавать «Archiv für Wissenchaftliche Kunde von Russland». Журналъ этотъ существовалъ до 60-хъ годовъ, являясь въ 4-хъ книжкахъ. Назовемъ также еще нѣмецкаго натуралиста Блазіуса, который по вызову гр. Канкрина, въ 1840 г., ѣздилъ съ Миддендорфомъ и Мургинсономъ; въ 1844 г. Блазіусъ издалъ въ Брауншвейгѣ книгу: «Reise im europaischen Russland in den Jahren 1840—1841», vols 1—2.

[1]) Подъ старость причуды гр. Канкрина еще были эксцентричнѣе: Когда Арендтъ прописалъ ему колхинумъ и назначилъ пріемъ, Егоръ Франц. сталъ принимать втрое. На замѣчаніе доктора о вредѣ, онъ отвѣчалъ: «полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину, и что мнѣ вредно и полезно? Курьезно также, что его брила женщина (см. соч. Иконникова «Графъ Н. С Мордвиновъ», стр. 456).

Канкринъ также благопріятствовалъ ученымъ миссіямъ и, благодаря его содѣйствію, ему обязана наука учрежденіемъ въ разныхъ краяхъ Россіи магнитныхъ обсерваторій, которыя такъ много способствовали разрѣшенію важной для науки задачи — изслѣдованія силы притяженія земнаго шара.

Вотъ почему авторъ стихотворенія «На открытіе великолѣпнаго зданія въ С.-Петербургѣ», отпечатаннаго отдѣльною брошюрою въ 1832 году, восклицалъ:

«Молва народная не льстива
И о тебѣ намъ говоритъ:
Твой умъ источники богатства
Въ Россіи многіе открылъ;
Для пользъ народныхъ, выгодъ Царства,
Предметы новы учредилъ.
Петрову мудрость постигаешь,
Полезный славный человѣкъ!
Наукъ свѣтильникъ возжигаешь
И браноносный Россъ въ твой вѣкъ
Возможетъ знаньями гордиться
Насъ учишь—Русское любить,—
И скоро будемъ мы стыдиться
Чужимъ искусствамъ дань платить,
Чужимъ искусствомъ украшаться.
Народъ ужъ началъ нравъ смягчать
Наукъ познаньемъ наслаждаться,
И музъ привѣтствовать, ласкать...
Для Россовъ дни твои безцѣнны,
Во время мира и побѣдъ!
Они, тобой обогащенны,
Дѣлами удивляютъ свѣтъ!»

По поводу фельетона одной газеты, въ которомъ было сказано, что гр. Канкринъ не считалъ пишущихъ стихи людьми, тотъ же г. Рейнботъ говоритъ: «Въ канцеляріи по секретной части у гр. Канкрина служили два поэта: Бенедиктовъ и Гернетъ (Жуковскій), а въ общей канцеляріи: Кукольникъ и Делярю; князь Вяземскій служилъ также въ одномъ изъ департаментовъ. Экземпляръ стихохотвореній Бенедиктова графъ представилъ Государю, и Бенедиктовъ получилъ денежную награду. Однажды, было уже за полночь, графъ, написавъ и запечатавъ самъ какую-то нужную бумагу, позвалъ (звонкомъ) дежурнаго чиновника (Кукольника); тотъ не явился; графъ сошелъ по внутренней лѣстницѣ въ дежурную комнату;

Кукольникъ спалъ сладкимъ сномъ въ мягкомъ вольтерѣ; чтобы его не разбудить, графъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ чрезъ комнату своего камердинера. На другой день графъ, зная о талантѣ и способностяхъ Кукольника, сказалъ А. М. Княжевичу (директору канцеляріи), чтобы онъ освободилъ Кукольника, какъ способнаго человѣка, отъ дежурства, гдѣ ему приходится только запечатывать или распечатывать пакеты, и употребилъ бы его на другія занятія».

Извѣстно также, что по ходатайству гр. Канкрина весь долгъ, числившійся на А. С. Пушкинѣ въ день его смерти (43.333 р. 33 к.), былъ всемилостивѣйше прощенъ и, сверхъ того тогда же пожаловано: 92.500 р. на уплату его частныхъ долговъ и 50.000 р. на изданіе сочиненій; вмѣстѣ съ тѣмъ назначены: вдовѣ пенсія въ 5.000 р., на воспитаніе каждому изъ 4-хъ дѣтей по 1.500 руб. въ годъ, до вступленія сыновей въ Пажескій корпусъ, а дочерямъ—до замужества [1]).

Лѣтомъ 1842 г. Государь Николай Павловичъ ждалъ пріѣзда короля и принца прусскаго, по случаю 25-лѣтія своего супружества. Переговоры о торговомъ договорѣ съ Пруссіей, по невозможности придти къ какому-либо соглашенію въ то время, были прерваны и, по волѣ Государя, пріостановленъ даже «всякій обмѣнъ мыслей» по этому предмету [2]). Но когда пріѣхалъ король, то, по соглашенію Паскевича съ графами Нессельроде и Канкринымъ, былъ составленъ актъ, подъ заглавіемъ: «Окончательныя уступки, дѣлаемыя Россіею въ пользу Пруссіи», на основаніи котораго Россія ничего не требовала отъ Пруссіи, за исключеніемъ развѣ справедливой взаимности въ отношеніи положенія обоюдныхъ флаговъ и взиманія пошлинъ съ товаровъ и сырья, составляющихъ предметъ вывоза изъ обоихъ государствъ. Всѣ другія уступки были сдѣланы Пруссіи безъ взаимности, какъ-то: преобразованіе таможенъ, согласно прусскимъ желаніямъ; распространеніе правъ смѣшанныхъ подданныхъ и отмѣна главныхъ видовъ судоходныхъ пошлинъ. Эти уступки дарованы Государемъ были исключительно въ инте-

[1]) «Рус. Стар.», т. N, стр. 713, также см. «Рус. Арх.» 1881 г., стр. 502— Пушкинъ у Канкрина и три письма поэта къ гр. Канкрину «Рус Арх.» 1890 г., т. II, стр. 97.

[2]) Мартенсъ, I, стр. 279.

ресахъ нашихъ отношенiй съ Пруссiей, основанныхъ на добромъ согласiи и сосѣдствѣ.

Названный актъ врученъ былъ гр. Нессельроде, сопровождавшимъ прусскаго короля въ Петергофъ, кабинетъ-совѣтникамъ Мюллеру и Удену, 2 iюля. Онъ получилъ для Россiи значенiе добровольнаго обязательства, принятаго относительно Пруссiи, и является не международнымъ договоромъ, а «скорѣе грамотою, пожалованною Государемъ Императоромъ на благо прусской торговли».

Великодушная уступчивость русскаго правительства побудила берлинскiй кабинетъ выразить желанiе, чтобы актъ, подписанный въ Петергофѣ, въ iюлѣ 1842 г., былъ распространенъ на всѣ германскiя государства, вошедшiя въ составъ германскаго таможеннаго союза. Русское правительство отклонило это требованiе, давъ понять Берлину, что въ Петергофѣ были сдѣланы уступки и жертвы только какъ залоги дружбы Государя съ королемъ.

Ненависть въ Германiи къ Россiи стала выражаться въ печати въ крайне рѣзкомъ и неумѣренномъ тонѣ, причемъ озлобленiе высказывалось главнымъ образомъ на торговую политику графа Канкрина.

1 мая 1844 года Министерство финансовъ понесло незамѣнимую потерю — графъ Канкринъ настойчиво, поддерживая свои требованiя о совершенномъ прекращенiи военныхъ дѣйствiй на Кавказѣ или на быстромъ усмиренiи возставшихъ горцевъ, не нашелъ отклика въ Императорѣ Николаѣ,—подалъ въ отставку и, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ управленiя министерствомъ финансовъ съ оставленiемъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Императоръ Николай I высокое питалъ уваженiе къ гр. Канкрину и достойно награждалъ своего министра финансовъ[1]), спра-

[1]) Изъ формуляра видно, что гр. Канкринъ получилъ: въ 1824 г. единовременное награжденiе въ 50.000 руб.; въ 1825 г. въ аренду на 50 лѣтъ помѣстье Болданъ въ Курляндiи, въ 1827 г. еще единовременно получилъ 100.000 р., въ 1830 г. на 12 лѣтъ староство Чигиринское, въ Кiевской губернiи; въ 1834 г. еще единовременно 200.000 руб., въ 1835 г. пожаловано потомственное владѣнiе 30.000 десятинъ въ Бессарабской области; въ 1838 г. еще единовременно 600.000 руб. а въ 1842 г. еще единовременно 100.000 р. Прiобрѣтя свое богатство исключительно отъ щедротъ Императора Николая I, честный Канкринъ никогда не позволялъ себѣ покупать акцiи и вообще биржевыя бумаги, и свои сбереженiя помѣщалъ въ банкъ или прямо покупалъ на нихъ деревни.

ведливо считая его болѣе способнымъ къ управленію финансовымъ вѣдомствомъ, чѣмъ остальныхъ своихъ министровъ. Это безграничное довѣріе Государя, Канкринъ умѣлъ цѣнить по своему, именно, оставаясь по возможности самостоятельнымъ распорядителемъ финансовыхъ дѣлъ и лишь изрѣдка уступая въ мелочахъ.

«Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ И. Бліохъ, что болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя дѣятельность гр. Канкрина отозвалась самымъ благотворнымъ образомъ на государственныхъ финансахъ, торговлѣ и промышленности, что онъ упорядочилъ, какъ государственное, такъ и народное, хозяйства, что онъ поднялъ, развилъ и далъ надлежащее направленіе естественнымъ и обрабатывающимъ силамъ страны. Но если бросить бѣглый взглядъ на всѣ плоды дѣятельности Канкрина, то поневолѣ приходится удивляться, что при томъ довѣріи, какимъ онъ пользовался все время у Императора Николая, онъ не совершилъ болѣе значительныхъ измѣненій въ финансовомъ строѣ и не устранилъ множества неблагопріятныхъ условій, мѣшавшихъ, какъ ему, такъ и послѣдующимъ министрамъ финансовъ, установить дѣйствительно прочныя основанія для финансоваго хозяйства страны. Нельзя однако не сознаться, что единичныя условія въ этомъ направленіи гр. Канкрина врядъ-ли были-бы тогда успѣшными: безсиліе центральной власти противъ всемогущей бюрократіи было главной причиной этого неуспѣха».

По возвращеніи лѣтомъ 1845 г. въ Россію гр. Канкрина ожидала трогательная овація. Н. И. Гречъ разсказываетъ, что его бывшіе подчиненные наняли пароходъ, выѣхали ему на встрѣчу въ Кронштадтъ и съ музыкою проводили его въ Петербургъ. Графъ Е. Ф. Канкринъ всегда былъ ихъ любимымъ начальникомъ, отвергая всякую оффиціальщину. Не люблю, батушка, я этой оффиціальщины,—говорилъ онъ: — дѣло заслоняетъ и проволочку дѣлаетъ; гдѣ только можно, надо ея избѣгать». Помнили они, какъ онъ, когда по закону нельзя было имъ помочь изъ казенныхъ суммъ, потрясенный видомъ горя, нервно бросался къ своей конторкѣ говоря: «законъ надо уважать» и давалъ пособіе изъ собственныхъ средствъ.

По собственному выраженію гр. Канкрина, заслуги его состояли не въ томъ, что̀ имъ сдѣлано, а въ томъ, чего онъ не допустилъ сдѣлать. Памятныхъ записокъ онъ не велъ, хотя ему часто

говорили о томъ.—«Я слишкомъ люблю правду и слишкомъ правдивъ для того, чтобы услаждаться чувствомъ ея»—былъ его отвѣтъ; вотъ почему весьма цѣнны его мысли, высказанныя имъ въ изданномъ дневникѣ [1]); нѣкоторыя изъ нихъ мы и приводимъ. Народное и государственное богатство, а также финансовое положеніе и управленіе посѣщенныхъ гр Канкринымъ странъ его, повидимому, нисколько не занимали; онъ объ нихъ не говоритъ, предпочитая вносить въ свой дневникъ замѣчанія объ укрѣпленіяхъ Парижа и Антверпена, объ укрѣпленныхъ башняхъ Монталамбера, о системахъ войны, о постройкѣ крѣпостей, о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ и т. д. Упоминая о проектѣ Араго, въ случаѣ вторичной осады Парижа, защищать его водою изъ Сены, которая не только бы тушила пожары, но, поднятая на воздухъ огромными паровыми машинами, могла бы падать въ видѣ проливнаго дождя на лагерь осаждающаго и залить не только всѣ его работы, но даже потопить всю армію, гр. Канкринъ замѣчаетъ, что проектъ этотъ не можетъ имѣть практическаго примѣненія; но что новѣйшія научныя открытія должны причинить значительныя измѣненія въ военномъ искусствѣ.

Относительно образованія гр. Канкринъ въ своемъ дневникѣ говоритъ: «Простой человѣкъ для собственнаго счастья и собственнаго спокойствія не долженъ быть чрезъ *мѣру образованъ;* въ народныхъ школахъ должно удовольствоваться обученіемъ катехизиса, читать, писать и считать, по преимуществу должно обращать вниманіе на религіозное обученіе и на развитіе религіознаго чувства. Школа первоначальнаго обученія, по словамъ Канкрина, не оказывая вліянія на религіозность и нравственность, даетъ людямъ возможность читать газеты и средство къ извращенію здраваго человѣческаго смысла. Изъятіе элементарныхъ школъ изъ духовнаго вѣдомства должно считать весьма важною ошибкой».

По мнѣнію графа Канкрина: «Вліяніе прессы, пагубными своими послѣдствіями, превосходитъ бѣдствія всякаго рода и Средневѣковое кулачное право похищало только плоды, а современное (свобода печати) истребляетъ корни. Современной Европѣ не угрожаютъ болѣе опасность переселенія народовъ, опустошенія Атиллы,

---

[1]) «Aus den Reisetagebüchern des Grafen Kancrin» 1865 г. Брауншвейгъ.

нашествія монголовъ, турокъ и т. п. бѣдствія, которыя разрушили Европу въ средніе вѣка и потрясли ее еще разъ въ началѣ новой исторіи. Если законодательство съ новыми, истинно либеральными и справедливыми началами, или особенныя обстоятельства, или высшее проявленіе жизненной силы общества, или вообще что-либо не вызоветъ мѣръ для *обузданія прессы* [1] и ослабленія ея вліянія, то она разрушитъ Европу и сдѣлаетъ необходимымъ деспотизмъ. Выставляя на видъ слабыя стороны общества и ихъ правительствъ, всячески раздражая и возбуждая противодѣйствующіе по самой природѣ вещей элементы, во многихъ случаяхъ достойные полнаго сожалѣнія, и дозволяя себѣ при этомъ всякаго рода недостойныя объясненія, искаженія, извращенія, клеветы, вымыслы и обманы, пресса причиняетъ то, что спокойное положеніе дѣлъ становится рѣшительно немыслимымъ; кто же поручится за послѣдствія подобнаго порядка?»

О судѣ присяжныхъ Канкринъ пишетъ: «Англія одна удержала судъ присяжныхъ, и это потому, что тамъ вообще не предпринимали, какъ это всѣмъ извѣстно, никакихъ мѣръ для улучшенія судебной части, за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій, совершенныхъ въ послѣднее время. Множество примѣровъ и жалкій ходъ процессовъ во Франціи доказываютъ въ настоящее время на дѣлѣ неудовлетворительность и вредъ учрежденія (суда присяжныхъ), которое такъ часто прощаетъ преступниковъ и осуждаетъ другихъ, нерѣдко невинныхъ, не по судебному, а по своему личному убѣжденію и даже по краснорѣчію другихъ. Нужно замѣтить, что учрежденіе это находитъ очень сильную поддержку въ томъ, что доставляетъ поводъ къ зрѣлищу, къ скандалу и благополучію послушать свое собственное краснорѣчіе.

«Самое дѣлопроизводство становится до крайности *продолжительнымъ* и раздробительнымъ; безконечныя возраженія и отвѣты на нихъ затемняютъ только ясную сущность дѣла При этомъ стараются дѣйствовать на страсти и чувства присяжныхъ, которые не имѣютъ навыка въ юридической послѣдовательности и постанов-

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ «Московскомъ Сборникѣ» произноситъ также надъ печатью суровый приговоръ. Онъ считаетъ газетную прессу однимъ изъ самыхъ лживыхъ учрежденій нашего времени.

ляютъ поэтому часто совершенно странные приговоры, что нисколько не удивительно. Самая идея (сущность) приговора: виновенъ или не виновенъ, является нелогичною, потому что между этими двумя крайностями существуетъ много другихъ, среднихъ формъ, напримѣръ: *не вполнѣ доказано*, остается въ подозрѣніи, виновенъ въ совершеніи другаго преступленія и т. д. Часто дѣлаемое прибавленіе: «допускаются смягчающія вину обстоятельства» представляется слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы основать на немъ что-либо раціональное. И какъ часто могутъ встрѣтиться между присяжными, особенно изъ среды торговаго и промышленнаго сословія, лица, имѣющія на своей совѣсти преступленіе подобное, хотя и менѣе вопіющее, чѣмъ то, по поводу котораго они произносятъ приговоръ. *Избави Богъ прочія страны отъ введенія суда присяжныхъ, этого наслѣдія тѣхъ варварскихъ временъ,* когда, при недостаткѣ въ положительномъ правѣ и свѣдующихъ юристахъ, не существовало еще строгаго различія между понятіями о правѣ и справедливости, о точномъ юридическомъ доказательствѣ и простомъ личномъ убѣжденіи. Но я охотно допускаю, что не слѣдуетъ отмѣнять суда присяжныхъ въ странахъ, гдѣ онъ существуетъ уже. Люди такъ охотно говорятъ, такъ охотно слушаютъ разговоры, свои собственные и чужіе; судебныя сплетни до крайности занимательны, все учрежденіе кажется нѣсколько народнымъ и какъ всякій, особенно въ настоящее время, желаетъ принимать участіе въ правленіи, то онъ охотно участвуетъ и въ отправленіи суда, слушая, по крайней мѣрѣ какъ судятъ. Эта система судопроизводства не представляетъ никакихъ гарантій, какъ это подтверждаетъ опытъ; но въ ней тѣмъ болѣе заинтересованы адвокаты. Правосудіе при этомъ принимаетъ форму театральнаго представленія; вліяніе его на нравственность народа, въ особенности же молодыхъ лицъ, очевидно. Гораздо лучше вовсе или преждевременно не знать до крайности разнообразные пути и средства, хитрости и увертки порока. При этомъ судопроизводствѣ виновные подвергаются также наказанію, но нерѣдко также снискиваютъ себѣ оправданіе, при чемъ средства, какъ достигается это послѣднее, преподаются на практикѣ, наглядно. Кто бы отважился на преступленіе, не имѣя увѣренности въ томъ, что избѣжитъ наказанія».

Относительно пользы желѣзныхъ дорогъ гр. Канкринъ замѣ-

чалъ, что «онѣ имѣютъ лишь исключительное достоинство, возможность чрезвычайно быстраго сообщенія Это достоинство желѣзныхъ дорогъ сдѣлаетъ еще болѣе подвижнымъ и безъ того не довольно осѣдлое населеніе настоящаго времени; оно составляетъ часто болѣе предметъ роскоши и представляетъ собою въ сущности скорѣе зло, нежели благодѣяніе». Но выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ гр. Канкринъ видѣлъ въ *истребленіи капиталовъ* (der Nutzen des Kapitalzerstorüng): «Да, постоянно часть капиталовъ должна быть уничтожаема и снова сберегаема, чтобы уравнять послѣдствія чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ. Подобное истребленіе, не простирающееся слишкомъ далеко, можетъ имѣть свои хорошія послѣдствія въ наше время, которое много производитъ, мало потребляетъ и привыкло дѣлать сбереженія». —«Я слышалъ также частыя жалобы на то, что постройки желѣзныхъ дорогъ отвлекаютъ много капиталовъ отъ земледѣлія и покупки домовъ. Слѣдствіемъ этого должно быть повышеніе процента, что сперва мало поможетъ. Наступятъ еще болѣе худшія послѣдствія. Въ Бельгіи жалуются уже на упадокъ земледѣлія При постоянномъ, быстро возрастающемъ народонаселеніи Европы, надлежало бы предварительно озаботиться о томъ, чтобы доставить народнымъ классамъ дешовый хлѣбъ и обращать болѣе вниманія на земледѣліе, нежели на постройку желѣзныхъ дорогъ, которыя не соотвѣтствуютъ производительнымъ силамъ государствъ, исключая Англіи, гдѣ съ давнихъ временъ потрачено до крайности много на земледѣліе, и существуютъ совершенно другія условія». О постройкѣ Николаевской Московской желѣзной дороги гр. Канкринъ говорилъ [1]): Всѣ разумные люди за границею того мнѣнія, что она не будетъ приносить никакого дохода, испортитъ *нравственность* и убьетъ непроизводительно капиталы, которые могли бы быть употреблены съ большею пользою. На вопросъ, почему же иностранныя правительства строятъ также желѣзныя дороги, отвѣчаютъ, что необходимость заставляетъ сдѣлать уступку этой современной болѣзни и подражать сосѣдямъ,

---

¹) Постройка же Царскосельской желѣзной дороги дала поводъ къ язвительному замѣчанію гр. Канкрина: что тогда, какъ въ другихъ государствахъ желѣзными дорогами связываются важные торговые и промышленные пункты, у насъ построили такую, да еще для опыта—въ трактиръ, т. е. Павловскій вокзалъ («Сбор. Истор. Рус. Общ.», т. 98, стр. 128).

чтобы они не могли присвоить себѣ преимуществъ въ промышленномъ отношеніи. Такъ смотрятъ на это въ Пруссіи и Австріи».

По поводу государственныхъ долговъ гр. Канкринъ писалъ: «Долги эти не составляютъ народнаго богатства или блага. Они временно только, въ силу большихъ расходовъ, увеличиваютъ обращеніе и производство въ различныхъ отрасляхъ промышленности; но это лихорадочное состояніе непродолжительно, потому что чрезъ это отвлекаются отъ промышленности капиталы, которые въ ней были уже, или еще только могли быть затрачены; если же такого помѣщенія капиталамъ не представлялось, то ихъ лучше потребить (т. е. уничтожить), причемъ они увеличили бы собою производство страны, не обременяя страну новымъ долгомъ. Долги, какъ государственные, такъ и частные, бываютъ полезны и обогащаютъ страну въ томъ только случаѣ, когда совершаются для предпріятій, приносящихъ выгоды бо́льшія, нежели сколько нужно для ежегодной уплаты процентовъ по займу и его погашенію. Долги извинительны, какъ скоро обусловливаются крайнею необходимостью, причемъ имѣется въ виду усиленнымъ производствомъ уплатить современемъ весь капиталъ, или по крайней мѣрѣ проценты; безъ этого же—долги являются истиннымъ *бѣдствіемъ*, если обусловливается нуждою,—и *истиннымъ безуміемъ и преступленіемъ*, какъ скоро они совершаются безъ нужды. Долги перваго рода лучше всего заключать за границею, потому что при этомъ не отвлекаются капиталы, затраченные уже въ производствѣ въ самой странѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ внѣшніе займы имѣютъ ту невыгоду, что при переводахъ, по случаю ежегодныхъ по долгамъ платежей, отражаются нѣкоторыя коммерческія обстоятельства. Какъ скоро страна не имѣетъ благопріятнаго баланса, не пользуется возрастающимъ производствомъ и увеличивающимся народнымъ богатствомъ, то внѣшніе займы причиняютъ болѣе или менѣе обѣднѣніе.—Составляетъ ли заключеніе долговъ несправедливость въ отношеніи потомковъ? Долги, сдѣланные для производительной цѣли, нельзя считать несправедливостью, какъ скоро не было заблужденія на счетъ самой цѣли. Долги по нуждѣ могутъ быть названы несправедливыми, какъ скоро современное поколѣніе могло удовлетворить нужды собственными средствами, податями; въ этомъ случаѣ долгъ является только несправедливымъ предвзятіемъ (антисипація) воз-

растающаго современемъ народнаго богатства, потому что безъ поддержки настоящаго невозможно будущее. Должно замѣтить, что современное поколѣніе во многихъ отношеніяхъ наиболѣе страждетъ, а для непосредственно слѣдующаго—облегчается постепенно и самое дѣло, предположивъ, конечно, что средства народа возрастаютъ. При современномъ положеніи обществъ и государствъ, только въ извѣстной мѣрѣ возможно путемъ податей и налоговъ, собирать суммы, необходимыя въ крайнихъ обстоятельствахъ; всякій значительный въ этомъ родѣ сборъ влечетъ за собою въ народномъ производствѣ разстройство, которое причиняетъ послѣдующимъ поколѣніямъ болѣе вреда и убытковъ, чѣмъ платежъ процентовъ по займамъ. Произвольные займы (необусловленные необходимостью) составляютъ вообще *несправедливость* въ отношеніи потомковъ, въ отношеніи государства или частнаго родоваго имущества, и *безнравственность* по отношенію къ промотанному благопріобрѣтенному достоянію. Различныя системы погашенія долговъ считались въ прежнія времена дивными изобрѣтеніями; теперь же смотрятъ на это иначе и считаютъ полезнымъ и основательнымъ употреблять на это излишекъ доходовъ. Неразумно производить усиленное погашеніе въ мирное время: этимъ возвышается цѣна ренты въ ущербъ самому погашенію, а при измѣнившихся обстоятельствахъ, фонды понизятся снова, и нельзя будетъ, въ силу погашенія, заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ».

По выходѣ «Дневника гр. Канкрина»—«Отечественныя Записки» (см. 1866 года, январь мѣсяцъ) посвятили ему цѣлую статью—«Взгляды русскаго министра первой половины XIX-го столѣтія», въ которой жестоко иронизировали надъ вышеприведенными мнѣніями и ссылаясь на статью Бонденштедта—«Графъ Канкринъ», помѣщенную въ «Deutsches Straatswörterbuch, von Bluntschi», (т. III, стр. 336), приводили замѣчаніе гр. Канкрина, что «самые богатые русскіе купцы, которые не умѣютъ читать и писать», сдѣланное имъ въ томъ смыслѣ, что будто бы подобное невѣжество является главнымъ и необходимымъ условіемъ къ тому, чтобы сдѣлаться богатымъ купцомъ!!??

Сказавъ о дневникѣ гр. Канкрина, остановимъ вниманіе читателя на его послѣднемъ сочиненіи, которое въ переводѣ явилось въ «Библіотекѣ для чтенія» въ 1846 году (см. т. LXXV и

слѣдующіе). Вотъ что въ предисловіи къ нему говорилъ графъ Канкринъ:

«Это сочиненіе не заключаетъ въ себѣ ни критическаго, ни полемическаго, ни историческаго изложенія науки, называемой «политическою экономіею», «народнымъ или государственнымъ хозяйствомъ», «народною или общественною экономіею», «домашнимъ хозяйствомъ общества», «наукою о богатствѣ народовъ».

«Всѣ основанные предметы науки, которые сдѣлались ясными для сочинителя, все, что ему казалось необходимымъ, для того чтобы привести ихъ въ бо́льшую гармонію съ практическою жизнію,— будетъ ли это согласоваться съ положеніями науки, нынѣ существующими, или же отъ нихъ уклоняться,—все это сочинитель на старости лѣтъ, и добровольно удалившись отъ дѣлъ, намѣренъ изложить въ томъ видѣ какъ онъ сознаетъ этотъ предметъ, и не выдавая этого сочиненія за трудъ ученый, излагаетъ въ немъ только свой собственный взглядъ.

«Сочинитель избралъ заглавіемъ: «Экономія человѣческихъ обществъ», въ убѣжденіи, что эта наука, при высшемъ на нее взглядѣ, должна сперва обнять въ цѣлости міръ, а потомъ уже передти къ отдѣльнымъ народамъ. Впослѣдствіи окажется, въ чемъ состоитъ отличіе его образа воззрѣнія на предметъ. Сочинитель старался быть сколько возможно краткимъ; по большей части растянутое изложеніе вредитъ ясности. И чтобы еще быть болѣе яснымъ, авторъ въ первой части своей книги изложилъ почти рапсодически основныя положенія своей науки, развилъ ихъ во 2-й части, а въ 3-й помѣстилъ состояніе финансовъ».

Парижъ, январь 1845 г.

Книгу «Экономія человѣческаго общества», графъ Канкринъ сталъ писать послѣ 13-го октября 1844 года, (когда съ нимъ случился ударъ), и окончилъ ее 9-го февраля 1845 года, т. е. проработалъ надъ нею всего около четырехъ мѣсяцевъ.

Приводимъ изъ этого сочиненія еще отзывъ о русской промышленности:

«Въ заблужденіи тотъ, говоритъ графъ Канкринъ, кто воображаетъ, что русская промышленность существуетъ лишь помощію своего правительства. Промышленность эта сильна сама собою,

и вотъ уже 25 лѣтъ, какъ не сдѣлано ни одной важной жертвы, для поддержанія отечественныхъ фабрикъ. Этой цѣли достигли совсѣмъ инымъ образомъ. Съ 1823 года приняты всѣ возможныя мѣры для усовершенствованія промышленности. Издаются: «Коммерческая газета», «Мануфактурный журналъ»; за границею держали агентовъ, чтобъ узнавать всѣ новѣйшія открытія и усовершенствованія; заведена правильная выписка узоровъ изъ за-границы, привлечены въ Россію искусные мастера, учрежденъ мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами. Основанъ большой Технологическій институтъ и промышленныя школы; установлена посылка молодыхъ людей за границу, ежегодныя выставки предметовъ промышленности, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ назначеніемъ наградъ за отличіе, безплатныя школы рисованія, изданъ уставъ, улучшающій полицейскій надзоръ рабочихъ, и много другихъ мѣръ, о которыхъ я умолчиваю. Все сіе способствовало къ увеличенію познаній, ревности, словомъ, къ усовершенствованію методы, развивающей природныя дарованія народа, чтобъ довесть промышленность Россіи до нынѣшней степени улучшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ умѣрить цѣны нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ предметовъ. Если до сихъ поръ промышленность русская еще немного и отстала въ произведеніяхъ высшихъ качествъ, то она достигла совершенства въ предметахъ качества средняго и низшаго. Простыя сукна Россіи лучше и не дороже простыхъ суконъ Франціи. Заводы бумажныхъ тканей и бумагопрядильни на лучшемъ пути развитія; что же касается до шелковыхъ издѣлій, то Ліонъ—единственный городъ, съ которымъ Россія не можетъ соперничать. Петербургъ и Москва наполнены фабриками. Бронзы Петербурга если и уступаютъ парижскимъ, въ нѣкоторой изящности формъ, за то онѣ лучшей работы, позолота прочнѣе, хотя за то немного и дороже. Если за всѣмъ этимъ нѣкоторые, даже серьезные писатели описываютъ промышленность Россіи, какъ искусственную, то это должно объяснять единственно эпидемическимъ вліяніемъ мечтаній о свободной торговлѣ».

Сравнивая дѣятельность графа Канкрина съ дѣятельностію графовъ Мордвинова и Сперанскаго, Р. И. Сементковскій, въ біографическомъ очеркѣ «Е. Ф. Канкринъ», пишетъ: «Всѣ трое преслѣдовали одну и ту же цѣль; всѣ трое ставили благополучіе на-

рода выше всего; всѣ трое были люди безкорыстные и государственные дѣятели въ истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ трое признавали благо народа верховнымъ закономъ своей дѣятельности и готовы были для него жертвовать личными выгодами. Но тѣмъ не менѣе между Сперанскимъ и Мордвиновымъ съ одной стороны и Канкринымъ съ другой—громадная разница. Первые два были по преимуществу теоретиками, а Канкринъ былъ практикомъ до мозга костей,—но конечно не одинъ изъ тѣхъ узкихъ практиковъ, которые отвергаютъ теорію; нѣтъ, Канкринъ, какъ мы видѣли, глубоко уважалъ и высоко цѣнилъ науку, опытъ другихъ народовъ и человѣчества вообще. Но въ то же время онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ примѣняться къ даннымъ условіямъ и, какъ бы они ни были неблагопріятны, достигать всего, чего только можно достигнуть. Именно вслѣдствіе этого свойства ума онъ сдѣлалъ въ такое трудное время такъ много для блага народнаго, между тѣмъ какъ Сперанскій и Мордвиновъ терпѣли на каждомъ шагу неудачи. Въ этомъ отношеніи Канкринъ несомнѣнно далеко оставляетъ за собою своихъ знаменитыхъ современниковъ. Глубже-же ли онъ смотрѣлъ на государственное дѣло,—это другой вопросъ, на который мы не рѣшимся отвѣтить утвердительно. Воодушевленный горячимъ, страстнымъ стремленіемъ быть полезнымъ своему второму отечеству и служить народному дѣлу, онъ самому народу не довѣрялъ. Это чувство недовѣрія было въ немъ очень сложное. Вѣрилъ ли онъ въ будощность Россіи? Безусловно. Онъ сопоставлялъ славянскіе народы съ германскими и романскими и прямо пророчилъ славянскимъ великую будущность. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ нерѣдко говорилъ своимъ противникамъ: «Вы толкуете,—что̀ скажетъ Европа, а никогда не думаете, что̀ скажетъ бѣдная Россія». Онъ хотѣлъ знать только то̀, что̀ скажетъ Россія; этотъ вопросъ его занималъ по преимуществу, потому что въ немъ онъ видѣлъ возможность *реальнаго* успѣха. Онъ глубоко вѣрилъ въ конечный успѣхъ; онъ говорилъ, что Россія скоро доживетъ и до освобожденія крестьянъ съ землею, и до свободы торговли, и до многаго другого, но въ то же время въ немъ замѣтно было недовѣріе, и сильное недовѣріе къ практической способности русскаго народа самостоятельно устраивать свои дѣла. Быть можетъ Канкринъ самъ былъ слиш-

комъ большимъ практикомъ, чтобы относиться съ довѣріемъ къ практическимъ способностямъ другихъ. Отсюда его раздраженіе противъ печати, противъ тѣхъ, кто торопилъ, кто могъ компрометировать предпринятое имъ дѣло, отсюда его нерасположеніе приступать къ смѣлымъ реформамъ и устранять помочи; ему казалось, что не настало еще время, что ребенокъ еще не научился ходить самостоятельно. Въ его словахъ, въ его дѣйствіяхъ постоянно чувствуется это тайное недовѣріе не къ народу вообще, а къ практическому умѣнью его именно въ данное время. Подождемъ еще немного, и вы увидите, какъ все устроится прекрасно; но теперь пока еще рано, пока надо еще подождать. Эта основная черта его настроенія сказывается во всемъ. Любовь къ русскому народу заставляетъ его совершать истинные подвиги самоотреченія, проявлять неутомимую энергію, безконечное трудолюбіе, и въ то же время чувство недовѣрія побуждаетъ его лишать тотъ же народъ возможности придти ему дѣятельно на помощь. Вслѣдствіе того Канкринъ, поощренный достигнутыми имъ великими успѣхами, хочетъ самъ все дѣлать, разсчитываетъ лишь на собственныя свои силы, трудится за десятерыхъ, не знаетъ ни отдыха, ни покоя. Онъ совершаетъ великую подготовительную работу и, благодаря его громаднымъ дарованіямъ, эта работа даетъ несомнѣнные плоды: финансы приведены въ порядокъ, кредитъ государства обезпеченъ, бумажно-денежное хозяйство устранено, промышленность и торговля оживаютъ, возникаютъ учебныя заведенія, техническое образованіе распространяется. Но и на него иногда находятъ тяжелыя минуты раздумья. Онъ спрашиваетъ себя: а что будетъ послѣ меня? И тайный голосъ ему подсказываетъ: быть можетъ отъ всей этой кипучей работы, отъ всего этого самоотверженнаго и любовнаго труда останется немного.»

И это такъ скоро оправдалось, ибо быстро исчезло цвѣтущее состояніе финансовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и металлическое обращеніе.

Желаніе графа Канкрина служить общему благу было такъ велико, что больной уже, въ своихъ путешествіяхъ за границей, онъ присматривался ко всему полезному, а въ дурную погоду, лишенный возможности посѣщать музеи, читалъ: «Путешествіе на Уралъ» Гельмерсена, «Исторію Наполеона» Капфига, «Іюльскую революцію» Блана, «Папы XVI и XVII столѣтій» Ранке, «Исторію

англійскихъ финансовъ» Пербера, «О пониженіи процента» Небеліуса, и о каждой прочитанной книгѣ дѣлалъ подчасъ глубокія замѣтки въ своемъ дневникѣ. Въ послѣдній день своей жизни его жена читала ему изслѣдованіе Коха по политической экономіи, и почти до самаго момента смерти онъ внимательно слушалъ.

Скончался графъ Канкринъ въ Павловскѣ въ ночь съ 9-го на 10-е сентября 1845 года. Похороны совершились 15-го числа и вотъ какъ ихъ описывали «Московскія Вѣдомости» (см. № 113, 1845 года, стр. 734): «15-го числа происходило, на Смоленскомъ кладбищѣ, погребеніе тѣла бывшаго министра финансовъ, всѣми высоко почитаемаго графа Егора Францевича Канкрина. Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ своимъ присутствіемъ церемонію отпѣванія усопшаго и изволилъ провожать тѣло заслуженнаго государственнаго мужа.— За гробомъ слѣдовало семейство покойнаго, родственники, сослуживцы и многочисленные бывшіе его подчиненные, облагодѣтельствованные милостивымъ начальникомъ, образованные къ службѣ подъ его вѣдѣніемъ, его попеченіями, благотворные плоды которыхъ надолго сохранятъ въ памяти признательнаго потомства имя графа Канкрина. Отпѣваніе происходило въ Реформатской церкви, въ Большой Конюшенной, откуда печальная процессія прошла по Невскому на Адмиралтейскую площадь и на Васильевскій островъ, посреди несмѣтнаго стеченія народа, толпившагося на пути. Орденскіе знаки покойнаго, и въ числѣ ихъ десять лентъ со звѣздами, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, несли на подушкахъ г.г. полковники передъ траурною колесницею, которую сопровождали два баталіона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка и шесть орудій учебной артиллерійской бригады».

Князь П. А. Вяземскій подъ 14 ноября 1845 года записалъ слѣдующее: «Вчера былъ у графини Канкриной при открытіи духовнаго завѣщанія покойнаго графа. Изъ постороннихъ лицъ были еще приглашены П. И. Полетика и сенаторъ графъ Кушелевъ-Безбородко. Завѣщаніе написано въ сентябрѣ 1842 года, все собственноручно графомъ Канкринымъ по русски. Начинается оно тѣмъ, что всѣмъ состояніемъ своимъ обязанъ онъ милостямъ Государей, и особенно нынѣ царствующаго Императора, слѣдовательно все благопріобрѣтенное, и что можетъ онъ располагать имъ по жела-

нію своему. Женѣ оставляетъ онъ домъ, кажется, какую-то деревню и весь капиталъ свой; все прочее ей же въ пожизненное владѣніе, но безъ отчужденія. Съ чувствомъ особенной любви и нѣжности говоритъ онъ о женѣ своей, благодаритъ ее за попеченія ея о немъ и воспитаніи дѣтей [1]), коимъ, къ сожалѣнію своему, не могъ онъ по многотруднымъ своимъ государственнымъ заботамъ, заняться какъ желалъ-бы того; извиняется передъ нею, если по своему *холодному* или *суровому* нраву (не помню съ точностію выраженія) не былъ онъ всегда внимателенъ къ ней какъ бы слѣдовало. Говоритъ, въ одномъ мѣстѣ, о трудахъ, понесенныхъ имъ для *любезнѣйшей нашей Россіи* и о непріятностяхъ, кои онъ испыталъ особенно въ послѣднее время, прибавляя: *непріятелей имью, но ихъ не заслужилъ.* Наличными деньгами, т. е. билетами кредитныхъ установленій оставилъ онъ менѣе *пятисотъ* тысячъ рублей на ассигнаціи. Графинѣ извѣстны были городскіе толки о безчисленныхъ милліонахъ, оставленныхъ графомъ,— и она пригласила насъ именно съ намѣреніемъ, чтобы были свидѣтелями того, что по духовному завѣщанію откроется, и для того, чтобы оправдать память мужа».

Спустя 29 лѣтъ послѣ смерти графа Канкрина періодическая печать отмѣтила день столѣтія его рожденія, и М. Н. Катковъ въ передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» [2]) писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

---

[1]) Приводимъ изъ «Русск. родословной книги», изданной въ 1895 г., кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, свѣдѣнія о дѣтяхъ гр. Е. Ф. Канкрина.

1) Графъ Алекс. Егор., капитанъ, Екатер. уѣздный пред. двор. † 25 апрѣля 1891 Ж. Елена Дм. Башмакова.

2) Графъ Валеріанъ Егор., генералъ-маіоръ, въ 1857 г. занималъ мѣсто генерала-кригсъ-коммисара, † 27 ноября 1861 г. Ж. баронесса Ольга Александровна Сталь ф.-Гольштейнъ, † 14 марта 1892 г.

3) Графъ Викторъ Егоровичъ. Полковникъ гвардіи, Екатер. уѣздный пред. двор. † 3 октября 1881 г. Ж. графиня Елизавета Ивановна Симоничъ.

4) Графъ Оскаръ Егоровичъ.

5) Графиня Зинаида Егоровна, р. 4 іюля 1821 г.; съ 9 янв. 1844 г. за гофмейстеромъ графомъ Александромъ Кейзерлингомъ. † 1891 г.

6) Графиня Елизавета Егоровна, за графомъ Ламбертомъ.

По словамъ Н. И. Греча, сестра гр. Канкрина была замужемъ за Шлютеромъ («Рус. Арх.» 1869 г. стр. 1553).

[2]) См., № 297-ой за 1874 годъ.

«Мы уже стоимъ на такомъ отдаленіи отъ его дѣятельности— на отдаленіи, равняющемся средней человѣческой жизни,—что можемъ ясно усмотрѣть и должны указать главную причину его успѣховъ. Русскіе финансы исправлены графомъ Канкринымъ, и общее благосостояніе возвышено главнѣйшимъ образомъ благодаря тому, что онъ сосредоточилъ свои усилія на самой очевидной и самой неоспоримой потребности. На многое онъ имѣлъ свои взгляды и проводилъ ихъ, сколько позволяли обстоятельства, но славу стяжалъ онъ и незабвенную пользу принесъ онъ тѣмъ, что было внѣ вопроса, въ чемъ соглашались всѣ разумные люди, для чего не требовалось никакой изобрѣтательности. Мы этимъ не умаляемъ заслугъ его, ибо надобно быть человѣкомъ недюжиннымъ, чтобы понимать величіе простыхъ задачъ и высоко цѣнить простыя средства. Графъ Канкринъ видѣлъ, что, при дороговизнѣ и колебаніи цѣнъ, невозможно исправить государственные финансы; онъ видѣлъ также, что при этихъ условіяхъ невозможны и успѣхи народнаго благосостоянія; онъ видѣлъ вмѣстѣ съ другими, что эти явленія происходятъ отъ бумажныхъ денегъ. Но онъ это не только видѣлъ, а сообразно съ этимъ дѣйствовалъ».

По тому же поводу «С.-Петербургскія Вѣдомости» говорили:

«Кому не извѣстно у насъ обыденное явленіе, что

«Лишь солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ—очень холодно!»

А между тѣмъ графъ Канкринъ сохранилъ на всю жизнь симпатію къ людямъ, снискивающимъ кусокъ хлѣба трудами рукъ своихъ. И въ самомъ концѣ своей жизни, въ Парижѣ, въ своемъ сочиненіи писалъ слѣдующія строки:

«Еслибы предметы потребленія распредѣлялись между различными классами общества возможно справедливѣе, то было бы много людей зажиточныхъ и малое число людей богатыхъ, и именно въ сословіи земледѣльцевъ. Но бываетъ не такъ и быть такъ не можетъ, по самому устройству и ходу человѣческаго общества и вслѣдствіе его порочности... Часто сидя у себя дома за обильнымъ столомъ, погружался я съ тоскою въ грустныя думы. Какъ много

людей,—думалъ я,—въ эту минуту не имѣютъ и насущнаго куска хлѣба; но—увы! не можетъ быть иначе. Фарисей благодаритъ Бога за приумноженіе своего достоянія и успокаивается, а между тѣмъ — вокругъ него — стонъ раздается... А съ другой стороны, нельзя же отвергать и того, что, при идеально-высокомъ устройствѣ общества, не нашлось бы никого, кто бы рѣшился заниматься самыми иногда необходимыми, грязными, даже опасными работами. Такъ пожалѣемъ же, по крайней мѣрѣ, того, кому худо, и будемъ помогать и улучшать, гдѣ можемъ. У меня есть сознаніе, что я свое дѣло сдѣлалъ».

Счастливый удѣлъ государственнаго человѣка, который изъ пройденнаго жизненнаго пути выноситъ подобное сознаніе

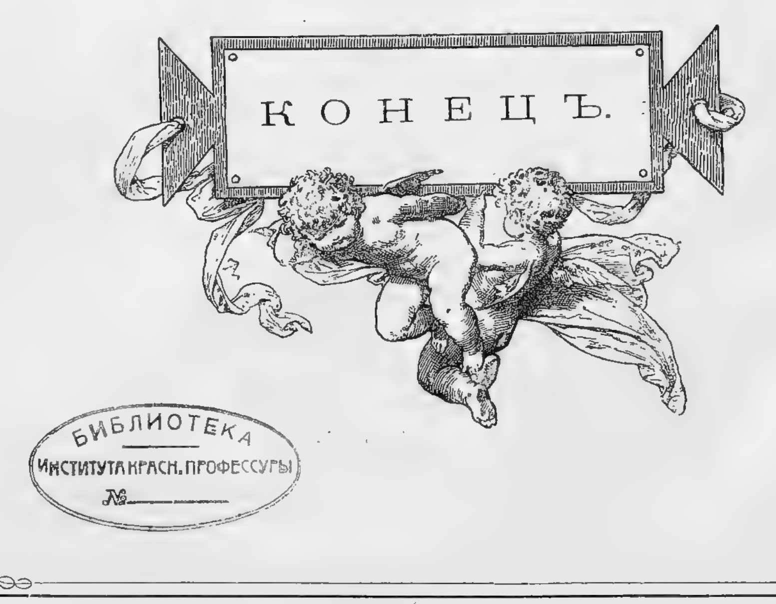
Газета «Биржевыя Вѣдомости» еще ранѣе (№ 347-й за 1873 г.) писала, что на ея долю выпало принять 14 лѣтъ тому назадъ изданіе и продолжать развивать дѣло, начатое въ 1823 году «Коммерческою Газетою», для которой программу, съ *отдѣломъ политики*, начерталъ собственноручно бывшій министръ финансовъ графъ Канкринъ. Такимъ образомъ въ предстоящемъ 1874 году наступаетъ пятидесятый годъ существованія «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Потомки графа Канкрина къ столѣтію дня его рожденія выбили медаль, которую лѣпилъ художникъ, медальеръ С.-Петербургскаго монетнаго двора, Леонидъ Христіановичъ Штейманъ († 19-го февраля 1897 года). Она изображена на заглавномъ листѣ настоящей книги, и есть гравюры съ нея (въ большомъ и маломъ видѣ), исполненныя Экспедиціею заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Окончивъ нашъ обзоръ дѣятельности графа Канкрина, намъ остается еще упомянуть, что на первыхъ шагахъ его служебной дѣятельности ему была поручена продажа земель бывшей Англійской фермы, находившейся за Выборгскою заставою, о чемъ Канкринъ писалъ въ прошеніи въ С.-Петербургскую палату гражданскаго суда, отъ 19-го мая 1810 года, прося Палату совершить купчую крѣпость на купленный для той фермы участокъ земли отъ сенатора Ив. Ив. Кушелева. Изъ хранящагося въ Публичной Библіотекѣ «реестра», писаннаго рукою Канкрина видно что 23 участка, составлявшихъ землю этой фермы, были имъ проданы разнымъ лицамъ за 154,100 рублей; сумму громадную для того времени.

Итакъ польза и выгода во всякомъ дѣлѣ были у графа Канкрина на первомъ планѣ, а реформы въ области государственнаго хозяйства и администраціи, волновавшія его творческій умъ, всегда были основаны на научномъ знаніи и воодушевлены человѣчностію; вотъ отчего всѣ мѣропріятія графа Канкрина являлись для жизни не палліативными но строго раціональными, и нѣкоторыя изъ нихъ сохранилось до сихъ поръ, а то что было отвергнуто тогда, принимается теперь, какъ напримѣръ, изъятіе изъ обращенія мелкихъ кредитныхъ билетовъ. Недаромъ покойный публицистъ и профессоръ А. Д. Градовскій (см. литер. сбор. «Складчина» 1873 г.) заключалъ свой обзоръ дѣятельности современника графа Канкрина — адмирала Мордвина словами: «Давайте намъ больше матеріаловъ нашей современной исторіи, выводите на свѣтъ лежащія еще подъ спудомъ думы и желанія людей прошлаго и всѣмъ будетъ ясно, что все, совершающееся нынѣ, не есть прихоть минуты, а священный завѣтъ лучшихъ изъ предковъ нашихъ, выносившихъ его въ своемъ умѣ и сердцѣ Вотъ почему эпиграфомъ къ біографіи графа Канкрина нами взяты слова М. Н. Каткова: «Нельзя не любить корней прошлаго въ цвѣтѣ настоящаго».

И. Божерянов.

И

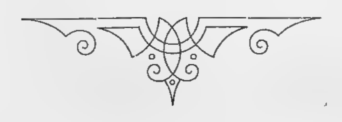
ПЕРЕЧЕНЬ

РИСУНКОВЪ и ПОРТРЕТОВЪ

НАПЕЧАТАННЫХЪ

НА

ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ

Послѣдній листъ отпечатанъ 10 октября 1897 года.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Служба въ Россіи Франца-Людвига Канкрина и заслуги его сына, Егора Францевича, во время войнъ 1812—15 г., веденныхъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дальнѣйшая служба Е. Ф. Канкрина въ царствованіе императора Александра I.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Поѣздки графа Е. Ф. Канкрина за границу и послѣднiе годы его жизни.

РИСУНКИ И ПОРТРЕТЫ,

отпечатанные на отдѣльныхъ листахъ.

1) Заглавный листъ, помѣщенный послѣ титула. Фототипія съ рисунка академика В. А. Боброва.

2) Портретъ гр. Е. Ф. Канкрина. Фотогравюра, исполненная Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

3) Портретъ Ф. И. Канкрина. Фототипія съ гравюры Фритча

4) Портреты гр. Е. Ф. Канкрина и его супруги гр. Е. З Канкриной. Фототипія съ миніатюрныхъ портретовъ, рисованныхъ на фарфорѣ.

5) Гербъ графовъ Канкриныхъ По наброску профессора архитектуры М. А. Щурупова гравировалъ на мѣди (à l'eau forte) академикъ Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій.

